
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322028 2

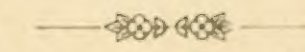
Л. Бобр[illegible]

Л. Бобрин

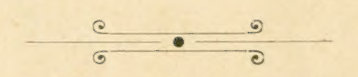
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Гр. А. К. Толстого.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-Петербургъ

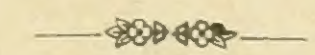
—

1904.

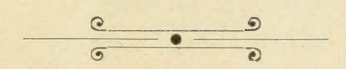
ДРАМАТИЧЕСКАЯ

ТРИЛОГІЯ

I. Смерть Іоанна Грознаго.
II. Царь Өедоръ. — III. Царь Борисъ.

Гр. А. К. Толстого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго склада М. М. Стасюлевича.

1904.

3401

I.

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

[1865].

— Рече царь: „Нѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ соградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моея, въ честь славы моея!“ Еще слову сущу во устѣхъ царя гласъ съ небесе бысть: „Тебѣ глаголется, Новуходоносоре царю: царство твое прейде отъ тебя, и отъ человѣкъ отженутъ тя и со звѣрьми дивіими житіе твое!“

Кн. пр. Даніила, IV, 27.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Иванъ Васильевичъ IV.
Царица Марія Ѳедоровна, изъ рода Нагихъ, седьмая жена его.
Царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ, сынъ его отъ первой жены.
Царевна Ирина, жена Ѳедора, сестра Бориса Годунова.

Князь Мстиславскій
Захарьинъ-Юрьевъ, братъ первой жены царя
Князь Шуйскій
Бѣльскій
Князь Щербатый
Князь Голицынъ
Князь Трубецкой
Князь Сицкій
Шереметевъ
Татищевъ
Салтыковъ
Михайло Нагой, братъ царицы Маріи Ѳедоровны
Борисъ Годуновъ, шуринъ царевича Ѳедора

} Члены боярской думы.

Гонецъ изъ Пскова.
Марья Григорьевна, жена Годунова.

Григорій Годуновъ, родственникъ Бориса
Григорій Нагой, второй братъ царицы Маріи Ѳедоровны

} Окольничьи.

Гаравурда, посолъ Стефана Баторія.

Битяговскій
Кикинъ

} Дворяне.

Схимникъ.

Мамка царевича Димитрія.
Дворецкій Кремлевскаго дворца.
Дворецкій Александровской слободы.
Дворецкій Годунова.
1-й } Волхвы.
2-й }
Эльмсъ } Врачи.
Якоби }
1-й } Пристава.
2-й }
Шутъ.
Ключникъ.
Стрѣлецкій голова.
Стрѣлецкій сотникъ.
Стольникъ.
Лабазникъ.
Сѣнная дѣвушка.
Слуга князя Шуйскаго.

Бояре, окольничьи, рынды, стрѣльцы, народъ скоморохи, слуги.

Дѣйствіе въ Москвѣ. 1584 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Прежде поднятія занавѣса слышны на сценѣ шумъ и споры. Занавѣсъ поднимается. Боярская Дума. На лавкахъ, стоящихъ вдоль стѣнъ и образующихъ фигуру Покоя, сидятъ бояре: на средней лавкѣ князь Мстиславскій, Захарьинъ-Юрьевъ, Бѣльскій и другіе старшіе бояре; на боковыхъ—младшіе: на концѣ правой боковой лавки, у просценіума Борисъ Годуновъ; съ лѣвой стороны, напротивъ Годунова, Михайло Нагой, схвативъ Салтыкова за воротъ, старается стащить его съ мѣста.

НАГОЙ.

Я государевъ шуринъ! мнѣ невмѣстно
Быть меньше Салтыковыхъ!

САЛТЫКОВЪ.

Бражникъ! прочь!
Твой дѣдъ служилъ у дѣда моего
Знакомцемъ и держальникомъ!

НАГОЙ.

Неправда!
Держальниковъ не знали Салтыковы!
За то-ль въ бояре ты попалъ, что вмѣстѣ
Съ Голицынымъ сдалъ Полоцкъ королю?

ГОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, это ложь! Я защищалъ посады,
А въ городѣ сидѣлъ тогда Щербатый!

ЩЕРБАТЫЙ.

Ну, да, сидѣлъ! И въ то сидѣнье мы
Въ двѣнадцать дней семь приступовъ отбили,
А кабы ты посады отстоялъ,
Къ намъ подошла-бъ отъ Сокола подмога
И съ тылу бы схватили короля!

ГОЛИЦЫНЪ.

А я ли виноватъ, что та подмога
Три цѣлыхъ дня тягалась о мѣстахъ?

НАГОЙ — продолжаетъ спорить съ Салтыковымъ

Я государевъ шуринъ! Я на свадьбѣ
Преди другихъ несъ царскій коровай!

САЛТЫКОВЪ.

А я несъ блюдо съ золотою чарой!
Отецъ мой былъ оружничимъ! А твой
Кто есть отецъ? Великая то честь,
Что по седьмой женѣ ты царскій шуринъ!

НАГОЙ.

Да ты сестру-царицу не кори!

САЛТЫКОВЪ.

Я не корю ее! А все-жъ она
Не первая царица, а седьмая!
Вишь, царскій шуринъ! Мало ли шурьевъ
Перебывало у царя!

ЗАХАРЬИНЪ.

Бояре!
Чтó вы чините? Вспомните, гдѣ вы!
Гораздо-ль такъ чинить?

НАГОЙ.

Царю я буду
Въ отечествѣ и въ счетѣ бить челомъ!

САЛТЫКОВЪ.

Ну, бей челомъ! пусть выдастъ головою
Онъ мнѣ тебя!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да полноте, бояре!
Вотъ я да Шереметевъ, всѣхъ мы больше,
А о мѣстахъ не споримъ!

ГОЛОСА.

Насъ вы больше?
А чѣмъ вы больше насъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Стыдъ вамъ, бояре!
Къ Мстиславскому.
Ты, князь Иванъ Ѳеодорычъ, ты старшій—
Уйми же ихъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ ихъ унять, бояринъ?
Съ ума сошли! Вишь, со Мстиславскими
Хотятъ считаться! Не велѣть ли дьяку
Разрядныя намъ книги принести?

ЗАХАРЬИНЪ.

Теперь не до разрядовъ, князь!
Выступаетъ впередъ
Бояре!
Иль вы забыли, для чего мы здѣсь?

Возможно-ль? Какъ? Въ теперешнюю пору,
Когда, свершивъ сыноубійство, царь
Терзается раскаяньемъ, когда
Отъ міра онъ рѣшился отойти,
И мимо своего второго сына
Ѳеодора, его болѣзни ради,
Намъ указалъ достойнѣйшаго выбрать,
Кому-бъ онъ могъ державу передать—
Когда межъ тѣмъ враги со всѣхъ сторонъ
Воюютъ Русь—кругомъ и моръ и голодъ—
Вы въ самую ту пору о мѣстахъ
Тягаетесь? Опомнитесь, бояре!
Теперь должны мы каждый другъ за друга
Держаться крѣпко, да не сгинетъ Русь!
Забудемте-жъ разряды! Безъ разсчетовъ
Къ прискорбному приступимъ избиранью
И будемте безъ мѣстъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Безъ мѣстъ, пожалуй!

ВСѢ.

Безъ мѣстъ! Безъ мѣстъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Бояринъ, князь Мстиславскій!
Ты старшій—открывай совѣтъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Бояре!
Вы слышали, что вамъ сейчасъ Никита
Романовичъ сказалъ? Какъ намъ ни горько—
А покориться надо царской волѣ!
Пойдемъ на голоса!

ШУЙСКІЙ.

Позволь, бояринъ—
Послѣднее-ль то слово государя?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Послѣднее! Напрасно мы его
Молили. Онъ намъ указалъ, не медля,
Постановить нашъ приговоръ и съ новымъ
Къ нему явиться государемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Страшно!

ГОЛИЦЫНЪ.

Не вѣрится!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Не вѣрилось и мнѣ,
Пока не топнулъ онъ на насъ ногою
И не велѣлъ мнѣ думу собирать.

ШУЙСКІЙ.

Когда его такая воля—что̀-жъ?

ЩЕРБАТЫЙ.

Да, если такъ, бояре—мы не властны
Ему перечить!

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Подлинно не властны!

ТАТИЩЕВЪ—старикъ

Тому о Пасхѣ будетъ двадцать лѣтъ,
Великій государь задумалъ то же;

Хотѣлъ, какъ нынѣ, бросить свой престолъ
И въ Слободу отъѣхалъ отъ Москвы.
Народъ мутиться началъ: мы-жъ рѣшили
Всѣмъ ѣхать за царемъ, просить его.
Поѣхали. Царь принялъ насъ сурово;
Сначала слушать не хотѣлъ; потомъ
Мольеньямъ внялъ, вернулся на Москву
И снова принялъ государство.

СИЦКІЙ.

Да!
И учинилъ опричнину! Мы помнимъ!

ТАТИЩЕВЪ.

Ужасное, не приведи Богъ, время!
Но безъ царя еще бы хуже было:
Народъ бы насъ каменьями побилъ,
Вся Русь бы замутилась, и татары,
И ляхи насъ, и нѣмцы-бъ одолѣли—
Согласья вовсе не было межъ насъ!

СИЦКІЙ.

Завидное теперь межъ насъ согласье!

ШУЙСКІЙ—къ Татищеву.

Къ чему-жъ ты рѣчь, бояринъ, велъ?

ТАТИЩЕВЪ.

Къ тому,
Что, можетъ быть, и нынѣ, какъ въ ту пору
Царь-государь смягчится.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, бояринъ,
Теперь другое время—царь не тотъ.

Онъ опустился плотію и духомъ;
Не мнѣнье на бояръ, какъ было прежде—
Раскаянье его съ престола гонитъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Не ѣстъ, не пьетъ, давно не знаетъ сна;
О тѣхъ переговорахъ, что́ такъ тайно
Онъ съ Аглицкою королевой велъ,
Ужъ рѣчи нѣтъ. Посолъ ея теперь
Напрасно проситъ у него пріема.

ЗАХАРЬИНЪ.

Да, непохожъ онъ на себя теперь!
До этого грѣха недѣли за три
Онъ къ Курбскому, къ измѣннику, писалъ,
Корилъ его жестоко, и отвѣта
Ждалъ изъ Литвы, а самъ дрожалъ отъ гнѣва;
Теперь же позабылъ онъ и о Курбскомъ;
И кротокъ сталъ, и милостивъ въ рѣчахъ.

ШУЙСКІЙ.

Не намъ царю указывать. Отъ Бога
Его и гнѣвъ, и милость. Что-жъ, бояре?
Приступимъ къ избиранію!

ВСѢ.

Приступимъ!

Молчаніе.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Кого-жъ, бояре?

НАГОЙ.

Да кого-жъ другого,
Коль миновать мы Ѳедора должны,

Кого-жъ еще, какъ не царева-жъ сына,
Димитрія Иваныча?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Младенца?

НАГОЙ.

А мать на что? Царица-то на что?
Когда же съ васъ сестры-царицы мало—
Правителя придать ей!

САЛТЫКОВЪ.

Не тебя ли?

НАГОЙ.

Меня ли, брата-ль, все равно—мы оба
Димитрію дядья!

САЛТЫКОВЪ.

Да намъ не дядьки!

ТАТИЩЕВЪ.

Избави Богъ! Мы помнимъ малолѣтство
Царя Ивана! Отъ дядьёвъ царевыхъ
Избави Богъ!

ШУЙСКІЙ.

Не приведи Господь!

ЗАХАРЬИНЪ.

Не приведи! Намъ нуженъ властный царь,
А не опека надъ царемъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Вѣстимо!
И самъ Иванъ Васильичъ указалъ,
Чтобъ изъ себя мы выборъ учинили.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Кого-жъ тогда?

ЩЕРБАТЫЙ.

Да ужъ кого ни взять,
Онъ долженъ быть породы знаменитой.
Чтобъ всѣ склонились передъ нимъ.

СИЦКІЙ.

Нѣтъ, князь!
Пусть тотъ царитъ, кто доблестнѣй насъ всѣхъ!
Его искать недалеко: Никита
Романовичъ Захарьинъ передъ вами!

Говоръ.

У царскаго крovаваго престола
Онъ тридцать лѣтъ стоитъ и чистъ, и бѣлъ.
Онъ смѣлымъ словомъ тысячи безвинныхъ
Спасалъ не разъ, когда уже надъ ними
Подъятые сверкали топоры.
Себя-жъ онъ не берёгъ. Всегда онъ смерти
Глядѣлъ въ глаза—и смерть, намъ всѣмъ на диво,
Его главы почтенной не коснулась—
И стелется предъ нами жизнь его
Безъ пятнышка, какъ снѣжная равнина!

ГОЛОСА.

Захарьина! Захарьина! Никиту
Романыча! Захарьина на царство!

ТРУБЕЦКОЙ—къ Сицкому.

Кто противъ этого! Бояринъ чистъ!
Корить его не станемъ. По заслугамъ

И честь ему мы воздаемъ, но онъ
Не княжескаго рода—быть подъ нимъ
Невмѣстно намъ, потомкамъ Гедимина!

ШУЙСКІЙ.

Намъ и подавно, Рюрика потомкамъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, онъ не князь—намъ быть подъ нимъ негоже!

САЛТЫКОВЪ.

Не князь онъ, правда—но съ царемъ въ свойствѣ!

НАГОЙ.

Не онъ одинъ! Съ царемъ въ свойствѣ и мы!

САЛТЫКОВЪ.

Ты братъ седьмой жены, Захарьинъ—первой

ЗАХАРЬИНЪ.

Изъ-за меня не спортеся, бояре!
Благодарю тебя за честь, князь Сицкій,

Кланяется нѣкоторымъ.

Благодарю и васъ, бояре, но—
Я чести бы не принялъ, хоть и всѣ-бъ вы
Меня хотѣли, я-бъ не принялъ чести!
Я слишкомъ простъ, бояре! Не сподобилъ
Меня Господь науки государской.
А коль хотите добраго совѣта,
То есть одинъ, который и породой,
И службою насъ будетъ выше всѣхъ:
Бояринъ, воевода, князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій, что̀ теперь сидитъ
Во Псковѣ противъ короля Батура—

Вотъ вы кого возьмите! Предъ этимъ
Склониться не обидно никому!

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Нѣтъ, Шуйскаго нельзя! Король не даромъ
Ужъ пятый мѣсяцъ осаждаетъ Псковъ!
А воевода князь Иванъ Петровичъ
Засѣлъ въ немъ нà-смерть, и на томъ онъ крестъ
Со всей своей дружиной цѣловалъ,
Богъ-вѣсть, насколько времени еще
Продлится обложенье; мы-жъ не можемъ
И часу оставаться безъ царя!

ШУЙСКІЙ.

Такъ какъ же быть?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Не вѣдаю, бояре!

ШУЙСКІЙ.

Царь ждетъ отвѣта—надо кончить выборъ!

ЗАХАРЬИНЪ—къ Годунову.

Борисъ Өеодорычъ! Ты что-жъ доселѣ
Не вымолвилъ ни слова? Въ трудномъ дѣлѣ
Ты выручалъ насъ часто изъ бѣды—
Скажи, какъ мыслишь?

ГОДУНОВЪ—встаетъ.

Мнѣ-ль, отецъ названный,
Мнѣ-ль говорить теперь, когда исхода
Напрасно ищутъ лучшіе изъ васъ?

Но если вы мнѣ рѣчь вести велите,
То я скажу, бояре...

ГОЛОСА.

Громче! Громче!
Не слышно!

ГОДУНОВЪ.

Мнѣ казалось бы, бояре...

ГОЛОСА.

Не слышимъ! Громче!

ЗАХАРЬИНЪ.

Да зачѣмъ ты сѣлъ
Такъ далеко и ниже всѣхъ, Борисъ?
Иль мѣста ты не знаешь своего?
Не слышно намъ! Ступай сюда, поближе!
Беретъ его за руку и подводитъ къ средней лавкѣ.
Вотъ гдѣ тебѣ приходится сидѣть!

ГОДУНОВЪ—кланяется во всѣ стороны.

Бояре, вы великихъ предковъ внуки!
И ты, названный мой отецъ, Никита
Романовичъ, наставникъ мой любезный!
Я-бъ не дерзнулъ мое вамъ молвить слово,
Когда-бъ вы сами мнѣ не приказали!

САЛТЫКОВЪ.

Куда онъ гнетъ?

НАГОЙ.

Хвостомъ вертитъ, лисица!

САЛТЫКОВЪ.

А забрался-таки на середину!

НАГОЙ.

Небось, онъ даромъ на концѣ сидѣлъ!

ГОЛОСА.

Тсъ! Тише! Смирно! Слушать Годунова!

ГОДУНОВЪ.

Вамъ вѣдомо, великіе бояре,
Какія на Руси теперь настали
Крутыя времена: король Батуръ
За городомъ у насъ воюетъ городъ;
Въ его рукахъ Усвятъ, Великъ и Полоцкъ;
Великихъ-Лукъ ужъ взорваны имъ стѣны,
И древній Псковъ, нашъ кровный русскій городъ,
Безчисленнымъ онъ войскомъ обложилъ.
Межъ тѣмъ въ Ливонію ворвался шведъ,
Завоевалъ Иванъ-городъ, Копорье;
А тамъ съ востока и съ полудня ханъ
Опять орду вздымаетъ; сотни тысячъ
Уже идутъ на Тулу и Рязань,
Болѣзни, голодъ, моръ—а въ довершенье
Намъ черемисы мятежомъ грозятъ!
Бояре, можно-ль при такой невзгодѣ,
При горестномъ шатаньи всей Руси,
О перемѣнѣ думать государя?
Положимъ, вы такого-бъ и нашли,
Который былъ бы по-сердцу всей думѣ—
Увѣрены ли вы, что и народъ
Его захочетъ? что угоденъ будетъ
Онъ всей землѣ? А если, невзначай,
Начнутся смуты? Что́ тогда, бояре?

Довольно ли строенья между насъ,
Чтобы врагамъ, и внутреннимъ и внѣшнимъ,
Противостать и дружный дать отпоръ?
Великая въ обычаѣ есть сила;
Привычка людямъ—бичъ, или узда;
Каковъ ни будь наслѣдственный владыко,
Охотно повинуются ему;
Сильнѣе онъ и въ смутную годину,
Чѣмъ въ мирную новоизбранный царь.
Полвѣка будетъ, что Иванъ Василичъ
Надъ нами государитъ. Гнѣвъ и милость
Смѣнялись часто въ этотъ длинный срокъ,
Но глубоко въ сердца вростила корни
Привычка безусловнаго покорства
И долгій трепетъ имени его.
Бояре! Намъ твердыня это имя!
Мы держимся лишь имъ. Давно отвыкли
Собой мы думать, дѣйствовать собой;
Мы цѣлаго не составляемъ тѣла;
Та власть, что̀ насъ на части раздробила,
Она-жъ одна и связываетъ насъ;
Исчезни власть—и тѣло распадется!
Единое спасенье намъ, бояре,
Идти къ царю немедля, всею думой,
Соборомъ цѣлымъ пасть къ его ногамъ
И вновь молить его, да не оставитъ
Престола онъ и да поддержитъ Русь!

ГОВОРЪ.

Онъ дѣло говоритъ!—Мы безъ Иванъ-
Василича пропали!—Лучше прямо
Идти къ нему! Онъ государь законный!—
Подъ нимъ не стыдно!—Да! Идти къ нему!
Просить его!—Просить его всей думой!

СИЦКІЙ.

Бояре! Бога ли вы не боитесь?
Иль вы забыли, кто Иванъ Василичъ?
Чтó значатъ нѣмцы, ляхи и татары
Въ сравненьи съ нимъ? Чтó значатъ моръ и голодъ,
Когда самъ царь не чтò какъ лютый звѣрь!

ШУЙСКІЙ.

Чтó онъ понесъ? Да онъ царя безчеститъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Князь Петръ Ильичъ! Да ты съ ума сошелъ!

СИЦКІЙ.

Не я, а ты, вы всѣ ума лишились!
Иль есть изъ васъ единый, у кого бы
Не умертвилъ онъ брата, иль отца,
Иль матери, иль ближняго, иль друга?
На васъ смотрѣть, бояре, тошно сердцу!
Я бы не сталъ васъ подымать, когда бы
Онъ самъ съ престола не хотѣлъ сойти—
Не хуже васъ писаніе я знаю—
Я не на бунтъ зову васъ, но онъ самъ,
Самъ хочетъ перестать губить и рѣзать,
Постричься хочетъ, чтобы наконецъ
Вздохнула Русь,—а вы просить его
Сбираетесь, чтобъ онъ подолѣ рѣзалъ!

ГОДУНОВЪ.

Князь, про царя такія рѣчи слышать
Не гоже намъ. Ты молвилъ сгоряча—
Доносчиковъ не чаю между нами—
Тебѣ-жъ отвѣчу: выбора намъ нѣтъ!
Изъ двухъ грозящихъ золъ кто усомнится

Взять меньшее? Чтó лучше: видѣть Русь
Въ рукахъ враговъ? Москву въ плѣну у хана,
Церквей, святыней поруганье?—или
Попрежнему съ покорностью сносить
Владыку, Богомъ даннаго? Ужели
Намъ наши головы земли дороже?
Еще скажу: великій государь
Былъ, правда, къ намъ немилостивъ и грозенъ,
Но время то прошло; ты слышалъ, князь,
Онъ умилился сердцемъ, сталъ не тотъ,
Сталъ милостивъ; и если онъ опять
Пріиметъ государство на землѣ,
Ея врагамъ онъ только будетъ страшенъ!

ГОЛОСА.

Такъ! Такъ! Онъ правъ! Онъ дѣло говоритъ!

СИЦКІЙ.

Бояринъ, ты сладкорѣчивъ, я знаю!
Ты хитростнымъ умѣешь языкомъ
Позолотить все, чтó тебѣ пригодно!
Вѣстимо: ты утратить власть боишься,
Когда другой на мѣстѣ Іоанна
Возьметъ вѣнецъ! Бояре, берегитесь:
Онъ мягко стелетъ—жестко будетъ спать!

ГОДУНОВЪ.

Бояре всѣ! свидѣтельствуюсь вами—
Не заслужилъ я этого упрека!
Вамъ вѣдомо, что власти не ищу я.
Я говорилъ по вашей волѣ нынѣ—
Но, можетъ быть, я и не правъ, бояре;
Меня князь Сицкій старше и умнѣе;
Когда вы съ нимъ согласны, я готовъ

Признать царемъ боярина Никиту
Романыча, или кого велите!

ГОЛОСА.

Нѣтъ, не хотимъ Захарьина! Не надо!

ГОДУНОВЪ.

Иль, можетъ быть, Мстиславскаго, бояре?

ГОЛОСА.

Нѣтъ, не хотимъ! И сами мы не меньше
Мстиславскаго?

ГОДУНОВЪ.

Иль Шуйскаго, бояре?

ГОЛОСА.

И Шуйскаго не надо! Быть подъ Шуйскимъ
Мы не хотимъ! Хотимъ царя Ивана!

СИЦКІЙ.

Идите же! Идите всѣ къ нему!
Идите въ бойню, какъ баранье стадо!
Мнѣ дѣлать болѣ нечего межъ васъ!

Уходитъ.

ГОЛОСА И КРИКИ.

Онъ бунтовщикъ! Онъ оскорбилъ всю думу!
Онъ противъ всѣхъ идетъ! Онъ всѣмъ досадчикъ!

ГОДУНОВЪ.

Не гнѣвайтеся на него, бояре!
Онъ говорилъ, какъ мыслилъ. Если-жъ вы
Рѣшили въ мудрости своей всей думой
Идти къ царю—пойдемъ, не надо мѣшкать!

ЗАХАРЬИНЪ.

Когда бы не шатаніе земли,
Не пó-сердцу была-бъ мнѣ эта мѣра,
Но страшно нынѣ потрясать престолъ.
Пойдемъ къ царю—другого нѣтъ исхода!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Кто-жъ будетъ рѣчь вести?

ЗАХАРЬИНЪ.

Да ты, бояринъ;
Кому-жъ другому? Ты межъ нами старшій!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Неловко мнѣ! Сегодня на меня
И безъ того разгнѣвался ужъ царь

ГОЛОСА.

Пусть Шуйскій говоритъ!

ШУЙСКІЙ.

И мнѣ неловко!

ЗАХАРЬИНЪ.

Пожалуй, я рѣчь поведу, бояре!
Мнѣ гнѣвъ его не страшенъ—мнѣ страшна
Земли погибель!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, отецъ названный,
Не допущу тебя я до опалы!
Дай мнѣ вести предъ государемъ рѣчь—
Меня не жаль!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Пойдемте-жъ! Годуновъ
Рѣчь поведетъ; онъ всѣхъ насъ лучше скажетъ!
Всѣ бояре встаютъ и уходятъ за Мстиславскимъ.

САЛТЫКОВЪ—уходя—къ Голицыну.

А Сицкій-то былъ правъ. Вѣдь Годуновъ
Такъ и глядитъ, какъ бы взобраться въ-гору!

ГОЛИЦЫНЪ.

Сѣлъ ниже всѣхъ, а подъ конецъ сталъ первый!

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

А говорили: быть безъ мѣстъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

Дай срокъ!
И скоро всѣхъ татаринъ пересядетъ!

Уходитъ.

Царская опочивальня.

Іоаннъ, блѣдный, изнуренный, одѣтый въ черную рясу, сидитъ въ креслахъ, съ четками въ рукахъ. Возлѣ него, на столѣ, Мономахова шапка; съ другой стороны, на скамьѣ, полное царское облаченіе. Григорій Нагой подаетъ ему чару.

НАГОЙ.

О, государь! Не откажись хоть каплю
Вина испить! Вотъ ужъ который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И въ ротъ не бралъ.

ІОАННЪ.

Не надо пищи тѣлу,
Когда душа упитана тоской.
Отнынѣ мнѣ раскаяніе пища!

НАГОЙ.

Великій государь! Ужели вправду
Ты насъ покинуть хочешь? Что же будетъ
Съ царицею? Съ царевичемъ твоимъ,
Съ Димитріемъ?

ІОАННЪ.

Господь ихъ не оставитъ!

НАГОЙ.

Но кто-жъ съумѣетъ государствомъ править,
Опричь тебя?

ІОАННЪ.

Оступился мой умъ;
Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды; ужъ за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ-жъ указалъ престолъ мой уступить
Другому; беззаконія мои
Песка морского паче: сыроядецъ—
Мучитель—блудникъ—церкви оскорбитель—
Долготерпѣнья Божьяго пучину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ!

НАГОЙ.

О, государь! Ты въ мысли умножаешь
Невольный грѣхъ свой! Не хотѣлъ убить ты
Царевича! Нечаянно твой посохъ
Такой ударъ ему нанесъ!

ІОАННЪ.

Неправда!
Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей,
Его убилъ! Иль изъ ума я выжилъ,

Что ужъ и самъ не зналъ, куда кололъ?
Нѣтъ—я убилъ его нарочно! Навзничь
Упалъ онъ, кровью обливаясь; руки
Мнѣ лобызалъ и, умирая, грѣхъ мой
Великій отпустилъ мнѣ, но я самъ
Простить себѣ злодѣйства не хочу!

Таинственно.

Сегодня ночью онъ являлся мнѣ,
Манилъ меня кровавою рукою,
И схиму мнѣ показывалъ, и звалъ
Меня съ собой, въ священную обитель
На Бѣломъ озерѣ, туда, гдѣ мощи
Покоятся Кирилла Чудотворца.
Туда и прежде иногда любилъ я
Отъ треволненья міра удаляться;
Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
О будущемъ покоѣ помышлять
И забывать людей неблагодарность
И злыя козни недруговъ моихъ!
И умилительно мнѣ было въ кельѣ
Отъ долгаго стоянья отдыхать;
Въ вечерній часъ слѣдить за облаками,
Лишь вѣтра шумъ да чаекъ слышать крики,
Да озера однообразный плескъ.
Тамъ тишина! Тамъ всѣхъ страстей забвенье!
Тамъ схиму я пріиму и, можетъ быть,
Молитвою, пожизненнымъ постомъ
И долгимъ сокрушеньемъ заслужу я
Прощенье окаянству моему!

Помолчавъ.

Поди, узнай, зачѣмъ такъ долго длится
Ихъ совѣщанье? Скоро ли они
Свой постановятъ приговоръ и съ новымъ
Царемъ пріидутъ, да возложу немедля
Я на него и бармы и вѣнецъ!

Нагой уходитъ.

Все кончено! Такъ вотъ куда приводитъ
Меня величья длинная стезя!
Чтó встрѣтилъ я на ней? Одни страданья!
Отъ младости не вѣдая покоя,
То на конѣ, подъ свистомъ вражьихъ стрѣлъ,
Языцей покоряя, то въ синклитѣ,
Сражаяся съ боярскимъ мятежомъ,
Лишь длинный рядъ я вижу за собою
Ночей безсонныхъ и тревожныхъ дней!
Не кроткимъ былъ я властелиномъ. Нѣтъ!
Я не умѣлъ обуздывать себя!
Отецъ Сильвестръ, наставникъ добрый мой,
Мнѣ говорилъ: «Иване, берегись!
«Въ тебя вселиться хочетъ сатана!
«Не отверзай души ему, Иване!»
Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святого старца
И душу я діаволу отверзъ!
Нѣтъ, я не царь! я волкъ! я песъ смердящій!
Мучитель я! Мой сынъ, убитый мною!
Я Каина злодѣйство превзошелъ!
Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы
Сердечныя безчисленны мои!
О, Христе-Боже! Исцѣли меня!
Прости мнѣ, какъ разбойнику простилъ Ты!
Очисти мя отъ несказанныхъ скверней
И ко блаженныхъ лику сочетай!

Нагой поспѣшно возвращается

НАГОЙ.

Великій государь! Сейчасъ отъ Пскова
Прибылъ гонецъ!

ІОАННЪ.

Ужъ я не государь—
Пусть обратится къ новому владыкѣ!

НАГОЙ.

Онъ говоритъ, что съ радостною вѣстью
Его прислалъ князь Шуйскій!

ІОАННЪ.

Пусть войдетъ!
Нагой впускаетъ гонца.

ГОНЕЦЪ.

Великій царь! Тебѣ твой воевода
Бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій
Съ сидѣльцами псковскими бьетъ челомъ!
Усердными молитвами твоими,
Предстательствомъ угодниковъ святыхъ
И силой честнаго креста—отбили
Мы приступъ ихъ. Несмѣтное число
Легло враговъ. За помощью въ Варшаву
Бѣжалъ король, а продолжать осаду
Онъ ближнимъ воеводамъ указалъ!

ІОАННЪ.

Благословенъ Господь! Какъ было дѣло?

ГОНЕЦЪ.

Ужъ пять недѣль они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Изъ пушекъ били по стѣнамъ! Князь Шуйскій
На встрѣчу имъ подкопы рыть велѣлъ.
Сошлися подъ землею. Бой великій
Тамъ закипѣлъ; въ котлы пороховые
Успѣли наши бросить огнь—и разомъ
Взлетѣли съ ляхами на воздухъ. Много
Погибло нашихъ, но, хвала Творцу,
Всѣ вражьи взорваны работы.

ІОАННЪ.

Дальше!

ГОНЕЦЪ.

Подземныхъ ходовъ видя неудачу,
Они тогда свезли на ближній холмъ
Всѣ стѣнобойные снаряды вмѣстѣ
И къ вечеру проломъ пробили. Тотчасъ
Къ нему мы подкатили пушки: *Барсу*
И *Трескотуху*, и когда они
Ужъ устремились съ криками къ пролому,
Мы встрѣтили ихъ крупнымъ чугуномъ
И натискъ ихъ отбили.

ІОАННЪ.

Дальше!

ГОНЕЦЪ.

Къ утру
Великій приступъ приказалъ король,
Мы-жъ въ колоколъ ударили осадный,
Соборомъ всѣмъ, хоругви распустя,
Святыя мощи Всеволода князя
Вкругъ древнихъ стѣнъ съ молитвой обнесли
И ляховъ ждали. Гулъ такой раздался,
Какъ будто налетѣла непогода...
Мы встрѣтили напоръ со всѣхъ раскатовъ,
Съ костровъ, со стѣнъ, съ быковъ, съ обломовъ, съ башенъ
Посыпались на нихъ кувшины зелья,
Каменья, бревна и горящій ленъ...
Уже они слабѣли—вдругъ король
Межъ нихъ явился, самъ повелъ дружины—
И, какъ вода шумящая, на стѣны
Ихъ сила снова полилась. Напрасно
Мы отбивались бердышами—башню

Свинарскую обсыпали литовцы—
Какъ муравьи полѣзли—на зубцахъ
Схватились съ нами—новыя ватаги
За ними лѣзли—долго мы держались—
Но, наконецъ...

ІОАННЪ.

Ну?

ГОНЕЦЪ.

Наконецъ, они
Сломали насъ и овладѣли башней!

ІОАННЪ.

Такъ вотъ вы какъ сдержали цѣлованье?
Клятвопреступники! Христопродавцы!
Что̀ дѣлалъ Шуйскій?

ГОНЕЦЪ.

Князь Иванъ Петровичъ,
Увидя башню полною враговъ,
Своей рукой схватилъ зажженный свѣточъ
И въ подземелье бросилъ. Съ громомъ башня
Взлетѣла вверхъ—и каменнымъ дождемъ
Далеко станъ засыпала литовскій.

ІОАННЪ.

Насилу-то! Что̀ дальше?

ГОНЕЦЪ.

Этотъ приступъ
Послѣдній былъ. Король ушелъ отъ Пскова,
Замойскому осаду передавъ.

ІОАННЪ.

Хвала Творцу! Я вижу надо мною

Всесильный промыслъ Божій... Ну, король?!
Не мнилъ ли ты ужъ совладать со мною,
Со мною, Божьей милостью владыкой,
Ты—милостію папскою король?
Посмотримъ, какъ ты о псковскія стѣны
Бодливый лобъ свой расшибешь!—А сколько
Литовцевъ полегло?

ГОНЕЦЪ.

Примѣрнымъ счетомъ,
Убитыхъ будетъ тысячъ до пяти,
А раненыхъ и вдвое.

ІОАННЪ.

Что, король?!
Доволенъ ты уплатою моею
За Полоцкъ и Велижъ?—А сколько нхнихъ
Съ начала обложенія убито?

ГОНЕЦЪ.

Въ пять приступовъ убито тысячъ съ двадцать.
Да нашихъ тысячъ до семи.

ІОАННЪ.

Довольно
Осталось васъ. Еще разъ на пять хватитъ!

Входитъ стольникъ.

СТОЛЬНИКЪ.

Великій царь...

ІОАННЪ.

Что? Конченъ ихъ совѣтъ?

СТОЛЬНИКЪ — подавая письмо.

Одинъ, врагами полоненный, ратникъ
Съ письмомъ отпущенъ къ милости твоей.

ІОАННЪ.

Подай сюда!

Къ Нагому.

Читай его, Григорій.

Стольникъ уходитъ.

НАГОЙ — развертываетъ и читаетъ.

«Царю всея Русіи Іоанну
«Отъ князь-Андрея, князь-Михайлы сына...»

ІОАННЪ.

Чтó? Чтó?

НАГОЙ — смотритъ въ письмо.

«Отъ князь-Михайлы сына Курб...»

ІОАННЪ.

Отъ Курбскаго! А! На мое посланье
Отвѣтъ его мнѣ милость посылаетъ!

Къ гонцу.

Ступай!

Къ Нагому.

Прочти!

НАГОЙ.

Но, государь...

ІОАННЪ.

Читай!

НАГОЙ — читаетъ.

«Отъ Курбскаго, подвластнаго когда-то
«Тебѣ слуги, теперь короны польской

«Владѣтельнаго Ковельскаго князя,
«Поклонъ! Внимай моимъ словамъ...»

ІОАННЪ.

Ну? Что же?

НАГОЙ.

Не смѣю, государь!

ІОАННЪ.

Читай!

НАГОЙ—продолжаетъ читать.

«Нелѣпый
«И широковѣщательный твой листъ
«Я вразумилъ. Превыше Божьихъ звѣздъ
«Гордынею своею возносяся
«И самъ же фарисейски унижаясь,
«Въ измѣнахъ ты небытныхъ насъ винишь.
«Твои слова, о, царь, достойны... смѣху!..
«Твои упреки..»

ІОАННЪ.

Ну? «Твои упреки»?...

НАГОЙ.

«Твои упреки—басни пьяныхъ бабъ!
«Стыдился-бъ ты такъ грубо и нескладно
«Писать въ чужую землю, гдѣ не мало
«Искусныхъ есть въ риторикѣ мужей!
«Непрошенную-жъ исповѣдь твою
«Невмѣстно мнѣ и краемъ уха слышать!
«Я не пресвитеръ, но въ чину военномъ
«Служу я государю моему,

«Пресвѣтлому, вельможному Стефану,
«Великому земли Литовской князю
«И польскаго шляхетства королю.
«Благословеньемъ Божіимъ мы взяли
«Ужъ у тебя Велижъ, Усвятъ и Полоцкъ,
«А скоро взять надѣемся и Псковъ.
«Гдѣ всѣ твои минувшія побѣды?
«Гдѣ мудрые и свѣтлые мужи,
«Которые тебѣ своею грудью
«Твердыни брали, и тебѣ Казань
«И Астрахань подъ ноги покорили?
«Ты всѣхъ избилъ, изрѣзалъ и измучилъ,
«Твои войска, безъ добрыхъ воеводъ
«Подобныя безпастырному стаду,
«Бѣгутъ отъ насъ. Ты понялъ ли, о, царь,
«Что всѣ твои шуты и скоморохи
«Не замѣнятъ замученныхъ вождей?
«Ты понялъ ли, что въ машкерахъ плясанье
«И афродитскія твои дѣла
«Не все равно, что битвы въ чистомъ полѣ?
«Но ты о битвахъ, кажется, не мыслишь.
«Свое ты войско бросилъ...

ІОАННЪ.

Продолжай!

НАГОЙ.

«Свое ты войско бросилъ... какъ бѣгунъ...
«И дома заперся, какъ хороняка...
«Тебя, должно быть, злая мучитъ совѣсть
«И память всѣхъ твоихъ безумныхъ дѣлъ...
«Войди-жъ въ себя! А чтобъ...

ІОАННЪ.

Ну, что же? Дальше!
«А чтобъ?... Читай!

НАГОЙ.

«А чтобъ свою ты дурость
«Уразумѣлъ и духомъ бы смирился,
«Двѣ *эпистоліи* тебѣ я шлю
«Отъ Цицерона, римскаго витіи,
«Къ его друзьямъ, ко Клавдію и къ Марку,
«Прочти ихъ на досугѣ, и да будетъ
«Сіе мое смиренное посланье
«Тебѣ...

ІОАННЪ.

«Кончай!

НАГОЙ.

О, государь!

ІОАННЪ.

«Да будетъ
«Сіе мое смиренное посланье...

НАГОЙ.

«Тебѣ лозой полезною! Аминь!»

При послѣднихъ словахъ Нагого Іоаннъ вырываетъ у него письмо, смотритъ въ него и начинаетъ мять бумагу. Его дергаютъ судороги.

ІОАННЪ.

За безопаснымъ сидя рубежомъ,
Ты лаешься какъ песъ изъ-за ограды!
Изъ рукъ моихъ ты не изволилъ, княже,
Пріять вѣнецъ мгновенныхъ мукъ земныхъ
И вѣчное наслѣдовать блаженство!
Но не угодно-ль милости твоей
Пожаловать въ Москву и мнѣ словесно
То̀ высказать, что̀ ты писать изволишь?

Озирается.

И нѣту здѣсь ни одного изъ тѣхъ,
Которые съ нимъ мыслили! Ни брата—
Ни свояка—ни зятя—ни холопа!
Нѣтъ никого! Со всѣми я покончилъ—
И молча долженъ проглотить его
Ругательства! Нѣтъ никого въ запасѣ!

Входитъ стольникъ.

СТОЛЬНИКЪ.

Великій государь! Къ тебѣ бояре
Пришли изъ думы всѣмъ соборомъ!

ІОАННЪ.

А!
Добро пожаловать! Они пришли
Меня смѣнять! Обрадовались, чай!
Долой отжившаго царя! Пора-де
Его, какъ ветошь старую, закинуть!
Ужъ веселятся, чай, воображая,
Какъ изъ дворца по Красному крыльцу
Съ котомкой на плечахъ сходить я буду!
Изъ милости, пожалуй, Христа-ради,
Кафтанишко они оставятъ мнѣ!
Посмотримъ же, кому пришлося мѣсто
Мнѣ уступать! Просить сюда бояръ!

Стольникъ выходитъ.

Во истину! Что̀ имъ за государь я?
Подъ этой ли монашескою рясой
Узнать меня? Ужъ я ихъ отъучилъ
Передъ вѣнчаннымъ трепетать владыкой!
Какъ пишетъ Курбскій? Войско-де я бросилъ?
И сталъ смѣшонъ? И ужъ пишу нескладно?
Какъ пьяная болтаю баба? Такъ ли?
Посмотримъ же кто ихъ премудрый царь.

Который заживо взялся по мнѣ
Наслѣдовать?

Входятъ бояре.

Бью вамъ челомъ, бояре!
Довольно долго совѣщались вы;
Но наконецъ вы приговоръ вашъ думный
Постановили, и, конечно, мнѣ
Преемника назначили такого,
Которому не стыдно сдать престолъ?
Онъ, безъ сомнѣнья, родомъ знаменитъ?
Не меньше насъ? умомъ же, ратнымъ духомъ,
И благочестіемъ, и милосердьемъ
Насъ и получше будетъ?—Ну, бояре?
Предъ кѣмъ я долженъ преклонить колѣна?
Предъ кѣмъ пасть ницъ? Передъ тобой ли, Шуйскій,
Иль предъ тобой, Мстиславскій? Иль, быть можетъ,
Передъ тобой, бояринъ нашъ Никита
Романовичъ, враговъ моихъ заступникъ?
Отвѣтствуйте—я жду!

ГОДУНОВЪ.

Великій царь!
Твоей священной покоряясь волѣ,
Мы совѣщались. Нашъ единодушный,
Ничѣмъ неотмѣнимый приговоръ
Мы накрѣпко постановили. Слушай!
Опричь тебя, надъ нами господиномъ
Никто не будетъ! Ты владыкой нашимъ
Доселѣ былъ—ты долженъ государить
И впредь. На этомъ головы мы наши
Тебѣ несемъ—казни насъ или милуй!

Становится на колѣни и всѣ бояре за нимъ.

ІОАННЪ—послѣ долгаго молчанія.

Такъ вы меня принудить положили?

Какъ плѣнника связавъ меня, хотите
Неволей на престолѣ удержать?

БОЯРЕ.

Царь-государь! Ты намъ дарованъ Богомъ!
Иного мы владыки не хотимъ,
Опричь тебя! Казни насъ или милуй!

IОАННЪ.

Должно быть, вамъ мои пришлися бармы
Не по плечу! Вы тягость государства
Хотите снова на меня взвалить?
Оно-де такъ сподручнѣй!

ШУЙСКIЙ.

Государь,
Не оставляй насъ! Смилуйся надъ нами.

IОАННЪ.

Свидѣтельствуюсь Богомъ—я не мнилъ,
Я не хотѣлъ опять надѣть постылый
Вѣнецъ мой на усталую главу!
Меня влекли другія помышленья,
Моя душа иныхъ искала благъ!
Но вы не такъ рѣшили. Кораблю,
Житейскими разбитому волнами,
Вы заградили пристань. Пусть же будетъ
По-вашему! Я покоряюсь думѣ.
Въ неволѣ крайней, сей златой вѣнецъ
Беру опять и учиняюсь паки
Царемъ Руси и вашимъ господиномъ!

Надѣваетъ Мономахову шапку.

БОЯРЕ—вставая.

Да здравствуетъ нашъ царь Иванъ Василичъ!

ІОАННЪ.

Подать мнѣ бармы!

Надѣваетъ царское облаченіе.

Подойди, Борисъ!
Ты смѣло говорилъ. Въ закладъ поставилъ
Ты голову свою для блага царства.
Я дерзкую охотно слышу рѣчь,
Текущую отъ искренняго сердца!

Цѣлуетъ Годунова въ голову и обращается къ боярамъ.

Второй ужъ разъ я, вопреки хотѣнью,
По приговору думы, согласился
Остаться на престолѣ. Горе-жъ нынѣ
Тому изъ васъ, кто надо мной что-либо
Задумаетъ иль поведетъ хлѣбъ-соль
Съ опальникомъ, или какое дѣло
Прошедшее мое, хотя келейно,
Посмѣетъ пересуживать, забывъ,
Что нѣсть судьи дѣламъ моимъ, бо нѣсть
Верховной власти, аще не отъ Бога.

Озирается.

Я Сицкаго не вижу между вами?

ГОДУНОВЪ.

Не гнѣвайся, великій государь!
Прости безумнаго!

ІОАННЪ.

Что̀ сдѣлалъ Сицкій?

ГОДУНОВЪ.

Онъ не хотѣлъ идти тебя просить.

ІОАННЪ.

Онъ не хотѣлъ? Смотри, какой затѣйникъ!
Вишь, что̀ онъ выдумалъ! Когда вся дума,

Соборомъ всѣмъ просить меня рѣшила—
Онъ не хотѣлъ! Онъ, значитъ, за-одно
Съ литовцами? И съ ханомъ Перекопскимъ?
И съ Курбскимъ?—Голову съ него долой!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Дозволь тебѣ сегодня,
Для радостнаго дня, замолвить слово
За Сицкаго!

ІОАННЪ.

Ты поздно спохватился,
Мой старый шуринъ. Если ты хотѣлъ
Измѣнниковъ щадить—ты долженъ былъ
Самъ сѣсть на царство—случай былъ сегодня!

Къ боярамъ.

Дать знать послу сестры Елисаветы,
Что завтра я глазъ-на-глазъ назначаю
Ему пріемъ. Теперь идемъ въ соборъ
Передъ Всевышнимъ преклонить колѣна.

Уходитъ съ боярами.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Покой во дворцѣ Іоанна.

Захарьинъ и Годуновъ.

ГОДУНОВЪ.

Ужъ битый часъ онъ съ англійскимъ посломъ
Сидитъ одинъ. Приказъ онъ отдалъ строгій,
Чтобъ не впускали никого.

ЗАХАРЬИНЪ.

Борисъ!
Ужъ не ошиблись ли съ тобою мы?
Не кроткимъ онъ владыкой свой престолъ
Пріялъ опять.

ГОДУНОВЪ.

Что̀ было дѣлать намъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Борисъ! Борисъ! Когда-бъ не вышло хуже,
Чѣмъ было прежде! Вѣдомо-ль тебѣ,
О чемъ они толкуютъ?

ГОДУНОВЪ.

Да, отецъ мой,
Хотя-бъ и радъ я былъ того не вѣдать:

Съ царицею царь хочетъ развестися
И сватаетъ себѣ черезъ посла
Племянницу великой королевы,
Хастинскую княжну.

ЗАХАРЬИНЪ.

Помилуй Богъ!
Осьмого брака хочетъ онъ? Я вѣдалъ,
Что прежде преступленья своего
Онъ помышлялъ объ этомъ, но теперь—
Теперь, когда едва лишь отказался
Отъ схимы онъ, теперь—не можетъ быть!
Ты точно-ль знаешь?

ГОДУНОВЪ.

Онъ мнѣ самъ сегодня
То объявилъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

А ты что̀ отвѣчалъ?
Сказалъ ли ты ему, что грѣхъ великій
Онъ затѣваетъ? Что въ его лѣта,
При горестныхъ невзгодахъ государства,
Не о женитьбѣ думать, но о томъ,
Какъ землю поддержать!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, мой отецъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Нѣтъ? Не сказалъ?

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, мой отецъ—не время.
Онъ не забылъ, что свой вѣнецъ вчера

Хотѣлъ сложить. Отъ мысли, что онъ власти
Лишиться могъ, она ему теперь
Еще дороже стала, словно онъ
Какой ущербъ вознаградить въ ней ищетъ.
Все, что съ тобой для блага государства,
Черезъ него мы учинить хотѣли-бъ,
Теперь скрывать должны мы отъ него
И нашу мысль въ немъ зарождать незримо,
Чтобы ее не нашей мыслью онъ,
Но собственной считалъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Ты правъ, Борисъ;
Его всегда ты сердце лучше вѣдалъ.
Чини-жъ какъ знаешь, но. во что-бъ ни стало,
Ты удержи его.

ГОДУНОВЪ.

И днемъ, и ночью
Лишь объ одномъ, отецъ, я помышляю:
И какъ, и чѣмъ удерживать его?
Но я ищу возможности напрасно—
Нѣтъ приступу къ нему!

ЗАХАРЬИНЪ.

Тогда, Борисъ,
Ошиблись мы! къ бѣдѣ насъ приведетъ
Его гордыня, если ты ее
Направить не съумѣешь.

ГОДУНОВЪ.

Дай совѣтъ мнѣ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Не мнѣ тебѣ совѣтовать, Борисъ.
Тебя Господь искусствомъ одарилъ

И мудрости уклончивой сподобилъ.
Не даромъ ты снискалъ любовь цареву,
А отъ грѣховъ и темныхъ дѣлъ его
Остался чистъ. Храни-жъ свое умѣнье
И дѣлай самъ. Лишь одного страшись:
Не забывай, что не себѣ ты служишь,
Но всей землѣ; что умъ отъ честолюбья
Недалеко; и что порой опасенъ
Окольный путь бываетъ для души!

ГОДУНОВЪ.

Какъ радъ бы я, отецъ мой, безъ уклона
Всегда впередъ идти прямымъ путемъ!
Но можно-ль мнѣ? Ты знаешь государя,
Ты знаешь самъ противниковъ моихъ,
И какъ они высматриваютъ случай,
Чтобъ устранить, иль извести меня.
Чтó дѣлать мнѣ? Я долженъ неусыпно
За кознями враговъ моихъ слѣдить.
И хитрости противоставить хитрость,
Иль отказаться долженъ навсегда
Служить землѣ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Избави Богъ тебя!
Ты Богу дашь о ней отвѣтъ! Борисъ—
Судьба Руси въ твоихъ рукахъ!

ГОДУНОВЪ.

О, еслибъ
Она была въ моихъ рукахъ! Я зналъ бы,
Чтó дѣлать мнѣ! Пусть только-бъ царь Иванъ
Хоть мѣсяцъ далъ мнѣ править государствомъ!
Ему-бъ въ одинъ я мѣсяцъ доказалъ,
Какія силы Русская земля

Въ себѣ таитъ! Я-бъ доказалъ ему,
Что̀ можетъ власть, когда на благодати
А не на казняхъ зиждется она!
Но тяжело, отецъ мой, все то видѣть—
И лишь молчать безсильно!

Стольникъ отворяетъ двери.

СТОЛЬНИКЪ.

Царь идетъ!

ІОАННЪ—входитъ съ грамотами въ рукахъ

Намъ пишетъ Шуйскій: въ королевскомъ станѣ
Отъ голода открылись моръ и бунтъ;
Король же ихъ опомнился, должно быть,
И изъ Варшавы шлетъ ко мнѣ посла.

ЗАХАРЬИНЪ.

Дай Богъ здоровья воеводѣ, князь-
Иванъ Петровичу!

ІОАННЪ.

Сидѣльцы-жъ наши
Вновь цѣловали крестъ чинить по Богѣ:
Всѣмъ лечь, а не сдаваться. Но, я чаю,
Сосѣдъ Степанъ ужъ потерялъ охоту
Брать города, и если съ новымъ войскомъ
Пожалуетъ онъ къ намъ, въ голодный край,
Мы шапками ихъ закидаемъ.

Къ Захарьину.

Ты
Ступай на площадь, объяви народу,
Что мира проситъ у меня король!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь, а если не о мирѣ
Онъ шлетъ посла?

ІОАННЪ.

Сдается мнѣ, что насъ
Учить твоя изволитъ милость! Видно,
Ошибкой намъ, а не тебѣ, бояре
Вѣнецъ нашъ поднесли! Ступай, старикъ,
И объяви на площади народу,
Что мира проситъ у меня король!

Захарьинъ уходитъ.

ІОАННЪ — къ Годунову.

Я съ аглицкимъ посломъ покончилъ дѣло;
Но больно онъ тягучъ и жиловатъ:
Торговыя, вишь, льготы англичанамъ
Все подавай! О льготахъ говорить
Мнѣ съ нимъ не время. Пригласи его
Къ себѣ, къ обѣду, потолкуй съ нимъ дѣльно,
И чтó онъ скажетъ, тò мнѣ донеси.

ГОДУНОВЪ.

Великій царь! Ты мнѣ сказалъ вчера,
Что дерзкую охотно слышишь рѣчь,
Текущую отъ искренняго сердца.
Дозволь мнѣ нынѣ снова предъ тобой
Ее держать! Боюсь я, англичанинъ
Подумаетъ, что слишкомъ дорожишь ты
Союзомъ съ королевой, и тогда
Еще упрямѣй сдѣлается онъ.
Не лучше-ль было-бъ дать ему отъѣхать,
Не кончивъ дѣла? Если-жъ королева,
Сверхъ чаянья, на льготахъ настоитъ—
Ты къ ней всегда посла отправить можешь
Съ согласіемъ твоимъ.

ІОАННЪ.

Иною рѣчью:
Не по-сердцу боярину Борису,
Чтобъ царь Иванъ съ великой королевой

Вступилъ въ родство? Такъ, что ли! Говори!
Тебя насквозь я вижу!

ГОДУНОВЪ.

Государь!
Напрасно я съ тобой хотѣлъ лукавить;
Не отъ тебя съумѣетъ кто сокрыть,
Что̀ мыслитъ онъ. Такъ, государь! Виновенъ
Я предъ тобою. Вели меня казнить—
Но выслушай: не мнѣ, великій царь,
А всей Руси не по-сердцу придется
Твой новый бракъ. Вся Русь царицу любитъ
За благочестіе ея, а паче
За то, что мать Димитрія она,
Наслѣдника второго твоего,
Который быть царемъ однажды долженъ.
Какъ за тебя, такъ за твою царицу
Народъ вседневно молится въ церквахъ.
Что̀ скажетъ онъ? Что̀ скажетъ духовенство
Когда ты мать Димитрія отринешь
И новый бракъ пріимешь съ иновѣркой—
Осьмой твой бракъ, великій государь!
Не скажутъ ли, что всѣ невзгоды наши
(И, можетъ быть, ихъ много впереди)
Накликалъ *ты* на землю? Государь,
Казни меня—но я у ногъ твоихъ

Становится на колѣни.

Тебя молю: тобою лишь однимъ
Русь держится—не захоти теперь
Поколебать ея къ тебѣ довѣрье!
Не отвращай напрасно отъ себя
Любви народа!

ІОАННЪ.

Кончилъ? Ободренье
Мое пошло тебѣ, я вижу, въ прокъ.

И дерзокъ ты воистину не мало!
Мою ты видя милость надъ собой,
Конечно мнишь, что я для руководства
Тебя держу? Что ты ко мнѣ приставленъ
Отъ земства, что-ль, хулить иль одобрять
Мои дѣла? и можешь гнуть меня,
Какъ вѣтеръ трость? Достойно смѣху, право,
Какъ всѣмъ бы вамъ со мной играть хотѣлось
Въ попы Сильвестры! На твоихъ губахъ
И молоко въ ту пору не обсохло,
Какъ я попу Сильвестру съ Алексѣемъ
Ужъ показалъ, что я не отрокъ имъ!
По моему съ тѣхъ поръ уразумѣнью,
Какъ прибыльнѣй для царства моего,
Такъ я чиню, и не печалюсь тѣмъ,
Чтò скажетъ тотъ иль этотъ обо мнѣ!
Не на день я, не на годъ устрояю
Престолъ Руси, но въ долготу вѣковъ;
И чтò вдали провижу я, того
Не видѣть вамъ куринымъ вашимъ окомъ!
Тебя же, знай, держу лишь для того,
Что ты мою вершишь исправно волю;
А въ томъ и вся твоя заслуга. Встань—
На этотъ разъ тебя прощаю—впредь же
Въ совѣтчики не суйся мнѣ! Посла
Ты пригласишь и принесешь мнѣ завтра
Его послѣднiй уговоръ.

Уходитъ въ другую дверь.

ГОДУНОВЪ — одинъ.

Онъ правъ!
Я только рабъ его! Предвидѣть это
Я долженъ былъ! Иль я его не зналъ?
Я поступилъ какъ женщина, какъ мальчикъ!
Я какъ безумный поступилъ!

Вотъ онъ,
Тотъ путь прямой, которымъ мнѣ Захарьинъ
Идти велитъ! На первомъ онъ шагу
Мнѣ властію царевой, какъ стѣною,
Пересѣченъ! Для блага всей земли
Царицу защищая, я съ ней вмѣстѣ
Спасалъ Нагихъ, моихъ враговъ исконныхъ,
Которые теперь же, въ этотъ часъ,
Ведутъ совѣтъ, какъ погубить меня—
Я былъ готовъ ихъ пощадить сегодня,
Лишь только-бъ царь Руси не потрясалъ—
И вотъ исходъ! Легко тебѣ, Никита
Романовичъ, идти прямымъ путемъ!
Передъ собой ты не поставилъ цѣли!
Спокойно ты и съ грустью тихой смотришь
На этотъ міръ! Какъ солнце въ зимній день
Землѣ сіяя, но не грѣя землю,
Идешь ты чистъ къ закату своему!
Моя-жъ душа борьбы и дѣла проситъ!
Я не могу мириться такъ легко!
Раздоры, казни, самовластье видѣть—
И въ доблести моей, какъ въ свѣтлой ризѣ,
Утѣшенъ быть, что самъ я чистъ и бѣлъ!

Уходитъ.

Домъ Шуйскаго.

Шуйскій, Мстиславскій, Михайло Нагой и Григорій Нагой сидятъ у стола за кубками.

ШУЙСКІЙ—наливая имъ вино.

Прошу васъ, пейте, гости дорогіе!
Во здравіе Бориса Годунова!
Вѣдь онъ то въ думѣ дѣло порѣшилъ!

Гости пьютъ неохотно; Мстиславскій не пьетъ вовсе.

Что-жъ, князь Иванъ Ѳеодорычъ? иль, можетъ,

Не нравится тебѣ мое вино?
Не выпить ли другого намъ, покрѣпче?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, князь, спасибо. Не вино, а здравье,
Признаться, мнѣ не нравится.

ШУЙСКІЙ.

Что̀ такъ?
Про Годунова, князь, ты пить не хочешь?
Да вотъ и вы поморщились, бояре;
Иль онъ вамъ нелюбъ?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Выскочка! Татаринъ!
Вишь, ближнимъ сталъ бояриномъ теперь!

БѢЛЬСКІЙ.

А мы, должно быть, дальніе бояре!

М. НАГОЙ.

Всѣмъ сядетъ скоро на голову намъ!

Г. НАГОЙ.

Нѣтъ, онъ не сядетъ—онъ уже сидитъ!

ШУЙСКІЙ.

Помилуйте, бояре, Годуновъ-то?
Его насильно ставятъ выше насъ,
А онъ и самъ не радъ! Онъ намъ всегда
И честь какъ должно воздаетъ, и въ думѣ
Готовъ молчать иль соглашаться съ нами!

М. НАГОЙ.

Да, къ этому вьюну не придерешься!
Поддакиваетъ, кланяется, бѣсъ,
А все-таки поставитъ на своемъ!

ШУЙСКІЙ.

Ну, этотъ разъ ему за то спасибо!

БѢЛЬСКІЙ.

Да этотъ разъ не первый, не послѣдній.
Покойный Сицкій правду говорилъ:
Онъ всѣхъ насъ сломитъ!

М. НАГОЙ.

Да—коль мы его
Не сломимъ прежде!

Г. НАГОЙ.

Какъ его сломить?

БѢЛЬСКІЙ.

Кой-что шепнуть мы про него могли бы!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да намъ-то не повѣрятъ. Онъ же насъ,
Какъ Сицкаго, однимъ словечкомъ срѣжетъ!

М. НАГОЙ.

Нѣтъ—такъ нельзя; а можно бы иначе—
Да, вишь, князь Шуйскій за него стоитъ!

ШУЙСКІЙ.

Я? За него? Да что-жъ онъ мнѣ, бояре?
Онъ мнѣ ни кумъ, ни шуринъ, ни своякъ!
Я лишь сказалъ, что онъ хлопотъ не стòитъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Ну, слѣпъ же ты!

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, я не слѣпъ, бояре!
Когда-бъ дошло до дѣла, вы бы сами
Раздумали!

БѢЛЬСКІЙ.

Нѣтъ, этого не бойся!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Ужъ другъ за друга мы бы постояли!

Г. НАГОЙ.

Готовы крестъ на этомъ цѣловать!

ШУЙСКІЙ.

Экъ вамъ охота даромъ въ петлю лѣзть!

БѢЛЬСКІЙ.

Ну, князь, прости мое худое слово:
Ты слѣпъ какъ кротъ, и перваго тебя
Татаринъ этотъ выживетъ какъ-разъ!

ШУЙСКІЙ.

Ты думаешь?

БѢЛЬСКІЙ.

Да ужъ навѣрно такъ!

ШУЙСКІЙ.

Ну, коли такъ—тогда другое дѣло!

БѢЛЬСКІЙ.

Такъ ты согласенъ?

ШУЙСКІЙ.

Что-жъ мнѣ одному
Быть противъ всѣхъ! Пожалуй, я согласенъ—
Да какъ же дѣло-то начать?

М. НАГОЙ.

А вотъ какъ:
Теперь у насъ вездѣ, по всей Руси,
Повѣтріе и хлѣбный недородъ.
Ужъ были смуты: за Москвой-рѣкой
Два бунта вспыхнуло. Въ такую пору
Народъ озлобленъ; радъ, не разбирая,
Накинуться на перваго любого.
Отъ насъ зависитъ время улучить
И натравить ихъ въ пору на Бориса!

Г. НАГОЙ.

Оно-бъ недурно! Пусть бы насъ народъ
Избавилъ отъ него—мы въ сторонѣ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да, въ сторонѣ! А какъ поднять народъ?
Вѣдь не самимъ же намъ идти на площадь!

М. НАГОЙ.

Вѣстимо, нуженъ вѣрный человѣкъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Или такой, котораго бы мы
Въ рукахъ держали непрестаннымъ страхомъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

А гдѣ его достать?

ШУЙСКІЙ—отворяя дверь въ другой покой.

Войди, Данилычъ!

Входитъ Битяговскій.

Вотъ онъ, бояре, кто теперь намъ нуженъ!
Я съ нимъ ужъ говорилъ—онъ радъ служить.

Общее удивленіе.

БѢЛЬСКІЙ.

Такъ ты... Ну, князь, признаться, удивилъ!

Г. НАГОЙ.

Перехитрилъ насъ! Нечего сказать!

МСТИСЛАВСКІЙ.

А пилъ еще здоровье Годунова!

Шуйскій смѣется.

М. НАГОЙ—указывая на Битяговскаго.

Такъ онъ берется сладить это дѣло?
Но кто же онъ? Его намъ надо знать!

ШУЙСКІЙ.

Онъ изъ дворянъ: Михайло Битяговскій.
Прошу любить и жаловать его;
Онъ насъ не выдастъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Князь, конечно, ты
Намъ доказалъ, что ты хитрить умѣешь;
Мы положиться можемъ на тебя:
Но все-жъ дозволь, въ такомъ опасномъ дѣлѣ,
Тебѣ не въ гнѣвъ, ему не въ осужденье,
Спросить тебя: чѣмъ отвѣчаешь ты?

ШУЙСКІЙ.

Бояре, дѣло просто: въ зернь да въ карты
Имѣнье онъ до нитки проигралъ;
Въ долгахъ сидитъ по шею; правежомъ
Ему грозятъ; исхода два ему:
Послужитъ намъ—долги его заплатимъ;
Обманетъ насъ—поставимъ на правежъ.
Данилычъ! Такъ ли? Ясенъ уговоръ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Да, ясенъ.

ШУЙСКІЙ.

Если-жъ ты уладишь дѣло,
Мы наградимъ тебя.

БИТЯГОВСКІЙ.

Само собой.

ШУЙСКІЙ.

Я говорилъ тебѣ не въ укоризну,
А чтобъ бояре лучше вѣру взяли.
Теперь садись.

БИТЯГОВСКІЙ.

Могу и постоять.

ШУЙСКІЙ.

На̀, выпей чару!

БИТЯГОВСКІЙ.

Чару выпить можно.

Пьетъ, кланяется и ставитъ чару на столъ

БѢЛЬСКІЙ.

Такъ вправду ты съумѣешь на Бориса
Поджечь и взбунтовать народъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Съумѣю.

М. НАГОЙ.

Съ кого-жъ начать ты хочешь?

БИТЯГОВСКІЙ.

Съ черныхъ сотенъ.

Г. НАГОЙ.

Про что-жъ ты будешь говорить?

БИТЯГОВСКІЙ.

Про голодъ.

БѢЛЬСКІЙ.

Чтò скажешь ты?

БИТЯГОВСКІЙ.

Чтó въ голову придетъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

А за успѣхъ стоишь ты намъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Стою.

М. НАГОЙ.

Народъ не въ шутку долженъ возмутиться.
Сначала подготовь его искусно:
Борисъ, молъ, вотъ кто цѣны вамъ набилъ!

Онъ, молъ, царемъ какъ хочетъ, такъ и водитъ;
Все зло, молъ, отъ него! Онъ зять Малюты!
Онъ и царя на казни подбивалъ!
Потомъ, въ удобный день, на праздникъ, что ли,
Когда пойдетъ онъ въ церковь, иль изъ церкви,
Ты ихъ и положги! Да не мѣшало-бъ
Тебѣ товарища найти.

БИТЯГОВСКІЙ.

Не нужно.

БѢЛЬСКІЙ.

Тутъ надобны не крики и не шумъ,
А чтобъ они, увидя Годунова,
Такъ на него-бъ и кинулись, и разомъ
На клочья-бъ разорвали!

БИТЯГОВСКІЙ.

Разорвутъ.

ШУЙСКІЙ.

Ужъ положитесь на него, бояре!
Онъ неохочъ до словъ, но онъ на дѣлѣ
Собаку съѣлъ,—ему вѣдь не впервой.
А вы межъ тѣмъ извѣдайте бояръ:
Чѣмъ больше будетъ съ нами, тѣмъ мы легче
И подведемъ его!

БѢЛЬСКІЙ.

На всякъ случай
Я кой-кого еще пущу въ народъ.
Есть на примѣтѣ у меня одинъ:
Рязанскій дворянинъ, Прокофій Кикинъ.

ШУЙСКІЙ.

Коль за него ты можешь отвѣчать,

Пошли его, пожалуй, отъ себя;
Пусть съ двухъ концовъ они волнуютъ городъ:
Не одному удастся, такъ другому.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Твоими бы устами, князь Василій
Иванычъ, медъ пить!

М. НАГОЙ.

Ну, теперь недурно
Идутъ дѣла! Благослови, Господь!

Входитъ слуга.

СЛУГА.

Бояринъ Годуновъ!

ШУЙСКІЙ—про себя.

Ахъ, бѣсъ проклятый!

Входитъ Годуновъ. Гости встаютъ въ замѣшательствѣ.

ШУЙСКІЙ—идетъ на встрѣчу Годунова съ распростертыми объятіями.

Борисъ Өеодорычъ! Вотъ гость любезный!
Челомъ тебѣ на ласкѣ бью твоей!

Обнимаются.

Садись, бояринъ! Здѣсь, подъ образами!
Уважь домишко мой! Да чѣмъ же мнѣ
Попотчивать тебя! Вотъ романея!
Вотъ ренское! Вотъ аликантъ! Вотъ бастръ!

ГОДУНОВЪ—кланяется.

Благодарю, бояринъ князь Василій
Ивановичъ! Не помѣшалъ ли я?
Быть можетъ, ты съ гостями дорогими
Былъ дѣломъ занятъ?

ШУЙСКІЙ.

Дѣломъ? Нѣтъ, бояринъ!
Мы такъ себѣ балякали. Садись.
Прошу покорно. Да уважь, бояринъ,
Хоть чарочкой.

ГОДУНОВЪ—пьетъ.

Во здравіе твое!

МСТИСЛАВСКІЙ—подходитъ къ Шуйскому.

Хозяинъ ласковый, пора домой мнѣ;
Прости!

БѢЛЬСКІЙ.

И мнѣ пора домой, прости!

ОБА НАГІЕ.

Пора и намъ! Прости же, князь Василій
Ивановичъ.

ШУЙСКІЙ.

Что-жъ, гости дорогіе?
Зачѣмъ такъ рано?

М. НАГОЙ.

Дома дѣло есть.

ШУЙСКІЙ.

Простите же, бояре! Много васъ
За честь благодарю!

Провожаетъ гостей и возвращается къ Годунову.

Ну, слава Богу!
Ушли! Спасибо же тебѣ, бояринъ,

Что навѣстилъ! Ты не повѣришь,
Какъ на тебя отрадно мнѣ глядѣть!
Вѣдь мы съ тобою издавна за-одно!
Чтó ты—тò я!

ГОДУНОВЪ.

Спасибо, князь Василій
Ивановичъ! А я вотъ за совѣтомъ
Къ тебѣ пришелъ.

ШУЙСКІЙ.

Приказывай, бояринъ!

ГОДУНОВЪ.

Ты знаешь, князь, меня не любятъ въ думѣ:
Я—новый человѣкъ.

ШУЙСКІЙ.

Такъ что же въ томъ?
Я за тебя горой стою; а правда,
Есть недруги у насъ! Вотъ хоть бы этотъ
Мстиславскій, или Бѣльскій—кто ихъ знаетъ!
Завидно имъ, что любитъ царь тебя!

ГОДУНОВЪ.

Царь жалуетъ меня не по заслугамъ;
Я скользкою тропою, князь, иду.
Пожалуй, на меня царю нашепчутъ;
А до бѣды у насъ недолго, князь!

ШУЙСКІЙ.

А я на что-жъ? Я за тебя готовъ
Въ огонь и въ воду. Ты мнѣ тотъ же братъ!

Входитъ слуга.

СЛУГА—къ Шуйскому.

Князь, царь прислалъ за милостью твоей.

ШУЙСКІЙ—встаетъ.

За мной? Теперь? Ну, не взыщи, бояринъ—
Царь ждать не можетъ!

ГОДУНОВЪ.

Не чинися, князь.

Шуйскій поспѣшно уходитъ. Годуновъ остается съ Битяговскимъ и пристально смотритъ на него; Битяговскій смущается и отворачивается.

ГОДУНОВЪ.

Ты—дворянинъ Михайло Битяговскій?

БИТЯГОВСКІЙ.

Да, дворянинъ.

Хочетъ уйти.

ГОДУНОВЪ.

Ни съ мѣста! Стой и слушай.
Ты разорился въ карты. На правежъ
Тебя хотятъ поставить—дѣло плохо—
Но можетъ выйти хуже для тебя.
Ты грамоту писалъ въ литовскій станъ
И предлагалъ Замойскому услуги.

БИТЯГОВСКІЙ.

Нѣтъ, это ложь! Меня оклеветали!

ГОДУНОВЪ.

Я грамоту твою перехватилъ—
И вотъ она отъ слова и до слова!

Вынимаетъ изъ кармана грамоту. Битяговскій нагибается и суетъ руку за голенище.

Ты лѣзешь за ножомъ? Не безпокойся!
Твоя бумага за семью замками,
А это только списокъ. Слушай, другъ:
Съ тобой вчера князь Шуйскій сторговался,
Чтобъ на меня поднять народъ. Сегодня
Съ двумя Нагими, съ Бѣльскимъ и Мстиславскимъ
Объ этомъ вмѣстѣ толковали вы.
Мнѣ стóитъ захотѣть—и черезъ часъ
Твое клевать вороны будутъ мясо!

БИТЯГОВСКІЙ.

Бояринъ... я... я не хотѣлъ...

ГОДУНОВЪ.

Молчи!
Теперь ты долженъ притвориться, будто
Ты служишь Шуйскому. Ступай шататься
По площадямъ, по рынкамъ, по базарамъ,
Но распускай молву, что Шуйскій съ Бѣльскимъ
Хотятъ царя отравой извести;
Что погубить и Ѳедора рѣшили,
И Дмитрія царевичей; что еслибъ
Не Годуновъ—они бы царскій корень
Ужъ извели; что Годуновъ одинъ
Блюдетъ царя и охраняетъ царство.
Ты понялъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Понялъ.

ГОДУНОВЪ.

Приходи сегодня
Ко мнѣ въ мой домъ, по заднему крыльцу,
Когда стемнѣетъ. Тамъ тебя дворецкій

Проводитъ дальше. Каждый вечеръ ты
Ко мнѣ являться будешь. Все, что̀ Шуйскій,
Иль Бѣльскій, иль другой тебѣ прикажутъ,
Ты будешь мнѣ передавать. И помни:
Гдѣ-бъ ни былъ ты, я за тобой слѣжу—
Не захоти и думать о побѣгѣ.
Различье-жъ, знай, межъ мной и Шуйскимъ то,
Что правежомъ тебя стращаетъ Шуйскій,
А я тебѣ грожу такою казнью,
Какой бы не придумалъ и Малюта
Скуратовъ-Бѣльскій, мой покойный тесть!

Уходитъ. Битяговскій остается въ оцѣпенѣніи

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Покои царицы Маріи Ѳедоровны.

Царица и мамка царевича Димитрія.

ЦАРИЦА.

Что-жъ, мамка? Уложила ты его?
Заснулъ ли онъ, голубчикъ мой, царевичъ?

МАМКА.

Заснулъ, царица-матушка, заснулъ!
Ужъ любовалась, на него я глядя;
Лежитъ смирнехонько, закрымши глазки
И этакъ ручки сжамши въ кулачки.
Вишь, бѣгая, мой свѣтикъ уморился;
Такой живой! Не въ старшаго онъ братца,
Не въ Ѳедора Иваныча пойдетъ!
Тотъ тихъ и смиренъ, словно не царевичъ,
Не то, что братецъ былъ Иванъ Иванычъ!
Тотъ, царствіе небесное ему,
На батюшку похожъ былъ. Охъ-охъ-охъ!
Подумаешь, какъ кончился-то онъ!
Ахъ, грѣхъ какой! Не вѣрится доселѣ!

ЦАРИЦА.

Не будемъ говорить про это, мамка.
Не присылалъ ли государь сказать,

Что онъ придетъ? Не присылалъ ли онъ
Кого спросить, здоровъ ли мой царевичъ?

МАМКА.

Нѣтъ, матушка, не присылалъ.

ЦАРИЦА.

Бывало,
Онъ каждый день навѣдывался самъ!

МАМКА.

Нѣтъ, матушка, не присылалъ. А вотъ,
Когда мы давеча гулять ходили,
Къ намъ подходилъ бояринъ Годуновъ,
Бралъ на руки царевича, ласкалъ
И любовался имъ.

ЦАРИЦА.

И ты дала
Ему ласкать царевича? Никто
Его ласкать не долженъ. Слышишь, мамка?

МАМКА.

Такъ, матушка. Бояринъ Годуновъ
Мнѣ тоже говорилъ: смотри, молъ, мамка,
Блюди царевича! Ты, говоритъ,
За каждый волосочекъ, молъ, его
Предъ Богомъ и землею отвѣчаешь!

ЦАРИЦА.

Послушай, мамка, этакъ не годится
Болтать со всякимъ. Никому впередъ
Ты не давай съ ребенкомъ говорить!

МАМКА.

Такъ какъ же, матушка? А вотъ Никита
Романовичъ къ намъ подходилъ намедни—
И съ этимъ, значитъ, говорить нельзя?

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, съ этимъ можно! Этому я вѣрю;
Онъ все равно мнѣ, что родной отецъ!

Входитъ сѣнная дѣвушка.

ДѢВУШКА.

Царица! Можетъ ли къ тебѣ Никита
Романовичъ взойти, Захарьинъ-Юрьевъ?

ЦАРИЦА.

Онъ здѣсь? Проси, проси его скорѣй!

Входитъ Захарьинъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Царица Марья Өедоровна, здравствуй!
Какъ можешь?

ЦАРИЦА—идетъ къ нему на встрѣчу.

Здравствуй дядюшка Никита
Романовичъ! Тебя самъ Богъ прислалъ!
Мнѣ говорить съ тобою надо! Мамка,
Ступай себѣ къ царевичу, оставь насъ.

Мамка уходитъ.

Мнѣ надо говорить съ тобой, Никита
Романовичъ! Садись, сюда, поближе:
Не знаю, чтó со мною, право, сталось;
Всѣ эти дни такъ тяжело на сердцѣ,
Какъ будто чуется бѣда! Скажи,
Ты ничего не слышалъ? Чтò случилось?
Чтó царь задумалъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Матушка-царица,
Вѣдь я пришелъ тебя предостеречь!
И самъ уже не знаю, что съ нимъ дѣлать?
Бѣда и только! словно дикій конь
Внезапно закусившій удила,
Иль ярый туръ, все ломящій съ разбѣга.
Такъ онъ не знаетъ удержу теперь.
Подобная рѣкѣ, его гордыня
Изъ береговъ ужъ выступила вонъ
И топитъ все кругомъ себя!

ЦАРИЦА.

Скажи,
Что онъ задумалъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Богъ ему судья!

ЦАРИЦА.

О чемъ-то страшномъ шепчутъ во дворцѣ—
Онъ съ англійскимъ посломъ наединѣ
О чемъ-то долго толковалъ... Я знаю—
Я догадалась—онъ жениться хочетъ
На чужеземкѣ, а меня онъ бросить
Сбирается съ Димитріемъ моимъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Будь, дитятко, готова ко всему!

ЦАРИЦА.

Не даромъ сердце у меня щемило!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царица, онъ хотѣлъ сегодня утромъ
Быть самъ къ тебѣ. Не покажи и вида.

Что я съ тобой объ этомъ говорилъ,
Я буду здѣсь. Ты-жъ выслушай его
Съ покорностью, и что-бъ онъ ни сказалъ,
Не возражай ни слова—будь нѣма!
Единый звукъ, единый вздохъ, движенье
Единое твое—и ты пропала!
Дай бурѣ прошумѣть. Еще, быть можетъ,
Смягчится онъ покорностью твоею;
А если нѣтъ—я на свою главу
Прійму ударъ, скажу ему открыто,
Что онъ безсовѣстно чинитъ!

ЦАРИЦА.

Бояринъ.
Спаси меня! Не за себя мнѣ страшно!
Я хлопочу не о себѣ, ты знаешь!
Когда меня Иванъ Васильичъ взялъ,
Не радовалась я высокой чести;
И если бы со мной, тому три года,
Онъ развелся, я Бога бы за то
Благодарила—но теперь, бояринъ,
Я не одна! Теперь я стала мать!
И если онъ жену возьметъ другую—
Ребенокъ мой—мнѣ страшно и подумать—
Мой маленькій Димитрій—о, бояринъ!
Сама не знаю, что̀ я говорю,
Чего боюсь, не вѣдаю—но смутно
Мнѣ чуется для Дмитрія опасность!
Усовѣсти, уговори царя!
Тебя онъ чтитъ! Пусть онъ съ тобою прежде
Обсудитъ дѣло!

ЗАХАРЬИНЪ.

Дитятко-царица!
Кого онъ чтитъ?! Я, правда, передъ нимъ

Еще ни разу не кривилъ душою,
Но самъ не знаю, какъ я уцѣлѣлъ!
Лишь одного на свѣтѣ человѣка
Порою слушается онъ: дай Богъ
Здоровья Годунову! Онъ одинъ
Еще его удерживать умѣетъ!

ЦАРИЦА.

О, дядюшка! Не вѣрь ты Годунову!
Нѣтъ, онъ не тотъ! Его смиренный видъ,
Его всегда степенные пріемы,
И этотъ взглядъ, ничѣмъ невозмутимый,
И этотъ голосъ, одинако ровный,
Меня страшатъ не даромъ! Не могу я
Смотрѣть, когда ребенка моего
Ласкаетъ онъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Чтò ты, царица, чтó ты?
Помилуй! Годуновъ-то!

Вбѣгаетъ дѣвушка—запыхавшись.

ДѢВУШКА.

Царь идетъ!
Сейчасъ здѣсь будетъ!

ЦАРИЦА—съ испугомъ.

Дядюшка! Мнѣ страшно!
Я не могу...

ЗАХАРЬИНЪ.

Оправься поскорѣй,
Чтобъ не замѣтилъ онъ чего! Отри
Скорѣй глаза!

ЦАРИЦА.

Охъ, сердце замираетъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Уйди-жъ на мигъ! Принарядись, а я
Прійму его!

Царица уходитъ. Іоаннъ входитъ въ сопровожденіи Годунова.

ІОАННЪ — къ Захарьину.

Чтò дѣлаешь ты здѣсь?

ЗАХАРЬИНЪ

Царицы дожидаюсь, государь.

ІОАННЪ.

Какое дѣло у тебя съ царицей?

ЗАХАРЬИНЪ.

Навѣдаться зашелъ къ ней.

ІОАННЪ.

Гдѣ-жъ она?

ЗАХАРЬИНЪ.

Услыша голосъ твой, она пошла
Для милости твоей принарядиться.

ІОАННЪ.

Могла и такъ остаться. Отъ нарядовъ
Пригожѣе не будетъ!

Къ Годунову—садясь.

Продолжай!
Ты говоришь, что видѣлся съ послами?

ГОДУНОВЪ.

Съ обоими, великій государь.

ІОАННЪ.

Ну, что-жъ?

ГОДУНОВЪ.

Посолъ Елизаветинъ, Баусъ,
Стоитъ на томъ, что выдать за тебя
Племянницу, Хастинскую княжну,
Согласна королева; но о томъ-де
Онъ подписать невластенъ уговора.
Пока съ царицей всенародно ты
Не разведешься; да еще прибавилъ,
Чтобъ на Руси ты запретилъ торговлю
Всѣмъ иноземцамъ всякихъ государствъ,
Опричь однихъ лишь англійскихъ гостей.
На этомъ, говоритъ онъ, королева
Намъ обѣщаетъ дружбу и союзъ
И цесаря нѣмецкаго упроситъ,
Чтобы на Польшу двинулъ онъ полки.

ІОАННЪ.

Благодарю сестру Елизавету,
Что нашей дружбой и худымъ родствомъ
Не брезгаетъ она! Но обойтись
Безъ милостей ея теперь мы можемъ,
И цесаря не просимъ намъ помочь.
Уже мы сами скоро за рубежъ
Переведемъ полки. А что̀ узналъ ты
Отъ польскаго посла? Какія земли
Сосѣдъ Степанъ за миръ намъ обѣщаетъ?

ГОДУНОВЪ.

Мы за виномъ, великій государь,

Сидѣли съ нимъ до самаго разсвѣта.
Гара́бурда. хоть не природный ляхъ,
А пить здоровъ и говорить охотникъ;
Но вывѣдать я у него не могъ,
Съ чѣмъ онъ пріѣхалъ. Одному тебѣ
Открыться хочетъ онъ.

ІОАННЪ.

Заранѣ, видно,
Хвалиться нечѣмъ!

ГОДУНОВЪ.

Утромъ прискакалъ
Къ нему гонецъ отъ короля. Напрасно
Въ глазахъ посла старался угадать я
Письма значенье. На лицѣ его
Не двинулася ни одна черта;
Усталый же гонецъ, какъ выпилъ чару,
Такъ и упалъ на землю и заснулъ.

ІОАННЪ.

Я чай, не спалъ во всю дорогу! Видно,
Крутенько имъ пришлось и невтерпёжъ!

ГОДУНОВЪ.

Когда бы только...

ІОАННЪ.

Что̀-о?

ГОДУНОВЪ.

Какъ бы онъ
Для насъ недоброй вѣсти не привезъ!

ІОАННЪ.

Недобрыхъ я вѣстей не получалъ;
Чего-жъ не знаю я—того и нѣтъ!

ГОДУНОВЪ.

Будь остороженъ, государь!

ІОАННЪ.

Бориско!
Ужъ не опять ли ты совѣты мнѣ
Давать изволишь? Струсилъ, говорю я,
Сосѣдъ Степанъ и новыя уступки
Прислалъ въ наказъ Гарàбурдѣ! Гей! Марья!

Стучитъ о полъ посохомъ.

Ты долго-ль тамъ укручиваться будешь?

Входитъ царица въ большомъ нарядѣ и, поклонившись Іоанну, останавливается передъ нимъ молча.

ІОАННЪ — смотритъ на нее пристально.

Зачѣмъ твои заплаканы глаза?

Царица молчитъ, потупя взоръ.

Ты слышишь ли? Чтò сталося съ тобою?

ЦАРИЦА.

Мой господинъ, прости меня... я...

ІОАННЪ.

Ну?

ЦАРИЦА.

Я видѣла недобрый сонъ.

ІОАННЪ.

Какой?

ЦАРИЦА.

Мнѣ снилось, государь... мнѣ снилось, что...
Я разлучаюся съ тобой!

ІОАННЪ.

Сонъ въ руку,
Ты неугодна мнѣ. Я объявить
Тебѣ пришелъ, что ты отнынѣ болѣ
Мнѣ не жена.

ЦАРИЦА.

Такъ это правда? Правда?
Меня съ Димитріемъ ты бросить хочешь?
Съ Димитріемъ моимъ? Ты хочешь...

ІОАННЪ.

Тише!
Я бабьихъ слезъ и криковъ не люблю.

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, господинъ мой!—я не плачу—нѣтъ—
Ты видишь, я не плачу—но скажи,
Какъ развестись со мною хочешь ты?
Чтò скажешь ты святителямъ? Какую
На мнѣ вину найдешь ты?

ІОАННЪ.

Это что?
Ты, кажется, меня къ допросу ставишь!
Кто ты! Какого ты владыки дочь?
Кому отвѣтъ держать мнѣ о тебѣ?
Иль ты другихъ пригожѣе и краше,
Чтобъ мнѣ тебя какъ кладъ какой беречь?
Иль я ужъ въ домѣ у себя не властенъ?
Иль ты царица по себѣ?

ЦАРИЦА.

Прости,
Мой господинъ! Прости! Я не ропщу—

Я не молю о милости—на все
Готова я—но бѣдный мой Димитрій
Чѣмъ виноватъ?

ІОАННЪ.

О немъ не хлопочи.
Мой сынъ въ удѣлъ получитъ городъ Угличъ.
Вины твоей не нужно мнѣ! Тебя
Постричь велю я—вотъ и весь разводъ.
Святителей же, слава Богу, я
Не пріучилъ въ мой обиходъ вступаться
И требовать отчета отъ меня!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Дозволь мнѣ слово молвить.

ІОАННЪ.

Старикъ, я вижу, что̀ сказать ты хочешь!
Что̀-бъ я ни сдѣлалъ, все не по тебѣ!
Я знаю васъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Великій государь...

ІОАННЪ.

Я знаю васъ! Вы рады бы мнѣ руки
Опять связать, какъ при попѣ Сильвестрѣ,
Да при Адашевѣ? Ты былъ имъ другъ!
Когда на нихъ опалу положилъ я,
Какихъ ужъ бѣдъ ты ни пророчилъ мнѣ!
Тебя послушать—царство распадалось!
И что-жъ? Съ тѣхъ поръ минуло двадцать лѣтъ—
Гдѣ твой Адашевъ? Гдѣ Сильвестръ твой?
А мы, межъ тѣмъ, благословеньемъ Божьимъ,
Не уменьшили нашихъ государствъ!

Безъ вашихъ наставленій, помаленьку,
Таки-живемъ себѣ умишкомъ нашимъ,
И руководства твоего, старикъ,
Не просимъ мы!

ЗАХАРЬИНЪ.

Великій государь!
Чтό мы мечомъ завоевали, то
Мечомъ же можно и отнять у насъ.
Все въ Божьей волѣ, государь; но Богъ
Лишь добрыя дѣла благословляетъ.
Ты-жъ, государь, недоброе затѣялъ!
Твоя царица предъ тобой чиста,
Чиста какъ день! Грѣшно тебѣ царицу
Хотѣть мѣнять на новую жену!
Чѣмъ съ Англіей искать себѣ союза,
Взгляни на Русь! Каковъ ея удѣлъ!
Ты, государь,—скажу тебѣ открыто—
Ты, въ юныхъ дняхъ испуганный крамолой,
Всю жизнь боялся мнимыхъ смутъ
И подавилъ измученную землю.
Ты сокрушилъ въ ней все, чтὸ было сильно.
Ты въ ней попралъ все, чтὸ имѣло разумъ,
Ты безсловесныхъ сдѣлалъ изъ людей—
И самъ теперь, какъ дубъ во чистомъ полѣ,
Стоишь одинъ, и ни на что не можешь
Ты опереться; если—Богъ избави—
Тебя оставитъ счастіе твое,
Ты предъ несчастьемъ будешь нагъ и бѣденъ.
Несчастье-жъ недалеко, государь!
Не радуйся побѣдѣ надъ Батуромъ—
Есть на Руси другія тѣсноты!
Орда и шведъ грозятъ намъ, а внутри
Неправосудье, неустройство, голодъ!
Ихъ англійскимъ союзомъ не избыть!

Я старъ, великій государь, и близокъ
Уже ко гробу. Нѣзачѣмъ мнѣ даромъ
Тебѣ перечить! Да и самъ-то ты
Ужъ нѣмолодъ, великій государь.
Въ твои лѣта о новомъ бракѣ думать
Грѣшно, да и негоже. Бога-бъ ты
Благодарилъ за добрую царицу,
А не искалъ себѣ другой!

ІОАННЪ.

Микита!
Я далъ тебѣ домолвить до конца.
Ко гробу ближе ты, чѣмъ мыслишь. Мнѣ
Наскучило тебя щадить. Легко-бъ я
Могъ отвѣчать на болтовню твою,
Но мой отвѣтъ: я такъ хочу! Довольно!
Ни слова болѣ! Время намъ принять
Батурова посла. Ступай за мной.

Къ царицѣ.

Ты-жъ будь готова въ монастырь идти!

Уходитъ съ Захарьинымъ.

Престольная палата.

Весь дворъ, въ богатомъ убранствѣ, входитъ и размѣщается вдоль стѣнъ. У дверей и вокругъ престола становятся рынды съ топорами на плечахъ. Трубы и колокола возвѣщаютъ приходъ Іоанна. Онъ входитъ изъ внутреннихъ покоевъ вмѣстѣ съ Захарьинымъ.

ІОАННЪ — къ Захарьину.

Впустить посла! Но почестей ему
Не надо никакихъ. Я баловать
Уже Батура болѣ не намѣренъ!

Захарьинъ уходитъ. Іоаннъ садится на престолъ. Чрезъ пріемную дверь входитъ Гарабурда и съ низкимъ поклономъ останавливается передъ Іоанномъ.

ІОАННЪ — мѣря его глазами.

Не въ первый разъ тебя я вижу, панъ
Гарабурда, передъ моимъ престоломъ.
По смерти Жигимонта короля,
Ты съ порученіемъ ко мнѣ отъ сейма
Былъ присланъ?

ГАРАБУРДА.

Такъ, великій государь.

ІОАННЪ.

Мнѣ помнится, что польскіе паны
Корону предлагали мнѣ?

ГАРАБУРДА.

Такъ есть.

ІОАННЪ.

Но учиниться вашимъ королемъ,
Не сдѣлавъ власть мою наслѣдной властью,
За благо мнѣ не разсудилось. Вы же
Условья не изволили принять.

ГАРАБУРДА.

Великій царь, не можно было намъ
Республики нарушить привилегій!
У насъ законъ, чтобъ всякій разъ король
Отъ сейма выбранъ былъ.

ІОАННЪ.

Хорошъ законъ!
Достойнаго онъ въ Генрикѣ владыку
Доставилъ вамъ!

ГАРАБУРДА.

А бѣсъ его возьми!
То былъ совсѣмъ дрянной король! Когда
Отъ насъ утекъ онъ, мы рукой махнули
И выбрали другого.

ІОАННЪ.

Да! Батура,
Того, который дань платилъ султану,
Когда былъ княземъ семиградскимъ. Ну,
Чего онъ хочетъ? съ чѣмъ тебя прислалъ онъ?

ГАРАБУРДА.

Пресвѣтлый мой великій господинъ,
Король на Польшѣ, семиградскій князь,
Великій князь литовскій...

ІОАННЪ.

Погоди-ка!
Ты православной вѣры? Мнѣ сказали,
Что ты ходилъ къ обѣднѣ въ нашъ соборъ?

ГАРАБУРДА.

Такъ, государь.

ІОАННЪ.

Зачѣмъ же господиномъ
Схизматика латинскаго зовешь ты!

ГАРАБУРДА.

А потому, великій царь, что онъ
Всѣ вольности Украйны утвердилъ,
Святую церковь нашу чтить и намъ
Ксендзовъ проклятыхъ далъ повыгонять.

ІОАННЪ.

Всѣ вѣры для него равны, я слышалъ;
И басурмановъ такъ же онъ честитъ.
Ну, говори, какое челобитье
Онъ намъ прислалъ? О чемъ просить изволитъ
Сосѣдъ Степанъ?

ГАРАБУРДА.

Онъ проситъ напередъ,
Чтобъ ты, панъ-царь, не звалъ его сосѣдомъ,
А воздавалъ, и письменно, и устно,
Ему ту честь, названія и титулъ,
И почести, которыя его
Пресвѣтлому довлѣютъ маестату!

ІОАННЪ.

Ахъ онъ шутникъ! Теперь? Въ тотъ самый часъ,
Когда домой бѣжалъ онъ изъ-подъ Пскова?
Недурно! Дальше!

ГАРАБУРДА.

Далѣ, отъ тебя
Онъ требуетъ, чтобъ изъ земли Ливонской,
Не медля, вывелъ ты свои полки
И навсегда-бъ коронѣ польской отдалъ
Смоленскъ и Полоцкъ, Новгородъ и Псковъ.

Ропотъ въ собраніи.

На этомъ миръ съ тобою заключить
Согласенъ онъ.

ІОАННЪ.

Посолъ! ты много-ль выпилъ
Ковшей вина? Какъ смѣлъ ты предо мною
Явиться пьяный?

Къ стольникамъ.

Кто изъ васъ дерзнулъ
Нетрезваго впустить въ мои палаты?

ГАРАБУРДА.

Коли же милости твоей, панъ-царь,
Условія такія не смакують,
Король Степанъ велитъ тебѣ сказать:
«Чѣмъ даромъ лить намъ кровь народовъ нашихъ,
«Возсядемъ на коней и другъ со другомъ
«Смертельный бой на сабляхъ учинимъ,
«Какъ рыцарямъ прилично благороднымъ!»
И съ тѣмъ король тебѣ перчатку шлетъ.

Бросаетъ передъ Іоанномъ желѣзную перчатку.

ІОАННЪ.

Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
Ты иль король? Къ чему перчатка эта?
Не для того-ль, чтобъ ею мнѣ тебя
Бить по лицу? Да ты забылъ, собака,
Что предъ тобой не избранный король?
Помазанника Божья смѣешь ты
На поле звать? Я поле дамъ тебѣ!
Зашитаго тебя въ медвѣжью шкуру
Велю я въ полѣ псами затравить!

ГАРАБУРДА.

Ни! этого, панъ-царь, не можно.

ІОАННЪ.

Что̀?
Да онъ не шутитъ ли со мной? Бояре.
Ужель забавнымъ я кажусь!

ГАРАБУРДА.

Ни, ни!
Посла никакъ зашить не можно въ шкуру.

ІОАННЪ.

Вонъ съ глазъ моихъ! Плетьми его отсюда!

Плетьми прогнать обратно къ королю!
Вонъ изъ палаты! Вонъ, собака! Вонъ!

Хватаетъ у рынды топоръ и бросаетъ въ Гарàбурду.

ГАРАБУРДА—отклоняя ударъ.

Поторопился-жъ ты, панъ-царь. Ты, видно,
И не слыхалъ еще того, панъ-царь,
Что изъ Варшавы прибылъ съ новымъ войскомъ
Король Степанъ? Что на границѣ онъ
Ужъ въ пухъ и прахъ разбилъ твои полки?
Ты, видно, не слыхалъ, что шведъ уже
Нарову взялъ? и вмѣстѣ съ королемъ
Готовится на Новгородъ идти?
Дрянные-жъ воеводы у тебя,
Что не дали и знать тебѣ объ этомъ!

ІОАННЪ—вставая съ престола.

Ты лжешь, злодѣй!

ГАРАБУРДА.

А, ей же Богу, такъ.
Зачѣмъ мнѣ лгать? Нѣтъ, лгать нехорошо.
Коли-жъ, панъ-царь, ты выѣхать не хочешь
На честный бой съ пресвѣтлымъ королемъ,
Къ тебѣ король, пожалуй, на Москву
Пріѣдетъ самъ. Теперь же будь здоровъ!

Уходитъ. Общее смятеніе.

ГОДУНОВЪ—вбѣгая.

Великій государь! Что̀ сдѣлалъ ты!
Ты оскорбилъ Батурова посла?

ІОАННЪ.

Онъ лжетъ какъ пёсъ!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь! Все правда!
Сейчасъ гонцы отъ войска прискакали!—
Я видѣлъ ихъ—Нарову взяли шведы—
Полки разбиты наши!

ІОАННЪ.

Лгутъ гонцы!
Повѣсить ихъ! Смерть всякому, кто скажетъ,
Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Мои полки! Вѣсть о *моей* побѣдѣ
Должна придти! И нынѣ же молебны
Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ!

Падаетъ въ изнеможеніи въ престольныя кресла.

⸻

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадь въ Замоскворѣчьи.

Площадь наполнена возами. Въ сторонѣ хлѣбные лабазы. За рѣкой виденъ Кремль. Вечерѣетъ. Толпа народа волнуется передъ лабазомъ.

ЛАБАЗНИКЪ.

Ступайте прочь! Чего наперли снова!
Вѣдь сказана цѣна вамъ: семь алтынъ
За полчетверки!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Батюшка, помилуй!
Скинь хоть алтынъ!

ДРУГОЙ.

Четыре дня не ѣли!

ТРЕТІЙ.

Побойся Бога!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Смилуйся, родимый!
Отсыпь хоть въ долгъ! О пасхѣ заплачу—
Вотъ-те Христосъ!

ЛАБАЗНИКЪ.

Проваливай! О пасхѣ!
Вишь, въ долгъ давай хозяйское добро!
Прочь, говорю вамъ!

Дерется.

ПЕРВЫЙ.

Что-жъ ты, людоѣдъ!
Околѣвать намъ, что ли?

ВТОРОЙ.

Лучше прямо
Ножомъ зарѣжь!

ТРЕТІЙ.

Разбойникъ! Душегубъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Жидовская душа! Ты развѣ самъ
Свой съѣшь запасъ? Самъ, что ли?

ЛАБАЗНИКЪ.

Караулъ!
Лабазъ мой разбиваютъ!

Подходятъ два пристава.

1-Й ПРИСТАВЪ.

Чтó за шумъ!
Кто тутъ буянитъ?

ЛАБАЗНИКЪ.

Помогите! Бунтъ!
Ломаютъ дверь!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Вступитесь, государи!

ДРУГОЙ.

Велите цѣну сбавить, государи!

ТРЕТІЙ.

Не дайте съ голодухи помереть!

ЛАБАЗНИКЪ.

Они меня сбирались грабить!

ПЕРВЫЙ.

Вретъ,
Онъ самъ дерется! чуть не изувѣчилъ!

1-й ПРИСТАВЪ—къ лабазнику.

Какъ смѣешь ты народъ увѣчить? А?

2-й ПРИСТАВЪ.

Въ приказъ его! Къ допросу!

ЛАБАЗНИКЪ.

Государи!
Помилуйте! За что меня въ приказъ?
Хозяйское отстаивалъ добро!

Суетъ имъ деньги.

1-й ПРИСТАВЪ.

Ну, развѣ такъ!

2-й ПРИСТАВЪ.

Что-жъ сразу не сказалъ!

1-й ПРИСТАВЪ—къ народу.

Прочь, вы, разбойники! Вотъ я васъ! Прочь!

2-й ПРИСТАВЪ.

Въ застѣнокъ ихъ! Въ приказъ! Къ допросу!

Народъ отступаетъ.

То-то!

Оба пристава идутъ далѣе.

ЛАБАЗНИКЪ—*смотритъ имъ вслѣдъ.*

Христопродавцы! Ишь! Пошли по рынку
Выглядывать, съ кого-бъ еще содрать!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

И по дѣломъ тебѣ!

ДРУГОЙ.

Съ своимъ запасомъ
Чтобъ лопнулъ ты!

ТРЕТІЙ.

Мы съ голодухи мремъ,
А онъ сидитъ какъ крыса въ закромахъ
Да дуется!

Лабазникъ отходитъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А приставамъ пожива!

ПЕРВЫЙ.

Порядокъ, вишь, поставлены блюсти!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ну, ужъ порядокъ! Пусть бы царь узналъ!

ПЕРВЫЙ.

За взятки царь таки казнилъ ихъ прежде!
Я видѣлъ самъ: разъ девять человѣкъ
Висѣло рядомъ; а на шею имъ
Повѣшены ихъ посулы всѣ были!

ВТОРОЙ.

Да царь въ обиду не давалъ народъ!
Бывало, самъ выходитъ на крыльцо,
Отъ всякаго примаетъ челобитье

И рядитъ судъ, а судъ его недологъ:
Обидчикъ будь хоть князь иль воевода,
А уличенъ—такъ голову долой!

Подходитъ Кикинъ, переодѣтый въ странника, въ черномъ подрясникѣ, съ палкою и четками въ рукахъ.

КИКИНЪ.

Такъ прежде было, сыне, прежде было!
Теперь не то! Теперь, грѣхъ нашихъ ради,
Врагъ помрачилъ царевы очи. Нынѣ
Уже не царь, а Годуновъ всѣмъ правитъ,
Очами Годунова смотритъ царь!

Народъ столпляется вокругъ Кикина.

Вы слышали, что́ говорилъ лабазникъ?
Хозяйское, молъ, не свое добро!
А кто хозяинъ? тотъ же Годуновъ!
Кто цѣны набиваетъ! Годуновъ же!
Легко сказать! Четырнадцать алтынъ
Четверка ржи! Кабы не Годуновъ,
Она всего пошла бы два алтына!

Ропотъ въ народѣ.

Охъ, прогнѣвили Господа мы, братья!
Намъ му́ка по-дѣломъ! Глядимъ на грѣхъ
Сложимши руки, а еретикъ тотъ
Межъ тѣмъ царя обходитъ да обходитъ!

Ропотъ усиливается.

Господь не даромъ знаменье явилъ:
Кровавую хвостатую звѣзду!
Чай, видѣли ее вы?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Какъ не видѣть!

ДРУГОЙ.

Котору ночь она восходитъ тамъ
Надъ тою башней.

ТРЕТІЙ.

Вотъ она сейчасъ
Взойдетъ опять, лишь небо потемнѣетъ!

КИКИНЪ.

Великій гнѣвъ Господь являетъ ею!
То огненный подъятъ надъ нами мечъ,
За то, что мы царя, а съ нимъ всю землю
Еретику въ обиду злому дали!

ПЕРВЫЙ.

Отколѣ же то вѣдомо тебѣ?

КИКИНЪ.

Скитаюсь, сыне, по святымъ мѣстамъ;
Былъ въ Соловкахъ и на горѣ Аѳонской,
Въ Ерусалимѣ былъ, всего наслышанъ.
Моря исплавалъ, земли исходилъ,
Китъ-рыбу видѣлъ, птицу-Евстрафиль,
И Алатырь, горючій бѣлый камень!
Теперь иду отъ Кіева; тамъ чудо
Великое свершилось: со креста
Софійскаго былъ слышенъ велій гласъ:
Пророчилъ гибель русскому народу
За то, что терпитъ Годунова!

ПЕРВЫЙ.

Братцы!
Вы слышите, что̀ странникъ говоритъ!

КИКИНЪ.

И гласъ вѣщалъ: возстаньте, христіане!
На Годунова чресла опояшьте,
Бо отъ него всѣ бѣды на Руси!

ВТОРОЙ.

Слышь, замѣчай! Все зло отъ Годунова!

КИКИНЪ.

Такъ, сыне, такъ! Все зло отъ Годунова!
Онъ держитъ хлѣбъ, онъ язвы насылаетъ,
Онъ короля призвалъ на Русь, онъ хана
Поднять хвалился на Москву!

ТРЕТІЙ.

А, братцы?
Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ? Если правду онъ
Всему виной—мы порѣшимъ его!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Да правду-ль такъ?

КИКИНЪ.

Воистину и вправду!
Грѣхъ, сыне, намъ не вѣрить въ Божій гласъ!

ПЯТЫЙ.

Ты самъ ли слышалъ, отче странникъ?

КИКИНЪ.

Самъ!
Какъ разъ, когда народъ валилъ изъ церкви
Отъ всенощной, софійскій крестъ въ огнѣ
Явился весь и гласъ съ него раздался.
Не я одинъ, весь кіевскій народъ
Ему внималъ, и ницъ всѣ пали въ страхѣ!

ТРЕТІЙ.

Ребята! Что-жъ? Когда весь Кіевъ-городъ
Тотъ слышалъ гласъ, такъ стало быть ужъ правда!

ГОВОРЪ ВЪ НАРОДѢ.

Вѣстимо, правда! Значитъ, Годуновъ
Измѣнникъ! Да! измѣнникъ и колдунъ!

Онъ, стало, Божій гнѣвъ на насъ накликалъ!
Антихристъ онъ!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Эй, что̀ вы, братцы? Полно.
Грѣхъ вамъ его порочить!

ДРУГОЙ.

Вправду грѣхъ!
Опричь добра, о Годуновѣ, братцы,
Мы не слыхали ничего!

КРИКИ ВЪ НАРОДѢ.

Вороны!
Что слушать ихъ! Они за колдуна!
Крѣпки ли ребра? Бей того, кто будетъ
За вора говорить! Онъ хлѣбъ нашъ держитъ!
Антихристъ онъ! Всѣхъ нашихъ бѣдъ заводчикъ!
Такъ порѣшимъ его! Чего тутъ ждать!

Слышенъ голосъ Битяговскаго, поющаго удалую пѣсню

БИТЯГОВСКІЙ — *поетъ за сценой*

«Ужъ ты, пьяница-пропоица, скажи,
«Что̀ несешь ты подъ полою, покажи!»

ПЕРВЫЙ.

Кто тамъ горланитъ? Что онъ на-смѣхъ, что-ли,
Въ такую пору пѣсню затянулъ?

БИТЯГОВСКІЙ — *является, шапка на бекрень, кафтанъ нараспашку.*

«Изъ корчмы иду я, братцы, удалой,
«А несу себѣ я гусли подъ полой!»

КИКИНЪ—къ Битяговскому.

Великій грѣхъ въ такую пору, чадо,
Когда на насъ прогнѣвался Господь,
Когда являетъ знаменья на небѣ,
На землю-жъ гладъ и скорби посылаетъ.
Великій грѣхъ намъ суетѣ служить,
Веселію мірскому предаваться,
И суесловіемъ, и пѣснопѣньемъ
Діавола во адѣ потѣшать.

БИТЯГОВСКІЙ.

Красно, товарищъ, сказано! Жаль только,
Что невпопадъ! Когда-жъ и веселиться,
Коль не теперь? Аль не слыхали, братцы,
Какую милость намъ Господь явилъ?

ГОВОРЪ.

Какую? Говори! Какую милость?

БИТЯГОВСКІЙ.

А вотъ, ребята, слушайте! Бояре
Князь Шуйскій съ Бѣльскимъ—накажи ихъ Богъ!—
Задумали—чтобъ имъ на томъ свѣту
Въ смолѣ кипѣть!—задумали царя
Отравой извести!

ГОВОРЪ.

Слышь, слышь, ребята!

Кикинъ дѣлаетъ знаки Битяговскому.

БИТЯГОВСКІЙ—не обращая на него вниманія.

Господь грѣху не попустилъ свершиться!
Провѣдалъ ихъ злодѣйство Годуновъ,
Да тотъ пирогъ, что̀ для царя спекли,

Собакѣ бросилъ. Та его какъ съѣла—
Такъ и издохла!

НАРОДЪ.

Ахъ они злодѣи!
Ахъ окаянные! Да кто—сказалъ ты—
Кто спасъ царя? Кто бросилъ псу пирогъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Вѣстимо кто! Бояринъ Годуновъ!
Кому-жъ другому? Онъ и днемъ, и ночью
Блюдетъ царя! А безъ него давно
Проклятый Бѣльскій съ Шуйскимъ извели бы
Весь царскій корень!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА—къ Кикину.

Что-жъ ты говорилъ,
Что Годуновъ измѣнникъ!

КИКИНЪ.

Да, измѣнникъ!
Иль даромъ намъ Господь изъ-за него
И знаменья, и голодъ посылаетъ?

Тихо Битяговскому.

Съума ты. что-ль, сошелъ, аль пьянъ напился?

ВТОРОЙ—къ Кикину.

Какой же онъ измѣнникъ, коль царя
Отъ смерти спасъ онъ?

ТРЕТІЙ—къ Битяговскому.

Полно, такъ ли, братъ?
Вотъ странникъ слышалъ самъ, какъ обличалъ
Съ креста гласъ Божій Годунова!

БИТЯГОВСКІЙ.

Странникъ?
Какой? Вонъ этотъ, что-ли? Ха, ха, ха!
Хорошъ онъ странникъ! Онъ Прокофій Кикинъ,
Рязанскій дворянинъ! Мы съ нимъ частенько
По кружаламъ таскались! Изъ Рязани
Онъ далѣ не ходилъ, какъ до Москвы!

Ударяетъ Кикина по плечу.

Прокофій Силычъ, ты кого морочишь?
Вишь, нарядился Лазаремъ какимъ!

КИКИНЪ—тихо къ Битяговскому.

Рехнулся ты?

БИТЯГОВСКІЙ—тихо къ Кикину.

Ты за кого стоишь?

КИКИНЪ—тихо къ Битяговскому.

Какъ за кого? за Бѣльскаго! Вѣдь Бѣльскій
Насъ торговалъ!

БИТЯГОВСКІЙ—презрительно.

Пораньше было встать!

КИКИНЪ.

Такъ вотъ ты какъ, Іуда? Погоди-ка:
Я Бѣльскому скажу!

БИТЯГОВСКІЙ.

Небось не скажешь!
Вязать его ребята! Шуйскій съ Бѣльскимъ
Его къ намъ подослали.

КИКИНЪ.

Нѣтъ, неправда,
Его вяжите! Онъ отъ Годунова
Сюда подосланъ!

НАРОДЪ.

Кто ихъ разберетъ!
Одинъ изъ двухъ морочитъ насъ!—Ребята!
Что долго думать! Вздернемъ ихъ обоихъ!
—Зачѣмъ обоихъ?—Будетъ одного!—
Котораго? А перваго!—Второго!
Нѣтъ, перваго!

Слышенъ звонъ бубенъ. Григорій Годуновъ показывается верхомъ, съ двумя бирючами. За ними валитъ новая толпа.

НАРОДЪ.

Постой, ребята! тише!
Бояринъ ѣдетъ съ бирючами!—Смирно!
Онъ говоритъ къ намъ хочетъ! Тише!—Слушать!
Онъ говоритъ.

ГРИГОРІЙ ГОДУНОВЪ—говоритъ съ коня.

Зарѣченскіе люди
Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ!
Слуга царевъ, его бояринъ ближній,
Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ,
Шлетъ вамъ поклонъ! Скорбя о вашей долѣ
И вѣдая всѣ ваши тѣсноты,
Повѣтріе и ржи дороговизну,
Онъ хлѣбные запасы на Москвѣ,
Какіе есть, изъ собственной казны,
Скупаетъ всѣ, и завтра приказалъ
Раздать ихъ вамъ безденежно, а васъ
Молиться проситъ о его здоровьѣ!

НАРОДЪ.

Отецъ онъ нашъ!—Дай Богъ ему здоровья!—
Кормилецъ нашъ!—Слышь, Годуновъ намъ даромъ
Хлѣбъ раздаетъ!—Спаси его Господь!

Воздай ему сторицей!—Да живетъ
Бояринъ Годуновъ!—А кто сказалъ,
Что онъ намъ врагъ!—Кто подымалъ насъ, братцы,
На Годунова?—Гдѣ онъ, воръ-собака?
Да мы его на клочья разнесемъ!

Кикинъ хочетъ бѣжать; народъ бросается на него съ крикомъ.

Бей, бей его! Лови!

БИТЯГОВСКІЙ—заложа руки за поясъ.

Что̀, дурень, взялъ?
Впередъ смотри, откуда вѣтеръ дуетъ!

Внутренніе покои царя.

Ночь. Царица Марія Ѳедоровна, царевна Ирина Ѳедоровна и Марія Григорьевна глядятъ въ окно. На звѣздномъ небѣ вырѣзываются башни Кремля и церковныя главы. Между церквами Благовѣщенія и Ивана Великаго видна комета.

МАРІЯ ГОДУНОВА—къ Иринѣ.

Золовушка! смотри, какъ далеко
Звѣзда свой хвостъ раскинула! Какъ разъ
Надъ городомъ полъ-неба охватила!

ИРИНА.

Она какъ будто ярче съ каждой ночью
И больше все становится!

Входитъ царевичъ Ѳедоръ Іоанновичъ.

ѲЕДОРЪ—дергая Ирину за рукавъ.

Оставь,
Аринушка! Довольно! отойди!
Глядѣть на это долго не годится;
Оно вѣдь не къ добру!

ЦАРИЦА — къ Өедору.

Гдѣ государь?
Ужели все на знаменіе смотритъ?

ӨЕДОРЪ.

Да, матушка. Стоитъ все на крыльцѣ
И смотритъ на звѣзду. Мнѣ съ нимъ хотѣлось
Заговорить, но страшно было. Онъ
Все, молча, смотритъ, а кругомъ бояре
Очей поднять не смѣютъ на него.

ЦАРИЦА — задумчиво.

Уже который вечеръ ходитъ онъ
Всё на звѣзду смотрѣть!

ИРИНА.

И каждый разъ
Все пасмурнѣй приходитъ, и ни слова
Не вымолвитъ!

ӨЕДОРЪ.

Нерадостныя вѣсти
Его тревожатъ.

ИРИНА.

Правда ли, что ханъ
Ужъ подошелъ къ Окѣ?

ӨЕДОРЪ.

Борисъ сказалъ,
Что точно правда. Страшно и подумать!
Я вотъ хотѣлъ бы къ Троицѣ пѣшкомъ
Отправиться, молебенъ отслужить,
Да какъ спросить у батюшки, не знаю.

ИРИНА.

Ахъ, Господи! бѣда со всѣхъ сторонъ!
Ужъ не за тѣмъ ли и звѣзда явилась?

МАРІЯ ГОДУНОВА.

Богъ вѣсть! Недавно привезли сюда
Волхвовъ и ворожей, которыхъ царь
Собрать велѣлъ, чтобы они ему
Повѣдали, зачѣмъ она явилась.

ЦАРИЦА.

Волхвовъ? Помилуй Богъ! Царь видѣлъ ихъ?

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, матушка; но говорилъ Борисъ,
Что ужъ они гадали всѣмъ соборомъ
И батюшкѣ сегодня принести
Должны отвѣтъ.

ИРИНА.

Онъ, говорятъ, послалъ
За схимникомъ какимъ-то?

ѲЕДОРЪ.

Да, Арина:
Я отъ Бориса слышалъ, что послалъ.
То мужъ святой. Ужъ тридцать слишкомъ лѣтъ
Затворникомъ живетъ онъ. У него
Царь-батюшка спросить совѣта хочетъ.

ЦАРИЦА.

Дай Богъ, чтобъ схимникъ далъ ему совѣтъ!

ИРИНА.

Дай Господи! Зачѣмъ бы государю
Сбирать волхвовъ и на душу брать грѣхъ!

ѲЕДОРЪ—озираясь.

Ирина, тсъ! Въ сѣняхъ шаги какъ будто
Я батюшкины слышу!

СТОЛЬНИКЪ—поспѣшно отворяетъ дверь и говоритъ шопотомъ.

Царь идетъ!

Іоаннъ входитъ, опираясь одною рукою на посохъ, другою на плечо Бориса Годунова. За нимъ бояре.

ІОАННЪ—къ Ѳедору и женщинамъ.

Ступайте всѣ сюда!—Всѣ подойдите
И слушайте.

Садится.

Я знаменіе понялъ!
Волхвы, которыхъ я собрать велѣлъ,
Мнѣ новаго не скажутъ—самъ я понялъ!

Молчаніе. Ѳедоръ тихонько подталкиваетъ Ирину.

ИРИНА—боязливо къ Іоанну.

Царь-батюшка... дозволь тебя спросить,
Что̀ понялъ ты?

ІОАННЪ.

Вы видите звѣзду?
Она мнѣ смерть явилась возвѣстить!

ѲЕДОРЪ—бросаясь на колѣни.

Помилуй, батюшка! Помилуй, что̀ ты!

ІОАННЪ.

Встань и не хнычь. Еще успѣешь хныкать.
Сперва принять ты долженъ государство.
Встань, говорю тебѣ!

Женщины подымаютъ Ѳеодора.

Молчите, бабы!
Успѣете! Позвать ко мнѣ врача!
Царица Марья!—я съ тобой намедни
Негоже говорилъ—забудь о томъ.
Сынъ Өедоръ!—ты въ тяжелый, трудный часъ
Восходишь на престолъ—ты думалъ ли,
Что̀ будешь дѣлать, какъ меня не станетъ?

ӨЕДОРЪ.

Царь-батюшка! Когда ты насъ покинешь,
Не знаю, какъ и быть!

ІОАННЪ.

Ты долженъ знать!
Ты скоро царь. Не вѣкъ на колокольнѣ
Тебѣ звонить. Ты продолжать ли будешь
Войну, иль миръ съ Батуромъ учинишь?

ӨЕДОРЪ.

Какъ, батюшка, прикажешь!

ІОАННЪ.

По грѣхамъ
Мнѣ наказанье послано отъ Бога!
Иванъ, Иванъ! Мой старшій сынъ Иванъ!
Ты мнѣ не такъ бы отвѣчалъ!—Врача!

Входитъ врачъ Якоби.

А, вотъ ты? Что̀? Къ чему мнѣ послужила
Твоя наука? Умереть я долженъ!
Скажи, когда умру я? Говори!
Я знать хочу!

ЯКОБИ—пощупавъ пульсъ.

Великій царь, ты боленъ,
Но умирать тебѣ причины нѣтъ!

ІОАННЪ.

Неправда! я умру—я знаю вѣрно!
Кровавая звѣзда—я развѣ слѣпъ?
Я понялъ все!

ЯКОБИ.

Когда своимъ ты мнѣньемъ,
Великій царь, себѣ не повредишь,
Ты будешь здравъ. Тебѣ я головою
Готовъ за это отвѣчать.

ІОАННЪ.

Ты лжешь!
Тебя бояре подкупили; Курбскій!
И всѣ мои злодѣи подкупили,
Чтобъ умеръ я безъ покаянья. А?
Кто подкупилъ тебя?

ЯКОБИ.

Великій царь,
Твой мозгъ отъ долгихъ бдѣній раздраженъ
И кровь твоя воспалена. Дозволь
Тебѣ напитокъ на ночь приготовить,
Онъ освѣжитъ тебя.

ІОАННЪ.

Я не умру
Безъ покаянья! Слышишь? Я успѣю
Покаяться.

Къ боярамъ.

Успѣю—вамъ на зло!
Позвать волхвовъ! Отъ нихъ узнаю я,
Когда мой часъ придетъ. А до того
Я царь еще! Я наказать съумѣю

Того изъ васъ, кто хочетъ, чтобъ я умеръ
Какъ песъ, безъ покаянья!

Входятъ два волхва.

Вотъ они!
Зачѣмъ васъ только двое! Гдѣ другіе?

1-й волхвъ.

Всѣ вмѣстѣ, царь, мы въ Рафляхъ и въ Зодѣѣ
Три дня читали. Нынѣ нашъ соборъ
Насъ двухъ къ тебѣ съ отвѣтомъ присылаетъ.

Іоаннъ.

Ну—что же?

2-й волхвъ.

Царь, намъ страшно говорить!

Іоаннъ.

Я знаю все. Мнѣ смерть? Скажите прямо!

1-й волхвъ.

Такъ, государь.

Іоаннъ.

Когда?

1-й волхвъ.

Въ Кириллинъ день.

2-й волхвъ.

Въ Кириллинъ день—осьмнадцатаго марта.

Іоаннъ—про себя.

Осьмнадцатаго марта! Это скоро!
Я думалъ позже—я не ждалъ такъ скоро!

Къ волхвамъ.

Откуда вы?

1-й волхвъ.

Я родомъ изъ Кореловъ.

2-й волхвъ.

Я изъ Литвы.

іоаннъ.

А кто васъ научилъ
Кудесничать и звѣзды толковать?

1-й волхвъ.

Изъ рода въ родъ къ намъ перешло отъ предковъ.

іоаннъ.

Вы христіане?

2-й волхвъ.

Насъ крестили, царь.

іоаннъ.

Проклятые! Вы знаете-ль, что наша
Святая церковь ворожбы не терпитъ?

1-й волхвъ.

По твоему лишь царскому указу
Гадали мы.

іоаннъ.

По моему указу
Волхвовъ казнятъ. Зловѣщія уста
Я вамъ живымъ велю землей засыпать.

2-й волхвъ.

Мы не виновны, царь. Не наша власть
Изъ нашихъ устъ тебѣ вѣщаетъ.

ІОАННЪ.

Чья же?

1-й волхвъ.

Не спрашивай.

2-й волхвъ.

Не спрашивай насъ, царь!—
Ты знаешь самъ.

ІОАННЪ.

Нѣтъ! Богъ свидѣтель мнѣ,
Отъ власти той я отрекаюсь! Васъ же,
Богоотступниковъ, я выдамъ церкви!
Сковать обоихъ и съ другими вмѣстѣ
Отвесть въ тюрьму!

Волхвовъ уводятъ.

Осьмнадцатаго марта!
Немного дней осталось мнѣ. Явиться
Передъ Судьей пришла пора. Но я
Не дамъ моимъ врагамъ торжествовать
И съ міромъ всѣ мои покончу счеты!

Къ Годунову.

Борисъ! Сходи въ опочивальню—тамъ
На полицѣ лежитъ, подъ образами,
Начатый мной синодикъ. Принеси
Его сюда.

Годуновъ уходитъ. Іоаннъ продолжаетъ, косясь на бояръ.

Ни одного изъ тѣхъ,
Которыхъ я казнилъ за ихъ измѣны,
Я не оставлю безъ поминовенья—
Ни одного! Послѣднему холопу
Назначу вкладъ за упокой!—Что взяли!

Годуновъ возвращается съ бумагою.

Поди сюда. Такъ. Это тотъ синодикъ.
Прочти мнѣ вслухъ—возьми перо—и если
Кого-нибудь еще припомню я,
Того ты впишешь!

ГОДУНОВЪ—*беретъ перо и читаетъ.*

«Упокой, Господь,
«Твоихъ рабовъ: боярина Михайлу,
«Окольничьихъ Ивана и Петра,
«Боярина Василія съ женою,
«Да ихъ холопей тридцать человѣкъ.
«Помилуй воеводу князь-Григорья
«Съ княгинею, съ двумя ихъ дочерьми,
«Да съ малолѣтнимъ сыномъ, а при нихъ
«Холопей ихъ сто-двадцать человѣкъ.
«Боярина князь-Якова съ княгиней
«Маріею, съ княжной Елизаветой,
«Съ княжатами съ Никитой и съ Иваномъ.
«Да ихъ холопей сорокъ человѣкъ.
«Игуменовъ Корнилія, Васьяна,
«Архіерея Леонида, съ ними-жъ
«Пятнадцать иноковъ...»

ІОАННЪ.

Постой—пятнадцать?
Ихъ было болѣ—двадцать напиши!

ГОДУНОВЪ—*пишетъ и продолжаетъ.*

«Помилуй, Господи, и упокой
«Крестьянъ опальныхъ селъ и деревень
«Боярина Морозова, числомъ
«До тысячи двухсотъ! Трехъ нищихъ старцевъ,
«Затравленныхъ медвѣдемъ. Девять женокъ,
«Что̀ привезли изъ Пскова. Всѣхъ сидѣльцевъ,
«Которые сдалися королю

«И были имъ отпущены на волю,
«Числомъ двѣ тысячи... Новогородцевъ,
«Утопленныхъ и избіенныхъ,
«Двѣнадцать тысячъ, ихъ же имена
«Ты вѣси, Господи!...»

ІОАННЪ.

Постой!—За дверью
Тамъ кто-то говоритъ!

Бѣльскій выходитъ и тотчасъ возвращается.

БѢЛЬСКІЙ.

Дворецкій твой
Изъ слободы пріѣхалъ, государь.

ІОАННЪ.

Объ эту пору? Ночью? Чтó случилось?
Позвать его!

Входитъ дворецкій.

Зачѣмъ пріѣхалъ ты?

ДВОРЕЦКІЙ.

Царь-государь! Гнѣвъ Божій насъ постигъ!
Вчерашняго утра въ твой царскій теремъ
Ударилъ громъ и сжегъ его до тла!

ІОАННЪ.

Теперь? Зимой?

ДВОРЕЦКІЙ.

Гнѣвъ Божій, государь!
Въ морозное, безоблачное утро
Нашла гроза. Въ твою опочивальню
Проникла съ трескомъ молонья—и разомъ

Дворецъ вспылалъ. Никто изъ старожиловъ
Того не помнитъ, чтобъ когда зимою
Была гроза!

ІОАННЪ—про себя.

Да! Это Божій гнѣвъ!
Въ покоѣ томъ я сына умертвилъ—
Тамъ онъ упалъ—межъ дверью и окномъ—
Разъ только вскрикнулъ и упалъ—хотѣлъ
За пологъ ухватиться, но не могъ—
И вдругъ упалъ—и кровь его изъ раны
На пологъ брызнула—

Вздрогнувъ.

Что это было?
Борисъ!—оставь, оставь теперь синодикъ—
Мы послѣ кончимъ! Слышите? Что тамъ
Скребетъ въ подпольѣ? Слышите? Еще!
Еще! Все ближе! Да воскреснетъ Богъ!
Я царь еще! Мой срокъ еще не минулъ!
Я царь еще—покаяться я властенъ!
Ирина, Ѳедоръ, Марья! Станьте здѣсь—
Другъ подлѣ друга. Ближе, такъ, бояре!
Всѣ рядомъ станьте здѣсь передо мной—
Чего боитесь? Ближе! Я у всѣхъ—

Кланяется въ землю.

У всѣхъ у васъ прощенія прошу!

БѢЛЬСКІЙ—тихо къ Шуйскому.

Помилуй насъ Господь!

ШУЙСКІЙ—тихо къ Бѣльскому.

Остережемся—
Быть можетъ, онъ испытываетъ насъ!

ІОАННЪ—стоя на колѣняхъ.

Вы, вѣрные рабы мои и слуги!
Межъ вами нѣтъ ни одного, кого-бъ
Не оскорбилъ я дѣломъ или словомъ!
Простите-жъ мнѣ! Ты, Бѣльскій,—ты, Захарьинъ,—
Ты, князь Мстиславскій,—ты, князь Шуйскій,—ты...

ШУЙСКІЙ.

Помилуй, государь! Тебѣ-ль у насъ
Прощенія просить?

ІОАННЪ.

Молчи, холопъ!
Я каяться и унижаться властенъ
Предъ кѣмъ хочу! Молчи и слушай! Каюсь:
Моимъ грѣхамъ нѣсть мѣры, ни числа!
Душою скотенъ—разумомъ растлѣнъ—
Прельстился я блещаньемъ багряницы,
Главу мою гордыней осквернилъ,
Уста—божбой, языкъ мой—срамословьемъ;
Убійствомъ—руки и грабленьемъ злата,
Утробу—объяденіемъ и пьянствомъ,
А чресла—несказуемымъ грѣхомъ!
Бояре всѣ! Я васъ молю—простите,
Вы всѣ простите вашему царю!

Кланяется въ землю.

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Когда то Божья воля,
Чтобъ ты отъ міра въ вѣчность отошелъ,
То о дѣлахъ теперь подумать долженъ
И о войнѣ, которую оставишь
Въ наслѣдство сыну, а грѣхи твои
Мы всѣ тебѣ усердно отпускаемъ
И Господа всѣ молимъ за тебя!

ІОАННЪ — вставая.

Ты правъ, старикъ. Сынъ Ѳедоръ, подойди
Немного дней—и ты на царство сядешь—
Услышь теперь послѣдній мой наказъ:

Опускается въ кресла.

Царя съ любовію, и съ благочестьемъ,
И съ кротостью. Напрасно не клади
Ни на кого ни казни, ни опалы.
Моимъ врагамъ, которыми отъ царства
Я прогнанъ былъ и, аки бѣдный странникъ,
Искалъ себѣ пріюта на Руси,
Не мсти по мнѣ—Всевышній насъ разсудитъ!
Мою царицу, мачиху твою,
Блюди и милуй; съ Дмитріемъ же, съ братомъ,
Будь за-одинъ; не захоти никакъ
Присвоивать себѣ его удѣла,
Занеже Каинъ Авеля убилъ,
Наслѣдства же не взялъ братоубійца.
Войну съ Литвой старайся кончить миромъ
И силы всѣ на хана устреми.
Совѣтуйся съ Борисомъ; вѣрь ему;
Онъ вѣдаетъ мои предначертанья
И въ думномъ дѣлѣ мной самимъ отъ млада
Былъ вразумленъ. На первый разъ тебѣ
Онъ дѣлатель изрядный будетъ. Послѣ-жъ
Дѣламъ посольскимъ, ратнымъ и судейскимъ
Самъ навыкай, чтобъ не тебѣ другіе,
А ты-бъ другимъ указывалъ во всемъ.
Опричнину-жъ ты снова-ль учредишь,
Иль будешь всей землею государить—
Въ твоей то́ волѣ—ты разсудишь самъ
Какъ то́ тебѣ и брату прибыльнѣе,
А образецъ вамъ учиненъ готовъ.
Ты все ли понялъ?

ѲЕДОРЪ.

Батюшка! Дастъ-Богъ,
Ты не умрешь! Дастъ-Богъ, еще меня ты
Переживешь молитвами моими!
А мнѣ куда на царство? Самъ ты знаешь,
Я не готовился къ тому!

ІОАННЪ—гнѣвно.

Ѳедоръ!
Тебя не спросятъ: нéлюбо иль любо—
Ты за меня на царство долженъ сѣсть,
Когда меня не станетъ!

ѲЕДОРЪ.

Не гнѣвись,
Царь-батюшка—но я молю тебя—
Поставь другого! Мало-ль на Руси
Людей меня достойнѣйшихъ и лучшихъ,
А я, царь-батюшка, доволенъ былъ бы
И небольшимъ удѣломъ.

ІОАННЪ.

Пономарь!
Я говорю съ тобой какъ съ мужемъ, ты же
Какъ баба отвѣчаешь! Горе! горе!
Сыноубійцѣ мститъ за брата братъ!
Иванъ, мой сынъ! Мой сынъ, убитый мною!
Я для того-ль всю жизнь провелъ въ борьбѣ,
Сломилъ бояръ, унизилъ непокорство,
Вокругъ себя измѣну подавилъ
И на крови наслѣдный мой престолъ
Такъ высоко поставилъ, чтобы вдругъ
Все рушилось со мной!

Григорій Нагой входитъ съ бумагами.

ГР. НАГОЙ.

Великій царь,
Двѣ грамоты къ тебѣ!

ІОАННЪ.

Отдай Борису
Пусть онъ прочтетъ!

ГОДУНОВЪ—просмотрѣвъ обѣ грамоты.

Изъ Серпухова пишутъ.
Великій государь, что чрезъ Оку
Переправляться ханъ ужъ начинаетъ;
А изъ Казани—что кругомъ возстала
Вся Луговая Черемиса вмѣстѣ
Съ Ногаями.

ІОАННЪ.

Нѣтъ! Столько разомъ бѣдъ
Упасть не можетъ на одну главу!
Не вѣрю! Нѣтъ! Подай сюда листы!

Годуновъ подаетъ ему грамоты; онъ долго въ нихъ смотритъ, роняетъ и остается недвижимымъ. Молчаніе. Входитъ стольникъ и шепчетъ на ухо Бѣльскому.

БѢЛЬСКІЙ—къ Іоанну.

Великій царь! Къ тебѣ пришелъ тотъ схимникъ,
Котораго ты привести велѣлъ.

ІОАННЪ—вздрогнувъ.

Впустить его. Вы всѣ ступайте прочь—
Я съ нимъ хочу наединѣ остаться.

Всѣ уходятъ.

ІОАННЪ—одинъ.

Всевышній Боже! Просвѣти мой разумъ!

Остается погруженъ въ размышленія. Черезъ нѣсколько времени входитъ схимникъ. Іоаннъ встаетъ и преклоняетъ предъ нимъ главу.

Благослови меня, отецъ!

СХИМНИКЪ—благословляетъ его.

Во имя
Отца и Сына и Святаго Духа.

ІОАННЪ—садясь.

Я много слышалъ о тебѣ. Ты долго
Затворникомъ живешь. Въ глубокой кельѣ
Свой слухъ и зрѣнье суетѣ мірской
Ты заградилъ. Такимъ мужамъ, какъ ты,
Господь даритъ чудесное прозрѣнье
И ихъ устами истину гласитъ.

СХИМНИКЪ.

Такъ, сынъ мой; есть въ Минеяхъ Четіяхъ
Тому примѣры; но до тѣхъ мужей
Мнѣ далеко.

ІОАННЪ.

Давно ты схиму принялъ?

СХИМНИКЪ.

Въ тотъ самый годъ, когда ты, государь,
Казань завоевалъ; а сколько лѣтъ
Тому прошло—не вѣдаю.

ІОАННЪ.

Тому
Ужъ тридцать лѣтъ. И съ самой той поры
Ты заперся отъ міра?

СХИМНИКЪ.

Я сегодня
Его увидѣлъ снова въ первый разъ.
Изъ подземельной келіи моей
Меня насильно вывели.

ІОАННЪ.

Прости,
Святой отецъ, что потревожилъ я
Твое уединенье и молитвы,
Но мнѣ былъ нуженъ твой совѣтъ. Скажи,
Наставь меня, какъ отвратить мнѣ гибель
Отъ всей земли и отъ престола?

СХИМНИКЪ.

Гибель?
Какую гибель?

ІОАННЪ.

Развѣ ты не знаешь!

СХИМНИКЪ.

Не знаю, сынъ мой. Вѣсти до меня
Не доходили.

ІОАННЪ.

Отче, за грѣхи
Господь меня караетъ. Королю
Онъ одолѣнье надо мной послалъ—
Ливонію воюютъ Шведы—ханъ
Идетъ съ ордою на Москву—Ногаи
И Черемисы бунтомъ возстаютъ—
Что́ дѣлать мнѣ?

СХИМНИКЪ.

Великія-жъ съ тѣхъ поръ
Настали перемѣны! Ты въ то время

Врагамъ былъ грозенъ. Ты стоялъ высоко;
Никто не смѣлъ подняться на тебя;
Мы-жъ знаменья не разъ воспоминали,
Которымъ при рожденіи твоемъ
Свидѣтелями были: въ самый часъ,
Какъ ты рождался, громъ ударилъ въ небѣ,
Весь день гремѣлъ при солнечномъ сіяньи,
И было такъ по всей Руси; и много
Отшельниковъ пришло изъ разныхъ странъ
Предвозвѣстить твое величье
И колыбель твою благословить.

ІОАННЪ.

Такъ, мой отецъ. И милостивъ былъ долго
Ко мнѣ Господь; но нынѣ отъ меня
Свою десницу отнялъ Онъ. Престолъ мой
Шатается; враги со всѣхъ сторонъ
Меня тѣснятъ!

СХИМНИКЪ.

Пошли на встрѣчу имъ
Твоихъ вождей. Довольно у тебя
Есть воеводъ. Они тебѣ привыкли
Языцей покорять.

ІОАННЪ.

Святой отецъ,
Вождей тѣхъ нѣтъ, которыхъ ты знавалъ!

СХИМНИКЪ.

Ни одного? А гдѣ-жъ Горбатый Шуйскій,
Князь Александръ Борисовичъ, который
Разбилъ на Волгѣ князя Япанчу?

ІОАННЪ.

Онъ измѣнилъ мнѣ—и казненъ.

СХИМНИКЪ.

Горбатый?
Онъ вѣрный былъ тебѣ слуга. А гдѣ
Князь Ряполовскій, тотъ, что столько славныхъ
Побѣдъ надъ ханомъ одержалъ?

ІОАННЪ.

Казненъ.

СХИМНИКЪ.

А Ѳедоровъ, конюшій твой, который
Въ землѣ Рязанской сокрушилъ орду
И полонилъ царевича Мамая?

ІОАННЪ.

Онъ мной убитъ за то, что захотѣлъ
Похитить у меня престолъ мой.

СХИМНИКЪ.

Царь,
Въ твоихъ рѣчахъ я истины не слышу!
Всѣ тѣ мужи тебѣ служили вѣрно—
Я зналъ ихъ всѣхъ. Но у тебя остался
Бояринъ князь Михайло Воротынскій?
Когда Казань мы брали, первый онъ
Крестъ водрузилъ на вражіей стѣнѣ.
Врагамъ онъ вѣдомъ!

ІОАННЪ.

Онъ на пыткѣ умеръ.

СХИМНИКЪ.

Князь Воротынскій!—Царь!—А гдѣ же Пронскій,
Князь Турунтай, который въ славной битвѣ
Подъ Полоцкомъ Литву разбилъ?

ІОАННЪ.

Утопленъ.

СХИМНИКЪ.

Да будетъ милостивъ къ тебѣ Господь!..
Но Курбскій, князь Андрей Михайлычъ, твой
Сподвижникъ добрый въ славный день казанскій?

ІОАННЪ.

Не спрашивай о немъ! Меня онъ бросилъ—
Мнѣ измѣнилъ—и ко врагамъ моимъ
Ушелъ въ Литву.

СХИМНИКЪ.

Въ былое время, помню,
Тебя любили; отъ тебя никто
Не уходилъ; изъ дальнихъ странъ стекались
Тебѣ служить. Но гдѣ-жъ князья: Щербатый?
Щенятевъ? Оболенскій?

ІОАННЪ.

Мой отецъ,
Не называй ихъ—ихъ ужъ нѣтъ.

СХИМНИКЪ.

А Кашинъ?
А Бутурлинъ? Серебряный? Морозовъ?

ІОАННЪ.

Всѣ казнены.

СХИМНИКЪ.

Какъ? Всѣ до одного?

ІОАННЪ.

Всѣ, отче,—всѣ.

СХИМНИКЪ.

Всѣхъ погубилъ ты?

IOАННЪ.

Всѣхъ.

Молчаніе.

Я каялся, отецъ мой. Мнѣ недолго
Осталось жить—я долженъ умереть—
И срокъ ужъ мнѣ назначенъ.

СХИМНИКЪ.

Кто тебѣ
Назначилъ срокъ?

IOАННЪ.

Не спрашивай, отецъ мой!—
Не спрашивай—но вразуми меня,
Какъ царство мнѣ спасти?

СХИМНИКЪ.

Когда-бъ ты не былъ
И слабъ, и хворъ, я бы сказалъ тебѣ:
Встань, государь! И за святое дѣло
Самъ поведи на брань свои полки!
Но ты согбенъ недугомъ—я въ тебѣ
Не узнаю воителя Казани,
И долженъ ты другому воеводство
Свое вручить, такому, чье бы имя
Одушевило Русь. Твой сынъ Иванъ
Теперь быть долженъ возмужалый воинъ—
Пошли его.

IOАННЪ—быстро вставая.

Монахъ! Ты для того ли
Его назвалъ, чтобъ издѣваться мнѣ!
Ты смѣлъ назвать Ивана? Я тебѣ
Велю языкъ твой вырвать!

СХИМНИКЪ.

Царь, твой гнѣвъ
Не страшенъ мнѣ, хотя и непонятенъ.
Уже давно я смерти жду, мой сынъ!

ІОАННЪ—садясь.

Прости меня! Прости! отецъ святой!
Но неужель ты ничего не слышалъ?
Ужель въ твою обитель никакая
Вѣсть не проникла?

СХИМНИКЪ.

Дверь въ мою обитель
До дня сего задѣлана была,
И проникалъ въ глухое подземелье
Лишь дальній гулъ Господней непогоды
Да слабый звонъ святыхъ колоколовъ.

ІОАННЪ.

Отецъ мой,—я исполнить не могу
Совѣта твоего: мой сынъ Иванъ—
Преставился!

СХИМНИКЪ.

Кто-жъ твой наслѣдникъ нынѣ?

ІОАННЪ.

Второй мой сынъ, Ѳеодоръ; но и тѣломъ,
И духомъ слабъ онъ. Нечего и думать,
Ждать отъ него пособія иль дѣла!

СХИМНИКЪ.

Тогда—у Бога помощи проси!

ІОАННЪ.

И никакого наставленья болѣ
Ты мнѣ не дашь?

СХИМНИКЪ.

Царь, прикажи меня
Отвесть обратно въ келію мою.

ІОАННЪ—вставая.

Святой отецъ, молися за меня!

СХИМНИКЪ.

Всемилостивый Богъ да ниспошлетъ
Миръ совѣсти твоей!

ІОАННЪ—провожаетъ схимника и, отворивъ дверь, говоритъ.

Святого старца
Отвесть опять въ его обитель! Вы же
Всѣ можете войти!

Өедоръ и бояре входятъ.

ІОАННЪ—садится и говоритъ, помолчавъ.

Мстиславскій! Бѣльскій!
Захарьинъ! Годуновъ! Цѣлуйте крестъ,
Что будете Өеодору служить
До смерти и до крови!—Ты-жъ, Өеодоръ,
Имъ четверымъ довѣрься. Ничего
Не начинай безъ ихъ совѣта. Если-жъ
Господь дозволитъ, чтобы князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій уцѣлѣлъ во Псковѣ,
Онъ будетъ пятый. Имъ я завѣщаю
Съ тобою вмѣстѣ Русью управлять.

Подаетъ имъ свой нагрудный крестъ.

Цѣлуйте крестъ!

МСТИСЛАВСКІЙ, ЗАХАРЬИНЪ, БѢЛЬСКІЙ, ГОДУНОВЪ,—прикладываясь ко кресту.

Цѣлуемъ, государь!

ІОАННЪ.

Пословъ въ Литву отправить сею-жъ ночью

И добрый миръ, во что бы то ни стало,
Хотя на срокъ съ Батуромъ учинить.
«Челомъ-де бью возлюбленному брату
«Стефану королю»—и полный титулъ
Весь прописать его, въ концѣ-жъ назвать
Владѣтелемъ ливонскимъ— такъ онъ хочетъ—
«Землею-де Ливонской бью челомъ
«Возлюбленному брату, и прошу
«Оставить мнѣ одинъ лишь городъ Юрьевъ,
«А достальное будетъ все его!»
Ему же уступаю города:
Велижъ, Усвятъ, Озéрище и Полоцкъ,
Изборскъ, Себежъ, Холмъ, Заволочье, Островъ,
Гдовъ, Невель, Луки, Красный и другіе
Всѣ города, имъ взятые у насъ!

Ропотъ между боярами.

ЗАХАРЬИНЪ.

Помилуй, государь! Такое стыдно
Намъ заключать условье!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Государь!
Вели намъ всѣмъ идти на бой съ Батуромъ,
Лишь не вели срамиться намъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Дозволь,
Великій царь, мы все имѣнье наше
Пожертвуемъ!

ВСѢ БОЯРЕ—говорятъ наперерывъ.

Всѣ ляжемъ за тебя!
Все продадимъ! Заложимъ земли наши!

До смерти постоимъ! Прольемъ до капли
Всю нашу кровь! Умремъ до одного!
Лишь нашихъ русскихъ, кровныхъ городовъ
Не прикажи намъ отдавать!

ІОАННЪ.

Молчите!
Я развѣ радъ тому?—Нельзя иначе;
Забыли вы, что ханъ ужъ подъ Москвой?
Что Черемисы поднялись? Что Шведы
Грозятъ идти на Новгородъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Но, царь,
Псковъ нашъ еще! Доколѣ онъ не сдастся,
Батуръ не можетъ тыломъ стать къ нему!
Онъ далѣ не пойдетъ! Въ его полкахъ
Мятежъ и моръ, безденежье и голодъ—
Пожди еще—пожди, и скоро онъ,
Осаду снявъ, уйдетъ и всѣ свои
Завоеванья намъ отдастъ!

ІОАННЪ.

Нельзя!
Нельзя мнѣ ждать! Кровавая звѣзда
Меня зоветъ! Отъ Ѳедора же болѣ
Еще Батуръ потребуетъ! Нельзя!

БѢЛЬСКІЙ.

Но, государь, ты слышишь: бунтъ, и голодъ.
И моръ въ ихъ войскѣ! Неужель теперь,
Теперь—когда напоромъ дружнымъ можно
Ихъ разгромить—мы имъ уступимъ столь
Владѣній русскихъ?

ІОАННЪ.

Намъ не побѣдить!
Забыли вы, что не ему, а мнѣ
Вонъ та звѣзда погибель предвѣщаетъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Когда-бъ и въ самомъ дѣлѣ
Ты самъ погибъ—зачѣмъ же хочешь ты
И Русь еще губить съ собой?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Зачѣмъ
Унизить хочешь нашу честь?

ІОАННЪ—гордо.

Когда,
Мои грѣхи предъ смертью искупая,
Я унижаюсь—*я*, владыко вашъ—
Тогда не вамъ о вашей чести думать!
Ни слова болѣ!—Шуйскій! ты къ разсвѣту
Мнѣ грамоту къ Батуру изготовишь,
А Пушкину съ товарищи велишь,
Чтобы, чѣмъ свѣтъ, они сбирались ѣхать;
Чтобы они въ своихъ переговорахъ
Вели себя смиренно, кротко, тихо,
Чтобы сносили брань и оскорбленья
Безропотно—чтобъ все сносили—все!

БОЯРЕ.

Нѣтъ, государь! Нѣтъ! Этого нельзя!
Ты въ нашихъ головахъ, въ имѣньи нашемъ,
Во всемъ воленъ! Но въ нашей земской чести
Ты не воленъ! Нѣтъ, государь! Такого
Никто наказа не подпишетъ!

ІОАННЪ — вставая.

Такъ-то
Присягу бережете вы свою?
Такъ помните Писанье? Въ оный день,
Когда хотѣлъ съ престола я сойти,
Зачѣмъ меня соборомъ вы молили
Остаться на престолѣ? Иль въ тотъ день
Я власть отъ васъ условную пріялъ?
Иль я не тотъ же царь, который вамъ
Отъ Бога данъ и вами-жъ избранъ снова?
Иль есть у васъ иной отвѣтъ, какъ только
Повиноваться мнѣ? Иль, быть можетъ,
Такъ мало дней осталося мнѣ жить,
Что ужъ не стóитъ мнѣ повиноваться?
Клятвопреступники! Мой срокъ не минулъ!
Я царь еще! Кто смѣетъ говорить,
Что я не царь? Ницъ! Въ прахъ передо мною!
Я вашъ владыко!..

Шатается.

ГОДУНОВЪ — подхватывая его.

Государю дурно!
Позвать врачей!

ІОАННЪ — поддерживаемый Годуновымъ.

Подъ страшной смертной казнью,
Пословъ, немедля, снарядить! Велѣть имъ,
Чтобъ все сносили — все терпѣли — все —
Хотя-бъ побои!

Бояре удаляются.

Боже всемогущій!
Ты своего помазанника видишь —
Достаточно-ль униженъ онъ теперь!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Домъ Годунова.

Годуновъ и жена его провожаютъ съ поклонами царевича Θедора.

ГОДУНОВЪ.

Прости-жъ, царевичъ! Много благодарны
Тебѣ за честь! Да не кручинься болѣ!
Ты видишь—вотъ Кирилливъ день насталъ,
Бѣды-жъ съ собою не принесъ: напротивъ,
Сегодня стало государю легче
И добрыя все вѣсти къ намъ пришли:
Царевъ гонецъ успѣлъ его посольство
Вернуть назадъ; разливъ мѣшаетъ хану
Прейти Оку; а что король со Пскова
Осаду снялъ, та вѣсть еще и прежде
Оправила царя! Пожди немного,
И скоро здравъ онъ будетъ.

МАРІЯ ГОДУНОВА.

Государь!
Куда-жъ спѣшишь ты? Я вѣдь и закуской
Попотчивать тебя-то не успѣла!

ΘЕДОРЪ.

Уволь, невѣстушка! Хотя и легче
Сегодня стало батюшкѣ-царю,
А все на сердцѣ какъ-то неспокойно.

Вся на тебя моя надежда, шуринъ;
Не отрекись отъ слова своего!
Когда бы что̀, не дай Господь, случилось,
Я буду какъ въ лѣсу! Тогда ужъ ты мнѣ
Указывай, что̀ дѣлать!

ГОДУНОВЪ.

Я, царевичъ,
Тебѣ слуга и вѣрный твой холопъ;
Но еслибъ что̀ случилось, посмотри:
Мнѣ не дадутъ тебѣ служить; всѣ будутъ
Меня чернить!

ѲЕДОРЪ.

Я не повѣрю имъ!
Отецъ тебя мнѣ слушаться велѣлъ,
И на тебя во всемъ я положуся.
Прости-жъ, Борисъ! Прости же, дорогая
Невѣстушка! Прошу не провожать!

Уходитъ, сопровождаемый Годуновымъ.

МАРІЯ — одна.

О, Господи! Когда бы этотъ день
Скорѣй прошелъ! Что̀ мужъ ни говори,
А самъ онъ неспокоенъ. Мнѣ-жъ всю ночь
Каменье драгоцѣнное все снилось
И крупный жемчугъ — и руками царь
Все рылся въ немъ, и яхонты, любуясь,
Пересыпалъ. Къ бѣдѣ, а не къ добру
Такіе сны!

Задумывается.

ГОДУНОВЪ — возвращается и смотритъ на нее.

Марія, что̀ съ тобою?

МАРІЯ.

Прости меня! Мнѣ страшенъ этотъ день!
Ворожеи...

ГОДУНОВЪ.

Ворожеи солгали:
Царь сталъ бодрѣй. Я видѣлъ самъ его.

МАРІЯ.

Однако еслибъ—еслибъ не солгали
Ворожеи?

ГОДУНОВЪ—понижая голосъ.

Когда бы тó случилось—
Скажи, Марія—мы теперь одни—
Ужели-бъ ты?...

МАРІЯ.

Нѣтъ, господинъ мой, нѣтъ!
Не за него, а за тебя мнѣ страшно!

ГОДУНОВЪ.

Какъ? За меня?

МАРІЯ.

Не говорилъ ли Өедоръ,
Что если чтó случится, онъ не знаетъ,
Кàкъ быть ему? Что долженъ будешь ты
Ему во всемъ указывать? Борисъ!
Чтò, если вдругъ сегодня на тебя
Падетъ вся тягость государства? Если
За мятежи, за голодъ, за войну,
За все, за все передъ землею будешь
Ты отвѣчать?

ГОДУНОВЪ.

Когда бы въ самомъ дѣлѣ
Случилось то, чего боишься ты,
Не слабою рукою-бъ я тогда
Пріялъ бразды! Не власти я страшуся,
Я чувствую въ себѣ довольно силы
Русь поддержать въ годину тяжкихъ бѣдъ!
Нѣтъ, я страшусь, что выпадетъ на долю
Не полная мнѣ власть. Правитель царства.
Каковъ ни будь онъ—тѣнь лишь государя;
Онъ съ завистью другихъ бороться долженъ,
И мысль свою не можетъ воплотить
Завѣтную—всецѣльно, безъ ущерба,
Какъ могъ бы я, когда бы не въ подданствѣ.
А на престолѣ былъ рожденъ!

МАРІЯ.

О, будемъ
Мы Господа благодарить за то,
Что не высоко рождены. Ужасенъ
Отвѣтъ царей!

ГОДУНОВЪ.

А этого царя
Отвѣтъ еще ужаснѣй будетъ. Но
Напрасно ты тревожишься. Недугъ
Его прошелъ, и много лѣтъ, быть можетъ,
Еще пройдетъ, пока ему придется
Свой дать отвѣтъ.

МАРІЯ.

Ты неспокоенъ самъ!

ГОДУНОВЪ.

Спокоенъ я—все къ лучшему—солгали

Ворожеи. Поди къ себѣ, Марія,
Оставь меня; мнѣ дѣло есть.

Марія уходитъ. Годуновъ отворяетъ боковую дверь и впускаетъ двухъ скованныхъ волхвовъ. Потомъ садится и смотритъ на нихъ молча.

ГОДУНОВЪ—значительно.

Сегодня
Кириллинъ день, осьмнадцатое марта!

1-й ВОЛХВЪ.

Такъ, государь.

ГОДУНОВЪ.

Царю сегодня лучше.

2-й ВОЛХВЪ.

Спаси его Господь!

ГОДУНОВЪ.

Вы, стало быть,
Ошиблися, когда ему сегодня
Кончину предсказали?

1-й ВОЛХВЪ.

Чтò мы въ звѣздахъ
Прочли, тó и сказали.

ГОДУНОВЪ.

Отчего же
Такъ скоро спалъ съ него недугъ?

1-й ВОЛХВЪ.

Не знаемъ!
Но дологъ день, и солнце не зашло.

Молчаніе.

ГОДУНОВЪ.

А обо мнѣ, какъ я вамъ указалъ,
Гадали вы?

1-й ВОЛХВЪ — озираясь.

Гадали, государь.

ГОДУНОВЪ.

Вы можете здѣсь говорить открыто—
Насъ не услышатъ. Что̀ узнали вы?

1-й ВОЛХВЪ.

Сплетаются созвѣздія твои
Съ созвѣздіями вѣнчанныхъ государей.
Но три звѣзды покамѣстъ затмеваютъ
Величіе твое. Одна изъ нихъ
Угаснетъ скоро.

ГОДУНОВЪ.

Говори яснѣй!

1-й ВОЛХВЪ.

Чѣмъ далѣ путь твой стелется, тѣмъ шире,
Тѣмъ ярче онъ.

ГОДУНОВЪ.

Куда онъ приведетъ?

2-й ВОЛХВЪ.

Чего душа твоя желала,
Въ чемъ самъ себѣ признаться ты не смѣлъ—
То̀ сбудется.

ГОДУНОВЪ.

Волхвы! Скажите прямо,
Что̀ ожидаетъ въ будущемъ меня?

ОБА ВОЛХВА — становятся на колѣни.

Когда на царскій сядешь ты престолъ,
Своихъ холопей помяни, бояринъ!

ГОДУНОВЪ — втавая.

Въ умѣ ли вы!

1-й ВОЛХВЪ.

Такъ выпало гаданье.

ГОДУНОВЪ.

Тсъ! Тише! Тише! Стѣны насъ услышатъ!
Подходитъ къ дверямъ, осматриваетъ ихъ и останавливается передъ волхвами.
Кудесники! Когда-бъ я могъ подумать,
Что вы теперь морочите меня,—
Для васъ на свѣтъ бы лучше не родиться!

1-й ВОЛХВЪ.

Мы говоримъ, чтó видимъ. Мы читали
Въ небесныхъ знакахъ; прочіе-жъ на кровь
И дымъ гадали, и во мглѣ туманной
Всѣ на престолѣ видѣли тебя
Въ вѣнцѣ и въ царскихъ бармахъ...

ГОДУНОВЪ.

Тише, тише!
Когда случится то, чтó вы сказали?

1-й ВОЛХВЪ.

Когда—не знаемъ.

ГОДУНОВЪ.

Много ли мнѣ лѣтъ
Царить придется?

2-й волхвъ.

Твоего царенья
Семь только будетъ лѣтъ.

годуновъ.

Хотя-бъ семь дней!
Но чѣмъ достигну я верховной власти?

1-й волхвъ.

Не вѣдаемъ.

годуновъ.

Кого бояться мнѣ?

2-й волхвъ.

Не спрашивай.

годуновъ.

Я знать хочу, кто главный
Противникъ мой?

1-й волхвъ.

Темны его примѣты.

годуновъ.

Скажите ихъ!

1-й волхвъ.

Онъ слабъ, но онъ могучъ.

2-й волхвъ.

Самъ и не самъ.

1-й волхвъ.

Безвиненъ передъ всѣми.

2-й волхвъ.

Врагъ всей землѣ и многихъ бѣдъ причина.

1-й волхвъ.

Убитъ, но живъ.

Годуновъ.

Нѣтъ смысла въ сихъ словахъ!

1-й волхвъ.

Такъ выпало гаданье. Болѣ знать
Намъ не дано.

Годуновъ.

Съ меня пока довольно.
Въ темницу васъ обратно отведутъ;
Я-жъ вò-время васъ выпустить велю
И награжу по-царски. Но смотрите!
Приказываю вамъ подъ смертной казнью
Самимъ забыть, чтò вы сказали мнѣ!

Отворяетъ дверь—волхвы уходятъ.

Годуновъ—одинъ.

«Чего давно душа моя желала,
Въ чемъ самъ себѣ признаться я не смѣлъ!»
Да, это такъ! Теперь я вижу ясно,
Какая цѣль свѣтила мнѣ всегда!
Теперь впередъ, впередъ идти мнѣ надо
И прорицанье ихъ осуществить.
Насъ не судьба возноситъ надъ толпою,
Она лишь случай въ руки намъ даетъ—
И сильный мужъ не ожидаетъ праздно,
Чтобъ чудо кверху подняло его.

Судьбѣ помочь онъ долженъ. Случай есть—
И дѣйствовать приходитъ мнѣ пора!

Топаетъ ногой. Входитъ дворецкій.

Позвать сюда котораго-нибудь
Изъ государевыхъ врачей!

Дворецкій уходитъ.

Семь лѣтъ!
Семь только лѣтъ! И вѣдать не дано мнѣ,
Далекъ тотъ день иль близокъ? Между тѣмъ
Часы бѣгутъ. Безумьемъ Іоанна
Все рушится—и для моей державы
Готовятся развалины однѣ...
«Но солнце не зашло еще!» сказали
Сейчасъ волхвы... Кто знаетъ? Можетъ быть?..
Умри сегодня этотъ звѣрь, сегодня-жъ
Мой слабодушный деверь власть свою
Мнѣ передастъ—*я* буду господиномъ!..
Но то ли мнѣ волхвы сулили? Нѣтъ!
Они въ вѣнцѣ и бармахъ, на престолѣ,
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ видѣли меня!
Они сказали: «Три звѣзды покамѣстъ
Мое величье затмеваютъ—три!»
Одна изъ нихъ—то Іоаннъ, другая—
Царевичъ Ѳедоръ, третья—кто-жъ иной,
Какъ не Димитрій? Тотъ противникъ сильный.
Котораго бояться долженъ я,
Кому-жъ и быть ему, какъ не младенцу
Димитрію? Онъ, онъ—преграда мнѣ!
«Слабъ, но могучъ,—безвиненъ, но виновенъ;—
Самъ и не самъ»—оно какъ разъ подходитъ
Къ Димитрію! Но чтó могло бы значить:
«Убитъ, но живъ»? Какъ дико мнѣ звучитъ
Зловѣщее, загадочное слово:
«Убитъ, но живъ!» Кѣмъ будетъ онъ убитъ?
Не можетъ быть! А еслибъ кто и вправду

Рѣшился руку на него поднять,
То какъ ему, убитому, воскреснуть?
Я словно въ бездну темную гляжу!
Рябитъ въ глазахъ и путаются мысли...
Довольно! прочь безплодныя догадки!
Живъ или убитъ—судьба его въ грядущемъ.
Мнѣ-жъ дорогъ нынѣ настоящій мигъ!

Входитъ дворецкій.

ДВОРЕЦКІЙ.

Къ тебѣ пришелъ, бояринъ, царскій дохтуръ.

ГОДУНОВЪ.

Пускай войдетъ!

Входитъ Якоби.

Романъ Елеазарычъ,
Я за тобой послалъ, чтобъ ты подробно
Повѣдалъ мнѣ, насколько государю
Сегодня легче? Можно-ль уповать,
Что миновала для него опасность!

ЯКОБИ.

Его болѣзнь, бояринъ, многосложна:
Не плоть одна страдаетъ—боленъ духъ.
Отъ юности привыкшій, чтобы все
Передъ его державной гнулось волей,
Послѣдняго не могъ онъ униженья
Перенести. Но добрыя его
Оправили и ободрили вѣсти.
И будетъ здравъ онъ, если намъ удастся
Отъ раздраженій охранить его.

ГОДУНОВЪ.

А если бы, не дай Богъ, чѣмъ-нибудь
Онъ раздражился?

ЯКОБИ.

Мы бы не могли
Тогда отвѣтить ни за чтó. Сосуды,
Которые проводятъ кровь отъ сердца
И снова къ сердцу, такъ напряжены,
Что можетъ ихъ малѣйшее волненье
Вдругъ разорвать.

ГОДУНОВЪ.

Но чѣмъ же помѣшать намъ,
Чтобъ какъ-нибудь не опалился онъ?

ЯКОБИ.

Всѣ случаи волненья и досады
Во что-бъ ни стало надо удалить.
Пусть только то и видитъ онъ и слышитъ,
Чтó развлекать его способно.

ГОДУНОВЪ.

Какъ
Оставилъ ты его?

ЯКОБИ.

Онъ послѣ ванны
Прилегъ заснуть, но ключнику велѣлъ,
Чтобы межъ тѣмъ въ сосѣднюю палату
Сокровища изъ главной кладовой
Перенести, дабы, по пробужденьи,
Осматривать ихъ могъ онъ. Близъ него
Остался мой товарищъ, Ричардъ Эльмсъ.

ГОДУНОВЪ.

Вы трудное условье положили
Для исцѣленья царскаго недуга—
Вы знаете царя!

ЯКОБИ.

Бояринъ Бѣльскій,
Чтобъ отъ заботъ и дѣлъ его отвлечь,
Собралъ толпу шутовъ и скомороховъ.
Мысль не дурна. Пусть въ играхъ этотъ день
Пройдетъ и въ смѣхѣ.

ГОДУНОВЪ—встаетъ.

Мы стараться будемъ
Исполнить наставленія твои.

ЯКОБИ.

Прости, бояринъ.

Уходитъ. Годуновъ топаетъ ногой. Входитъ дворецкій.

ГОДУНОВЪ.

Здѣсь ли Битяговскій?

ДВОРЕЦКІЙ.

Здѣсь, государь.

ГОДУНОВЪ.

Пошли его сюда.

Дворецкій уходитъ и вскорѣ впускаетъ Битяговскаго.

ГОДУНОВЪ.

Чтò дѣется въ народѣ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Слава Богу.

ГОДУНОВЪ.

На Шуйскаго и Бѣльскаго они
Озлоблены-ль какъ надо?

БИТЯГОВСКІЙ.

Такъ и рвутся.

ГОДУНОВЪ.

И стало быть подымутся на нихъ,
Когда мы захотимъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Коли-бъ не прежде.

ГОДУНОВЪ.

Ты долженъ быть готовъ передъ царемъ
Свидѣтелемъ предстать, что возмущенье
Нагіе подготовили.

БИТЯГОВСКІЙ.

Могу.

ГОДУНОВЪ.

И присягнуть, что слышалъ ты своими
Ушами, какъ холопей подсылали
Они въ народъ.

БИТЯГОВСКІЙ.

Зачѣмъ не присягнуть!

ГОДУНОВЪ.

Будь у меня сегодня подъ рукою;
Быть можетъ, ты понадобишься мнѣ;
Теперь ступай!

Битяговскій уходитъ.

ГОДУНОВЪ—одинъ.

Я больно ошибаюсь,
Иль многое рѣшится въ этотъ день!

Уходитъ.

Богатая палата во дворцѣ.

Слуги вносятъ и разставляютъ драгоцѣнную утварь. За ними надзираютъ дворецкій и ключникъ.

ДВОРЕЦКІЙ—къ слугамъ.

Живѣй! Живѣй! Кончайте поскорѣй!
Сейчасъ проснуться государь изволитъ!

КЛЮЧНИКЪ—къ дворецкому.

Скажи, пожалуй, для чего онъ рухлядь
Сбирается смотрѣть?

ДВОРЕЦКІЙ.

Да, говорятъ,
Невѣстѣ хочетъ за море подарки
Отправить.

КЛЮЧНИКЪ.

Какъ? Онъ развѣ не раздумалъ
На ней жениться?

ДВОРЕЦКІЙ.

Да, раздумалъ-было,
Да вотъ сегодня, кажется, опять
За прежнее взялся. Вишь, много легче
Сегодня стало милости его!

КЛЮЧНИКЪ.

Ну, какъ онъ знаетъ! Жаль царицы Марьи
Ѳеодоровны! Добрая царица!

ДВОРЕЦКІЙ—смотритъ въ окно.

Народу-то! Народу-то! Кишмя
Такъ и кишатъ!

КЛЮЧНИКЪ.

Да! Ужъ который день
У теремовъ съ утра они толпятся:
Все о здоровьи царскомъ узнаютъ!

ДВОРЕЦКІЙ.

Ну, слава Богу! Видно, обманулись
Ворожеи! Кириллинъ день насталъ,
А государю легче!

Къ слугамъ.

Что? Готово!

КЛЮЧНИКЪ — смотритъ въ списокъ.

Все налицо!

ДВОРЕЦКІЙ — къ слугамъ.

Ну, съ Богомъ! Уходите!

Слуги уходятъ.

Вишь, какъ статьи подобраны подъ рядъ!
Чего тутъ нѣтъ! Каменьевъ самоцвѣтныхъ,
И золота, и шолку, и парчи!
Такъ вся палата и горитъ!

КЛЮЧНИКЪ.

Тсъ! Кто-то
Идетъ сюда!

ДВОРЕЦКІЙ.

Ахъ, Господи, не царь ли?

Входитъ Бѣльскій.

КЛЮЧНИКЪ.

Нѣтъ, это Бѣльскій!

БѢЛЬСКІЙ.

Все-ль у васъ готово?

ДВОРЕЦКІЙ.

Все, государь.

БѢЛЬСКІЙ.

Сейчасъ изволитъ царь
Пожаловать. Смотрите же, чтобъ онъ
Остался всѣмъ доволенъ; чтобъ ему
Отъ насъ досады въ чемъ не приключилось!
Врачи сказали: Боже сохрани
Его прогнѣвать чѣмъ-нибудь сегодня!

Слышенъ хохотъ.

Кто тамъ хохочетъ?

Входитъ шутъ. За нимъ толпа скомороховъ, въ странныхъ нарядахъ, съ гудками, волынками, сковородками и разной звонкой посудой.

ШУТЪ—къ Бѣльскому.

Дядюшка Богданъ!
Я хороводъ тебѣ привелъ! Послушай!

СКОМОРОХИ—съ пляской.

Ой, жги, жги, жги!
Настежъ, баба, ворота:
Тащи козла за рога!
Ой, жги, жги, жги,
Пошла, баба, въ три ноги!

ШУТЪ.

Ну, чтó, какъ нравится тебѣ?

БѢЛЬСКІЙ—осматриваетъ скомороховъ.

Изрядно!
Смотрите-жъ, хари! Пятокъ не жалѣть!
Передъ царемъ вертѣться кубарями!

Теперь пока ступайте въ ту палату.
Тамъ спрячьтесь. Когда я крикну: «Люди!» —
Вбѣгайте всѣ, да эту пѣсню гряньте
Повеселѣй!

Скоморохи проходятъ черезъ сцену въ боковую дверь.

БѢЛЬСКІЙ—къ шуту.

Ты около царя
Все время будь—гляди ему въ глаза,
И только лишь онъ брови понахмуритъ—
Ты шутку выкинь посмѣшнѣй!

ШУТЪ.

Да! выкинь!
Не хочешь ли самъ выкинуть? А онъ
Тебя въ окошко выкинетъ!

Дверь отворяется.

Вотъ онъ!
Поди шути!

Іоанна вносятъ на креслахъ. Онъ въ халатѣ; лицо его изнурено болѣзнью, но выражаетъ торжество. Кресла опускаютъ среди палаты и передъ ними ставятъ небольшой треугольный столъ. За Іоанномъ входятъ: Годуновъ, Мстиславскій, Шуйскій и другіе бояре, кромѣ Захарьина

ІОАННЪ—сидя въ креслахъ, къ Годунову.

Нельзя еще сегодня
Намъ видѣть королевина посла.
Пусть завтра къ намъ онъ, безъ меча и корда,
Откланяться придетъ. Въ опочивальнѣ
Мы примемъ зáпросто его. Теперь же
Посмотримъ, что̀ назначить намъ въ подарокъ
Сестрѣ Елизаветѣ да ея
Племянницѣ, невѣстѣ нашей!

БѢЛЬСКІЙ.

Вотъ
Изъ Персіи, великій государь,
Узброчіе разное. Быть можетъ,
Оно пригодно королевѣ?

ІОАННЪ.

Нѣтъ,
Тряпьемъ ее не удивишь. Обычай
Ея не бабій. Писемскій намъ пишетъ
Изъ Лондона, что любитъ-де она
Въ лѣсахъ гонять оленей; любитъ также
Потѣху птичью и звѣриный бой.
Мы припасемъ подарокъ ей по вкусу.
Подайте мнѣ ту сбрую съ бирюзою,
Съ жемчужными наузами, да къ ней
Вонъ тотъ чепракъ, что̀ яхонтами саженъ!

Іоанну подаютъ требуемые предметы. Онъ осматриваетъ ихъ и велитъ знакомъ отложить въ сторону.

Еще пошлемъ ей двухъ живыхъ медвѣдей
На золотыхъ цѣпяхъ; да кречетовъ
Сибирскихъ шесть. Пусть тѣшится сестрица
Да поминаетъ насъ! Княжнѣ-жъ Хастинской—
Другое дѣло! ей найдемъ нарядъ.
Подать сюда всѣ кольца и монисты!

Іоанну подаютъ разныя драгоцѣнности. Онъ беретъ ихъ въ руки и осматриваетъ одну за другою.

Вотъ это ожерелье изъ алмазовъ
И яхонтовъ лазоревыхъ съ червцами
Пошлемъ княжнѣ. Лазоревъ темный яхонтъ,
Когда вглядѣться въ глубину его,
Покоитъ душу, скорби разбиваетъ;
Червецъ же вѣрность женскую блюдетъ,
Затѣмъ, что цвѣтъ его—сердечной крови.
Изъ перстней же вотъ этотъ ей пошлемъ,

Онъ всѣхъ цѣннѣй: зовется камень лалъ,
Привозится къ намъ изъ земли Индійской,
А достается нелегко, затѣмъ,
Что страховидные тамъ звѣри, грифы,
Его стрегутъ. Отъ укушенья змѣй
Онъ исцѣляетъ. Пусть его невѣста
На пальчикъ свой надѣнетъ, намъ въ любовь!
А что̀ до тканей—въ нихъ я не знатокъ,
О нихъ спросить царицу Марью. Бабы
На томъ собаку съѣли. Что̀ царицѣ
Полюбится, то̀ и послать княжнѣ!

ШУТЪ.

Царь-батюшка!

ІОАННЪ.

Что?

ШУТЪ.

Ты когда жениться
Собираешься?

ІОАННЪ.

Тебѣ на что̀?

ШУТЪ.

Да такъ;

Указывая на Михаила Нагого.

Хочу вотъ Мишкѣ службу сослужить:
Нагихъ-то время при дворѣ прошло,
Такъ я хочу вотъ этого пристроить!

Снимаетъ свой колпакъ и ходитъ съ нимъ отъ одного къ другому, будто прося милостыни.

ІОАННЪ.

Что̀ дѣлаешь ты, шутъ?

ШУТЪ.

По ниткѣ съ міру
Сбираю, царь, Нагому на рубаху!

ІОАННЪ.

Ха-ха! Вотъ это шутъ, такъ шутъ! Не бойся,
Нагимъ не станетъ по прозванью.

Къ Нагимъ.

Вы!
Коль будете по правдѣ мнѣ служить,
Я не оставлю васъ!

Окидываетъ глазами сокровища.

Есть, слава Богу,
Казны довольно у меня; могу
Пожаловать кого хочу, надолго
Еще мнѣ станетъ!

Слышны крики на площади.

Что за крики тамъ?

ГОДУНОВЪ.

Народъ шумитъ, великій государь,
И веселится о твоемъ здоровьи!

ІОАННЪ.

Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Имъ сотню бочекъ меду и вина!
А завтра утромъ новая потѣха
Имъ будетъ: всѣхъ волхвовъ и звѣздочетовъ,
Которые мнѣ ложно предсказали
Сегодня смерть, изжарить на кострѣ.
Борисъ, ступай и казнь имъ объяви,

Да приходи повѣдать мнѣ, какія
Они состроятъ рожи!

Годуновъ уходитъ.

Вишь, хотѣли
Со мной шутить! Кириллинымъ, вишь, днемъ
Хотѣли запугать! Никто не можетъ
Кончины день узнать впередъ! Никто!
Вы! Слышите ли?

ШУЙСКІЙ.

Слышимъ, государь.

ІОАННЪ.

Что-жъ вы молчите? Развѣ можетъ кто
Сказать впередъ: я проживу вотъ столько?
Иль такъ-то жизнь окончу я мою?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, государь!

ІОАННЪ.

Ну, то-то-жъ! Чтó же вы
Молчите, а?

ШУЙСКІЙ.

Великій государь,
И день, и ночь мы о твоемъ здоровьи
Всѣ молимъ Бога!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Исцѣли тебя
Скорѣй Господь!

ІОАННЪ.

Да развѣ я еще
Не исцѣленъ? Что́ вы сказать хотите?
Я развѣ боленъ? Солнце ужъ заходитъ,
А я теперь бодрѣй, чѣмъ утромъ былъ,
И проживу довольно лѣтъ, чтобъ царство
Устроить вновь! Въ мой смертный часъ, когда
Митрополитъ у моего одра
Молиться будетъ со святымъ синклитомъ,
Я имъ скажу: не плачьте, я утѣшенъ,
Бо легкую пріиметъ сынъ державу
Изъ рукъ моихъ! Такъ отойду я къ Богу!

Бѣльскій дѣлаетъ знакъ шуту, который разсматривалъ разныя вещи на столахъ. Шутъ беретъ ящикъ съ шахматами и подноситъ къ Іоанну.

ШУТЪ.

Надёжа-царь! Вишь куколки какія!

ІОАННЪ—къ боярамъ.

Волхвовъ за ложь на казнь я осудилъ.
Неправъ мой судъ, по-вашему?

БОЯРЕ.

Правъ, царь!

ІОАННЪ.

А коли правъ, такъ что́ же языки
Связало вамъ?

БОЯРЕ.

Великій государь!
Помилуй насъ! Не знаемъ, что́ сказать!

ІОАННЪ.

Не знаете? Такъ, стало, я безвинныхъ
На казнь обрекъ? Такъ, стало, не солгали
Ворожеи?

БОЯРЕ

Солгали, государь!
Они солгали! По винѣ имъ мука!
За ихъ вину и казни мало имъ!

ІОАННЪ.

На силу-то! Вишь, ротъ раскрыть боятся!
Изъ нихъ слова тащить клещами надо!

Молчаніе.

Что́ шепчетесь вы тамъ?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь,
Мы не шептались!

ІОАННЪ.

Вы какъ будто ждете
Чего сегодня? А? чего вы ждете?

ШУТЪ.

Царь-солнышко! да посмотри-жь сюда
На куколки!

ІОАННЪ.

Что̀ это у него?

БѢЛЬСКІЙ.

То шахматная, государь, игра,
Которую прислалъ тебѣ въ подарокъ
Персидскій царь.

ШУТЪ—разглядывая фигуры.

Нарядныя какія!

БѢЛЬСКІЙ—беретъ со стола доску.

Вотъ и доска къ нимъ!

ІОАННЪ.

Покажи сюда!

Осматриваетъ шахматы.

Давно въ игру я эту не игралъ.
Садись, Богданъ, посмотримъ, кто сильнѣе!

Слуги вносятъ свѣчи. Іоаннъ разставляетъ игру. Бѣльскій садится противъ него на стольцѣ и также разставляетъ.

ШУТЪ—къ Іоанну, указывая на шахматы.

Точь въ точь твои бояре! Знаешь что̀?
Живыхъ-то ты всѣхъ по боку, а этихъ
Всѣхъ въ думу посади. Дѣла не хуже
У нихъ пойдутъ, а ѣсть они не просятъ!

ІОАННЪ.

Ха, ха! Дуракъ не слишкомъ глупъ сегодня!

Подвигаетъ пѣшку. Игра начинается. Всѣ становятся полукругомъ за царскими креслами и смотрятъ.

ШУТЪ.

Иль, вмѣсто нихъ, меня поставь въ бояре!
Я буду въ думѣ засѣдать одинъ.
И разногласья у меня не будетъ!
Не то, пошли меня, надёжа-царь,
Посломъ въ Литву, поздравить короля!

ІОАННЪ.

Съ чѣмъ, шутъ?

ШУТЪ.

Да съ тѣмъ, что о псковскія стѣны
Онъ лобъ разбилъ!

ІОАННЪ.

Тебя послать не дурно;
Послалъ же онъ Гарàбурду ко мнѣ
Съ своей перчаткой! Чай, теперь идти
На Новгородъ раздумали!

ШУЙСКІЙ.

Куда имъ!

ІОАННЪ.

На сеймѣ ихнемъ королю въ пособьи
Отказано! Достойно, право, смѣху!
Свои же люди своему владыкѣ
Да денегъ не даютъ!

ШУТЪ.

У насъ не такъ
Понадобилось чтò—хапъ, хапъ! и есть!

БѢЛЬСКІЙ—подвигая ферзь.

Шахъ, государь.

ІОАННЪ—заслоняется слономъ.

Шахъ ферязи твоей!

ШУЙСКІЙ—къ Бѣльскому, смѣясь.

Чтò взялъ, бояринъ? Ферязь-то пропала!

ІОАННЪ.

Да, кажется!

БѢЛЬСКІЙ.

Какъ есть, пропала ферязь!

ІОАННЪ.

Сдается намъ, мы не совсѣмъ еще
Играть забыли! Нашъ недугъ у насъ
Еще не вовсе отнялъ разумѣнье!
Кириллинъ день! Вишь выдумали чтò!
Проклятые! Куда пропалъ Борисъ?
Чтò онъ нейдетъ съ отвѣтомъ!

Бѣльскій беретъ царскаго слона. Іоаннъ хочетъ взять его ферязь царемъ и роняетъ его на полъ.

ШУТЪ—бросаясь подымать.

Ай, ай, ай!
Царь шлепнулся!

ІОАННЪ—вспыхнувъ.

Шутъ! Ври, да мѣру знай!

Къ Бѣльскому.

Тебѣ ходить!

Игра продолжается. Годуновъ показывается въ дверяхъ.

ГОДУНОВЪ—тихо, указывая на Іоанна одному боярину, стоявшему позади другихъ.

Каковъ онъ?

БОЯРИНЪ—тихо къ Годунову.

Больно гнѣвенъ!
Ужъ раза два сердиться начиналъ!

Годуновъ подходитъ и становится напротивъ Іоанна.

ІОАННЪ—поднявъ голову.

Ты здѣсь? Ну, чтò? Ты видѣлъ чародѣевъ?
Каковъ ихъ былъ отвѣтъ? Зачѣмъ молчишь ты?
Что-жъ ты не говоришь?

ГОДУНОВЪ.

Гмъ, государь!

ІОАННЪ.

Что̀ ты та̀къ смотришь на меня?

Отодвигается отъ Годунова.

Какъ смѣешь

Ты та̀къ смотрѣть!

ГОДУНОВЪ.

Великій государь!
Волхвы тебѣ велѣли отвѣчать,
Что ихъ наука достовѣрна.

ІОАННЪ.

Какъ?!

ГОДУНОВЪ.

Что ошибиться имъ нельзя, и что—
Кириллинъ день еще не миновалъ!

ІОАННЪ — *встаетъ, шатаясь.*

Не миновалъ?—Кириллинъ день?—Ты смѣешь—
Ты смѣешь мнѣ въ глаза—злодѣй!—Ты—ты—
Я понялъ взглядъ твой!—Ты меня убить—
Убить пришелъ!—Измѣнникъ!—Палачей!—
Ѳеодоръ!—Сынъ!—Не вѣрь ему!—Онъ воръ!—
Не вѣрь ему!—А!

Падаетъ навзничь на полъ.

ШУЙСКІЙ—*бросается къ нему и поддерживаетъ его голову.*

Боже! Онъ отходитъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Позвать врачей! Скорѣй позвать врачей!

ІОАННЪ—открывъ глаза.

Духовника!

БѢЛЬСКІЙ.

Бѣгите за попомъ!
Скорѣй бѣгите! Люди! Люди! Гей!

Вбѣгаютъ скоморохи съ пѣніемъ, свистомъ и пляской.

СКОМОРОХИ.

Ой, жги, жги, жги!
Тащи козла за рога!

БОЯРЕ.

Чтò это? Чтò? Назадъ! Побойтесь Бога!

БѢЛЬСКІЙ—бросается на скомороховъ.

Назадъ! Назадъ! Безбожники! Назадъ!
Царь умираетъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Дохтура зовите!

Іоаннъ умираетъ. Нѣкоторые бояре бросаются изъ палаты. Скоморохи разбѣгаются. Входятъ Эльмсъ и Якоби.

ЯКОБИ.

Гдѣ государь?

БѢЛЬСКІЙ—указываетъ на трупъ.

Вотъ онъ!

ЯКОБИ—нагибается и щупаетъ пульсъ Іоанна.

Не бьется пульсъ!

ЭЛЬМСЪ—беретъ другую руку.

Не бьется—нѣтъ!

ЯКОБИ—щупаетъ сердце.

Не бьется сердце!

ЭЛЬМСЪ.

Умеръ!

ЯКОБИ.

Окончилъ жизнь!

ГОДУНОВЪ—подходитъ и кладетъ руку на сердце Іоанна.

Преставился!

Отворяетъ окно и кричитъ на площадь.

Москва!
Царь Іоаннъ Васильевичъ скончался!

Говоръ и гулъ на площади. Годуновъ выходитъ изъ палаты. Бояре обступаютъ Іоанна и глядятъ на него молча. Входитъ Захарьинъ и останавливается передъ трупомъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Свершилося! Такъ вотъ ты, царь Иванъ,
Предъ кѣмъ тряслась такъ долго Русь! Безсиленъ,
Безпомощенъ лежишь ты, недвижимъ
И посреди твоихъ сокровищъ бѣденъ!
Чего же мы стоимъ и ждемъ, бояре?
Во прахѣ ли предъ нами быть тому,
Предъ кѣмъ полвѣка мы лежали въ прахѣ?
Иль страшно вамъ коснуться до него?
Не бойтеся! Ужъ не откроетъ онъ
Своихъ очей! Ужъ остраго жезла
Не схватитъ длань безсильная, и казни
Не изрекутъ холодныя уста!

Они поднимаютъ Іоанна, кладутъ его на скамью, дѣлаютъ ему изголовье и покрываютъ его парчею. Вбѣгаютъ Феодоръ, царица и царевна Ирина.

ѲЕДОРЪ—бросаясь къ трупу.

Царь-батюшка!

ЦАРИЦА.

О, Господи, помилуй!

ИРИНА.

О, Господи!

Всѣ трое голосятъ и рыдаютъ. Крики на площади усиливаются. Входитъ стрѣлецкій голова.

ГОЛОВА—къ Ѳедору.

Великій государь!
Народъ бунтуетъ! Лѣзутъ на крыльцо!

ѲЕДОРЪ—съ испугомъ.

Чтó надо имъ?

ГОЛОВА.

Кричатъ, что Шуйскій съ Бѣльскимъ
Отравой государя извели!

Вбѣгаетъ стрѣлецкій сотникъ.

СОТНИКЪ.

Народъ царь-пушкой овладѣлъ. Хотятъ
Разбить дворецъ!

БѢЛЬСКІЙ—къ Ѳедору.

Вели по нимъ стрѣлять!

ѲЕДОРЪ.

Гдѣ шуринъ мой? Борисъ! Борисъ! Чтó дѣлать?

Входитъ Годуновъ.

ГОДУНОВЪ—торжественно къ Ѳедору, опускаясь на колѣни.

Великій царь!

ѲЕДОРЪ—бросается къ нему.

А, вотъ ты наконецъ!

Крики на площади, между которыми слышны имена Шуйскаго и Бѣльскаго.

ШУЙСКІЙ—къ Ѳедору.

Рѣшайся, государь!

ѲЕДОРЪ—указывая на Годунова.

Вотъ тотъ, кто долженъ
Теперь рѣшать! Ему препоручаю
Отнынѣ власть мою!

ГОДУНОВЪ—поклонившись Ѳедору, подходитъ къ окну.

Народъ московскій!
Ѳедоръ Іоанннычъ, Божьей волей
Великій князь и царь всея Руси,
Вамъ повѣстить велѣлъ, что отъ недуга
Скончался царь Иванъ. Въ его же смерти
Виновныхъ нѣтъ. Но Шуйскій съ Бѣльскимъ долго
Тѣснили васъ; что вѣдая, царь Ѳедоръ
Ссылаетъ ихъ далеко отъ Москвы!

Гулъ на площади.

ШУЙСКІЙ.

Борисъ Ѳеодорычъ! Помилуй! что̀ ты?

БѢЛЬСКІЙ.

За что̀ насъ въ ссылку?

ГОДУНОВЪ.

Вы вольны остаться—
Хотите-ль выйти на крыльцо?

ШУЙСКІЙ.

Помилуй!
Насъ разорвутъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Насъ разорвутъ на клочья!

ГОДУНОВЪ.

Я думаю.

Къ стрѣлецкому головѣ.

За крѣпкимъ карауломъ
Бояръ отправить изъ Москвы. Въ Покровѣ
Васъ извѣстятъ куда ихъ отвезти.

Шуйскаго и Бѣльскаго окружаютъ стрѣльцы.

ЗАХАРЬИНЪ—*къ Годунову.*

Ты скоръ, бояринъ. Мы еще не знаемъ,
Кто поднялъ бунтъ?

ГОДУНОВЪ.

Нагіе со Мстиславскимъ.

Указывая на Битяговскаго, который входитъ въ приличномъ видѣ и въ добромъ платьѣ.

Вотъ кто на нихъ свидѣтелемъ стоитъ!

НАГІЕ И МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ? Онъ?

БИТЯГОВСКІЙ—*нагло.*

Да, я!

ГОДУНОВЪ—*къ Мстиславскому.*

Князь, ты достоинъ смерти,
Но царь тебя лишь въ монастырь ссылаетъ.

Къ Нагимъ.

А васъ обоихъ, изъ любви къ царицѣ,

Прощаетъ онъ, и въ Угличъ вамъ велитъ
Отправиться съ царевичемъ и съ нею.

Къ царицѣ, указывая на Битяговскаго.

Васъ всѣхъ блюсти вотъ этотъ нарядженъ!

ЦАРИЦА—*къ Өедору.*

Не вѣрь ему! Не вѣрь ему, Өеодоръ!
Не отсылай насъ, царь!

ӨЕДОРЪ—*къ Годунову.*

Нельзя ли, шуринъ,
Царицѣ здѣсь остаться?

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Тамъ лучше ей.

ЗАХАРЬИНЪ.

Бояринъ Годуновъ!
Я вижу, ты распоряжаться мастеръ!
Всѣмъ мѣсто ты нашелъ—лишь одного
Меня забылъ ты! Говори, куда
Идти я долженъ? Въ ссылку? Въ монастырь?
Въ тюрьму? Или на плаху?

ГОДУНОВЪ.

Мой отецъ,
Тебя царь проситъ оставаться съ нимъ.

ЦАРИЦА—*къ Захарьину.*

Спаси меня! Спаси меня, бояринъ!
Пропали мы!

ЗАХАРЬИНЪ.

Дай Господи, царица,
Чтобы не все пропало!.. Злое сѣмя

Посѣялъ ты, бояринъ Годуновъ,
Не доброй жатвы отъ него я чаю!

Обращаясь къ трупу Іоанна.

О, царь Иванъ! Прости тебя Господь!
Прости насъ всѣхъ! Вотъ самовластья кара!
Вотъ распаденья нашего исходъ!

ѲЕДОРЪ—къ царицѣ со слезами.

Не плачь, царица-матушка! Что̀-жъ дѣлать!
Такъ, видно, надобно!

ГОДУНОВЪ—подходитъ къ окну.

Народъ Московскій!
Великій царь Ѳеодоръ Іоаннычъ
Прощаетъ васъ! Ступайте всѣ молиться
За упокой души царя Ивана,
А завтра утромъ будетъ вамъ раздача
По всей Москвѣ и хлѣба, и вина!

КРИКИ НА ПЛОЩАДИ.

Да здравствуетъ царь Ѳедоръ Іоаннычъ!
Да здравствуетъ бояринъ Годуновъ!

Ѳедоръ бросается, рыдая, на шею Годунову.
Они стоятъ, обнявши другъ друга

КОНЕЦЪ.

II.

ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

[1868].

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь Θедоръ Іоанновичъ, сынъ Іоанна Грознаго.
Царица Ирина Θедоровна, жена его, сестра Годунова.
Борисъ Θедоровичъ Годуновъ, правитель царства.
Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, верховный воевода.
Діонисій, митрополитъ всея Руси.
Варлаамъ, архіепископъ Крутицкій.
Іовъ, архіепископъ Ростовскій.
Благовѣщенскій протопопъ.
Чудовскій архимандритъ.
Духовникъ царя Θедора.
Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, племянникъ кн. Ивана Петровича.
Князь Андрей, Князь Дмитрій, Князь Иванъ — Шуйскіе, родственники кн. Ивана Петровича.
Князь Мстиславскій, Князь Хворостининъ — ближніе воеводы — сторонники Шуйскихъ.
Князь Шаховской, Михайло Головинъ — сторонники Шуйскихъ.
Андрей Петровичъ Лупъ-Клешнинъ, бывшій дядька царя Θедора; Князь Туренинъ — сторонники Годунова.
Княжна Мстиславская, племянница кн. Ивана Петровича и невѣста Шаховского.
Василиса Волохова, сваха.

Богданъ Курюковъ Иванъ Красильниковъ Голубь, отецъ Голубь, сынъ	московскіе гости, сторонники Шуйскихъ.

Ѳедюкъ Старковъ, дворецкій кн. Ивана Петровича.
Гусляръ.
Царскій Стремянный.
Слуга Бориса Годунова.
Гонецъ изъ села Тѣшлова.
Гонецъ изъ Углича.
Ратникъ.

Бояре, боярыни, сѣнныя дѣвушки, стольники, дьяки, попы, монахи, торговые люди, посадскіе, стрѣльцы, слуги, нищіе и народъ.

Дѣйствіе—въ Москвѣ, въ концѣ XVI столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Домъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

На лѣвомъ концѣ сцены—столъ, за которымъ сидятъ всѣ Шуйскіе, кромѣ Ивана Петровича и Василія Ивановича.—Рядомъ съ Шуйскими: Чудовскій архимандритъ, Благовѣщенскій протопопъ и нѣкоторыя другія духовныя лица.—Нѣсколько бояръ также сидятъ за столомъ; другіе расхаживаютъ, разговаривая, въ глубинѣ сцены.—По правую руку стоятъ купцы и люди разныхъ сословій.—Тамъ же виденъ другой столъ съ кубками и сулеями. За нимъ стоитъ, въ ожиданіи, Старковъ, дворецкій князя Ивана Петровича.

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ—къ духовнымъ.

Да, да, отцы! На это дѣло крѣпко
Надѣюсь я. Своей сестрой, царицей,
Сидитъ правитель Годуновъ. Онъ ею
Одной сильнѣй всего боярства вмѣстѣ;
Какъ вотчиной своею помыкаетъ
И думою, и церковью Христовой,
И всей землей. Но только лишь удастся
Намъ отъ сестры избавиться его—
Мы сладимъ съ нимъ!

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ.

Такъ князь Иванъ Петровичъ
Свое согласье далъ?

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

На силу далъ!
Вишь больно жаль ему царицы было:

Я въ домѣ-де своемъ справляю свадьбу,
Племянницу за князя Шаховского,
Вишь, выдаю.—царицу же съ царемъ
Я разлучу; у насъ веселье будетъ,
У нихъ же плачъ!

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Зѣло онъ мягкосердъ.

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Такой ужъ норовъ: въ полѣ лютый звѣрь,
А снялъ доспѣхъ—и не узнаешь вовсе,
Другой сталъ человѣкъ.

ГОЛОВИНЪ.

А какъ же онъ
Согласье далъ?

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Спасибо князь-Василью,
Онъ уломалъ его.

ГОЛОВИНЪ.

Не жду я проку
Отъ этого. По мнѣ: ужъ если дѣлать,—
Такъ все, иль ничего!

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

А что-бъ ты сдѣлалъ?

ГОЛОВИНЪ.

Попроще-бъ сдѣлалъ, да теперь, вишь, намъ
Не время толковать объ этомъ. Шшъ!
Вотъ онъ идетъ!

Входитъ Иванъ Петровичъ Шуйскій съ Василіемъ Шуйскимъ, который держитъ бумагу.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Отцы! Князья! Бояре!
Бью вамъ челомъ—и вамъ, торговымъ людямъ!
Рѣшился я. Намъ долѣ Годунова
Терпѣть нельзя. Мы, Шуйскіе, стоимъ
Со всей землей за старину, за церковь,
За доброе строенье на Руси,
Какъ повелось отъ предковъ; онъ же ставитъ
Всю Русь вверхъ дномъ. Нѣтъ, не бывать тому!
Онъ—или мы! Читай, Василь-Иванычъ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—*читаетъ.*

«Великому всея Русіи князю,
«Царю и самодержцу, государю
«Ѳеодору Иванычу—отъ всѣхъ
«Святителей, князей, бояръ, поповъ,
«Всѣхъ воинскихъ людей, и всѣхъ торговыхъ,
«Отъ всей земли: Царь, смилуйся надъ нами!
«Твоя царица, родомъ Годунова,
«Неплодна есть, а братецъ твой, Димитрій
«Ивановичъ, недугомъ одержимъ
«Падучіимъ. И еслибъ, волей Божьей,
«Ты, государь, преставился, то могъ бы
«Твой родъ пресѣчься, и земля въ сиротство
«Могла бы впасть. И ты, царь-государь,
«Насъ пожалѣй, не дай остаться пусту
«Отцовскому престолу твоему:
«Наслѣдія и чадородья ради,
«Ты новый бракъ пріими, великій царь,
«Возьми себѣ въ царицы (имя рекъ)...»

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Мы имя впишемъ послѣ; со владыкой
Рѣшимъ кого намъ указать. Читай!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—продолжаетъ.

«Неплодную-жъ царицу отпусти,
«Царь-государь, во иноческій чинъ.
«Какъ то̀ твой дѣдъ покойный учинилъ;
«Великій князь Василій Іоанвычъ.
«И въ томъ тебѣ мы, цѣлою землею,
«Отъ всей Руси, соборне бьемъ челомъ
«И руки наши прилагаемъ».

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—къ боярамъ.

Всѣ ли
Согласны подписаться?

БОЯРЕ.

Всѣ согласны!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—къ духовнымъ.

А вы, отцы?

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Святой владыко насъ
Благословилъ тебѣ дать руки.

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ.

Полно
Христову церковь Годунову долѣ
Насиловать!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—къ купцамъ.

А вы?

КУПЦЫ.

Князь-государь,
Ужъ намъ ли за тобою не идти!

От Годунова намъ накладнѣй всѣхъ
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ далъ льготы англичанамъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—беретъ перо.

Прости-жъ мнѣ Богъ, что я для блага всѣхъ
Грѣхъ нà-душу беру!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

И, полно, дядя!
Какой тутъ грѣхъ? Не по враждѣ къ Иринѣ
Ты на нее идешь, но чтобъ упрочить
Престолъ Руси!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я на нее иду,
Чтобы сломить Бориса Годунова,—
И самъ себя морочить не хочу!
Мой путь не прямъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Помилуй! Чтó Иринѣ
Въ мірскомъ величьи? Супротивъ блаженства
Небеснаго все прахъ и суета!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я говорю тебѣ, мой путь не прямъ—
Но пятиться не стану. Лучше пусть
Безвинная царица пропадаетъ,
Чѣмъ вся земля.

Подписывается.

Прикладывайте руки!

Всѣ начинаютъ подписываться. Кн. Иванъ Петровичъ отходитъ въ сторону. Къ нему подходитъ кн. Шаховской.

ШАХОВСКОЙ.

Князь-государь, когда же мнѣ позволишь
Съ невѣстою увидѣться?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Тебѣ
Одна забота только о невѣстѣ?
Не терпится? Пожди, она сойдетъ
Тебя съ другими потчивать.

ШАХОВСКОЙ.

Ты, князь,
Вѣдь при другихъ мнѣ только и даешь
Съ ней видѣться.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ

А ты-бъ хотѣлъ одинъ?
Ты молодъ, князь, а я держуся крѣпко
Обычая. Имъ цѣло государство.
Имъ—и семья.

ШАХОВСКОЙ.

Обычая-ль тогда
Держался ты, когда сидѣлъ во Псковѣ,
Тебя-жъ хотѣлъ Замойскій извести,
А ты его, въ лукавствѣ уличивъ,
Какъ честнаго, на поле звалъ съ собой?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не красная былъ дѣвица Замойскій,
Я-жъ не женихъ. Глазъ-на-глазъ со врагомъ
Быть не зазоръ.

Шаховской отходитъ. Подходитъ Головинъ.

ГОЛОВИНЪ — вполголоса.

Когда-бъ ты захотѣлъ,
Князь-государь, короче-бъ можно дѣло
И лучше кончить. Углицкіе люди
Ко Дмитрію Ивановичу мыслятъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, что́ же въ томъ?

ГОЛОВИНЪ.

А на Москвѣ толкуютъ,
Что Ѳедоръ царь и плотью слабъ, и духомъ;
Такъ еслибъ ты...

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Михайло Головинъ,
Остерегись, чтобъ я не догадался,
Куда ты гнешь.

ГОЛОВИНЪ.

Князь-государь...

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я мимо
Ушей теперь намекъ твой пропускаю,
Но если ты его мнѣ повторишь,
Какъ святъ Господь, я выдамъ головою
Тебя царю!

Входитъ княжна Мстиславская въ большомъ нарядѣ; за ней двѣ дѣвушки и Волохова съ подносомъ, на которомъ чары. — Всѣ кланяются княжнѣ въ поясъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — тихо къ Головину.

Нашелъ кого поднять
На прирожденнаго на государя!

Да онъ себя на мелкіе куски
Дастъ искрошить скорѣе. Брось дурь!

ГОЛОВИНЪ.

Кабы
Онъ только захотѣлъ...

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Кабы! Кабы
У бабушки бородушка была,
Такъ былъ бы дѣдушка.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, гости дорогіе,
Теперь изъ рукъ племянницы моей
Примайте чары!

Волохова передаетъ подносъ княжнѣ, которая обноситъ гостей съ поклонами.

ШАХОВСКОЙ — къ Мстиславской шопотомъ, принимая отъ нея чару.

Скоро ли поволишь
Мнѣ свидѣться съ тобою?

Княжна отворачивается.

ВОЛОХОВА — шопотомъ Шаховскому.

Завтра ночью,
Въ садовую калитку!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — подымая кубокъ, который поднесъ ему Старковъ.

Напередъ
Во здравье пьемъ царя и государя
Өеодора Иваныча! Пусть много
Онъ лѣтъ царитъ надъ нами!

ВСѢ.

Много лѣтъ,
Царю и государю!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А затѣмъ
Пью ваше здравье!

КН. ХВОРОСТИНИНЪ.

Князь Иванъ Петровичъ!
Ты намъ щитомъ былъ долго отъ Литвы—
Будь намъ теперь щитомъ отъ Годунова!

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Благослови тебя Всевышній Царь
Святую церковь нашу отстоять!

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ.

И сокрушить Навуходоносора!

КУПЦЫ.

Князь-государь! Ты намъ—что̀ твердый Кремль,
И мы съ тобой въ огонь и въ воду!

КН. ХВОРОСТИНИНЪ.

Князь,
Теперь дозволь про молодыхъ намъ выпить,
Про жениха съ невѣстой!

ВСѢ.

Много лѣтъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Благодарю васъ, гости дорогіе,
Благодарю! Она хотя мнѣ только

Племянница, но та же дочь. Княжна!
И ты, Григорій! Кланяйтеся, дѣти!

ВСѢ — пьютъ.

Во здравье удалому жениху
И дорогой невѣстѣ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Всѣмъ спасибо!

Къ Мстиславской.

Теперь ступай, Наташа. Непривычна
Ты, дитятко, еще казаться въ люди,
Вишь, раскраснѣлась, словно маковъ цвѣтъ.

Цѣлуетъ ее въ голову.

Ступай себѣ!

Княжна, Волохова и дѣвушки уходятъ.

ВОЛОХОВА — уходя, къ Шаховскому.

Смотри же, не забудь!
Въ садовую калитку! Да гостинчикъ
Мнѣ принеси, смотри же!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Медлить намъ
Теперь нельзя. Пусть тотчасъ ко владыкѣ
Идетъ нашъ листъ, а тамъ по всей Москвѣ!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не проболтаться, Боже сохрани!

ВСѢ.

Избави Богъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Простите-жъ, государи.
Простите, всѣ! Владыко дастъ намъ знать,

Когда къ царю сбираться съ челобитьемъ!

Всѣ расходятся.

Мой путь не прямъ. Сегодня понялъ я,
Что чистымъ тотъ не можетъ оставаться,
Кто борется съ лукавствомъ. Правды съ кривдой
Бой неравёнъ; а съ непривычки трудно
Кривить душой! Счастливъ, кто въ чистомъ полѣ
Передъ врагомъ стоитъ лицомъ къ лицу!
Вокругъ него и громъ, и дымъ, и сѣча,
А на душѣ спокойно и легко!
Ммѣ-жъ на-душу легло тяжелымъ камнемъ,
Чтȯ нынѣ я не право совершилъ.
Но, видитъ Богъ, намъ всѣ пути иные
Заграждены. На Ѳедора опоры
Нѣтъ никакой! Онъ—словно мягкій воскъ,
Въ рукахъ того, кто имъ владѣть умѣетъ.
Не онъ царитъ—подъ шуриномъ его
Стеня, давно земля защиты проситъ,
Отъ насъ однихъ спасенья ждетъ она!
Да будетъ же—нѣтъ выбора иного—
Неправдою неправда сражена,
И да падутъ на совѣсть Годунова
Мой вольный грѣхъ и вольная вина!

Уходитъ.

СТАРКОВЪ—глядя ему вслѣдъ.

Неправда за неправду! Ну, добро!
Такъ и меня ужъ не вини, бояринъ,
Что предъ тобой неправду учиню я,
Да на тебя всю правду донесу!

Палата въ царскомъ теремѣ.

Годуновъ, въ раздумьи, сидитъ у стола. — Близъ него стоитъ Лупъ-Клешнинъ и князь Туренинъ.— У двери дожидается Старковъ.

КЛЕШНИНЪ — къ Старкову.

И ты во всемъ свидѣтельствовать будешь?

СТАРКОВЪ.

Во всемъ, во всемъ, бояринъ! Хоть сейчасъ
Поставь меня лицомъ къ царю!

КЛЕШНИНЪ.

Добро!
Ступай себѣ, голубчикъ, съ насъ довольно!

Старковъ уходитъ.

КЛЕШНИНЪ — къ Годунову.

Что? Каково? Сестру-молъ, въ монастырь,
А брата по-боку! И со владыкой
Идутъ къ царю!

ГОДУНОВЪ — въ раздумьи.

Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,
Какъ царь Иванъ преставился. И нынѣ,
Когда удара я не отведу,
Земли едва окрѣпшее строенье,
Все, что̀ для царства сдѣлать я успѣлъ—
Все рушится—и снова станемъ мы
Гдѣ были въ ночь, когда Иванъ Васильичъ
Преставился.

КЛЕШНИНЪ.

Подкопы съ двухъ сторонъ
Они ведутъ. Тамъ, въ Угличѣ, съ Нагими
Спознался ихъ сторонникъ Головинъ,

А здѣсь царя съ царицею разводятъ.
Не тутъ, такъ тамъ; коль не мытьемъ удастся,
Такъ ка̀таньемъ!

ТУРЕНИНЪ—къ Годунову.

Бояринъ, не давай
Имъ съ челобитіемъ идти къ царю!
Его ты знаешь; супротивъ поповъ,
Пожалуй, онъ не устоитъ.

КЛЕШНИНЪ.

Пожалуй!
Разсчитывать нельзя. Покойный царь
Пономаремъ его не даромъ звалъ.
Эхъ, батюшка ты нашъ, Иванъ Васильичъ!
Когда-бъ ты здравствовалъ, ужъ какъ бы ты
И Шуйскихъ и Нагихъ поуспокоилъ!

ГОДУНОВЪ.

Изъ Углича къ намъ не было вѣстей?

КЛЕШНИНЪ.

Не получалъ. Пусть только Битяговскій
Ту грамоту пришлетъ, чтò Головинъ
Писалъ къ Нагимъ, ужъ мы скрутили-бъ Шуйскихъ!

ТУРЕНИНЪ.

А если онъ самъ отъ себя воруетъ?

КЛЕШНИНЪ.

Намъ нѣтъ нужды! Съ той грамотой они
У насъ въ рукахъ.

ТУРЕНИНЪ.

Твоими бы устами

Пришлося медъ пить. У меня-жъ со княземъ
Иванъ Петровичемъ старинный счетъ:
Когда во Псковѣ съ голоду мы мерли,
А день и ночь насъ осыпали ядра
Каленыя, я въ жалости души,
И не хотя сидѣльцевъ погубленья,
Далъ имъ совѣтъ зачать переговоры
Съ Батуромъ королемъ. Но князь Иванъ
На шею мнѣ велѣлъ накинуть петлю,
И только по упросу богомольцевъ
Помиловалъ. Я не забылъ того,
И вотчины свои теперь бы отдалъ,
Чтобы на немъ веревку увидать!

КЛЕШНИНЪ.

Ему-бъ къ лицу! Съ купцомъ, со смердомъ ласковъ.
А съ нами гордъ. Эхъ, грамоту-бъ добыть!

ТУРЕНИНЪ—къ Годунову.

Твоя судьба виситъ на волоскѣ—
Тебѣ рѣшиться надо!

ГОДУНОВЪ—вставая.

Я рѣшился.

ТУРЕНИНЪ.

На что?

ГОДУНОВЪ.

На миръ.

ТУРЕНИНЪ И КЛЕШНИНЪ—[illegible].

Какъ? Съ Шуйскими на миръ?

ГОДУНОВЪ.

Мы завтра же друзьями учинимся.

ТУРЕНИНЪ.

Врагамъ своимъ ты хочешь уступить?
Ты согласишься подѣлиться съ ними
Своею властью?

КЛЕШНИНЪ.

Батюшка, дозволь
Тебѣ сказать: ты не съ ума ли спятилъ?
Вѣдь ты козла въ свой пустишь огородъ!

ГОДУНОВЪ.

Когда, шумя, въ морскую бурю волны
Грозятъ корабль со грузомъ поглотить,—
Безуменъ тотъ, кто изъ своихъ сокровищъ
Не броситъ часть, чтобъ цѣлое спасти.
Часть правъ моихъ въ пучину я бросаю,
Но мой корабль отъ гибели спасаю!

КЛЕШНИНЪ.

А какъ сойдешься съ ними ты? Съ повинной
Къ нимъ, что-ль, пойдешь? Аль ихъ къ себѣ попросишь?
Кто миръ устроитъ между васъ?

ГОДУНОВЪ.

Самъ царь.

Стольникъ отворяетъ дверь.

ТУРЕНИНЪ.

А вотъ и царь!

Входитъ царь Өедоръ.—За нимъ стремянный.

ӨЕДОРЪ.

Стремянный! Отчего
Конь подо мной вздыбился?

СТРЕМЯННЫЙ.

Государь,
Ты, вишь, въ мошну за деньгами полѣзъ
Для нищаго, конь подался впередъ,
Ты-жъ дернулъ за поводья, конь съ испугу
И сталъ дыбиться.

ѲЕДОРЪ.

Самого меня
Онъ испугалъ. Стремянный, не давать
Ему овса! Пусть сѣно ѣстъ одно!

КЛЕШНИНЪ.

А я бы, царь, стремяннаго приструнилъ,
Чтобъ милости твоей такихъ не смѣлъ
Онъ бѣшеныхъ давать коней!

СТРЕМЯННЫЙ.

Помилуй,
Какой же бѣшеный онъ конь? Ему
Лѣтъ двадцать-пять. На немъ покойный царь
Еще ѣзжалъ.

ѲЕДОРЪ.

Я, впрочемъ, можетъ быть,
Самъ виноватъ. Я слишкомъ сильно стиснулъ
Ему бока. Ты говоришь съ испугу
Вздыбился онъ?

СТРЕМЯННЫЙ.

Съ испугу, государь!

ѲЕДОРЪ.

Ну, такъ и быть, ужъ я его прощу:
Но ѣздить я на немъ не буду болѣ.

Въ табунъ его! И полный кормъ ему
Давать по смерть!

Изъ другой двери входитъ царица Ирина.

Аринушка, здорово!

ИРИНА.

Здорово, свѣтъ! Никакъ ты уморился?

ѲЕДОРЪ.

Да, да, усталъ. Отъ самаго Андронья
Все ѣхалъ рысью. Здѣсь же, у крыльца,
Конь захотѣлъ меня сшибить, да я
Далъ знать себя! Бока ему какъ стиснулъ,
Такъ онъ и стихъ. Аринушка, я чаю,
Обѣдъ готовъ?

ИРИНА.

Готовъ, свѣтъ-государь,
Покушай на здоровье!

ѲЕДОРЪ.

Какъ же, какъ же!
Сейчасъ пойдемъ обѣдать. Я отъ этой
Ѣзды совсѣмъ проголодался. Славно
Трезвонятъ у Андронья. Я хочу
Послать за тѣмъ пономаремъ, чтобъ онъ
Мнѣ показалъ, какъ онъ трезвонитъ... Ну,
Аринушка, какую у Андронья
Красавицу я видѣлъ! Знаешь кто?
Мстиславская! Она пришлася Шуйскимъ
Племянницей. Видалъ ее ты, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь; мы съ Шуйскими давно ужъ
Не видимся.

ѲЕДОРЪ.

Жаль, шуринъ, очень жаль!..
Высокая и стройная такая,
И бѣлая!

ИРИНА.

Да у тебя ужъ, Ѳедоръ,
Зазнобы нѣтъ ли къ ней?

ѲЕДОРЪ.

И брови, знаешь,
Какія у нея!

ИРИНА.

Да ты и впрямь
Ужъ много говоришь о ней!

ѲЕДОРЪ — лукаво.

А чтò-жъ,
Аринушка? Вѣдь я еще не старъ,
Вѣдь я еще понравиться могу!

ИРИНА.

Стыдись, она невѣста!

ѲЕДОРЪ.

Да, она
Посватана за Шаховского. Шуринъ,
Ты Шаховского знаешь, князь-Григорья?

ГОДУНОВЪ.

Знавалъ когда-то, царь, но онъ вѣдь нынѣ
Сторонникъ Шуйскихъ.

ѲЕДОРЪ.

Шуринъ, даже грустно
Мнѣ слышать это: тотъ сторонникъ Шуйскихъ,
А этотъ твой! Когда-жъ я доживу,
Что вмѣстѣ всѣ одной Руси лишь будутъ
Сторонники?

ГОДУНОВЪ.

Я радъ бы, государь,
За мной не стало-бъ дѣло, еслибъ зналъ я,
Какъ помириться?

ѲЕДОРЪ.

Право, шуринъ? Право?
Зачѣмъ же ты мнѣ прежде не сказалъ?
Я помирю васъ! Завтра же тебя
Я съ князь-Иванъ Петровичемъ сведу!

ГОДУНОВЪ.

Царь, я готовъ, но, кажется—

ѲЕДОРЪ.

Ни, ни!
Ты этого, Борисъ, не разумѣешь!
Ты вѣдай тамъ, какъ знаешь, государство,
Ты въ томъ гораздъ, а здѣсь я больше смыслю,
Здѣсь надо вѣдать сердце человѣка!..
Я завтра-жъ помирю васъ. А теперь
Пойдемъ къ столу.

Направляется къ двери и останавливается.

Аринушка, послушай:
А вѣдь Мстиславская-то на меня
Смотрѣла въ церкви!

ИРИНА.

Чтò-жъ мнѣ дѣлать, Ѳедоръ,
Такая, видно, горькая ужъ доля
Мнѣ выпала!

ѲЕДОРЪ — обнимая ее.

Родимая моя!
Безцѣнная! Я пошутилъ съ тобою!
Да есть ли въ цѣломъ мірѣ кто-нибудь,
Кого-бъ ты краше не была? Пойдемъ же,
Пойдемъ къ столу, а то обѣдъ простынетъ!

Уходитъ. — Ирина слѣдуетъ за нимъ. — Годуновъ, Клешнинъ и Туренинъ идутъ за обоими.

КЛЕШНИНЪ — къ Годунову, уходя.

Миришься ты? Въ товарищи возьмешь ты
Исконнаго, заклятаго врага?

ТУРЕНИНЪ.

Того, кѣмъ ты всѣхъ болѣ ненавидимъ?
А послѣ чтò-жъ?

ГОДУНОВЪ.

А послѣ — мы увидимъ!

Уходитъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Царская палата.

Царь Θедоръ сидитъ въ креслахъ.—По правую его руку, Ирина вышиваетъ золотомъ въ пяльцахъ. — По лѣвую, сидятъ въ креслахъ: Діонисій, митрополитъ всея Руси; Варлаамъ, архіепископъ Крутицкій; Іовъ, архіепископъ Ростовскій, и Борисъ Годуновъ.—Кругомъ стоятъ бояре.

ΘЕДОРЪ.

Владыко Діонисій! Отче Іовъ!
Ты, отче Варлаамъ! Я васъ позвалъ,
Святители, чтобъ вы мнѣ помогли
Благое дѣло учинить, давнишнихъ
Мнѣ помогли бы помирить враговъ!
Вамъ вѣдомо, какъ долго я крушился,
Что Шуйскіе, высокіе мужи,
И Годуновъ Борисъ, мой добрый шуринъ,
Напрасною враждой раздѣлены.
Но, видно, внялъ Господь моимъ молитвамъ,
Духъ кротости въ Бориса онъ вложилъ.
И вотъ, онъ самъ мнѣ обѣщалъ сегодня
Забыть свои отъ недруговъ досады,
И первый Шуйскимъ руку протянуть.
Не такъ ли, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Твоему желанью
Повиноваться—долгъ мой, государь!

ѲЕДОРЪ.

Спасибо, шуринъ! Ты писанье помнишь
И свято исполняешь. Только вотъ,
О Шуйскомъ я хотѣлъ тебѣ сказать,
О князь-Иванъ Петровичѣ: онъ нравомъ
Немного крутъ, и гордъ, и щекотливъ;
Такъ лучше-бъ вамъ по-менѣ говорить бы,
А чтобы ты къ нему бы подошелъ,
И за руку бы взялъ, его—вотъ этакъ—
И только бы сказалъ, что все забыто,
И что отнынѣ ты со всѣми ими
Въ согласіи быть хочешь.

ГОДУНОВЪ.

Я готовъ.

ѲЕДОРЪ.

Спасибо, шуринъ! Онъ вѣдь мужъ военный,
Онъ взросъ въ строю среди мечей желѣзныхъ,
Пищалей громоносныхъ, страшныхъ копій
И бердышей! Но онъ благочестивъ,
И вѣрно ужъ на ласковую рѣчь
Податливъ будетъ.

Къ Діонисію.

Ты-жъ, святой владыко,
Лишь только за-руки они возьмутся,
Ихъ поскорѣй благослови, и слово
Спасительное тотчасъ имъ скажи!

ДІОНИСІЙ.

Мой долгъ велитъ мнѣ, государь, о мирѣ
Вѣщать ко всѣмъ, а паче о Христовой
Пещися церкви. Аще не за церковь
Князь Шуйскій споритъ съ шуриномъ твоимъ,
Его склонять готовъ я къ миру.

ѲЕДОРЪ.

Отче,
Мы всѣ стоимъ за церковь! И Борисъ,
И я, и Шуйскій, всѣ стоимъ за церковь!

ДІОНИСІЙ.

Великій царь, усердіе твое
Намъ вѣдомо; дѣла же, къ сожалѣнью,
Не всѣ исходятъ отъ тебя.

Смотритъ на Годунова.

Намедни
Новогородскіе купцы, которыхъ
За ересь мы соборомъ осудили,
Свобождены; и въ Новгородъ обратно,
Какъ правые, отпущены, къ соблазну
Всѣхъ христіанъ.

ГОДУНОВЪ.

Владыко, тѣ купцы
Съ нѣмецкими торгуютъ городами,
И выгоду приносятъ государству
Немалую. Мы съ ними разорили-бъ
Весь Новгородъ.

ДІОНИСІЙ.

А ересь ни во что
Ты ставишь ихъ?

ГОДУНОВЪ.

Избави Богъ, владыко!
Ужъ царь послалъ наказы воеводамъ
Той ереси учителей хватать.
Но соблазненныхъ отличаетъ царь
Отъ соблазнителей.

ѲЕДОРЪ.

Конечно, шуринъ!
Но самыхъ соблазнителей, владыко,
Ни истязать не надо, ни казнить!
Имъ передъ Богомъ отвѣчать придется!
Ты увѣщалъ бы ихъ. Вѣдь ты, владыко,
Грамматикомъ не даромъ прозванъ мудрымъ!

ДІОНИСІЙ.

Мы дѣлаемъ, сколь можемъ, государь,
Чрезъ увѣщанья. Но тебѣ еще
Не все извѣстно: старосты губные
И сборщики казенныхъ податей
Въ обители входить святыя стали,
И въ волости церковныя въѣзжать,
И старые въ нихъ править недоборы,
Забытые отъ прежнихъ лѣтъ.

ГОДУНОВЪ.

Владыко,
Великій царь предупредилъ твое
Печа́лованье. Что̀ насъ крайность сдѣлать
Заставила, ужъ то̀ не повторится.

Подаетъ ему грамоту.

Вотъ грамота, владыко, о невъѣздѣ
Въ имѣнья церкви никакимъ чинамъ,
И о рѣшеньи всякихъ дѣлъ не царскимъ,
Но собственнымъ твоимъ судомъ.

ѲЕДОРЪ.

Да, отче.
Онъ написалъ ее, а я печать
Привѣсилъ къ ней!

ДІОНИСІЙ — пробѣгаетъ грамоту.

Блаженны миротворцы!
Когда правитель обѣщаетъ мнѣ
И въ остальныхъ статьяхъ всѣ льготы церкви,
Ея права и выгоды блюсти—
То прошлое да будетъ позабыто!

ѲЕДОРЪ.

Такъ, такъ, владыко! Отче Варлаамъ,
Ты помоги владыкѣ!

ВАРЛААМЪ.

Государь,
Что въ дѣлѣ семъ святой владыко скажетъ,
Я повторю охотно.

ѲЕДОРЪ.

Отче Іовъ,
И на тебя разсчитываю я!

ІОВЪ.

Правитель твой, великій государь,
Незлобія и мудрости исполненъ,
А наше дѣло Господу молиться
О тишинѣ и мирѣ!

ѲЕДОРЪ.

И тебя,
Аринушка, прошу я: если Шуйскій
Упрется, ты привѣтливое слово
Ему скажи. Оно вѣдь много значитъ
Изъ женскихъ устъ, и умягчаетъ самый
Суровый нравъ. Я знаю по себѣ:
Мужчинѣ я не уступлю ни въ чемъ,
А женщина попроситъ, иль ребенокъ,
Все сдѣлать радъ!

ИРИНА.

Мой царь и господинъ,
Какъ ты велишь, такъ мы и будемъ дѣлать;
Но наше слово, противъ твоего,
Чтò можетъ значить? Если только ты
Имъ съ твердостію скажешь, что ихъ распря
Тебя гнѣвитъ, то князь Иванъ Петровичъ
Ослушаться тебя не будетъ властенъ.

ѲЕДОРЪ.

Да, да, конечно, я ему велю,
Я прикажу ему! А вы, бояре,
Скорѣй зачните съ ними разговоръ;
Не стойте молча, хуже нѣтъ того,
Какъ если два противника сошлись,
Ужъ помирились, смотрятъ другъ на друга,
А всѣ молчатъ...

КЛЕШНИНЪ.

Мы рады говорить бы,
Царь-государь, когда-бъ его лишь милость,
На Шуѣ князь, намъ рты разинуть далъ!

ѲЕДОРЪ.

Чтó ты понесъ? Какой онъ князь на Шуѣ?

КЛЕШНИНЪ.

А то, что онъ себя удѣльнымъ князeмъ,
А не слугой царевымъ держитъ—вотъ чтò!

КН. ХВОРОСТИНИНЪ.

Твой дядька, царь, простить не можетъ Шуйскимъ,
Что за Нагихъ вступаются они.

ГОЛОВИНЪ.

И что тебя хотѣли-бъ упросить
Царевича взять на Москву обратно.

ѲЕДОРЪ.

Димитрія? Да я и самъ бы радъ!
Сердечный онъ! Ему, я чай, тамъ скучно.
А я-то здѣсь его бы потѣшалъ:
И скомороховъ показалъ смѣшныхъ бы,
И бой медвѣжій! Я просилъ Бориса,
Не разъ просилъ, да говоритъ: нельзя!

КЛЕШНИНЪ.

И въ томъ онъ правъ! Твой батюшка покойный
Нагимъ не даромъ Угличъ указалъ;
Онъ зналъ Нагихъ, онъ воли не давалъ имъ,
И шуринъ твой на привязи ихъ держитъ!

ѲЕДОРЪ.

Негоже ты, Петровичъ, говоришь;
Они дядья царевичу, Петровичъ!

КЛЕШНИНЪ.

Царевичу! Да нѣшто онъ царевичъ?
И мать его седьмая-то жена,
Царица нѣшто? Этакихъ царицъ
При батюшкѣ твоемъ понабралось бы
И болѣе пожалуй!

ѲЕДОРЪ.

Полно, полно!
Мнѣ Митя братъ, ему-жъ дядья Нагіе,
Такъ ты при мнѣ порочить ихъ не смѣй!

КЛЕШНИНЪ.

А что же мнѣ, хвалить ихъ, что они
Тебя долой хотѣли бы съ престола,
А своего царенка на престолъ?

ѲЕДОРЪ.

Какъ смѣешь ты?

КЛЕШНИНЪ.

И Шуйскихъ тожъ хвалить,
Что заодно идутъ они съ Нагими?

ѲЕДОРЪ.

Я говорю тебѣ: Молчи! Молчи!
Сейчасъ молчи!

КЛЕШНИНЪ—отходя къ окну.

Ну, что-жъ? И замолчу!

ѲЕДОРЪ—къ Годунову.

Не позволяй ему въ другой разъ, шуринъ,
Порочить мачиху и брата!

ГОДУНОВЪ.

Царь,
Онъ человѣкъ усердный и простой!

Крики на площади.

КЛЕШНИНЪ—глядя въ окно.

Ну, вонъ идутъ!

ѲЕДОРЪ.

Кто?

БОЯРЕ—смотрятъ въ окно.

Шуйскіе идутъ!

ѲЕДОРЪ—подходитъ къ окну.

Какъ? Ужъ пришли?

КЛЕШНИНЪ.

Да, вотъ ужъ у крыльца!

Крики слышны громче.

Вишь, впереди идетъ Иванъ Петровичъ,
А кругъ его валитъ съ купцами чернь!
Ишь, голосятъ и шапки вверхъ кидаютъ!
Еще, еще! Стрѣльцовъ сбиваютъ съ ногъ!
Держальниковъ оттерли! Подхватили
Его подъ руки! Эвотъ, по ступенямъ
Его ведутъ! Небось и государя
Такъ не честятъ они!

ѲЕДОРЪ.

Смотри же, шуринъ,
Не забывай, что́ ты мнѣ обѣщалъ!
Аринушка—смотри же, замѣчай!
Коль, неравно, у нихъ пойдетъ не гладко,
Ты помоги! Отцы мои—я паче
На васъ надѣюсь!

Возвращается поспѣшно на свое мѣсто.

СТОЛЬНИКЪ—отворяя дверь.

Князь Иванъ Петровичъ!

Входятъ Шуйскіе; за ними Мстиславскій, Шаховской и другіе.

КЛЕШНИНЪ—тихо къ Туренину, глядя на Шуйскихъ.

Ишь, какъ идутъ! И шеи-то не гнутся!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—опускаясь на колѣни.

Великій царь! По твоему указу
Предъ очи мы явилися твои!

ѲЕДОРЪ.

Встань, князь Иванъ Петровичъ! Встань скорѣе!
Тебѣ такъ быть негоже!

Поднимаетъ его.

Мы съ царицей
Давно тебя не видимъ. Ты, должно быть,
Семейнымъ дѣломъ занятъ? Мнѣ сказали:
Племянницу ты за̀мужъ выдаешь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ, государь.

ѲЕДОРЪ.

Я радъ, я очень радъ!
Я поздравляю васъ! Такъ вотъ я, князь,
Хотѣлъ сказать тебѣ, что мы давно
Тебя не видимъ—впрочемъ, можетъ быть,
Тебѣ не время? Это сватовство—
Ты оттого и въ думу, вѣроятно,
Давно уже не ходишь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Государь,
Мнѣ въ думѣ дѣлать нечего, когда
Дѣла земли вершитъ уже не дума,
А шуринъ твой. Поддакивать ему
Довольно есть бояръ и безъ меня!

ѲЕДОРЪ.

Иванъ Петровичъ! Мнѣ прискорбно видѣть,
Что межъ тобой и шуриномъ моимъ
Такое несогласье учинилось!
Намъ самъ Господь велѣлъ любить другъ друга!
Велѣлъ, владыко?

ДІОНИСІЙ.

Истинно велѣлъ!

ѲЕДОРЪ.

Вотъ видишь, князь? Что̀ говоритъ апостолъ
Въ посланіи къ коринѳянамъ? «Молю вы»...
Какъ дальше, отче Варлаамъ?

ВАРЛААМЪ.

«Молю вы.
«Да тожде вы глаголете, да распри
«Не будутъ въ васъ, да въ томъ же разумѣньи
«И въ той же мысли будете!»

ѲЕДОРЪ.

Вотъ видишь!
А какъ въ своемъ посланіи соборномъ
Апостолъ Петръ сказалъ? «Благоутробни»...
Какъ далѣ говоритъ онъ, отче Іовъ?

ІОВЪ.

«Благоутробни будьте, братолюбцы,
«Не воздающе убо зла за зло,
«Ни досажденія за досажденье!»
И шуринъ твой, великій государь,
Апостольское слово исполняетъ
Во истину!

ѲЕДОРЪ.

Да, отче Іовъ, да!
Ты, князь Иванъ Петровичъ, будь увѣренъ,
Онъ чтитъ тебя—мы всѣ твои заслуги
Высоко чтимъ—такъ, видишь ли,—когда бы
Ты захотѣлъ—когда бы ты съ Борисомъ—

Тихо къ Годунову.

Кончай же, шуринъ!

ГОДУНОВЪ.

Князь Иванъ Петровичъ!
Уже давно о нашей долгой распрѣ
Крушуся я. Коль ты забыть согласенъ
Все прошлое, я также все забуду.
И радъ съ тобой и съ братьями твоими
Быть за одинъ. И съ тѣмъ на примиренье
Тебѣ я руку подаю!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — отступая.

Бояринъ,
Упорно слишкомъ враждовали мы,
Чтобы могли теперь безъ договора
Сойтися вдругъ!

ГОДУНОВЪ.

Какого договора
Ты хочешь, князь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Бояринъ Годуновъ!
Виню тебя, что ты нарушилъ волю
И завѣщаніе царя Ивана
Васильича, который, умирая,
Русь пятерымъ боярамъ приказалъ!
Одинъ былъ—я; другой—Захарьинъ-Юрьевъ;
Мстиславскій—третій; Бѣльскій былъ четвертый,
А пятый—ты. Кто-жъ нынѣ, говори,
Кто государствомъ правитъ?

ГОДУНОВЪ.

Царь Ѳедоръ
Ивановичъ, его же царской воли
Я исполнитель.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не хитри, бояринъ!
Его ты волей завладѣлъ лукаво!
Едва лишь царь преставился Иванъ,
Ты Бѣльскаго въ изгнаніе усдалъ,
Мстиславскаго насильно ты въ монахи
Велѣлъ постричь; отъ Юрьева-жъ, Никиты
Романыча, избавили тебя
Болѣзнь и смерть. Осталися мы оба.
Но ты, со мной совѣта избѣгая,
Своимъ высокимъ пользуясь свойствомъ,
Сталъ у царя испрашивать указы,
На что хотѣлъ, вступаться началъ смѣло
Въ права бояръ, въ права людей торговыхъ,
И въ самыя церковныя права.
Роптали всѣ—

ГОДУНОВЪ.

Князь, дай мнѣ слово молвить—

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Роптали всѣ. Но имя государя
Тебѣ щитомъ служило; мы же дѣло
Получше знали; люди на Москвѣ
Къ намъ мыслили—и мы за правду встали,
Мы, Шуйскіе, а съ нами весь народъ.
Вотъ нашей распри корень и начало.
Я все сказалъ. Пускай же въ этомъ дѣлѣ
Насъ царь разсудитъ!

ГОДУНОВЪ.

Князь Иванъ Петровичъ!
Великій царь межъ насъ желаетъ мира,
Твоя же рѣчь враждою дышетъ, князь;
Негоже мнѣ упрекомъ на упреки

Отвѣтствовать, но оправдаться долженъ
Я передъ тобой. Меня винишь ты, князь,
Что я одинъ вершу дѣла? Но вспомни:
Хотѣлъ ли ты со мною совѣщаться?
Не ты-ль всегда мой голосъ отвергалъ?
И не снося ни въ чемъ противорѣчья,
Не удалился-ль ты отъ насъ? Тогда
Великій царь, твою холодность видя,
Мнѣ одному всю землю поручилъ.
Я-жъ, не въ ущербъ, во истину, для царства,
Ее пріялъ. Война съ Литвою миромъ
Окончена, а королю ни пяди
Не уступили русской мы земли.
Въ виду орды, мы подняли на хана
Племянника его, и ханъ во страхѣ
Бѣжалъ назадъ. Мы черемисскій бунтъ
Утишили. Отъ шведовъ оградились
Мы перемирьемъ. Съ цесаремъ нѣмецкимъ
И съ Даніей упрочили союзъ.
А съ Англіей торговый подписали
Мы договоръ, быть можетъ, неугодный
Гостямъ московскимъ, но обильный выгодъ
Для всей земли. И въ самое то время,
Когда ужъ Русь отъ смутъ и тяжкихъ бѣдствій
Въ устройство начинала приходить,
Ты, князь,—я то тебѣ не въ укоризну
Теперь скажу—ты, съ братьями своими,
Вы собирали въ скопъ народъ московскій,
И черный людъ вы тайно научали
Бить государю на меня челомъ!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ — *выступаетъ впередъ.*

Не за себя мы поднялись, бояринъ!
Когда ломать ты началъ государство,
За старину съ народомъ встали мы!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Таких досадъ, какъ отъ тебя, бояринъ.
И при Иванѣ не было царѣ!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Покойный царь былъ грозенъ для окольныхъ;
Кто близокъ былъ къ нему, тотъ и дрожалъ;
Кто-жъ былъ далекъ, тотъ жилъ безъ опасенья
По своему обычаю. Ты-жъ словно
Всю Русь опуталъ сѣтью, и покоя
Нѣтъ отъ тебя нигдѣ и никому!

ГОДУНОВЪ.

Когда земля, по долгомъ неустройствѣ,
Въ порядокъ быть должна приведена,
Болѣзненно свершается цѣленье
Старинныхъ ранъ. Чтобъ зданіе исправить.
Насильственно коснуться мы должны
Его частей. Но, милостію Божьей,
Мы неизбѣжную страданья пору
Ужъ перешли, и мудрость государя
Сознали всѣ; вы только лишь одни,
Вы, Шуйскіе, противитесь упорно,
И жизни новой свѣтлое теченье
Отвлечь хотите въ старое русло!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Лишь мы одни? Владыко Діонисій!
Скажи ему, одни ли о насильяхъ
Мы вопіемъ Христовой церкви!

ДІОНИСІЙ.

Княже.

Съ правителемъ до твоего прихода
Мы говорили. Все, о чемъ съ тобою
Скорбѣли мы—онъ отмѣнилъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не чисто!

ГОДУНОВЪ.

А въ остальномъ надѣюся я съ вами,
Князья, сойтись. Ужъ миновала нынѣ
Пора волненій; въ уровень законный
Вошла земля, и не-о-чемъ намъ спорить.
Ей вмѣстѣ мы теперь послужимъ лучше,
Чѣмъ могъ бы я одинъ.

ДІОНИСІЙ.

Такое слово
Смиренномудрено. Совѣтъ нашъ, княже,
Не продолжать вамъ распри, несогласной
Съ ученіемъ Спасителя, и вредной
Для государства.

ѲЕДОРЪ.

Отче, я увѣренъ
Они того не захотятъ! Не правда-ль?
Не правда-ль, князь? Вотъ и моя царица
Тому не вѣритъ. Что же ты молчишь,
Аринушка?

ИРИНА — продолжая вышивать.

Не вѣрится мнѣ вправду,
Что долго такъ князь Шуйскій заставляетъ
Себя просить о томъ, что̀ государь
Ему велѣть единымъ можетъ словомъ.

Смотритъ на Шуйскаго.

Скажи мнѣ, князь, когда бы ты теперь
Не предъ царемъ Ѳеодоромъ стоялъ,
Но предъ отцомъ его, царемъ Иваномъ
Раздумывалъ бы столько ты? Ужели-жъ

За то, что царь съ тобою такъ негнѣвенъ.
Такъ милостивъ, такъ многотерпѣливъ,
Свой долгъ предъ нимъ забудешь ты?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Царица,
Я говорилъ предъ государемъ нынѣ,
Какъ говорилъ бы предъ его отцомъ,
И прежде, чѣмъ отъ мысли отказаться,
На плаху я скорѣе бы пошелъ;
Но мнѣ наврядъ бы при царѣ Иванѣ
Такъ говорить пришлось—затѣмъ, что врядъ бы
Покойный царь такъ беззаботно отдалъ
Изъ рукъ своихъ въ чужія руки власть!

ИРИНА.

Когда во Псковѣ, князь Иванъ Петровичъ,
Ты, окруженъ литовцами, сидѣлъ,
И мужествомъ своимъ непобѣдимымъ
Такъ долго былъ оплотомъ для Руси—
Я, за твое спасенье и здоровье,
Дала тогда молитвенный обѣтъ:
На раку, гдѣ покоятся во Псковѣ
Святыя мощи Всеволода-князя,
Вотъ этотъ вышить золотомъ покровъ.
Я шью давно—и вотъ моя работа
Къ концу приходитъ. Но ужель она,
Начатая во здравіе того,
Кто землю спасъ, окончится, когда
Противникомъ онъ станетъ государству?

Встаетъ и подходитъ къ Шуйскому.

Ужели тотъ, за чье спасенье я
Такъ горячо со всей молилась Русью,
Ея покой упорствомъ возмутитъ?

Прошу тебя, не омрачи напрасно
Своей великой славы! Покорись
Святителямъ и царскому велѣнью!
Князь-государь—

Кланяется ему въ поясъ.

Моимъ большимъ поклономъ
Прошу тебя, забудь свою вражду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—въ волненіи.

Царица-матушка! Ты на меня
Повѣяла какъ будто тихимъ лѣтомъ!
Своимъ нежданнымъ милостивымъ словомъ
Ты все нутро во мнѣ перевернула!
Какъ устоять передъ тобой? Повѣрь,
Велѣнье государево исполнить
Я радъ душой—но напередъ дозволь мнѣ
Сказать два слова брату твоему.

Къ Годунову.

Не въ первый разъ, бояринъ, хитрой рѣчью
Обходишь ты противниковъ своихъ.
Какой залогъ намъ дашь ты, что не хочешь
Насъ усыпить, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе послѣ
Погибель нашу уготовить?

ГОДУНОВЪ.

Князь,
Залогомъ вамъ мое да будетъ слово
И вмѣстѣ съ нимъ ручательство царя.

ѲЕДОРЪ.

Да, да, князья, я за него ручаюсь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какая участь ожидаетъ тѣхъ,
Которые, защитѣ нашей вѣря,
Къ намъ мыслили?

ГОДУНОВЪ.

Ихъ ни единый волосъ
Не упадетъ, и ни единымъ пальцемъ
Не тронутъ ихъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

И будешь ты на томъ
Крестъ цѣловать предъ государемъ?

ГОДУНОВЪ.

Буду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—къ боярамъ, пришедшимъ съ нимъ.

Какъ мыслите?

БОЯРЕ.

На что̀ согласенъ ты,
Мы всѣ согласны!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—къ Годунову.

Вотъ моя рука!

ѲЕДОРЪ.

Друзья мои! Спасибо вамъ, спасибо!
Аринушка, вотъ это въ цѣлой жизни
Мой лучшій день! Владыко Діонисій—
Крестъ имъ скорѣе! Крестъ!

Діонисій беретъ со стола крестъ и подаетъ сперва Шуйскому, потомъ Годунову.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Клянусь отнынѣ
Не враждовать, ни мыслію, ни дѣломъ,
Къ великому боярину къ Борису
Ѳеодорычу Годунову; въ томъ же

Я за себя и за своихъ за братьевъ,
И за сторонниковъ за нашихъ всѣхъ,
За всѣхъ бояръ и всѣхъ людей торговыхъ,
Цѣлую крестъ Спасителя Христа!

Прикладывается ко кресту.

ГОДУНОВЪ.

Цѣлую крестъ, что съ Шуйскими отнынѣ
Мнѣ пребывать въ согласьи и любви,
Безъ ихъ совѣта никакого дѣла
Не начинать, сторонникамъ же ихъ,
Князьямъ, боярамъ и торговымъ людямъ,
Ничѣмъ не мстить за прежнія вины.

Прикладывается ко кресту.

ѲЕДОРЪ.

Вотъ это такъ! Вотъ это значитъ: прямо
Писаніе исполнить! Обнимитесь!
Вотъ такъ! Ну, что? Вѣдь легче стало? Легче?
Не правда ли?

Крики на площади.

О чемъ они кричатъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Должно быть, царь, хотѣлось бы узнать имъ,
Чѣмъ кончилась сегодня наша встрѣча
Съ бояриномъ. Дозволь, я выйду къ нимъ.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, останься! Сами пусть они
Сюда прійдутъ. Пусть умилятся, глядя
На ваше примиренье!

Къ Княжичу.

Выдь, Петровичъ,
Выдь на крыльцо и приведи ихъ!

КЛЕШНИНЪ.

Всѣхъ?
Да ихъ, я чай, тамъ сотенъ будетъ съ двадцать,
Аршинниковъ!

ѲЕДОРЪ.

Зачѣмъ же всѣхъ? Зачѣмъ?
Пусть выборныхъ пришлютъ!

Клешнинъ уходитъ.

Я съ ними, шуринъ,
И не охотникъ, правда, говорить,
Когда они обступятъ вдругъ меня
На выходѣ, кто съ жалобой, кто съ просьбой,
И стукотня такая въ головѣ
Отъ нихъ пойдетъ, какъ словно тулумбасы
Въ ней загремятъ; терпѣть я не могу!
Стоишь и смотришь, и не знаешь ровно,
Что̀ отвѣчать? Но здѣсь другое дѣло,
Я радъ ихъ видѣть!

ГОДУНОВЪ.

Государь, боюсь,
Тебѣ ихъ вздорныхъ жалобъ не избыть:
Народъ докучливъ. Лучше прикажи мнѣ,
Я выйду къ нимъ!

КЛЕШНИНЪ — возвращаясь.

Царь! Выборные люди
Отъ всѣхъ купцовъ, лабазниковъ, ткачей,
И шорниковъ, и мясниковъ, которыхъ
Привелъ съ собой князь Шуйскій! Вотъ они!

ВЫБОРНЫЕ — входятъ и становятся на колѣни.

Царь-государь! Спаси тебя Господь,
Что свѣтлыя свои повидѣть очи
Ты насъ пожаловалъ!

ѲЕДОРЪ.

Вставайте, люди!
Я радъ васъ видѣть. Я послалъ за вами,
Чтобъ вамъ сказать—да что-жъ вы не встаете?
Я осерчаю!

Выборные встаютъ, исключая одного старика.

Что же ты, старикъ?
Что-жъ не встаешь?

СТАРИКЪ.

И радъ бы, государь,
Да не смогу! Вишь, на колѣни стать-то—
Оно кой-какъ и удалось, а вотъ
Подняться-то не хватитъ силы! Больно
Ужъ древенъ сталъ я, государь!

ѲЕДОРЪ—къ другимъ.

Возьмите-жъ
Его подъ руки, люди!

Двое купцовъ поднимаютъ старика.

Ну, вотъ такъ!
Ты, дѣдушка, себя не утрудилъ ли?
Кто ты?

СТАРИКЪ.

Богданъ Семеновъ Курюковъ,
Московскій гость!

ѲЕДОРЪ.

Который годъ тебѣ?

КУРЮКОВЪ.

Да будетъ за̀-сто, государь! При бабкѣ
Я при твоей, при матушкѣ Оленѣ
Васильевнѣ, ужъ денежникомъ былъ.

Чеканилъ деньги, по ея указу,
Копейныя, на коихъ нонѣ князь
Великій знатенъ съ копіемъ въ рукѣ;
Оттоль онѣ и стали называться
Копейными. Такъ я-то, государь,
Въ ту пору ихъ чеканилъ. Лѣтъ мнѣ будетъ,
Пожалуй, за̀-сто!

ѲЕДОРЪ.

Дѣдушка, да ты
Шатаешься! Бояре, вы-бъ ему
Столецъ подставили!

КУРЮКОВЪ.

Помилуй, царь!
Какъ при твоей мнѣ милости сидѣть!

ѲЕДОРЪ.

Да ты вѣдь больно старъ, вѣдь ты, я чаю,
Ужъ много видѣлъ на своемъ вѣку?

КУРЮКОВЪ.

Какъ, батюшка, не видѣть! Всяко видѣлъ!
Блаженной памяти Василья помню
Иваныча, когда свою супругу
Онъ, Соломонью Юрьевну, постригъ,
Неплодья ради, бабку же твою,
Олену-то Васильевну поялъ.
Тогда народъ, вишь, на-дво раздѣлился,
Кто, вишь, стоялъ за бабку за твою,
Кто за княгиню былъ за Соломонью.
А въ тѣ поры и межъ бояръ разрухи
Великія чинились: въ малолѣтство
Родителя, вишь, твоего, Ивана
Васильича, тягались до зарѣза
Князья Овчины съ Шуйскими князьями,

А изъ-за нихъ и весь московскій людъ.
А нашъ-то родъ всегда стоялъ за Шуйскихъ,
Ужъ такъ у насъ отъ предковъ повелось.
Бывало слышишь: бьютъ въ набатъ у Спаса—
Вставай, купцы! Вали къ одной за Шуйскихъ!
Тутъ поскорѣе лавку на запоръ,
Кафтанъ долой, захватишь что попало,
Чтó Богъ послалъ, рогатину-ль, топоръ ли,
Бѣжишь на площадь, анъ ужъ тамъ и свалка:
Одни горланятъ: Телепня Овчину!
Другіе: Шуйскихъ! и пошла катать!

ѲЕДОРЪ.

Тò грѣхъ великій, дѣдушка!

КУРЮКОВЪ.

А вотъ,
Какъ въ возрастъ сталъ твой батюшка входить,
Утихло все.

КЛЕШНИНЪ.

Чтò, видно, не шутилъ?

КУРЮКОВЪ.

Избави Богъ! Былъ грозный государь!
При немъ и всѣ бояре пріутихли!
При немъ бѣда! Глядишь, столбовъ наставятъ
На площади; и казней-то, и мукъ,
И пытокъ ужъ какихъ мы насмотрѣлись!
Бывало, вдругъ...

ѲЕДОРЪ.

Я, дѣдушка, позвалъ васъ,
Чтобъ вамъ сказать...

КУРЮКОВЪ.

Бывало, грянутъ бубны,
Чтобы народъ на площадь шелъ...

ѲЕДОРЪ.

Я васъ
Велѣлъ позвать...

КУРЮКОВЪ.

Тутъ, хочешь, аль не хочешь—
Неволею идешь...

МОЛОДОЙ КУПЕЦЪ—дергая его за полу.

Богданъ Семенычъ!
Царь говоритъ съ тобой!

КУРЮКОВЪ.

Постой, племянникъ,
Дай досказать. Вотъ мы прійдемъ на площадь,
Анъ тамъ стоятъ...

ѲЕДОРЪ—къ молодому.

Такъ ты—ему племянникъ?

МОЛОДОЙ.

Да, государь, я внучатный ему
Племянникъ есть!

КУРЮКОВЪ.

Анъ тамъ ужъ палачи
Стоятъ и ждутъ.

МОЛОДОЙ—дергая его за полу.

Богданъ Семенычъ! Что̀ ты?

ѲЕДОРЪ—къ молодому.

Твое лицо мнѣ кажется знакомо?

КУРЮКОВЪ.

Съ сѣкирами...

ѲЕДОРЪ—къ молодому.

Гдѣ видѣлъ я тебя?

МОЛОДОЙ.

А о Миколѣ мы, великій царь,
Твое здоровье тѣшили: медвѣжій
Тогда былъ бой, а я медвѣдя принялъ,
И милость мнѣ твоя поднесть велѣла
Стопу вина!

КУРЮКОВЪ.

Съ сѣкирами стоятъ...

ѲЕДОРЪ.

Да что̀ ты, дѣдушка, одно наладилъ!
Что, въ самомъ дѣлѣ? Что тутъ вспоминать?
Съ сѣкирами! Съ сѣкирами! Не дашь
Мнѣ слова вымолвить!

Къ молодому.

Такъ ты тотъ самый,
Что запоролъ медвѣдя? Помню, помню!
Аринушка! Вотъ это тотъ купецъ,
О комъ тебѣ разсказывалъ я, знаешь!
Синельниковъ—вѣдь такъ тебя зовутъ?

МОЛОДОЙ.

Красильниковъ, великій государь,
Иванъ Артемовъ!

ѲЕДОРЪ.

Да, да—да, да—да.
Красильниковъ! Аринушка, представь:
Медвѣдь къ нему такъ близко подошелъ,
Такъ близко—вотъ какъ ты теперь, владыко,
Ко мнѣ стоишь, а онъ шагнулъ вотъ этакъ,
Да изловчилъ рогатину, да разомъ

Вотъ такъ ее всадилъ ему въ животъ!
Медвѣдь-то претъ, да все реветъ: уу!
Да загребаетъ лапами его,
Вотъ такъ его, владыко, загребаетъ,
Пока совсѣмъ не выбился изъ силъ
И на бокъ не свалился!

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Ты этимъ людямъ повѣстить хотѣлъ
О нашемъ примиреньи.

ѲЕДОРЪ—къ Красильникову.

У тебя
Былъ братъ еще, который Шаховского
Въ бою кулачномъ одолѣлъ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Онъ мнѣ
Двоюродный есть братъ, царь-государь,
Микитой Голубемъ зовутъ.

Оборачивается къ своимъ.

Микита!
Слышь, выходи къ царю!

Голубь выступаетъ впередъ и кланяется.

ѲЕДОРЪ.

Здорово, Голубь!
Чтò, какъ живешь? Чтó сила-то? Чтó сила?
Не голубиная въ тебѣ, чай, сила?
Не по прозванью?

ГОЛУБЬ.

Жаловаться грѣхъ,
Царь-государь. Господь насъ не обидѣлъ,
Мы силою своей довольны!

ѲЕДОРЪ—къ Шаховскому.

Князь!

Узналъ его?

ШАХОВСКОЙ.

Какъ друга не узнать!
Вѣдь ты ребро сломилъ мнѣ, Голубь, гладко!
По милости твоей недѣли три
Я пролежалъ!

ГОЛУБЬ—кланяясь.

Усердно, князь Григорій
Петровичъ, здравствуемъ тебѣ! Дастъ Богъ,
Въ Великій постъ мы на Москвѣ-рѣкѣ
Еще съ тобою встрѣтимся на славу—
Авось твоя удача будетъ!

ШАХОВСКОЙ.

Что-жъ,
Я встрѣтиться всегда съ тобою радъ—
Теперь держись!

ГОЛУБЬ.

А что́ поставишь, князь?

ШАХОВСКОЙ.

Чеканный ковшъ! А ты?

ГОЛУБЬ.

Соболью шапку!

ИРИНА—къ Ѳедору.

Свѣтъ-государь, не позволяй имъ биться;
Часъ неровёнъ, не долго до бѣды!

ѲЕДОРЪ.

Ты думаешь, Аринушка?

Къ Шаховскому и Голубю.

Смотрите-жъ,
Не крѣпко бейтесь! Паче же всего—
Подъ ложку берегитесь бить другъ друга:
Тò самое смертельное есть мѣсто!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Великій царь—дозволь, я повѣщу имъ,
Зачѣмъ ты ихъ позвать велѣлъ!

ѲЕДОРЪ.

Ну, ну,
Добро, скажи имъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Выборные люди!
Вамъ вѣдомо да будетъ, что бояринъ
Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ
И я, князь Шуйскій, съ братьями моими,
Мы учинились въ мирѣ и въ ладу,
И обѣщали клятвою другъ другу,
Чтобы ни намъ, ни нашимъ межъ собою
Сторонникамъ не враждовать отнынѣ,
А быть въ согласьи!

ГОЛУБЬ—отецъ.

Князь Иванъ Петровичъ!
Да какъ же это? Мы съ тобою шли,
А ты насъ бросилъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я не бросилъ васъ!
Мнѣ обѣщалъ бояринъ—безъ меня

Не начинать отнынѣ ничего—
А я всегда за васъ стою!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Эй, князь,
Остерегись!

ГОЛУБЬ—сынъ.

Эй, не мирися, князь!

ГОЛУБЬ—отецъ.

Не выдавай насъ, князь Иванъ Петровичъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не бойтесь, люди! Мнѣ бояринъ клятву
Святую далъ, что никого изъ васъ
Не тронетъ онъ ни пальцемъ!

ГОЛОСЪ—позади другихъ.

Дать-то клятву
Онъ дастъ ее, да сдержитъ ли?

КУРЮКОВЪ.

Позволь
Худое слово, князь Иванъ Петровичъ,
Мнѣ, старику, по старому сказать!
Когда твои насъ дѣды подымали
На Телепня-Овчину, при Олёнѣ
Васильевнѣ, при бабкѣ государя,
Они за насъ, а мы за нихъ тогда
Держались крѣпко; тѣмъ-то и силенъ
Твой дѣдушка Василій былъ Васильичъ!
А еслибъ онъ на миръ пошелъ съ Овчиной,
Пропалъ бы онъ, и мы пропали-бъ съ нимъ!

ГОЛУБЬ—отецъ.

Когда ты, князь, съ врагомъ своимъ исконнымъ

Хотѣлъ мириться, незачѣмъ насъ было
И подымать!

ГОЛУБЬ—сынъ.

Эхъ, князь Иванъ Петровичъ!
Вы нашими миритесь головами!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—гнѣвно.

Молчи, щенокъ! Знай, бейся на кулачкахъ,
О дѣлѣ-жъ дай старѣйшимъ говорить!
Какъ смѣете не вѣрить вы ему,
Когда онъ крестъ—вы слышите ли?—крестъ
Въ томъ цѣловалъ?

ГОДУНОВЪ—тихо къ Клешнину.

Замѣть ихъ имена
И запиши.

Выборные, между тѣмъ, совѣщались между собой и всѣ разомъ подходятъ къ Ѳедору.

ВЫБОРНЫЕ.

Царь-государь! Помилуй!
Не дай погибнуть нашимъ головамъ!
Царь-государь! Помилуй! Защити!
Помилуй, государь! Не оставляй насъ!
Теперь пропали мы!

ѲЕДОРЪ.

Да что́ вы? Что́ вы?
Съ чего вы взяли? Отъ кого мнѣ, люди,
Васъ защищать?

ГОЛУБЬ—отецъ.

От шурина твово!
Отъ Годунова, государь!

ГОЛУБЬ—сынъ.

Твой шуринъ
Вѣдь насъ теперь совсѣмъ заѣстъ!

ѲЕДОРЪ.

Какъ можно!
Кто вамъ сказалъ! Мой шуринъ любитъ васъ!
Ты имъ скажи, Борисъ, что ты ихъ любишь!
Вотъ онъ сейчасъ вамъ скажетъ! Онъ вамъ все,
Все растолкуетъ! Мнѣ же самому,
Мнѣ некогда теперь!

Хочетъ уйти; выборные обступаютъ его.

ВЫБОРНЫЕ.

Царь-государь!
Одна надежда наша на тебя!
Мы дурна не чинили! Мы за Шуйскихъ,
За слугъ твоихъ, стояли! Прикажи,
Чтобъ насъ Борисъ Ѳеодорычъ не трогалъ!
Вели ему!

ѲЕДОРЪ.

Да, хорошо! Пустите!
Мнѣ некогда! Скажите все Борису!
Ему скажите!

ВЫБОРНЫЕ.

Какъ же, государь,
Ему же мы да про него же скажемъ?
Яви намъ милость! Выслушай насъ, царь!
Дозволь тебѣ—

ѲЕДОРЪ—затыкая уши.

Ай-ай, ай-ай, ай-ай!
Скажите все Борису! Все Борису!
Мнѣ некогда! Скажите все Борису!

Уходитъ, держа пальцы въ ушахъ.—Выборные съ недоумѣніемъ смотрятъ другъ на друга.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Ночь. Садъ Ивана Петровича Шуйскаго.

ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА—выходитъ изъ дома.

Ну, темь, такъ темь! Ни звѣздочки не видно!
Пора-бъ ему придти! Ужъ онъ не тамъ ли,
Не за оградой ли стоитъ?

Подходитъ къ калиткѣ и говоритъ шопотомъ.

Князь! Князь!
Нѣтъ никого! Прислушаться, нейдетъ ли?
Эхъ, соловьи проклятые мѣшаютъ!
Расщелкались. Не слышно ничего!
Вотъ что-то хрустнуло: идетъ, должно быть!

Оборачивается назадъ и говоритъ шопотомъ

Княжна! Пожалуй!

КНЯЖНА МСТИСЛАВСКАЯ—шопотомъ.

Гдѣ ты, Василиса
Панкратьевна?

ВОЛОХОВА.

Здѣсь, матушка!

КНЯЖНА.

Не вижу!

ВОЛОХОВА.

Сюда, сюда пожалуй! Дай мнѣ ручку!
Да какъ же ты, голубушка, дрожишь!

КНЯЖНА.

Свѣжо какъ будто!

ВОЛОХОВА.

Нонѣ-то? Помилуй!
Теплынь какая! Ажъ травою пахнетъ!
А вонъ оттоль, изъ монастырской рощи,
Березой и черемухой несетъ!
Ужъ подлинно весенняя-то ночька.
А ручка у тебя какъ ледъ!

КНЯЖНА.

Я лучше
Уйду домой.

ВОЛОХОВА.

Владычица святая!
Да ты чего боишься? Развѣ онъ
Тебѣ чужой? Вѣдь, слава Богу, я
Сама тебѣ присватала его!

КНЯЖНА.

У дядюшки гостей полна палата—
Чтò, если вдругъ кому придетъ на мысль
Въ садъ заглянуть?

ВОЛОХОВА.

Великая бѣда,
Что съ женихомъ застали бы невѣсту!
Вотъ если ты захочешь послѣ свадьбы
Съ какимъ-нибудь молодчикомъ сойтись,
Вотъ тутъ такъ надо дѣлать осторожно!
А впрочемъ не диковина и то,
За добрую пригоршню золотыхъ
Все можно сдѣлать!

КНЯЖНА.

Полно, Василиса
Панкратьевна, стыдись!

ВОЛОХОВА.

А что̀ стыдиться,
Голубушка! Все вертится на деньгахъ!
Для нихъ и замужъ отдаютъ, для нихъ
И женятся; для нихъ братъ губитъ брата,
А сынъ отца! Ужъ противъ нихъ никто
Не устоитъ!

КНЯЖНА.

Панкратьевна — постой! —
Ты не слыхала ничего?

ВОЛОХОВА — прислушиваясь.

Позволь-ка!
Никакъ плеснула рыбица въ пруду...
Ужъ эти соловьи мнѣ! Шши, шши, шши!
Насилу-то замолкли! А теперь
Пошли въ травѣ кузнечики трещать!

КНЯЖНА.

Ты ничего не слышишь?

ВОЛОХОВА.

На Неглинной
Какъ будто мельница шумитъ...

ШАХОВСКОЙ—за оградой вполголоса.

Ау!

ВОЛОХОВА.

Ну, наконецъ!

Бѣжитъ къ калиткѣ и отворяетъ ее.

Войди же, князь!

Показывается на оградѣ Шаховской и спрыгиваетъ въ садъ.

Пострѣлъ!
Вѣдь я-жъ тебѣ калитку отворила!

ШАХОВСКОЙ.

На что она? Жаль, что низка ограда!
Съ кремлевской я бы соскочилъ стѣны,
Чтобъ поскорѣй мою увидѣть радость!
На силу-то мнѣ удалось!

Хочетъ обнять княжну.

ВОЛОХОВА.

Вотъ такъ!
Цѣлуй ее! Милуй ее! А я-то
За ручки подержу!

ШАХОВСКОЙ—отступая.

Княжна, не бойся!
Не подойду, доколѣ не поволишь!

ВОЛОХОВА.

Ну, соколъ-князь! Вѣдь я сдержала слово,
А ты принесъ ли мнѣ гостинчикъ?

ШАХОВСКОЙ—подавая ей кошелекъ.

На́!

ВОЛОХОВА—потряхивая деньгами.

Сердечныя! Звенятъ! Эхъ, жаль, темно!

ШАХОВСКОЙ—къ княжнѣ.

Да что̀-жъ ты отвернулась отъ меня!
Иль не любъ я тебѣ?

КНЯЖНА.

Вишь, ждать заставилъ!

ШАХОВСКОЙ.

А страшно было ждать?

КНЯЖНА.

Вѣстимо страшно!
Въ такую ночь!

ШАХОВСКОЙ.

Чай, бурная?

КНЯЖНА.

А лѣшій?
А мало-ль чтó? Вишь, онъ еще смѣется!

ШАХОВСКОЙ.

Да какъ же не смѣяться мнѣ тебѣ?
Въ саду-то лѣшій!

КНЯЖНА.

Да, тебѣ смѣшно,
А мнѣ-то каково? А невзначай
Вдругъ выйдетъ братъ? Иль дядя? Чтó тогда?
Постылый ты!

ШАХОВСКОЙ.

А что же дѣлать мнѣ,
Когда тебя мнѣ видѣть не даютъ!
Кой-разъ увидишь, а поговорить
И думать нечего.

КНЯЖНА.

Вишь ты какой!
А ты о чемъ хотѣлъ бы говорить?

ШАХОВСКОЙ.

О томъ, что нѣтъ тебя на свѣтѣ краше!
Что безъ тебя мнѣ стала жизнь не въ жизнь!
Что не втерпёжъ мнѣ ждать, пока сыграемъ
Мы нашу свадьбу!

КНЯЖНА.

Вишь ты! Ну, а еслибъ
Братъ отказалъ тебѣ?

ШАХОВСКОЙ.

Тогда бы я
Тебя увезъ!

КНЯЖНА.

А еслибъ не пошла я?

ШАХОВСКОЙ.

Насильно-бъ взялъ!

КНЯЖНА.

А я бы убѣжала?

ШАХОВСКОЙ.

А я-бъ догналъ!

КНЯЖНА.

А я въ Москву-рѣку
Прыгнула бы!

ШАХОВСКОЙ.

А я бы за тобой!

КНЯЖНА.

А водяной бы за меня вступился?

ШАХОВСКОЙ.

А я-бъ его за бороду схватилъ
Да за усы моржевые!

КНЯЖНА.

Ха, ха!
Моржевые!

Оба смѣются.

ШАХОВСКОЙ.

А вотъ вѣдь разсмѣялась!
И смѣхъ-то твой—что рокотъ соловьиный!
Краса моя! Когда ты засмѣешься,
Весь темный садъ какъ будто просіялъ!
Смотри, вонъ тамъ и звѣздочка явилась!
А вонъ другая, третья! Вонъ еще!
Вишь, выглянули всѣ тебя послушать!
Вонъ и въ пруду зажглися! Берегись,
Разскажутъ водяному, какъ надъ нимъ
Смѣешься ты!

КНЯЖНА.

Ха, ха!

ВОЛОХОВА.

Ну, вотъ, пошла!

Слышенъ стукъ въ калитку.

КНЯЖНА.

Ай, что̀ это?

ВОЛОХОВА.

Стучатъ никакъ въ калитку!

Прячется съ княжной за дерево.

ШАХОВСКОЙ—подходитъ къ калиткѣ.

Кто тамъ стучитъ?

ГОЛОСЪ—извнѣ.

Впустите ради Бога!

ШАХОВСКОЙ.

Кто тамъ?

ГОЛОСЪ.

Тó я! Красильниковъ, купецъ!
Бѣда случилась! Поскорѣй впустите!

Шаховской отворяетъ калитку. Красильниковъ вбѣгаетъ. Одежда его изорвана.

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Гдѣ Шуйскій князь? Гдѣ князь Иванъ Петровичъ?

ШАХОВСКОЙ.

На чтó тебѣ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Князь! Князь Иванъ Петровичъ!

Въ окнахъ дома показываются огни. Кн. Иванъ Петровичъ и гости его сходятъ съ крыльца.— Шаховской скрывается межъ деревъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Чтó тутъ за шумъ? Кто звалъ меня?

КРАСИЛЬНИКОВЪ

Тò я!
Князь-государь, помилуй, защити!
Сейчасъ стрѣльцы вломились къ намъ въ подворье!
Къ Ногаевымъ и къ Голубю, ко всѣмъ,
Кто въ выборныхъ вчера былъ у царя!
Схватили всѣхъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Кто ихъ схватилъ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Клешнинъ,
По приказанью Годунова!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ?!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Я самъ насилу вырвался отъ нихъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

По приказанью Годунова?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Да!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты говоришь, что Годуновъ велѣлъ
Всѣхъ выборныхъ схватить?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Такъ намъ Клешнинъ
Самъ повѣстилъ:—Впередъ-де вамъ наука
Царю челомъ на Годунова бить!

ГОЛОВИНЪ.

Чтò, князь, тебѣ я говорилъ? Ты видишь!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ты видишь, дядя! Не хотѣлъ ты вѣрить!
Больнымъ сказаться не хотѣлъ, когда
Пришли тебя къ царю звать!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Быть не можетъ!
Не можетъ быть!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Князь-батюшка, пошли
Къ намъ во дворы узнать, какъ было дѣло!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Онъ дорого заплатитъ мнѣ за то!

ГОЛОВИНЪ.

Сперва купцовъ, а тамъ, смотри, и насъ
Начнутъ хватать!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Безсовѣстный!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Безбожникъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Клялся на крестъ! На честный крестъ клялся!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Вѣдь это онъ не даромъ учинилъ:
Онъ раздѣлить хотѣлъ съ народомъ насъ!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Онъ всей Москвѣ тѣмъ показать хотѣлъ,
Что мыслить къ намъ и вѣрить намъ нельзя,
Что выдаемъ сторонниковъ мы нашихъ!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Чай, и теперь ужъ ропщутъ всѣ на насъ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Да! Не во гнѣвъ сказать вамъ, государи,
Какъ нашихъ-то на тройкахъ повезли,
На шумъ людей сбѣжалося не мало,
Не слишкомъ васъ честили!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Чтò тутъ думать!
Пока еще не всѣ въ Москвѣ отъ насъ отпали,
Поднять Москву!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Всѣ слободы поднять!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Раздать купцамъ оружіе!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Къ Борису
Идти во дворъ—убить его!

ГОЛОВИНЪ.

А въ Угличъ
Послать къ Нагимъ, чтобъ Дмитрія сейчасъ же
Поставили царемъ! Чтобъ на Москву
Шли съ угличанами Нагіе!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—строго.

Тише!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ къ Головину.

Такъ, зря, нельзя.

ГОЛОВИНЪ.

Съ Нагими я списался,
Они лишь знака ждутъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты смѣлъ писать къ нимъ.
Ты на царя смѣлъ Угличъ подымать?
Ты головой за то̀ заплатишь!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Дядя!
Въ чемъ онъ виной, за то̀ на немъ одномъ
Лежитъ отвѣтъ; но ссориться теперь
Не время намъ!

ГОЛОВИНЪ.

Князь-государь, виновенъ
Я предъ тобой; однакожъ пригодилась
Моя вина. Вѣдь поневолѣ звать
Царевича прійдется!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Никогда!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—къ Головину.

Накличешь ты бѣду на насъ, бояринъ!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Поднять Москву!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ужъ и Москву поднять!
Зачѣмъ? Пойдемъ, какъ мы вчера хотѣли,
Просить о царскомъ о разводѣ!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Поздно!
Вчера владыко былъ за насъ; сегодня-жъ
Съ Борисомъ онъ въ миру; вчера купцы
Намъ вѣрили; сегодня ужъ не вѣрятъ!

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Убить его!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да, такъ вотъ и убьешь!
Онъ караулъ теперь, небось, удвоилъ!

Вынимаетъ изъ кармана челобитню.

Вотъ подписи владыки и властей,
А вотъ дворянъ и всѣхъ людей торговыхъ;
Всѣ выдали себя—отстать не могутъ,
Хоть и хотѣли-бъ!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Тѣмъ ли угрожать
Ты будешь имъ, что этотъ листъ Борису
Покажешь ты?

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Показывать его
Намъ и не слѣдъ. Онъ—что зарядъ въ пищали:
Страшонъ пока не выпущенъ! Заставитъ,
Коль захотимъ, всѣхъ на Бориса встать!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Убить вѣрнѣй!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Вы, словно, всѣ въ бреду!
Къ чему царя вамъ разводить съ царицей?
Къ чему еще Бориса убивать?
Онъ самъ себя позорнымъ дѣломъ выдалъ
Избавилъ насъ отыскивать средь тьмы
Кривыхъ путей! И можемъ нынѣ мы,
Хвала Творцу, не погрѣшая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Чтò хочешь сдѣлать ты?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Идти къ царю
И уличить обманщика!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Напрасный
То, дядя, трудъ. Чтó скажетъ Годуновъ,
Тому повѣритъ царь.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Царь слышалъ клятву!
Всѣ слышали ее. Себя очистить
Ничѣмъ не можетъ Годуновъ!

Къ Красильникову.

Иди,
Скажи купцамъ, что государь велитъ

Ихъ выборныхъ вернуть, а что Бориса
Онъ отрѣшитъ сегодня же!

Звонъ къ заутрени.

Свѣтаетъ!
Иду къ царю! Не нужно много словъ—
Наружу ложь! И сгинетъ Годуновъ,
Лишь солнце тамъ, въ востокѣ, засіяетъ!

Уходитъ.—Красильниковъ также. Молчаніе.

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Ну, что̀, князья?

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Да что̀-жъ? Признаться, я
Добра не жду!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Какое тутъ добро!
Съ чѣмъ онъ пошелъ, съ тѣмъ и назадъ вернется.
Лишь время мы напрасно потеряемъ.

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ—къ кн. Василію.

Зачѣмъ его не удержалъ ты?

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Дядю?
Да нѣшто вы не знаете его?
Когда что́ разъ онъ въ голову втемяшилъ—
Не вышибешь. Знай, думаетъ, я правъ,
Такъ съѣмъ неправаго—младенецъ сущій!

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Что-жъ дѣлать намъ?

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да быть, къ его приходу,
Готовымъ всѣмъ, попрежнему, идти
Вотъ съ этой челобитней; пріискать бы
Царицу намъ, да имя-рекъ вписать!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Съ владыкой онъ объ этомъ самъ хотѣлъ
Держать совѣтъ.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да не успѣлъ. Позвали
Его къ царю, мириться, вишь. Намъ надо
Найти царицу до его прихода,
Чтобъ не ломалъ онъ даромъ головы.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Она-бъ должна царю прійтись по нраву,
И быть изъ нашихъ. А такихъ немного.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Есть на примѣтѣ у меня одна.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Кто? говори!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Да хоть твоя сестра.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Наташа? что̀ ты? Развѣ ты забылъ:
Она посватана за Шаховского!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Посватана—не выдана еще.
Послушай, князь: не шуточное дѣло
Мы затѣваемъ. Отъ родни царицы
Зависитъ все. Увѣрены ли мы,
Что новая родня захочетъ быть
У насъ въ рукахъ? Сестра-жъ твоя изъ нашихъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Оно-то такъ. Пригоднѣй нѣтъ ея.
Мнѣ самому на умъ ужъ приходило—
И еслибъ нé дали мы слова...

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Князь!
Иль я не знаю какъ ты слово далъ?
Не пó-сердцу тебѣ былъ Шаховской,
Боецъ кулачный, вѣтромъ голова
Наполнена! Врасплохъ тебя засталъ
Онъ съ дядею, бухъ въ ноги, такъ и такъ,
Другъ друга любимъ! Князь Иванъ растаялъ,
А ты смолчалъ.

КН. АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Я то же говорилъ:
Зачѣмъ спѣшить? Наташа, слава Богу,
Могла пождать.

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Скоръ больно князь Иванъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да, поспѣшилъ; Наташа бы могла
Царицей быть!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

А будь она царицей—
Ты царскій шуринъ, тотъ же Годуновъ,
Почище только.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Да, кажись, почище.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Надъ чѣмъ же думать?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Если бы не слово...

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Такъ вотъ помѣха? Слово далъ ему!
А развѣ намъ ты также нѐ далъ слова,
Во что́-бъ ни стало, вырвать у Бориса
И раздѣлить его межъ нами власть!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ отказать ему?

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Затѣй съ нимъ ссору!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Что̀ скажетъ дядя?

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Онъ вернется въ гнѣвѣ
За то, что царь не дастъ ему суда;

Онъ будетъ радъ племянницу свою
Царицей сдѣлать.

КН. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Такъ! Назадъ онъ слово
Самъ не возьметъ, а ссора приключись—
Не время будетъ разбирать, кто правъ,
Кто виноватъ!

КН. ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

И если быть Наташѣ
Царицею—такъ надо поспѣшить!

ГОЛОВИНЪ—къ Василію Шуйскому.

Позволь взглянуть мнѣ, князь Василь Иванычъ!

Беретъ челобитню и, пока другіе разговариваютъ, достаетъ съ пояса перо и чернильницу и вписываетъ что-то въ бумагу.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—къ Мстиславскому.

Рѣшайся, князь!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Когда-бъ на немъ какую
Вину найти!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Тогда-бъ ты былъ согласенъ?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Еще бы!

ШАХОВСКОЙ — является между ними.

Князь! Спроси сперва меня,
Согласенъ ли невѣсту уступить
Другому я?

ВСѢ.

Откуда онъ? Какъ смѣлъ онъ
Здѣсь тайно быть?

Слышенъ крикъ княжны.

МСТИСЛАВСКІЙ.

То вскрикнула сестра!
Они здѣсь вмѣстѣ были!

Идетъ въ глубину сада и выводитъ княжну за руку. Показывается Волохова.

Вотъ и сваха!
Ты помогала имъ?

ВОЛОХОВА.

Помилуй! Что̀ ты?
Мы прогуляться только-что сошли—
А онъ скакни черезъ заборъ! Ей Богу!
Ей Богу-ну!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Такъ вотъ ка̀къ бережешь
Ты нашу честь, сестрица!—Князь Григорій—
Твое негоже дѣло—я тебѣ
Даю отказъ!

ШАХОВСКОЙ.

Мою невѣсту хочешь
Царю ты сватать? Берегися, князь;
Доколѣ живъ я—не бывать тому!

ВОЛОХОВА—наступая на Шаховского.

А почему-жъ и не бывать? Смотри,
Какъ расходился! Не́видаль какая,
Что онъ женихъ! Царь Өедоръ-то Иванычъ,
Небось, тебя почище! Негодяй!
Безсовѣстный! Срамникъ! Безбожникъ! Воръ!

ШАХОВСКОЙ.

Прочь, вѣдьма, прочь! Посторонитесь всѣ!
Ко мнѣ, княжна! Она моя предъ Богомъ—
Ее сейчасъ веду я подъ вѣнецъ—
И первый, кто изъ васъ—

Вынимаетъ кинжалъ.

ВСѢ.

Въ ножны кинжалъ!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—къ Мстиславскому.

Хорошъ женихъ! На брата замахнулся!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Сестра, ко мнѣ! Князь—слышалъ ты меня?
Ступай отсель! Разорванъ нашъ союзъ!

ВСѢ.

Князь, не дури! Ступай! Его ты слышалъ!
Братъ надъ сестрой волёнъ!

ШАХОВСКОЙ.

Еще посмотримъ!
Княжна, скажи: ты хочешь за меня?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Молчи, сестра!

КНЯЖНА.

О, Господи!

ШАХОВСКОЙ.

Княжна!
Ты хочешь ли, чтобъ за царя тебя
Посватали?

КНЯЖНА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я быть твоею,
Твоей хочу!

ШАХОВСКОЙ.

Иди-жъ со мной!

МСТИСЛАВСКІЙ—къ сестрѣ.

Ни съ мѣста!

ШАХОВСКОЙ.

Иди со мной!

КНЯЖНА.

Я не вольна, ты видишь!

ГОЛОВИНЪ—къ Шаховскому.

Князь, покорись, ты силой не возьмешь!
Все кончено межъ ними и тобой!
Иль думаешь, тебѣ Иванъ Петровичъ

Проститъ, что̀ ты сегодня учинилъ?
Все кончено.

Показываетъ ему челобитню.

Смотри: княжны Мстиславской
Здѣсь имя вписано!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—про себя.

Ай да бояринъ!

ГОЛОВИНЪ.

Подъ грамотой ты этой съ нами руку
Самъ приложилъ—назадъ не можешь!

ШАХОВСКОЙ—выхватывая у него грамоту.

Дай!

ГОЛОВИНЪ.

Стой! Что̀ ты? Стой!

ШАХОВСКОЙ.

Въ моихъ она рукахъ!

ВСѢ.

Держи его!

ШАХОВСКОЙ—грозя кинжаломъ.

Назадъ? Тотъ ляжетъ въ прахъ,
Кто подойдетъ! Иду на судъ великой
Къ царицѣ я—вотъ съ этою уликой!

Убѣгаетъ съ грамотой.

Покой царя Θедора.

Входитъ Годуновъ, въ сопровожденіи дьяка, который кладетъ на столъ связку бумагъ и двѣ государственныя печати, большую и малую. Изъ другой двери входитъ Клешнинъ.

ГОДУНОВЪ—къ Клешнину.

Ты все-ль исполнилъ?

КЛЕШНИНЪ.

Сладилъ все, бояринъ;
Ихъ до зари схватили на домахъ;
Эхъ, кабы намъ изъ Углича прислали
Ту грамоту!

ГОДУНОВЪ.

Ты мнѣ ее, немедля,
Тогда подашь.

Клешнинъ уходитъ. Входитъ царица Ирина.

Сестра-царица, здравствуй!
Еще не вышелъ государь?

ИРИНА.

Недавно
Съ иконой духовникъ въ опочивальню
Къ нему вошелъ.

Входитъ изъ другой двери царь Θедоръ.
За нимъ духовникъ съ иконой.

ΘЕДОРЪ.

Аринушка, здорово!
Здорово, шуринъ! А вѣдь я проспалъ
Заутреню! Такой противный сонъ
Пригрезился: казалось мнѣ, я снова

Тебя, Борисъ, мирю съ Иваномъ Шуйскимъ,
Онъ руку подаетъ тебѣ—а ты—
Ты также руку протянулъ, но вмѣсто
Чтобъ за̀ руку, схватилъ его за горло
И сталъ душить—тутъ чепуха пошла:
Татары вдругъ напали, и медвѣди
Такіе страшные пришли, и стали
Насъ драть и грызть; меня же преподобный
Іона спасъ. Что̀, отче духовникъ,
Вѣдь этотъ сонъ не грѣшенъ?

ДУХОВНИКЪ.

Нѣтъ, не то,
Чтобъ грѣшенъ былъ, а все-жъ недобрый сонъ.

ѲЕДОРЪ.

Братъ Дмитрій также снился мнѣ и плакалъ,
И что-то съ нимъ ужасное случилось,
Но что̀—не помню.

ДУХОВНИКЪ.

Ты, ложася спать,
Усерднѣе молися, государь!

ѲЕДОРЪ.

Брр! Скверный сонъ!

Увидя бумаги.

А это что̀ такое?
Надоѣдать мнѣ хочешь снова, шуринъ?
Надоѣдать?

ГОДУНОВЪ.

Не долго, государь,
Я задержу тебя; твое согласье
Лишь нужно мнѣ для нѣкоторыхъ дѣлъ.

ѲЕДОРЪ.

А безъ меня покончить ихъ нельзя?
Я не совсѣмъ здоровъ.

ГОДУНОВЪ.

Два слова только.

ѲЕДОРЪ.

Ну, такъ и быть. Ты, отче духовникъ,
Угодника на пóлицу поставь,
Вчерашняго-жъ угодника пріими
До будущаго года. А какого
У насъ святого завтра?

ДУХОВНИКЪ.

Іоанна
Ветхопещерника.

ѲЕДОРЪ.

Я житіе
Его въ Минеяхъ перечту, лишь только
Меня Борисъ отпуститъ; а теперь
Благослови меня заняться дѣломъ

Духовникъ благословляетъ и уходитъ. Ѳедоръ садится. Годуновъ развязываетъ бумаги.

Ну, чтò тамъ, шуринъ, въ связкѣ у тебя?
Ужъ такъ и быть, вытаскивай!

ГОДУНОВЪ — вынимая изъ связки нѣсколько листовъ.

Намъ пишутъ
Украинскіе воеводы, царь,
Что ханъ опять орду на сѣверъ двинулъ.

ѲЕДОРЪ.

Да это сонъ мой въ руку! Не достало
Еще, чтобъ ты сталъ Шуйскаго душить!

ГОДУНОВЪ—кладетъ передъ нимъ бумаги.

Вотъ, государь, наказы воеводамъ.

ѲЕДОРЪ.

Прихлопни ихъ!

Годуновъ передаетъ бумаги дьяку, который прикладываетъ къ нимъ печать.

ГОДУНОВЪ—подавая другую бумагу.

А это, государь,
Царь Иверскій землей своею бьетъ
Тебѣ челомъ, и проситъ у тебя,
Чтобъ ты его въ свое подданство принялъ.

ѲЕДОРЪ.

Царь Иверскій? А гдѣ его земля?

ГОДУНОВЪ.

Она граничитъ съ царствомъ Кизилбашскимъ,
Обильна хлѣбомъ, шелкомъ и виномъ,
И дорогими, кровными конями.

ѲЕДОРЪ.

Такъ ею мнѣ челомъ онъ бьетъ? Ты слышишь,
Аринушка? Ты слышишь? Вотъ чудакъ!
Чтò вздумалось ему?

ГОДУНОВЪ.

Его тѣснятъ
Персидскій царь съ султаномъ турскимъ,

ӨЕДОРЪ.

Бѣдный!

Онъ православной вѣры?

ГОДУНОВЪ.

Православной.

ӨЕДОРЪ.

Ну, что-жъ? Скорѣй принять его въ подданство!
И знаешь, шуринъ, надо бы ему
Подарокъ приготовить. Чтó бы намъ,
Аринушка, послать ему?

ГОДУНОВЪ.

Сперва
Вотъ эту грамоту съ твоимъ согласьемъ
И съ вызовомъ пословъ его къ Москвѣ.

ӨЕДОРЪ.

Ну, хорошо, привѣшивай печать,
Привѣшивай!

Дьякъ привѣшиваетъ печать.

А это чтò такое?

ГОДУНОВЪ

То князю Троекурову наказъ,
Какъ говорить ему на польскомъ сеймѣ,
Когда начнется выборъ короля.
И знаешь, царь, что щедростью твоею,
По смерти нашего врага Батура,
Мы многихъ привлекли къ себѣ пановъ,
И что они поднесть уже готовы
Тебѣ корону.

ѲЕДОРЪ.

Мнѣ? Помилуй, шуринъ!
Что́ я съ ней дѣлать буду! Мнѣ и такъ
Своихъ хлопотъ довольно. Вотъ еще!
И что̀ ихъ всѣхъ подмыло! Тамъ какой-то
Царь Иверскій свою дарить мнѣ землю,
А тутъ паны корону суютъ! Нѣтъ!
Добро тотъ царь; а эти что́? Латинцы!
Враги Руси!

ГОДУНОВЪ.

Затѣмъ-то, государь,
Престоломъ ихъ ты брезгать и не долженъ,
Чтобъ слугами ихъ сдѣлать изъ враговъ.

ѲЕДОРЪ.

Ты думаешь? Ну, хлопъ по ней! Вотъ такъ!
Что̀, все теперь?

ГОДУНОВЪ.

Еще двѣ челобитни
Отъ двухъ бояръ, при батюшкѣ твоемъ
Въ Литву бѣжавшихъ. У тебя они
Теперь вернуться просятъ позволенья.

ѲЕДОРЪ.

Кто-жъ имъ мѣшаетъ? Милости прошу!
Да ихъ, я чай, туда бѣжало много?
Мое такое разумѣнье, шуринъ:
Намъ дѣлать такъ, чтобъ на Руси, у насъ,
Привольнѣй было жить, чѣмъ у чужихъ;
Такъ не зачѣмъ отъ насъ и бѣгать будетъ!
Ты знаешь что̀? Ты написалъ бы къ нимъ
Ко всѣмъ въ Литву, что я имъ обѣщаю
Земли и денегъ, если пожелаютъ
Вернуться къ намъ.

ГОДУНОВЪ.

Я такъ и думалъ, царь.
И грамоту о томъ ужъ изготовилъ.

ѲЕДОРЪ.

Ну, хорошо, прихлопни-жъ и ее!
Чтò, все теперь?

ГОДУНОВЪ.

Все, государь.

Дьякъ беретъ печати, собираетъ бумаги и уходитъ.

ѲЕДОРЪ.

Ну, шуринъ,
Тебя я долѣ не держу. А ты,
Аринушка, Минеи-бъ разогнула
Да житіе святого Іоанна
Ветхопещерника прочла бы мнѣ!

ИРИНА.

Дозволь сперва мнѣ, Ѳедоръ, челобитье
Тебѣ подать. Письмо я получила
Изъ Углича отъ вдовой отъ царицы,
Отъ Марьи Ѳедоровны. Слезно
Тебя она о милости великой,
О позволеньи проситъ, на Москву
Вернуться съ сыномъ, съ Дмитріемъ своимъ.

ѲЕДОРЪ.

Аринушка, да какъ же? Ты вѣдь знаешь,
Вѣдь я давно прошу о томъ Бориса.
Вѣдь я бы радъ!..

ИРИНА.

А какъ сегодня ты
Опальниковъ простилъ своихъ литовскихъ,
То я подумала, что ты вернуть
И мачиху и брата согласишься.

ѲЕДОРЪ.

Аринушка, помилуй! Развѣ я
Не радъ вернуть ихъ?

Показывая на Годунова.

Вотъ кому скажи!

ИРИНА.

Я знаю, Ѳедоръ, что правленье царствомъ
Ты справедливо брату поручилъ;
Никто какъ онъ имъ править не съумѣлъ бы;
Но здѣсь не государственное дѣло!
Оно твое, семейное; и ты,
Одинъ лишь ты, судьею быть въ немъ долженъ!

ѲЕДОРЪ.

Борисъ, ты слышишь что̀ она сказала?
Вѣдь это правда! Ты вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,
И шагу мнѣ ни въ чемъ не дашь ступить!
На что̀ это похоже? Я хочу,
Хочу вернуть Димитрія! Ты знаешь,
Когда я такъ сказалъ, ужъ я отъ слова
Не отступлю!

ГОДУНОВЪ—къ Иринѣ.

Не дѣльно ты, сестра,
Вмѣшалася во что̀ не разумѣешь.

Къ Ѳедору.

Царевича вернуть нельзя.

ӨЕДОРЪ.

Какъ? Какъ?
Когда ужъ я сказалъ, что я хочу?

ГОДУНОВЪ.

Дозволь мнѣ, государь—

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, это слишкомъ!
Я не ребенокъ! Это...

Начинаетъ ходить по комнатѣ.

СТОЛЬНИКЪ—*отворяя двери.*

Князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій!

ГОДУНОВЪ—*къ стольнику.*

Царь его сегодня
Принять не можетъ!

ӨЕДОРЪ.

Кто тебѣ сказалъ?
Впустить его!

Продолжаетъ ходить по комнатѣ.

Я скоро у себя
Не властенъ въ домѣ стану!

Входитъ кн. Иванъ Петровичъ Шуйскій.

Здравствуй, князь!
Спасибо, что пожаловалъ! Съ тобою
Я буду говорить, съ тобою, князь,
О Дмитріѣ, о братѣ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Государь,
Я самъ давно хотѣлъ тебѣ повѣдать
О Дмитріѣ царевичѣ, но прежде—
На шурина на твоего тебѣ
Я бью челомъ!

ѲЕДОРЪ.

Какъ? На Бориса?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да!

ѲЕДОРЪ.

Чтó сдѣлалъ онъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Свою солживилъ клятву!

ѲЕДОРЪ.

Что? Что ты, князь?!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты слышалъ, государь,
Какъ онъ клялся, что ни единымъ пальцемъ
Не тронетъ онъ сторонниковъ моихъ?

ѲЕДОРЪ.

Конечно слышалъ! Ну?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Сегодня-жъ ночью
Онъ тѣхъ купцовъ, съ которыми вчера
Ты говорилъ, велѣлъ схватить насильно
И отвезти невѣдомо куда!

ѲЕДОРЪ.

Позволь, позволь—тутъ что-нибудь не такъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Спроси его!

ѲЕДОРЪ.

То правда-ль, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Правда.

ИРИНА.

Помилуй, братъ!

ѲЕДОРЪ.

Побойся Бога, шуринъ!
Какъ могъ ты это сдѣлать!

ГОДУНОВЪ.

Я нашелъ,
Что ихъ въ Москвѣ оставить не годится.

ѲЕДОРЪ.

А клятва? Клятва?

ГОДУНОВЪ.

Я клялся не мстить имъ
За прежнія вины—и я не мстилъ.
Они за то увезены сегодня,
Что послѣ примиренія меня
Хотѣли снова съ Шуйскими поссорить.
Чему ты былъ свидѣтель, государь.

ѲЕДОРЪ.

Да развѣ такъ! Но все же надо было—

ГОДУНОВЪ.

Дивлюся я, что князь Иванъ Петровичъ
Стоитъ за тѣхъ, которые такъ дерзко
Пыталися межъ насъ разстроить миръ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А я дивлюсь, какъ ты, бояринъ, смѣешь
Безсовѣстнымъ, негоднымъ двоязычьемъ
Оправдывать себя! Великій царь!
Онъ не въ глаза-ль смѣялся намъ вчера,
Тебѣ и мнѣ, когда, въ рукахъ владыки,
Онъ честный крестъ на кривѣ цѣловалъ?

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, шуринъ, нѣтъ, ты учинилъ не такъ!
Твои слова мы поняли не такъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Чтò будетъ думать о тебѣ земля,
Великій царь, когда свою онъ клятву,
Тобою освященную, дерзнулъ
Попрать ногами?

ѲЕДОРЪ.

Этого не будетъ!
Купцовъ вернуть сегодня-жъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Только, царь?
А онъ, который обманулъ тебя,
Меня-жъ безчестнымъ сдѣлалъ предъ народомъ—
Попрежнему землею будетъ править?

ѲЕДОРЪ.

Но, князь, позволь... тутъ не было обмана...
Вы только вѣдь не поняли другъ друга...
Да и къ тому-жъ вѣдь вы ужъ сговорились,
Чтобъ вмѣстѣ вамъ обсуживать дѣла?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Онъ такъ клялся; ему на этомъ словѣ
Я подалъ руку—но ты видишь самъ,
Какъ цѣлованье держитъ онъ свое!
Великій царь, остерегись его!
Не довѣряй ему ни государства,
Ни собственной семьи не довѣряй!
Ты говорить со мной хотѣлъ о братѣ?
Ты знаешь ли кто тотъ, кого приставилъ
Онъ въ Угличѣ ко брату твоему?
Тотъ Битяговскій? Знаешь ли, кто онъ?
Измѣнникъ онъ! И воръ! И лжесвидѣтель,
Избавленный отъ висѣлицы имъ!
Не оставляй наслѣдника престола
Въ такихъ рукахъ!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, на этомъ, князь,
Спокоенъ будь! Ужъ я сказалъ Борису,
Что Дмитрія хочу я взять къ себѣ!

ГОДУНОВЪ.

А я на то отвѣтилъ государю,
Что въ Угличѣ остаться долженъ онъ.

ѲЕДОРЪ.

Какъ? Ты опять? Ты споришь?

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Дозволь тебѣ сказать—

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, не дозволю!
Я царь, или не царь?

ГОДУНОВЪ.

Дай объяснить мнѣ...
Лишь выслушай...

ѲЕДОРЪ.

И слушать не хочу!
Я царь, или не царь? Царь, иль не царь?

ГОДУНОВЪ.

Ты царь—

ѲЕДОРЪ.

Довольно! Больше и не надо!
Ты слышала, Арина! Князь, ты слышалъ!
Онъ согласился, что я царь! Теперь ужъ
Не можетъ спорить онъ! Теперь онъ цыпъ!

Къ Годунову.

Ты знаешь что̀ такое царь! Ты знаешь?
Ты помнишь батюшку-царя? Ты, ты—
Князь, будь спокоенъ! Дмитрія къ себѣ
Изъ Углича я выпишу сюда!
И мачиху, и мачихиныхъ братьевъ.
Всѣхъ выпишу! Что̀ это въ самомъ дѣлѣ?
На что̀ это похоже! Даже въ потъ
Меня онъ бросилъ! Посмотри, Арина!

Ходитъ по комнатѣ и потомъ останавливается передъ Шуйскимъ и Годуновымъ.

Ну, а теперь, какъ я васъ помирилъ,
Такъ полно вамъ сердиться другъ на друга!
Ну, полно, шуринъ! Полно, князь! Довольно!
Ну, поцѣлуйтесь! Ну!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Великій царь,
Тебя постичь я не могу! Ты видѣлъ,
Изъ собственныхъ его ты слышалъ устъ,
Что клятвой онъ двумысленно играетъ,
Его насилье самъ ты отмѣнилъ,
Ты согласился, что оставить брата
Нельзя въ рукахъ наемника его—
А между тѣмъ ты оставляешь царство
Въ его рукахъ? Великій государь—
Одно изъ двухъ! Иль я теперь обманщикъ,
И ты меня суди за клевету—
Или его за вѣроломство долженъ
Ты отрѣшить!

ѲЕДОРЪ.

Да я вѣдь ужъ исправилъ
Его вину передъ тобой? Чего же
Тебѣ еще? Ничѣмъ онъ не доволенъ!
Арина, слышишь?

ИРИНА.

Князь Иванъ Петровичъ,
Мнѣ кажется—

ГОДУНОВЪ.

Оставь его, сестра!
Царя избавлю я отъ затрудненья
Межъ насъ рѣшать. Великій государь!

Доколѣ ты мнѣ вѣрилъ, я тебѣ
Могъ годенъ быть—какъ скоро-жъ ты не вѣришь,
Я не гожусь. Князь Шуйскій молвилъ правду:
Одинъ изъ насъ другому долженъ мѣсто
Здѣсь уступить. Свой выборъ, государь,
Ты учинилъ, когда такъ благосклонно
Ты обвиненья выслушалъ его,
Мою же рѣчь отвергнулъ наотрѣзъ,
Дозволь мнѣ удалиться.

ѲЕДОРЪ.

Чтò ты? Чтò ты?

ГОДУНОВЪ.

Кому прикажешь, государь, дѣлà
Мнѣ передать?

ѲЕДОРЪ.

Да ты меня не понялъ!
Ахъ, Боже мой! Чтò ты надѣлалъ, князь!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь, твою я волю понялъ:
Тебѣ угодно тѣхъ людей, которыхъ
Я удалилъ, чтобъ городъ успокоить—
Вернуть назадъ. Тебѣ Нагихъ угодно,
Съ царевичемъ, въ Москву перевести,
Хоть есть причины важныя оставить
Ихъ въ Угличѣ. Когда, великій царь,
Ты такъ рѣшилъ—твоя святая воля
Исполнится, но на себя отвѣта
Я не беру!

ѲЕДОРЪ.

Да я не зналъ, Борисъ,
Что есть такія важныя причины!
Ужъ если ты—

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Прости, великій царь!

ӨЕДОРЪ.

Князь! Князь! Куда?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Куда-нибудь подалѣ,
Чтобъ не видать, какъ царь себя срамитъ!

ӨЕДОРЪ.

Князь, погоди, мы все уладимъ—

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Царь
Всея Руси. Өеодоръ Іоанычъ!
Мнѣ стыдно за тебя—прости!

Уходитъ.

ӨЕДОРЪ.

Князь! Князь!
Ахъ, Боже мой—ушелъ! И этотъ вотъ
Меня оставить хочетъ! Шуринъ, ты—
Ты пошутилъ! А что-жъ съ землею будетъ?

ГОДУНОВЪ.

Великій царь, могу-ль тебѣ служить я,
Когда ты руки связываешь мнѣ?

ӨЕДОРЪ.

Да нѣту, шуринъ, нѣту! Будетъ все
По-твоему. Ну, что-жъ? Согласенъ ты?
Да, шуринъ? Да?

ГОДУНОВЪ.

На этомъ уговорѣ,
Великій царь, согласенъ я, но помни,
Что только такъ могу я продолжать
Тебѣ служить.

ѲЕДОРЪ.

Спасибо же тебѣ!
Спасибо, шуринъ. Знаешь ли, теперь
Намъ Шуйскаго бы надо успокоить!
Вѣдь онъ тебя не понялъ; я вѣдь тоже
Тебя вчера не понялъ!

Входитъ Клешнинъ, подаетъ Годунову бумаги и уходитъ.— Годуновъ пробѣгаетъ ихъ и передаетъ Ѳедору.

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Сперва прочти вотъ это донесенье
Изъ Углича, и тайное письмо,
Которое Михайло Головинъ,
Сторонникъ Шуйскихъ, написалъ къ Нагимъ;
Его прислалъ съ нарочнымъ Битяговскій.

ѲЕДОРЪ—смотритъ въ бумаги.

Ну, что́ же тутъ? «И въ пьяномъ видѣ часто
«Ругаются негодными словами...»
Да кто же словъ не говоритъ негодныхъ,
Когда онъ пьянъ? «И деньги вымогаютъ
«Съ угрозами...» Да ты ужъ имъ не мало-ль
Назначилъ, шуринъ? Вѣдь они привыкли
Жить широко при батюшкѣ! Ты имъ бы
Поболѣ далъ! Ну, что́ же тутъ еще?
«И хвалятся, что съ помощію Шуйскихъ
«Они царя...» Помилуй, быть не можетъ!

ГОДУНОВЪ.

Ты грамоту прочти Головина.

ѲЕДОРЪ—читаетъ про себя, останавливается и качаетъ головой.

Меня согнать съ престола? Боже мой!

Зачѣмъ бы имъ не подождать немного?
Всѣмъ вѣдомо, что я не долговѣченъ;
Не даромъ тутъ, подъ ложечкой, болитъ.
Не то хоть Митѣ подрости бы дали!
Ужъ какъ бы я охотно уступилъ
Ему престолъ! А то теперь насильно
Меня согнать, а малаго ребенка
Вдругъ посадить, а тамъ еще опека,
Разрухи, смуты, разоренье царству—
Нехорошо!

ГОДУНОВЪ.

Теперь ты видишь, царь,
Зачѣмъ Нагимъ нельзя позволить было
Вернуться на Москву?

ѲЕДОРЪ.

Нехорошо!

ГОДУНОВЪ.

Ты благодушно, царь, объ этомъ судишь,
А между тѣмъ, великая опасность
Грозитъ землѣ. Не терпитъ время. Намъ
Рѣшительное надо сдѣлать дѣло!

ѲЕДОРЪ.

Какое дѣло, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Государь!
Изъ грамоты Головина ты видишь,
Что Шуйскіе съ Нагими въ заговорѣ.
Ты долженъ приказать, не медля, Шуйскихъ
Подъ стражу взять.

ѲЕДОРЪ.

Подъ стражу? Какъ? Ивана
Петровича подъ стражу? А потомъ?

ГОДУНОВЪ.

Потомъ—когда себя онъ не очиститъ—
Онъ долженъ быть—

ѲЕДОРЪ.

Чтò долженъ быть?

ГОДУНОВЪ.

Казненъ.

ѲЕДОРЪ.

Какъ? Князь Иванъ Петровичъ? Тотъ, который
Былъ здѣсь сейчасъ? Котораго сейчасъ я
Бралъ за руку?

ГОДУНОВЪ.

Да, государь.

ѲЕДОРЪ.

Съ которымъ
Тебя вчера я помирилъ?

ГОДУНОВЪ.

Тотъ самый.

ѲЕДОРЪ.

Онъ? Съ братьями казненъ?

ГОДУНОВЪ.

Со всѣми, кто
Причастенъ къ ихъ измѣнѣ.

ѲЕДОРЪ.

И съ Нагими?

ГОДУНОВЪ.

Безъ Шуйскихъ эти не опасны, царь.

ѲЕДОРЪ.

Того казнить сбираешься ты, шуринъ,
Кто землю спасъ?

ГОДУНОВЪ.

Того, кто посягаетъ
На твой престолъ.

ѲЕДОРЪ.

И это все затѣмъ,
Что, въ пьяномъ видѣ, на меня Нагіе
Грозилися? Что вздумалось кому-то
Къ нимъ написать, безъ вѣдома, должно быть,
И самихъ Шуйскихъ? Шуринъ, ты скажи мнѣ,
Ты съ тѣмъ лишь мнѣ служить еще согласенъ,
Чтобъ я тебѣ ихъ выдалъ головой?

ГОДУНОВЪ.

Лишь только такъ могу я, государь,
Тебѣ за цѣлость царства отвѣчать.
Когда тебѣ мнѣ вѣрить не угодно,
Разъ навсегда дозволь мнѣ удалиться,
А на себя за все возьми отвѣтъ!

ѲЕДОРЪ—*послѣ долгой борьбы.*

Да, шуринъ, да! Я въ этомъ на себя
Возьму отвѣтъ! Вотъ видишь ли, я знаю,
Что не умѣю править государствомъ.

Какой я царь? Меня во всѣхъ дѣлахъ
И съ толку сбить, и обмануть не трудно.
Въ одномъ лишь только я не обманусь:
Когда межъ тѣмъ, что̀ бѣло, иль черно̀
Избрать я долженъ—я не обманусь.
Тутъ мудрости не нужно, шуринъ, тутъ
По совѣсти приходится лишь дѣлать.
Ступай себѣ, я не держу тебя;
Мнѣ Богъ поможетъ. Я измѣнѣ Шуйскихъ
Не вѣрю, шуринъ; если-жъ бы и вѣрилъ.
И тутъ бы ихъ на казнь я не послалъ.
Довольно крови на Руси лилося
При батюшкѣ, Господь ему прости!

ГОДУНОВЪ.

Но, государь—

ѲЕДОРЪ.

Я знаю что̀ ты скажешь:
Что черезъ это царство замутится?
Не правда ли? На то Господня воля!
Я не хотѣлъ престола. Видно, Богу
Угодно было, чтобъ не мудрый царь
Сѣлъ на Руси. Каковъ я есть, такимъ
Я долженъ оставаться: я не вправѣ
Хитро впередъ разсчитывать, что̀ будетъ!

ГОДУНОВЪ.

Но, государь, подумай...

ѲЕДОРЪ.

Что̀ тутъ думать?
Что̀ думать, шуринъ? Дѣло рѣшено.

Мнѣ твоего не надо уговора;
Свободенъ ты; оставь меня теперь;
Мнѣ одному остаться надо, шуринъ!

ГОДУНОВЪ.

Я ухожу, великій государь!..

Направляется медленно къ двери, но прежде, чѣмъ отворить ее, оборачивается на Ѳедора. Ѳедоръ даетъ ему уйти и кидается на шею Иринѣ.

ѲЕДОРЪ.

Аринушка! Родимая моя!
Ты, можетъ быть, винишь меня за то,
Что я теперь его не удержалъ?

ИРИНА.

Нѣтъ, Ѳедоръ, нѣтъ! Ты сдѣлалъ такъ, какъ должно!
Ты ангела лишь слушай своего,
И ты не ошибешься!

ѲЕДОРЪ.

Да, я тоже
Такъ думаю, Аринушка. Что-жъ дѣлать,
Что не рожденъ я государемъ быть!

ИРИНА.

Ты весь дрожишь, и сердце у тебя
Такъ сильно бьется!

ѲЕДОРЪ.

Бокъ болитъ немного:
Аринушка, я не пойду къ обѣднѣ.
Вѣдь тутъ грѣха большого нѣтъ, не правда-ль,

Одну обѣдню пропустить? Я лучше
Пойду къ себѣ въ опочивальню; тамъ
Прилягу я и отдохну часочекъ.
Дай нà-руку твою мнѣ опереться;
Вотъ такъ! Пойдемъ, Аринушка; на Бога
Надѣюсь я, Онъ не оставитъ насъ!

Уходитъ, опираясь на руку Ирины.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Домъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

Князь Иванъ Петровичъ и княжна Мстиславская. Въ сторонѣ столъ съ кубками, за которымъ стоитъ Старковъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не плачь, Наташа, я вѣдь не серчаю;
Тебя простилъ я; баба та тебя
Попутала, а Богъ и наказалъ.

КНЯЖНА.

Князь-дядюшка, а съ нимъ-то что же будетъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Съ Григорьемъ-то? Да въ гору, чай, пойдетъ,
Когда захочетъ выдать насъ. Два раза
Я посылалъ за нимъ, чтобы его
Усовѣстить, да не могли найти.
Вотъ голова! Когда-бъ меня дождался,
Такъ не дошло-бъ до этого.

КНЯЖНА.

Ты, дядя,
Его простилъ бы? Ты бы за царя
Меня не сталъ неволить?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

За такимъ
Тебя мнѣ жаль бы видѣть было мужемъ!
Я пожурилъ бы васъ обоихъ, слова-жъ
Назадъ не взялъ бы. Ошалѣли братья.

КНЯЖНА.

Онъ не пойдетъ къ царицѣ! Не захочетъ
Онъ выдать васъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

И самому мнѣ что-то
Не вѣрится, но выдастъ, иль не выдастъ,
Мы ждать не будемъ; прежде чѣмъ вернулся
Я отъ царя, все было рѣшено.

КНЯЖНА.

Не мучь меня—скажи мнѣ, Бога ради,
Чтò ты рѣшилъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не дѣвичье то дѣло,
Наталенька узнаешь послѣ.

КНЯЖНА.

Дядя,
Твой мраченъ видъ—ты смотришь такъ сурово—
Со мной одной, попрежнему, ты ласковъ,

Ты добръ со мной; не страшно мнѣ смотрѣть
Тебѣ въ глаза—хотѣлось бы по нимъ
Мнѣ отгадать, что ты задумалъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Тотчасъ
Князья прійдутъ: мнѣ дѣло съ ними есть;
Поди къ себѣ, Наташа.

КНЯЖНА.

Дай остаться
Съ тобою мнѣ! Дай потчивать гостей!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нельзя, Наташа.

КНЯЖНА—про себя.

Господи, ужели
Не даромъ сердцу чуется бѣда!

Уходитъ.—Входятъ: братья кн. Ивана Петровича, купцы Голубь и Красильниковъ съ другими сторонниками Шуйскихъ.—Всѣ останавливаются передъ нимъ въ почтительномъ молчаніи.—Кн. Иванъ Петровичъ смотритъ на нихъ, нѣкоторое время, не говоря ни слова.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—сидя.

Вамъ вѣдомо, какъ дѣло повернулось:
Схватить насъ могутъ каждый мигъ. Хотите-ль
Погибнуть всѣ, или со мной идти?

ВСѢ.

Князь-государь, приказывай что хочешь—
Мы всѣ съ тобой!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ слушайте-жъ меня!
Князь Дмитрій—ты сейчасъ поѣдешь въ Шую,
Сберешь народъ, дворянъ и духовенство,
И съ лобнаго объявишь мѣста имъ,
Что Өедоръ царь во скудоумье впалъ
И государить долѣе не можетъ;
Царемъ же намъ законнымъ учинился
Его наслѣдникъ Дмитрій Іоаннычъ.
Пусть крестъ ему цѣлуютъ.—Князь Андрей!
Тебя я шлю въ Рязань. Сбери войска
И на Москву веди ихъ.—Князь Өеодоръ!
Ты ѣдешь въ Нижній!—Князь Иванъ—ты въ Суздаль!
—Бояринъ Головинъ! Тебя избралъ
Я въ Угличъ ѣхать. Тамъ съ Нагими вы
Димитрія объявите царемъ.
И двинетесь, при звонѣ колокольномъ,
Съ нимъ на Москву, хоругви распустя,
Я со Мстиславскимъ и со князь-Васильемъ
Останусь здѣсь, чтобъ Годунова взять
Подъ караулъ.

Къ дворецкому.

Өедюкъ, подай братину!
Во здравье каждому и въ добрый путь—
И да живетъ царь Дмитрій Іоаннычъ!

ВСѢ—кромѣ Василія Шуйскаго.

Да здравствуетъ царь Дмитрій Іоаннычъ!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Князь-дядюшка—не въ гнѣвъ тебѣ сказать—
Не скоро-ль ты рѣшился? Вспомни только—
Сего утра еще ты не хотѣлъ
Дойти до этого!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я былъ дуракъ!
Предъ кѣмъ хотѣлъ я уличить Бориса?
Передъ царемъ? Нѣтъ на Руси царя!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Обдумай, князь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я все обдумалъ.—Голубь!
Я виноватъ передъ тобой—ты правъ!
Какъ малаго мальчишку тотъ татаринъ
Меня провелъ—онъ лучше зналъ царя!
Какъ удалось тебѣ уйти?

ГОЛУБЬ.

Дорогóй,
Князь батюшка, веревки перетёрт,
А на плоту, на Красной переправѣ,
Сшибъ двухъ стрѣльцовъ, съ повозки прыгнулъ въ воду
И вплавь утекъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты вó-время вернулся!
Сегодня же съ Красильниковымъ ты,
И съ этими другими молодцами,
Торговыхъ вы подымете людей!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Ужъ положись на насъ, князь-государь!
Всѣ поголовно встанемъ на Бориса!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Лишь смеркнется, готовы будьте всѣ;

Когда-жъ раздастся выстрѣлъ изъ царь-пушки—
Входите въ Кремль!

Къ дворецкому.

Өедюкъ, подай стопу!
Во здравье всѣмъ!

Отпиваетъ и передаетъ купцамъ.

КУПЦЫ.

Князь-батюшка! Ты намъ
Родной отецъ! Тобою лишь стоимъ!
Дай Господи тебѣ сломить Бориса—
И да живетъ Димитрій царь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Аминь!

Купцы уходятъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—къ Мстиславскому.

Ты, князь, сейчасъ же выбери надежныхъ
Пятьсотъ жильцовъ. Пусть крестъ они цѣлуютъ
Царю Димитрію; когда-жъ стемнѣетъ,
Веди ихъ въ Кремль. Я съ князь-Васильемъ вмѣстѣ
Межъ тѣмъ схвачу Бориса на дому.

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Эй, дядюшка! Ты знаешь, я не трусъ,
Опаснаго я не боюся дѣла—
Но все-жъ подумай лучше!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Много думать—
Отъ дѣла отказаться. Намъ теперь
Ужъ нечего раскидывать умами—
И ясенъ путь открылся передъ нами!

Домъ Годунова.

Годуновъ, въ волненіи, ходитъ взадъ и впередъ. Клешнинъ стоитъ, прислонясь къ печи.

ГОДУНОВЪ.

Я отрѣшенъ! Самъ Өеодоръ словно нудитъ
Меня свершить—чего-бъ я не хотѣлъ!
Нагіе ждутъ давно моей опалы.
И вѣсть о ней имъ дерзости придастъ.
Они теперь на все рѣшатся. Дмитрій
Имъ словно стягъ, вкругъ коего сбираютъ
Они враговъ и царскихъ и моихъ,
Того и жди: изъ Углича пожаромъ
Мятежъ и смуты вспыхнутъ. Битяговскій—
Мнѣ на него разсчитывать нельзя—
Меня продастъ онъ, если не приставлю
За нимъ смотрѣть еще кого-нибудь.
Я принужденъ—я не могу иначе—
Меня тѣснятъ—

Къ Клешнину.

Ты хорошо ли знаешь
Ту женщину?

КЛЕШНИНЪ.

На всѣ пригодна руки!
Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
Усердна къ Богу, съ чортомъ не въ разладѣ—
Единымъ словомъ: баба хоть куда!
Она ужъ здѣсь. Звать, что-ль, къ тебѣ?

ГОДУНОВЪ.

Не нужно.

Ты скажешь ей, чтобы она блюла

Царевича, а паче примѣчала-бъ
Что̀ говорятъ Нагіе. — Какъ царя
Оставилъ ты?

КЛЕШНИНЪ.

Надъ кипой тѣхъ бумагъ,
Которыя отнесть ему велѣлъ ты,
То лобъ потретъ, то за̀-ухомъ почешетъ,
И ничего, сердечный, не пойметъ!

ГОДУНОВЪ.

Не выдержитъ.

Задумывается.

Мнѣ все на умъ приходитъ,
Что̀ въ оный день, когда царя Ивана
Постигла смерть, предсказано мнѣ было,
Оно теперь свершается; помѣха
Моя во всемъ, вредитель мой и врагъ—
Онъ въ Угличѣ—

Опомнившись.

Скажи ей, чтобъ она
Блюла царевича!

КЛЕШНИНЪ.

А посмотрѣть
Ее не хочешь, батюшка?

ГОДУНОВЪ.

Не нужно!

Про себя.

«Слабъ, но могучъ—безвиненъ, но виновенъ—
«Самъ и не самъ—потомъ—убитъ!»

Къ Клешнину.

Скажи ей,
Чтобъ она царевича блюла!

Уходитъ.

КЛЕШНИНЪ—одинъ.

Чтобы блюла! Гмъ! Нѣшто я не знаю
Чего-бъ хотѣлось милости твоей?
Пожалуй, что-жъ! Грѣхъ на душу возьму!
Я не брезгливъ—не бѣлоручка я!
Пока онъ живъ, отъ Шуйскихъ и Нагихъ
Не будетъ намъ покоя. Вишь, какъ крылья
Подрѣзали! Не ждалъ я этой рыси
Отъ Ѳедора Иваныча! Конечно,
Не выдержитъ—а если, между тѣмъ,
Случится что̀?

Отворяетъ дверь.

Сударыня, войди!

ВОЛОХОВА—входитъ съ просвирой въ рукахъ.

Благослови, Владычица святая!
Поклонъ тебѣ, бояринъ, принесла
Отъ Трехъ-Святителей, просвирку вотъ
Тамъ вынула во здравіе твое!

КЛЕШНИНЪ—ласково.

Садись сюда, голубушка, спасибо!
Тебѣ сказали, для чего послалъ
Я за тобой?

ВОЛОХОВА—садясь.

Сказали, государь,
Сказали, свѣтъ: бояринъ Годуновъ
Смѣняетъ-молъ царевичеву мамку,
Меня-жъ къ нему приставить указалъ.
Ужъ будь спокоенъ! Пуще ока стану
Его беречь; и ночи не досплю,
И куса не доѣмъ, а ужъ дитятю
Я соблюду!

КЛЕШНИНЪ.

Бывала въ мамкахъ ты?

ВОЛОХОВА.

Лгать не хочу, бояринъ, не бывала,
А ужъ куда охоча до дѣтей!
Ребеночекъ вѣдь тотъ же ангелъ Божій!
Сама сынка вскормила своего,
Двадцатый вотъ пошелъ ему годокъ,
Все при себѣ, подъ крылышкомъ, держала,
До морового года; лишь въ тотъ годъ
Поопаса́лась вмѣстѣ жить.

КЛЕШНИНЪ.

Что такъ,
Голубушка?

ВОЛОХОВА.

А въ этакую пору
Не долго до грѣха: какъ разъ подсыплетъ
Чего-нибудь, отпѣлъ, похоронилъ,
Наслѣдство взялъ—и поминай какъ звали!
Кому въ такое время разбирать!

КЛЕШНИНЪ.

Ты свахою, голубушка, теперь?

ВОЛОХОВА.

Бываю въ свахахъ, батюшка-бояринъ,
Хвалиться грѣхъ, а безъ меня немного
Играется и свадебъ на Москвѣ!

КЛЕШНИНЪ.

Какую же послѣднюю ты свадьбу
Устроила?

ВОЛОХОВА.

А Шаховского князя
Съ Мстиславскою княжною, государь.

КЛЕШНИНЪ.

Не съ тою ли, которую вчера
Ты, при живой царицѣ, за царя
Хотѣла сватать?

ВОЛОХОВА.

Боже упаси!
Какой тебѣ разбойникъ то́ сказалъ?
Какой собака, воръ и клеветникъ?
Чтобъ у него языкъ распухъ! Чтобъ очи
Полопались!

КЛЕШНИНЪ — грозно.

Молчи, старуха! Цыцъ!
Мы знаемъ все! Покойный государь
Блаженной памяти Иванъ Васильичъ,
На медленномъ огнѣ тебя бы, вѣдьму,
Изволилъ сжечь! Но жалостливъ бояринъ
Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ:
Онъ, вмѣсто казни, дастъ тебѣ награду,
Когда свою исполнить службу ты
Съумѣешь при царевичѣ.

ВОЛОХОВА.

Съумѣю!
Съумѣю, батюшка! Съумѣю, свѣтъ!
Ужъ положися на меня! И мухѣ
Я на дитятю сѣсть не дамъ! Ужъ будетъ
И здравъ, и сытъ, и цѣлъ и невредимъ!

КЛЕШНИНЪ.

Но еслибъ чтó не по твоей винѣ
Случилось съ нимъ—

ВОЛОХОВА.

Помилуй, ужъ чему
При мнѣ случиться!

КЛЕШНИНЪ—значительно.

Онъ тебѣ того
Въ вину бы не поставилъ!

Волохова смотритъ въ удивленіи.

Слушай, баба:
Никто не властенъ въ животѣ и смерти—
А у него падучая болѣзнь!

ВОЛОХОВА.

Такъ какъ же это, батюшка?—Такъ—что же?
Въ толкъ не возьму?

КЛЕШНИНЪ.

Бери, старуха, въ толкъ!

ВОЛОХОВА.

Да, да, да, да! Такъ, такъ, бояринъ, такъ!
Все въ Божьей волѣ! Безъ моей вины
Случиться можетъ всякое, конечно!
Мы всѣ подъ Богомъ ходимъ, государь!

КЛЕШНИНЪ.

Ступай, каргà! Съ тобой передъ отъѣздомъ
Увижусь я—но помни: денегъ вдоволь—
Или тюрьма!

ВОЛОХОВА.

Помилуй, государь,

Зачѣмъ тюрьма! Ужъ ты не поскупись,
Вѣдь наше дѣло вдовье. Да дозволь ужъ
Сынка забрать!

КЛЕШНИНЪ.

Ты въ томъ вольна; ступай!

ВОЛОХОВА.

Прости же, государь, ужъ будешь нами
Доволенъ! Такъ! Конечно такъ, конечно!
Часъ не ровёнъ, случиться можетъ всяко!
Одинъ лишь Богъ силёнъ и всемогущъ,
Одинъ Господь, а наше дѣло вдовье!

Уходитъ.

СЛУГА—докладываетъ.

Ѳедюкъ Старковъ!

КЛЕШНИНЪ.

Зови его сюда!

Старковъ входитъ, занавѣсъ опускается.

Царскій теремъ. Половина царицы.

Ѳедоръ сидитъ за кипою бумагъ и обтираетъ потъ съ лица. — Передъ нимъ стоятъ государственныя печати, большая и малая.—Ирина подходитъ и кладетъ ему руку на плечо.

ИРИНА.

Ты отдохнулъ бы, Ѳедоръ.

ѲЕДОРЪ.

Ничего
Понять нельзя! Борисъ нарочно мнѣ

Дѣла такія подобралъ! Одинъ лишь
Толковый листъ попался: нашъ гонецъ
Изъ Вѣны пишетъ: цесарь-де готовитъ
Подарокъ мнѣ: шесть обезьянъ мнѣ шлетъ.
Аринушка, я ихъ отправлю къ Митѣ!

ИРИНА.

Такъ ты его не выпишешь?

ѲЕДОРЪ.

Вотъ видишь,
Аринушка, когда бы согласился
Борисъ остаться—

ИРИНА.

На его ты мѣсто
Еще не выбралъ никого?

ѲЕДОРЪ.

Вѣдь ты же,
Ты-жъ говорила: лучше подождать.
Ты думала, онъ самъ прійдетъ мириться,
А онъ прислалъ мнѣ этотъ ворохъ дѣлъ!
Ужъ я надъ нимъ измучился, и вотъ
Еще бѣда: за Шуйскимъ я послалъ,
За князь-Иваномъ, чтобъ помогъ онъ мнѣ
Все разобрать, а онъ велѣлъ отвѣтить,
Что нездоровъ; упрямится должно-быть.
Я вновь послалъ: челомъ-де бью ему,
Такое-де есть дѣло, о которомъ
Не знаетъ онъ!

Входитъ Клешнинъ.

А, это ты, Петровичъ!
Откуда ты?

КЛЕШНИНЪ.

От хвораго.

ѲЕДОРЪ.

Откуда?

КЛЕШНИНЪ.

Отъ хвораго отъ твоего слуги,
Отъ Годунова!

ѲЕДОРЪ.

Развѣ онъ хвораетъ?

КЛЕШНИНЪ.

А какъ же не хворать ему, когда
Его, за всѣ заслуги, словно пса,
Ты выгналъ вонъ! Здорово-молъ живешь!

ѲЕДОРЪ.

Помилуй, я...

КЛЕШНИНЪ.

Да что̀ тутъ говорить!
Ты, батюшка, былъ отъ младыхъ ногтей
Суровъ и крутъ, и сердцемъ непреклоненъ.
Когда себѣ что̀ положилъ на мысль,
Такъ ужъ поставишь на своемъ, хоть тамъ
Весь свѣтъ трещи!

ѲЕДОРЪ.

Я знаю самъ, Петровичъ,
Что я суровъ...

КЛЕШНИНЪ.

Весь въ батюшку пошелъ!

ѲЕДОРЪ.

Я знаю самъ—но неужель Борисъ
Не помирится, если я скажу,
Что виноватъ?

КЛЕШНИНЪ.

Онъ столькаго не проситъ
Лишь прикажи мнѣ приложить печать
Вотъ къ этому листу о взятьи Шуйскихъ
Немедленно подъ стражу—и онъ снова
Тебѣ слуга!

ѲЕДОРЪ.

Какъ? онъ не пересталъ
Подозрѣвать?

КЛЕШНИНЪ.

Царь! тутъ не подозрѣнье,
Тутъ полная улика налицо!
Старковъ, дворецкій князь-Ивана, намъ
Сейчасъ донесъ, что князь Иванъ сегодня
Рѣшилъ признать царенка государемъ,
Тебя-жъ рѣшилъ съ престола до утра
Согнать долой. Ты, батюшка, Старкова
Хоть самъ спроси!

ѲЕДОРЪ.

Ужъ эти мнѣ доносы!
Я въ первый разъ Старкова имя слышу,
А Шуйскаго звучитъ повсюду имя,
Какъ колоколъ. Ужели хочешь ты,
Чтобъ я какому-то Старкову болѣ,
Чѣмъ Шуйскому повѣрилъ?

КЛЕШНИНЪ.

Вѣрь, не вѣрь,
Я говорю тебѣ: когда ихъ всѣхъ
Ты не велишь сейчасъ же...

СТОЛЬНИКЪ — докладывая.

Князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій!

КЛЕШНИНЪ.

Какъ? Онъ самъ?

ѲЕДОРЪ — радостно.

Пришелъ!
Пришелъ, Аринушка!

КЛЕШНИНЪ.

Вели его
Подъ стражу взять!

ѲЕДОРЪ.

Стыдись, стыдись, Петровичъ!

Къ стольнику.

Пускай войдетъ!

Къ Клешнину.

Я при тебѣ его
Сейчасъ спрошу.

Входитъ кн. Иванъ Петровичъ.

Здорово, князь Иванъ!
Вообрази: есть на тебя доносъ —

Кн. Иванъ Петровичъ смущается.

Но я ему не вѣрю. Я хочу,
Чтобъ ты мнѣ самъ сказалъ, что предо мною
Ты чистъ теперь, какъ ты предъ цѣлымъ свѣтомъ
Всегда былъ чистъ, и слова твоего
Съ меня довольно.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Государь—

ӨЕДОРЪ.

Ты, князь,
Меня пойми: вѣдь я не сомнѣваюсь,
Я лишь хочу—

КЛЕШНИНЪ.

Нѣтъ, батюшка, позволь!
Ужъ коль на то пошло, дай лучше мнѣ
Его спросить: Князь-государь! Ты можешь
Поцѣловать царю вонъ ту икону,
Что измѣнить не думалъ ты ему?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Допрашивать меня не признаю
Я права за тобой.

ӨЕДОРЪ.

Князь, то не онъ,—
То я прошу тебя!

КЛЕШНИНЪ.

Вотъ я икону
Сейчасъ сыму—

ӨЕДОРЪ.

Не нужно тутъ иконы.
Скажи по чести мнѣ, по чести только!
Ну, князь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Уволь меня!

ИРИНА — которая не спускала глазъ съ Шуйскаго.

Свѣтъ-государь,
Зачѣмъ такимъ вопросомъ оскорблять
Того, чья доблесть всѣмъ давно извѣстна?
Не спрашивай его — потребуй только,
Чтобъ онъ тебѣ святое слово далъ
И впредь остаться вѣрнымъ, какъ онъ вѣренъ
Доселѣ былъ!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, я хочу, Арина,
Вотъ этого порядкомъ пристыдить.
Скажи мнѣ, князь, по чести мнѣ скажи:
Задумалъ ты что-либо надо мною?
Да говори-жъ!

КЛЕШНИНЪ.

По чести! Слышишь, князь?

Про себя.

А по иконѣ было бы вѣрнѣе!

ИРИНА — къ Ѳедору.

Свѣтъ-государь—

ѲЕДОРЪ.

Ну, князь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Уволь меня!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, не уволю!

КЛЕШНИНЪ.

Ты, чай, трусишь, князь?

ѲЕДОРЪ.

Какое трусить? Онъ упрямъ и крутъ,
Да я его и круче и упрямѣй!
Нашла коса на камень, и доколѣ
Онъ мнѣ не дастъ отвѣта, я его
Не выпущу отсель!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ знай же все!

ѲЕДОРЪ—съ испугомъ.

Чтò? Чтò ты хочешь?..

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да! Ты слышалъ правду—
Я на тебя всталъ мятежомъ!

ѲЕДОРЪ.

Помилуй—

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты слабостью своею истощилъ
Терпѣнье наше! Царство отдалъ ты
Въ чужія руки—ты давно не царь—
И вырвать Русь изъ рукъ у Годунова
Рѣшился я!

ѲЕДОРЪ—вполголоса.

Тсъ! Тише!

Указывая на Клешнина.

Не при немъ!
Не говори при немъ—Борису онъ
Разскажетъ все!

КЛЕШНИНЪ.

Да продолжай же, князь!

ѲЕДОРЪ.

Молчи, молчи! Глазъ-на-глазъ скажешь мнѣ!

КЛЕШНИНЪ.

Царь ждетъ отвѣта!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да! сегодня брата
Я твоего призна̀лъ царемъ!

ѲЕДОРЪ.

Петровичъ—
Не вѣрь ему! Не вѣрь ему, Арина!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Теперь тебя о милости единой
За прежнія заслуги я прошу:
Одинъ лишь я виновенъ! Не вели
Сторонниковъ моихъ казнить—не будутъ
Они тебѣ опасны безъ меня!

ѲЕДОРЪ.

Что̀ ты несешь? Что́ ты городишь? Ты
Не знаешь самъ, какую небылицу
Ты путаешь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не вздумай, государь,
Меня простить. Я на тебя бы снова
Тогда пошелъ. Царить не можешь ты—
А подъ рукою Годунова быть
Я не могу!

КЛЕШНИНЪ — про себя.

Вишь, княжеская честь!
И подгонять не надо!

ѲЕДОРЪ — беретъ Шуйскаго въ сторону.

Князь, послушай:
Лишь потерпи немного—Митѣ только
Дай подрости—и я съ престола самъ
Тогда сойду, съ охотою сойду,
Вотъ-те Христосъ!

КЛЕШНИНЪ — подходитъ къ столу и беретъ печать.

Прихлопнуть, что-ль, приказъ?

ѲЕДОРЪ.

Какой приказъ? Ты ничего не понялъ!
Я Митю самъ велѣлъ царемъ поставить!
Я такъ велѣлъ—я царь! Но я раздумалъ;
Не надо болѣ; я раздумалъ, князь!

КЛЕШНИНЪ.

Да ты въ умѣ-ль?

ѲЕДОРЪ — на-ухо Шуйскому.

Ступай! Да ну, ступай же!
Все на себя беру я, на себя!
Да ну, иди-жъ, иди!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — въ сильномъ волненіи.

Нѣтъ, онъ святой!
Богъ не велитъ подняться на него—
Богъ не велитъ!—Я вижу, простота
Твоя отъ Бога, Ѳедоръ Іоанньгчъ—
Я не могу подняться на тебя!

ѲЕДОРЪ.

Иди, иди! Раздѣлай что ты сдѣлалъ!

Вытѣсняетъ его изъ комнаты.

КЛЕШНИНЪ — подымая печать надъ приказомъ.

Царь-батюшка, вели скрѣпить приказъ;
Не дай ему собрать войска! Царица —
Скажи ему, что участь государства
Въ приказѣ семъ!

ИРИНА.

Въ немъ нѣтъ уже нужды!
Гроза прошла, не врагъ намъ болѣ Шуйскій!

ѲЕДОРЪ.

Петровичъ, слышишь? Слышалъ ты, Петровичъ?
Аринушка, ты ангелъ! Отъ тебя
Ничто ни скроется, ты все замѣтишь
И все поймешь! Да, Шуйскій намъ не врагъ!

Шумъ за дверью. — Сѣнная дѣвушка вбѣгаетъ въ испугѣ.

СѢННАЯ ДѢВУШКА.

Царица, спрячься! Схоронись! Какой-то
Вломился въ теремъ сумасшедшій!

ГОЛОСЪ ШАХОВСКОГО — за сценой.

Прочь!
Прочь! Не держите! Я хочу къ царицѣ!

Въ дверяхъ показывается Шаховской, удерживаемый нѣсколькими слугами. Онъ ихъ отталкиваетъ и бросается Иринѣ въ ноги.

ШАХОВСКОЙ.

Прости меня, прости меня, царица!
Напрасно я отъ самаго утра
Къ тебѣ прошусь!

ѲЕДОРЪ.

Да это Шаховской!

СЛУГИ—вбѣгаютъ со стрѣльцами.

Хватайте вора!

ѲЕДОРЪ.

Тише, тише, люди!
Здѣсь вора нѣтъ!

Къ Шаховскому.

Скажи мнѣ, растолкуй,
Чего ты хочешь?

ШАХОВСКОЙ.

Царь! Казни меня—
Казни меня, но выслушай! Тебя
Хотятъ съ твоей царицей развести!

ѲЕДОРЪ.

Ты бредишь, князь!

КЛЕШНИНЪ—про себя.

Такъ вотъ оно въ чемъ дѣло!

Къ Ѳедору.

Царь, выслушай его!

ШАХОВСКОЙ.

Мою невѣсту
Они хотятъ посватать за тебя!

ѲЕДОРЪ.

Кто? Кто они?

ШАХОВСКОЙ.

Дядья моей невѣсты,
Княжны Мстиславской, Шуйскіе князья!

ѲЕДОРЪ.

Да ты и впрямь помѣшанъ, князь!

ШАХОВСКОЙ—встаетъ и подаетъ бумагу.

Вотъ-вотъ
Ихъ челобитня! Матушка-царица!
Вели невѣсту мнѣ отдать! Вели,
Царь-государь, сегодня же, сейчасъ же
Насъ обвѣнчать!

КЛЕШНИНЪ.

Объ этой челобитнѣ
Слыхали мы. Позволь-ка поглядѣть!

Беретъ бумагу въ руки и, посмотрѣвъ, обращается къ Ѳедору.

Вотъ, батюшка, ты говорилъ сейчасъ,
Твоя царица знаетъ князь-Ивана—
А на повѣрку вышло, что не знаетъ!
Ее, сердечную, ее, голубку,
Ее, которая сейчасъ, какъ ангелъ,
Стояла за него—ее онъ хочетъ,
Какъ грѣшную, преступную жену,
Какъ блудницу, съ тобою развести,
Тебѣ-жъ свою племянницу посватать!
Не вѣришь, батюшка? Смотри, читай!

Подаетъ Ѳедору бумагу.

ѲЕДОРЪ—читаетъ.

«Ты новый бракъ прійми, великій царь,
«Мстиславскую возьми себѣ въ царицы...
«Ирину-жъ Годунову отпусти
«Во иноческій чинъ...

КЛЕШНИНЪ.

Ты руку знаешь
Иванъ Петровича? Читай же подпись!

ѲЕДОРЪ—читаетъ.

«И въ томъ тебѣ соборне бьемъ челомъ
«И руки прилагаемъ: Діонисій
«Митрополитъ всея Руси... Крутицкій
«Архіепископъ Варлаамъ... Князь...» Чтò?

Дрожащимъ голосомъ.

«Князь... Князь Иванъ... Иванъ Петровичъ Шуйскій!»
Его рука! Онъ также подписался!
Аринушка—онъ подписался!

Падаетъ въ кресла и закрываетъ лицо руками.

ИРИНА.

Ѳедоръ...

ѲЕДОРЪ.

Онъ! Онъ! Пускай бы кто другой, но онъ!
Насъ разлучить съ тобой!

Плачетъ.

ИРИНА.

Опомнись, Ѳедоръ!

ѲЕДОРЪ.

Тебя сослать!

ИРИНА.

Мой царь и господинъ!
Не вѣдаю сама, чтò это значитъ—
Но ты подумай: если князь Иванъ
Сейчасъ хотѣлъ свести тебя съ престола,
Онъ могъ ли мыслить выдать за тебя
Мстиславскую?

ѲЕДОРЪ.

Тебя—мою Ирину—
Тебя постричь!

ИРИНА.

Вѣдь этого не будетъ!

ѲЕДОРЪ—вскакивая.

Не будетъ! Нѣтъ! Не дамъ тебя въ обиду!
Пускай прійдутъ! Пусть съ пушками прійдутъ!
Пусть попытаются!

ИРИНА.

Свѣтъ-государь,
Напрасно ты тревожишься. Кто можетъ
Насъ разлучить? Ты царь вѣдь!

ѲЕДОРЪ.

Да, я царь!
Они забыли, что я царь! Петровичъ—
Гдѣ тотъ приказъ?

Бѣжитъ къ столу и прикладываетъ печать къ приказу.

Нà! Нà! Отдай Борису!

ИРИНА.

Чтò сдѣлалъ ты—

ѲЕДОРЪ.

Подъ стражу ихъ! Въ тюрьму!

ИРИНА.

Мой господинъ! Мой царь! Не торопись!

ѲЕДОРЪ.

Въ тюрьму! Въ тюрьму!

ШАХОВСКОЙ—выходя изъ оцѣпенѣнія.

Царь-государь, помилуй!
Я не того просилъ! Я о невѣстѣ
Тебя просилъ!

ѲЕДОРЪ.

Борисъ васъ разберетъ!

ШАХОВСКОЙ.

Онъ изведетъ ихъ! Онъ погубитъ Шуйскихъ!

ѲЕДОРЪ.

Всѣхъ разберетъ онъ!

ШАХОВСКОЙ.

Я палачъ имъ буду!
Царь, смилуйся!

ѲЕДОРЪ.

Въ тюрьму! Въ тюрьму ихъ!

ШАХОВСКОЙ.

Боже!
Чтò сдѣлалъ я!

Убѣгаетъ.

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, послушай—
Верни его! Верни ты Клешнина!
Не торопись! Не посылай ты Шуйскихъ
Теперь въ тюрьму, *теперь*, когда они
Обвинены въ измѣнѣ!

ѲЕДОРЪ.

Ни, ни, ни,
Аринушка! И не проси меня!
Ты этого не разумѣешь! Если
Я подожду, я ихъ прощу, пожалуй—
Я ихъ прощу—а имъ нужна наука!
Пусть посидятъ! Пусть вѣдаютъ, чтò значитъ
Насъ разлучать! Пусть посидятъ въ тюрьмѣ!

Уходитъ.

Берегъ Яузы.

Черезъ рѣку живой мостъ.—За рѣкой уголъ укрѣпленія съ воротами. Въ сторонѣ—рощи, мельницы и монастыри.—По мосту проходятъ люди разныхъ сословій.—Курюковъ идетъ съ бердышомъ въ рукахъ.—За нимъ Гусляръ.

КУРЮКОВЪ.

— Стой здѣсь, парень, налаживай гусли, а какъ соберется народъ, зачинай пѣсню про князь-Иванъ Петровича! Господи, благослови! Господи, помоги! Вотъ до чего дожить довелось!

Гусляръ строитъ гусли; Курюковъ осматриваетъ бердышъ.

— Ишь, старый пріятель! Отъ самаго отъ блаженной памяти отъ Василь-Иваныча не сымалъ тебя со стѣны, ажъ всего ржавчина съѣла. А вотъ сегодня еще послужишь. Ну, перебирай лады, парень, вона народъ подходитъ!

ПОСАДСКІЙ—подходитъ къ Курюкову.

— Добраго здоровья дѣдушкѣ Богдану Семенычу! Чтò это у тебя за бердышъ?

КУРЮКОВЪ.

— Внучій бердышъ, батюшка, внучій бердышъ! Татары, слышно, оказались. Внуку-то, вишь, некогда, такъ я-то вотъ и взялся его бердышъ на справку снести, да вотъ парня послушать остановился.

ПОСАДСКІЙ.

— А близко, нѣшто, Татары?

КУРЮКОВЪ.

— Близко, слышно.

ДРУГОЙ ПОСАДСКІЙ.

— А кого на встрѣчу пошлютъ?

ТРЕТІЙ ПОСАДСКІЙ.

— Чай, опять князь-Иванъ Петровича?

КУРЮКОВЪ.

— Годунова пошлютъ!

ПЕРВЫЙ.

— Чтò ты, помилуй, Богданъ Семенычъ!

КУРЮКОВЪ—злобно.

А чтò? Чѣмъ Годуновъ вамъ не воевода?

ТРЕТІЙ.

— Гдѣ-жъ ему супротивъ Иванъ Петровича?

КУРЮКОВЪ.

— Ой-ли? — *(Къ гусляру).* — Ну, что-жь пѣсня-то? Пѣсня?

ГУСЛЯРЪ — поетъ.

«Копилъ король, копилъ силушку,
«Подходилъ онъ подъ Опсковъ-городъ,
«Подошедши, похваляется:
«— Ужъ собью городъ, собью турами,
«Воеводу, князя Шуйскаго,
«По рукамъ и по ногамъ скую,
«Царство Русское насквозь пройду!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

— Царство русское насквозь пройду! Ха, ха! Малаго захотѣлъ!

ДРУГОЙ.

— Иванъ Петровича скую! Да, скуешь его! Попробуй!

КУРЮКОВЪ — къ гусляру.

— Ну, парень!

ГУСЛЯРЪ — продолжаетъ.

«То не Божій громъ надъ Опсковомъ гремитъ,
«Бьютъ о стѣны то ломы желѣзные,
«Ядра то калёны сыплются!»

ЖЕНЩИНА.

— Пресвятая Богородица, какіе страхи!

ГУСЛЯРЪ — продолжаетъ.

«А не младъ-то свѣтёлъ мѣсяцъ зарождается,
«Государь-то Иванъ Петровичъ князь

«На стѣнѣ городской проявляется.
«Онъ идетъ по стѣнѣ, не сторонится,
«Ядрамъ сустрѣчь глядитъ, не морщится».

ОДИНЪ.

— Да, этотъ не морщился!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«Цѣловали мы крестъ сидѣть дò-смерти—
«Не сдадимъ по смерть Опскова-города!»

ОДИНЪ.

— И не сдали Пскова, не сдали!

ДРУГОЙ.

— Святые угодники боронили его!

ЖЕНЩИНА.

— Матерь Божія покрывала!

КУРЮКОВЪ.

— А кто сидѣлъ-то въ немъ, православные? Кто сидѣлъ-то въ немъ?

ОДИНЪ.

— Одно слово: Иванъ Петровичъ!

КУРЮКОВЪ.

— То-то!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«И пять мѣсяцовъ король облегаетъ Псковъ,
«На шестой повѣсилъ голову.

«А тѣмъ часомъ князь сдѣлалъ вылазку
«И побилъ всю силу литовскую.
«Насилу король самъ-третей убѣжалъ.
«Бѣгучи, онъ, собака, заклинается:
«—Не дай Боже мнѣ на Руси бывать,
«Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ,
«Ни внучатамъ, ни правнучатамъ!»

ОДИНЪ.

— И по-дѣломъ ему! Знай нашихъ! Знай князь-Иванъ Петровича!

ГУСЛЯРЪ—заканчиваетъ.

«Слава на небѣ солнцу высокому!
«Слава на землѣ Иванъ Петровичу!
«Слава всему народу христіанскому!»

ОДИНЪ.

— Слава, во истину слава! Вотъ утѣшилъ, добрый человѣкъ!

ДРУГОЙ.

— Воздалъ честь, кому честь подобаетъ! *(Кладетъ ему деньги въ шапку)*. На̀ тебѣ, добрый человѣкъ!

ВСѢ.

— Прими-жъ и отъ насъ! И отъ меня! И отъ меня!

Всѣ бросаютъ деньги въ шапку гусляра.

ОДИНЪ.

— Братцы, смотри, кто это сюда скачетъ?

ДРУГОЙ.

— Ишь какъ плетью жаритъ коня! Должно быть, гонецъ!

ГОНЕЦЪ—верхомъ.

— Мѣсто! Мѣсто! Раздайтесь на мосту!

ПОСАДСКІЙ.

— Эй, другъ, откуда? Съ чѣмъ ѣдешь?

ГОНЕЦЪ.

— Отъ Тѣшлова! Татары Оку перешли, на Москву идутъ! Мѣсто! Мѣсто!

Всѣ раздаются.—Гонецъ скачетъ по̀-мосту въ городъ.

ОДИНЪ.

— Ишь, притча какая! Чай, скоро подступятъ!

ЖЕНЩИНА—голоситъ.

— Ой, Господи-свѣты! Ой, батюшки мои! Опять выжгутъ наши слободы!

ТРЕТІЙ.

— Ну, расхныкалась! Нѣшто мы не видывали ихъ! А князь-то Иванъ Петровичъ на что̀?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Король-то, небось, почище татаръ, а и тотъ отъ Иванъ Петровича, поджамши хвостъ, убѣжалъ!

ТРЕТІЙ.

— Не родился еще тотъ, кто бы сломилъ Иванъ Петровича!

КУРЮКОВЪ—выступаетъ впередъ.

— Родился, православные, родился! Родился онъ окаянный! Сломилъ онъ Иванъ Петровича! Сковалъ его, свѣта нашего! По рукамъ и по ногамъ сковалъ!

НАРОДЪ.

— Что ты, дѣдушка, Господь съ тобой! Кто смѣловалъ обидѣть Иванъ Петровича?

КУРЮКОВЪ.

— Годуновъ, православные, Годуновъ! Годуновъ хочетъ извести его! Сейчасъ его, отца нашего, въ слободскую тюрьму поведутъ, здѣсь по мосту поведутъ! (*Шумъ и говоръ въ народѣ*). Вспомяните, дѣтушки, кто всегда стоялъ за васъ! Кто васъ отъ лихихъ людей боронилъ? Отъ старостъ и воеводъ? Отъ приставовъ и отъ цѣловальниковъ? Кто не пустилъ короля на Москву? Кто татаръ столько разъ отгонялъ? Шуйскіе стояли за насъ, православные! Да есть ли кто на цѣломъ свѣтѣ супротивъ Шуйскихъ? А къ кому нонѣ примкнулись князья и бояре, нашему ворогу, Годунову, отпоръ дать? Пропадемъ мы безъ Шуйскихъ, дѣтушки!

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ.

— Не дадимъ въ обиду Шуйскихъ! Не дадимъ въ обиду отца нашего, князь-Иванъ Петровича!

КУРЮКОВЪ.

— Такъ отобьемъ же его у Годунова, православные, да на рукахъ домой понесемъ!

НАРОДЪ.

— Отобьемъ!

КУРЮКОВЪ.

— Постоимъ за Шуйскихъ, какъ при Олёнѣ Васильевнѣ стояли! Вотъ онъ, православные! Вотъ онъ, отецъ нашъ, Иванъ Петровичъ! Вотъ онъ, съ братьями, въ кандалахъ идетъ!

Изъ городскихъ воротъ выѣзжаютъ бубенщики. За ними ѣдетъ кн. Туренинъ. За Туренинымъ стрѣльцы ведутъ кн. Ивана Петровича и другихъ Шуйскихъ (кромѣ Василья) въ кандалахъ.

ТУРЕНИНЪ—къ народу.

— Раздайтесь на мосту! Чтó дорогу загородили!

КУРЮКОВЪ.

— Батюшка, князь-Иванъ Петровичъ! Говорилъ я тебѣ не мирись! Говорилъ, родимый, не мирись съ Годуновымъ!

НАРОДЪ.

— Правое твое дѣло, Иванъ Петровичъ, а мы за тебя!

ТУРЕНИНЪ.

— Раздайтесь, смерды! По царскому указу, Шуйскихъ въ тюрьму ведемъ!

НАРОДЪ.

— По царскому? Неправда! По Годунову указу!

ТУРЕНИНЪ—къ стрѣльцамъ.

— Разогнать народъ!

КУРЮКОВЪ.

— Стойте дружно, православные! Кричите: Шуйскіе живутъ!

НАРОДЪ.

— Шуйскіе живутъ! Выручимъ отца нашего!

КУРЮКОВЪ.

— Ну, теперь за мной, какъ при Олёнѣ Васильевнѣ! Шуйскіе! Шуйскіе!

Бросается съ бердышомъ на стрѣльцовъ.

НАРОДЪ—бросаясь за нимъ.

— Шуйскіе! Шуйскіе!

ТУРЕНИНЪ—къ стрѣльцамъ.

— Руби воровъ! Кидай ихъ въ воду!

Свалка.

КУРЮКОВЪ—падая съ моста.

— Шуйскіе!—Господи, пріими мою душу!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Смирно, дѣтушки! Слушайте меня!

НАРОДЪ.

— Отецъ ты нашъ! Не дадимъ тебя въ обиду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Слушайте меня, дѣтушки, разойдитесь! То во истину царская воля! Не губите головъ вашихъ!

ТУРЕНИНЪ.

— Впередъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Погоди, князь, дай послѣднее слово къ народу сказать. Простите, московскіе люди, не поминайте лихомъ! Стояли мы за васъ до конца, да не далъ Богъ удачи; новые порядки начинаются. Покоритесь же волѣ Божіей, слушайтесь царскихъ указовъ, не подымайтесь на Годунова. Теперь не съ кѣмъ вамъ идти на него, и некому будетъ отстаивать васъ. А терплю я за вину мою, въ чемъ грѣшонъ, за то и терплю. Не въ томъ грѣшонъ, что съ Годуновымъ спорилъ, а въ томъ, что кривымъ путемъ пошелъ, хотѣлъ царицу съ царемъ развести. А потомъ и хуже того учинилъ, на самого царя поднялся! Онъ—святой царь, дѣтушки, онъ—отъ Бога царь, и царица его святая. Дай имъ, Господи, много лѣтъ здравствовать!

Къ Туренину.

— Ну, теперь, князь, идемъ. Простите, московскіе люди!

НАРОДЪ.

— Батюшка! Отецъ нашъ! На кого ты насъ, сиротъ, покидаешь!

ТУРЕНИНЪ.

— Бейте въ бубны!

Бубенщики бьютъ въ бубны.—Народъ разступается.—Шуйскихъ проводятъ черезъ сцену.—Изъ городскихъ воротъ выбѣгаетъ Шаховской, безъ шапки, въ одной рукѣ сабля, въ другой пистолетъ.—За нимъ Красильниковъ и Голубь съ рогатинами.

ШАХОВСКОЙ—внѣ себя.

— Гдѣ князь Иванъ Петровичъ?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

— А на что̀ тебѣ? Выручать, что ли? Опоздалъ, бояринъ!

ДРУГОЙ—указывая на сцену.

— Эвотъ, сейчасъ тюремныя ворота за нимъ захлопнулись!

ШАХОВСКОЙ.

— Такъ за мной, люди! Раскидаемъ тюрьму по бревнамъ!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

— Чего, ребята, задумались? Аль не знаете насъ?

ГОЛУБЬ.

— Это князь Шаховской, а насъ вы знаете!

ГОВОРЪ ВЪ НАРОДѢ.

— А что-жъ, братцы! И въ самомъ дѣлѣ! Насъ-то много, какъ не выручить! Идемъ, что ли, за княземъ?

ШАХОВСКОЙ.

— Къ тюрьмѣ, ребята! Шуйскіе живутъ!

НАРОДЪ.

— Шуйскіе! Шуйскіе!

Всѣ бѣгутъ за Шаховскимъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Покой въ царскомъ теремѣ.

Годуновъ и Клешнинъ.

ГОДУНОВЪ.

Сторонники захвачены ли Шуйскихъ?

КЛЕШНИНЪ.

Быкасовы, Урусовы князья,
И Татевы, и Колычевы всѣ
Уже сидятъ. Не удалось накрыть лишь
Головина—пропалъ, какъ не бывало!
Мстиславскаго-жъ ты трогать не велѣлъ.

СЛУГА—докладываетъ Годунову.

По твоему боярскому указу,
Василь-Иванычъ Шуйскій приведенъ.

ГОДУНОВЪ.

Впустить его.

Къ Клешнину.

Ты насъ однихъ оставишь.

Клешнинъ и слуга уходятъ. — Василій Шуйскій входитъ.

ГОДУНОВЪ.

Здорово, князь. Мнѣ вѣдомо, что дядю
Отъ заговора воровского ты
Удерживалъ. Хвалю тебя за это.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Царю быть вѣрнымъ крестъ я цѣловалъ.

ГОДУНОВЪ.

И доводить на вороговъ на царскихъ.
Но ты на князь-Ивана не довелъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Я зналъ, бояринъ, что черезъ Старкова
Все вѣдомо тебѣ.

ГОДУНОВЪ.

А зналъ ли ты,
Что этотъ листъ мнѣ также вѣдомъ?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Зналъ.

ГОДУНОВЪ—показывая ему бумагу.

Ты сознаешься въ подписи своей?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не въ ней одной. Я сознаюсь, бояринъ,
Что челобитня эта мной самимъ
Затѣяна. Зачѣмъ мнѣ запираться?
Тебѣ хотѣлъ я службу сослужить:
Когда дядья въ союзъ вошли съ владыкой,
А къ нимъ Москва пристала, каждый свой
Давалъ совѣтъ; нашлися и такіе,
Что́ въ Угличѣ признать царемъ хотѣли
Димитрія. Чтобъ отвратить бѣду,

Я предложилъ имъ эту челобитню.
Зачѣмъ ее ты не далъ намъ подать?!
Ты зналъ о ней? Царя-бъ ты подготовилъ,
Онъ насъ бы выслушалъ, намъ отказалъ бы,
И все бы кончилося тихо.

ГОДУНОВЪ.

Гладко
Ты рѣчь ведешь. Я вѣрю ли тебѣ,
Или не вѣрю—въ этомъ нѣтъ нужды.
Ты человѣкъ смышленый; ты ужъ понялъ,
Что провести меня не такъ легко,
И что со мной довольно трудно спорить.
Въ моихъ рукахъ ты. Но не буду трогать
За прошлое тебя, и обѣщаній
Не требую на будущее время.
Какъ прибыльнѣй тебѣ: со мной ли быть,
Иль на меня идти—объ этомъ ты
Разсудишь самъ. Подумай на досугѣ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Борисъ Ѳеодорычъ! О чемъ мнѣ думать?
Я твой слуга!

ГОДУНОВЪ.

Мы поняли другъ друга.
Прости-жъ теперь, на дѣлѣ я увижу,
Ты искренно ли говорилъ.

Василій Шуйскій уходитъ.

СЛУГА—докладываетъ.

Бояринъ,
Царица къ милости твоей идетъ!

Входитъ Ирина, въ сопровожденіи нѣсколькихъ боярынь. Годуновъ опускается передъ ней на колѣни.

ГОДУНОВЪ.

Великая царица—я не ждалъ
Прихода твоего—

ИРИНА—къ боярынямъ.

Оставьте насъ.

Боярыни уходятъ.

Братъ, не тебѣ—мнѣ на колѣняхъ быть
Передъ тобой приходится!

ГОДУНОВЪ—вставая.

Сестра,
Зачѣмъ ко мнѣ пришла ты безъ доклада?

ИРИНА.

Прости меня—мнѣ дорогъ каждый мигъ—
Тебя просить пришла я, братъ!

ГОДУНОВЪ.

О чемъ?

ИРИНА.

Ужели ты погубишь князь-Ивана?

ГОДУНОВЪ.

Въ своей измѣнѣ самъ сознался онъ.

ИРИНА.

Онъ въ ней раскаялся! Его мы слову
Повѣрить можемъ. Благостью царевой
Онъ побѣжденъ. Чего боишься ты?
Ужель опять ко днямъ царя Ивана,
Къ днямъ ужаса, вернуться ты-бъ хотѣлъ?
Илъ срокъ прошелъ! Не благостью ли Ѳедоръ

Одной силёнъ? Не за нее ли любитъ
Его народъ? А Өедорова сила—
Она твоя! Для самого себя
Ее беречь ты долженъ! Ею нынѣ,
Лишь ей одной, мы съ Шуйскими достигли,
Чего достичь не смогъ бы страхомъ казни
Самъ царь Иванъ!

ГОДУНОВЪ.

Высокая гора
Былъ царь Иванъ. Изъ нѣдръ ея удары
Подземные равнину потрясали,
Иль пламенный, вдругъ вырываясь, снопъ
Съ вершины смерть и гибель слалъ на землю.
Царь Өедоръ не таковъ! Его бы могъ я
Скорѣй сравнить съ проваломъ въ чистомъ полѣ.
Разсѣлины и рыхлая окрестность
Цвѣтущею травой сокрыты, но—
Вблизи отъ нихъ бродя неосторожно—
Скользитъ въ обрывъ и стадо и пастухъ.
Повѣрье есть такое въ нашихъ селахъ,
Что церковь въ землю нѣкогда ушла,
На мѣстѣ-жъ томъ образовалась яма;
Церковищемъ народъ ее зоветъ,
И ходитъ слухъ, что, въ тихую погоду,
Во глубинѣ звонятъ колокола
И клирное въ ней пѣнье раздается.
Такимъ святымъ, но ненадежнымъ мѣстомъ
Мнѣ Өедоръ представляется. Въ душѣ,
Всегда открытой недругу и другу,
Живетъ любовь, и благость, и молитва,
И словно тихій слышится въ ней звонъ.
Но для чего вся благость и вся святость,
Коль нѣтъ на нихъ опоры никакой!

Семь лѣтъ прошло, что надъ землею Русской,
Какъ Божій гнѣвъ, пронесся царь Иванъ.
Семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, кладя за камнемъ камень,
Съ трудомъ великимъ зданіе я строю,
Тотъ свѣтлый храмъ, ту мощную державу,
Ту новую, разумную ту Русь,—
Русь, о которой мысля непрестанно,
Безсонныя я ночи провожу.
Напрасно все! Я строю надъ проваломъ!
Въ единый мигъ все можетъ обратиться
Въ развалины. Лишь стоитъ захотѣть
Послѣднему, ничтожному врагу—
И онъ къ себѣ царево склонитъ сердце,
И мной въ него вложенное хотѣнье
Онъ измѣнитъ. Враговъ же у меня
Не мало есть—не всѣ они ничтожны—
Ты наглость знаешь дерзкую Нагихъ,
Ты знаешь Шуйскихъ нравъ неукротимый—
Не прерывай меня—я Шуйскихъ чту—
Но доблесть ихъ тупа и близорука,
Избитою тропой они идутъ,
Со стариной сковало ихъ преданье—
И при такомъ царѣ, каковъ царь Ѳедоръ,
Имъ мѣста нѣтъ, быть мѣста не должно!

ИРИНА.

Ты правъ, Борисъ, тебѣ помѣхой долго
Былъ князь Иванъ; но ты ужъ торжествуешь:
Его вина, которой нынѣ самъ
Стыдится онъ, порукой намъ, что нѣтъ
У Ѳедора слуги вѣрнѣе!

ГОДУНОВЪ.

Вѣрю;
Онъ вновь уже не встанетъ мятежемъ,

Измѣной болѣ царскаго престола
Не потрясетъ—но думаешь ли ты
Перечить мнѣ онъ также отказался?

ИРИНА.

Ты поборолъ его, тобой онъ сломанъ;
Въ темницѣ онъ; ужели мщенья ты
Послушаешь?

ГОДУНОВЪ.

Я мщенія не знаю;
Не слушаю ни дружбы, ни вражды;
Передъ собой мое лишь вижу дѣло,
И не своихъ, но дѣла моего
Гублю враговъ.

ИРИНА.

Подумай о его
Заслугахъ, братъ!

ГОДУНОВЪ.

За нихъ пріялъ онъ честь.

ИРИНА.

Къ стѣнамъ Москвы съ ордою подступаетъ
Ногайскій ханъ. Кто дастъ ему отпоръ?

ГОДУНОВЪ.

Не въ первый разъ Москва увидитъ хана.

ИРИНА.

Отъ Шуйскаго отъ одного она
Спасенья ждетъ.

ГОДУНОВЪ.

Она слѣпа сегодня,
Какъ и всегда. Опаснѣе, чѣмъ ханъ,
Кто въ самомъ сердцѣ царства подрываетъ
Его покой; кто плевеломъ стариннымъ
Не устаетъ упорно заглушать
Величья новаго посѣвъ. Ирина!
Въ тебѣ привыкъ я умъ высокій чтить
И свѣтлый взглядъ, которому доступны
Дѣла правленья. Не давай его
Ты жалости не дѣльной помрачать!
Я на тебя разсчитывалъ Ирина!
Доселѣ ты противницей моею
Скорѣе, чѣмъ опорою была;
Ты думала, что Ѳедоръ государить
Самъ по себѣ научится; тебѣ
Внутри души казалося обиднымъ,
Что мною онъ руководимъ; но ты
Его безсилье видишь. Будь же нынѣ
Помощницей, а не помѣхой мнѣ.
Не даромъ ты приставлена отъ Бога
Ко слабому царю. Отвѣтъ тяжелый
Есть на тебѣ. Ты быть должна царицей—
Не женщиной! Ты Ѳедора должна
Склонить теперь, чтобъ отказался онъ
Отъ всякаго вступательства за Шуйскихъ!

ИРИНА.

Когда-бъ могла я думать, что нужна
Погибель ихъ для блага государства
Быть можетъ, я въ себѣ нашла бы силу
Рыданье сердца подавить; но я
Не вѣрю, братъ, не вѣрю, чтобы дѣло
Кровавое пошло для царства въ прокъ.

Не вѣрю я, чтобъ самъ ты этимъ дѣломъ
Сильнѣе сталъ. Нѣтъ, тяжкимъ на тебя
Оно укоромъ ляжетъ! Помогать
Избави Богъ тебѣ! Нѣтъ, я надѣюсь
На Ѳедора!

ГОДУНОВЪ.

Со мною хочешь снова
Ты врозь идти?

ИРИНА.

Пути различны наши.

ГОДУНОВЪ.

Прійдетъ пора, и ты поймешь, Ирина,
Что намъ одинъ съ тобою путь.

Отворяетъ дверь и говоритъ за кулисы.

Царица
Зоветъ своихъ боярынь!

Боярыни входятъ.

ИРИНА.

Братъ, прости!

ГОДУНОВЪ—съ низкимъ поклономъ.

Прости меня, великая царица!

Площадь передъ Архангельскимъ соборомъ.

Нищіе толпятся у входа.—Въ глубинѣ сцены виденъ народъ.

ОДИНЪ НИЩІЙ.

— Скоро-ль выйдетъ царь?

СЛѢПОЙ.

— Слышишь, панихиду служатъ по покойномъ государѣ; ужъ вѣчную память пропѣли; должно быть, сейчасъ выйдетъ.

ДРУГОЙ НИЩІЙ.

— А кто служитъ панихиду-то?

СЛѢПОЙ.

— Іовъ служитъ Ростовскій. Его, слышно, и въ митрополиты поставятъ, а владыку сведутъ.

ПЕРВЫЙ НИЩІЙ.

— Діонисія-то сведутъ?

СЛѢПОЙ.

— Да, сведутъ. И Діонисія и Варлаама Крутицкаго сведутъ: Годунову, вишь, неугодны стали, за Шуйскихъ вступались!

ЧЕТВЕРТЫЙ—на костыляхъ, протѣсняется впередъ.

— Братіе! Слышали, чтó на Красной площади дѣется?

СЛѢПОЙ.

— А чему тамъ дѣяться?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Купцамъ головы сѣкутъ!

ПЕРВЫЙ.

— Какимъ купцамъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Ногаевымъ! Красильникову! Голубю, отцу съ сыномъ! Еще другихъ повели!

ВСѢ.

— Господи, Твоя воля! Да за чтó-жъ это?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— За то, что за Шуйскихъ стояли. Сами-то Шуйскіе ужъ въ тюрьмѣ сидятъ!

ПЕРВЫЙ.

— Боже ихъ помилуй! А царь-то что же?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Годуновъ обошелъ царя!

ВСѢ.

— Мѣсто! Мѣсто! Царица идетъ!

Нищіе сторонятся.—Ирина подходитъ со Мстиславской; за ней боярыни.—Стольникъ идетъ впереди и раздаетъ милостыню.

ИРИНА.

— Стой здѣсь, княжна. Выйдетъ царь, поклонись ему въ ноги и проси за дядю.

КНЯЖНА.

— Государыня-царица, награди тебя Господь, что привела ты меня!

ИРИНА.

— Не бойся, дитятко, царь милостивъ. Что же ты такъ дрожишь? Дай, я тебѣ поднизи поправлю; и косу-то растрепала ты свою!

КНЯЖНА.

— Царица-матушка, сердце замираетъ; научи меня, какъ царю сказать?

ИРИНА.

— Какъ у тебя нá-сердцѣ, такъ и скажи, дитятко. Гдѣ женихъ твой? Ему бы теперь съ тобою быть!

КНЯЖНА.

— Не видала я его, царица, съ той самой ночи, съ того часа, какъ—

Закрываетъ лицо и рыдаетъ.

ИРИНА.

— Бѣдная ты! И ему-то каково! Чай, теперь умереть бы радъ, чтобы свое дѣло поправить!

КНЯЖНА.

— Воздай тебѣ Матерь Божія, что жалѣешь ты насъ!

Трезвонъ во всѣ колокола. Бояре выходятъ изъ собора. Двое изъ нихъ раздаютъ милостыню. За ними идетъ Ѳедоръ.

КНЯЖНА—вполголоса.

— Теперь, царица?

ИРИНА.

— Нѣтъ еще, подождемъ, дитятко; видишь, онъ помолиться хочетъ.

ѲЕДОРЪ—становится на колѣни, лицомъ къ собору.

Царь-батюшка! Ты, столькимъ покаяньемъ,
Раскаяньемъ и мукой искупившій
Свои грѣхи! Ты, съ Богомъ нынѣ сущій!
Ты царствовать умѣлъ! Наставь меня!
Вдохни въ меня твоей частицу силы,
И быть царемъ меня ты научи!

Встаетъ и хочетъ идти.

ИРИНА—ко Мстиславской.

Княжна, теперь!

КНЯЖНА—бросается въ ноги Ѳедору.

Царь-государь, помилуй!

ѲЕДОРЪ.

Чего тебѣ, боярышня? Встань, встань!

КНЯЖНА.

Помилуй дядю моего!

ѲЕДОРЪ.

Кто ты?
Кто дядя твой?

КНЯЖНА.

Иванъ Петровичъ Шуйскій!

ѲЕДОРЪ.

Такъ ты княжна Мстиславская? Да, да,
Я узнаю тебя!

ИРИНА—становится на колѣни

Свѣтъ-государь!
Она тебя со мною вмѣстѣ молитъ
За князь-Иванъ Петровича?

ѲЕДОРЪ.

Арина,
Что ты, Арина? Встань! Вставайте обѣ!
Я князь-Иванъ Петровича прощу,
Но надобно, чтобы въ тюрьмѣ немного
Онъ посидѣлъ!

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, прости
Его теперь! Пошли за нимъ сейчасъ же!
Вели ему оборонять Москву,
Какъ нѣкогда онъ Псковъ оборонялъ!

ѲЕДОРЪ.

Ну, хорошо, Арина, я и самъ
Хотѣлъ послать за нимъ—немного позже
Хотѣлъ послать—но для тебя, Арина,
Пошлю сейчасъ.

Къ Годунову.

Борисъ, пошли за нимъ!

ГОДУНОВЪ.

Великій царь, ты самъ же намъ дозволилъ
Начать сперва надъ Шуйскими допросъ.
Онъ начался—

ѲЕДОРЪ.

Онъ долженъ прекратиться.

ГОДУНОВЪ.

Но, государь—

ѲЕДОРЪ.

Ты слышалъ мой приказъ?

ГОДУНОВЪ.

Великій царь—

ѲЕДОРЪ.

Не во́-время ты вздумалъ
Перечить мнѣ. Отъ нынѣшняго дня
Я буду царь. Совѣты всѣ и думы
Я слушать радъ, но только слушать ихъ—
Не слушаться! Гдѣ приставъ князь-Ивана?
Гдѣ князь Туренинъ?

КЛЕШНИНЪ.

Эвотъ, онъ идетъ!

Подходитъ Туренинъ.

ѲЕДОРЪ—къ Туренину.

Сейчасъ всѣхъ Шуйскихъ свободить! Ивана-жъ
Петровича ко мнѣ прислать!

Туренинъ не трогается съ мѣста.

ѲЕДОРЪ.

Ты слышишь?
Чего ты ждешь?

ТУРЕНИНЪ.

Великій царь—

ѲЕДОРЪ.

Какъ смѣешь
Еще стоять ты предо мной, когда
Тебя я шлю!

ТУРЕНИНЪ.

Великій государь—
Не властенъ я твою исполнить волю...
Иванъ Петровичъ—

ѲЕДОРЪ.

Ну?

ТУРЕНИНЪ.

Онъ сею ночью—

ѲЕДОРЪ.

Что̀—сею ночью? Говори! Ну, что̀?

ТУРЕНИНЪ.

Онъ сею ночью пѐтлей удавился!

КНЯЖНА.

Святая Матерь Божья!

ТУРЕНИНЪ.

Государь,
Въ томъ виноваты, что не досмотрѣли;
Мы береглися, какъ народъ его бы
Не свободилъ; вчера толпу отбили;
Привелъ ее съ купцами Шаховской,
Да кабы я не застрѣлилъ его—
Вломились бы!

Княжна падаетъ въ обморокъ.

ѲЕДОРЪ—смотритъ страшно на Туренина.

Князь Шуйскій удавился?
Иванъ Петровичъ? Лжешь! Не удавился—
Удавленъ онъ!

Хватаетъ Туренина обѣими руками зá-воротъ.

Ты удавилъ его!
Убійца! Звѣрь!

Къ Годунову.

Ты вѣдалъ это?

ГОДУНОВЪ.

Богъ
Свидѣтель мнѣ—не вѣдалъ.

ѲЕДОРЪ.

Палачей!
Поставить плаху здѣсь, передъ крыльцомъ!
Здѣсь, предо мной! Сейчасъ! Я слишкомъ долго
Мирволилъ вамъ! Пришла пора мнѣ вспомнить
Чья кровь во мнѣ! Не вдругъ отецъ покойный
Сталъ грознымъ государемъ! Чрезъ окольныхъ
Онъ грозенъ сталъ—вы вспомните его!

Гонецъ, весь запыленный съ грамотой въ рукахъ, поспѣшно подходитъ къ Годунову.

ГОНЕЦЪ.

Изъ Углича, боярину Борису
Ѳеодорычу Годунову!

ѲЕДОРЪ—вырывая грамоту у гонца.

Дай!
Когда самъ царь стоитъ передъ тобой,
Такъ нѣту здѣсь боярина Бориса!

Глядитъ въ грамоту и начинаетъ дрожать.

Аринушка—мое неясно зрѣнье—
Не вижу я—мнѣ кажется, я что-то

Не такъ прочелъ — въ глазахъ моихъ рябитъ —
Прочти ты лучше!

ИРИНА—взглянувъ въ грамоту.

Боже милосердый!

ѲЕДОРЪ.

Чтó тамъ, Арина? Чтò?

ИРИНА.

Царевичъ Дмитрій—

ѲЕДОРЪ.

Упалъ на ножъ? И закололся? Такъ ли?

ИРИНА.

Такъ, Ѳедоръ, такъ!

ѲЕДОРЪ.

Въ падучемъ онъ недугѣ
Упалъ на ножъ? Да точно-ль такъ, Арина?
Ты, можетъ быть, не такъ прочла—дай листъ!

Смотритъ въ грамоту и роняетъ ее изъ рукъ.

До смерти—да—до смерти закололся!
Не вѣрится! Не сонъ ли это все?
Братъ Дмитрій мнѣ замѣсто сына былъ —
У насъ съ тобой вѣдь нѣтъ дѣтей, Арина?

ИРИНА.

Всю Русь Господь бѣдою посѣтилъ!

ѲЕДОРЪ.

Его любилъ какъ сына я—его—
Хотѣлъ къ себѣ я взять, но тамъ оставилъ —
Тамъ, въ Угличѣ—Иванъ Петровичъ Шуйскій

Мнѣ говорилъ не оставлять его!
Чтò скажетъ онъ теперь? Ахъ, да-бишь! Онъ
Ужъ ничего не скажетъ—онъ удавленъ!

ГОДУНОВЪ—который, между тѣмъ, поднялъ и прочелъ грамоту.

Великій царь—

ѲЕДОРЪ.

Ты, кажется, сказалъ:
Онъ удавился? Митя-жъ закололся?
Арина—а? Чтó, если—

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Тебѣ сейчасъ отправить въ Угличъ надо
Кого-нибудь...

ѲЕДОРЪ.

Зачѣмъ? Я самъ отправлюсь!
Я самъ хочу увидѣть Митю! Самъ!
Я никому не вѣрю!

Ратникъ подходитъ къ Годунову.

РАТНИКЪ.

По дорогѣ
Серпуховской маячные дымы
Виднѣются!

ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
То ханъ идетъ. Чрезъ нѣсколько часовъ
Его полки Москву обложатъ. Ѣхать
Не можешь ты теперь.

КЛЕШНИНЪ.

Царь-Государь,
Пошли меня, холопа твоего!
Я, батюшка, хоть простъ, а чтó увижу,
Тò и скажу!

ГОДУНОВЪ.

А розыскъ учинить
Объ этомъ дѣлѣ могъ бы князь Василій
Иванычъ Шуйскій! Пусть поѣдутъ оба
И разберутъ, чьей въ Угличѣ виной
Бѣда случилась!

ѲЕДОРЪ—съ недоумѣніемъ.

Вправду? Вправду хочешь
Послать ты въ Угличъ Шуйскаго, Василья?
Послать племянника того, кого ты—
Кого они сегодня ночью—

Бросается Годунову на шею.

Шуринъ!
Прости меня! Я грѣшенъ предъ тобой!
Прости меня—мои смѣшались мысли—
Я путаюсь—я правду отъ неправды
Не отличу! Аринушка моя,
Поди ко мнѣ! Петровичъ, поѣзжай
Со князь-Васильемъ. Князь Василій—чтó-бишь
Тебѣ хотѣлъ сказать я? Позабылъ!
Да, вотъ чтò: я послалъ на той недѣлѣ
Игрушекъ Митѣ—

Рыдаетъ.

Я хотѣлъ бы знать—
Хотѣлъ бы знать, успѣлъ ли онъ—успѣлъ ли—

КНЯЖНА—которую подводятъ боярыни.

Все кончено! женихъ застрѣленъ мой—
Удавленъ дядя—

ИРИНА.

Дитятко, тебя
Къ себѣ возьму я, будешь ты отнынѣ
Мнѣ вмѣсто дочери!

КНЯЖНА.

Царица, я
Постричься бы хотѣла...

ѲЕДОРЪ.

Да, княжна,
Да, постригись! Уйди, уйди отъ міра!
Въ немъ правды нѣтъ! Я отъ него и самъ бы
Хотѣлъ уйти—мнѣ страшно въ немъ—Арина—
Спаси меня, Арина!

Боярыни уводятъ княжну.

ИРИНА.

Свѣтъ мой, Ѳедоръ,
Въ молитвѣ мы у Бога утѣшенья
Должны просить!

ѲЕДОРЪ.

Въ молитвѣ? Да, Арина!
Я въ монастырь пойду, молиться буду—
Посхимлюсь тамъ—

ИРИНА.

Нельзя тебѣ, свѣтъ-Ѳедоръ!
Вѣнецъ наслѣдный некому тебѣ
Твой передать.

ѲЕДОРЪ.

Да, я послѣдній въ родѣ—
Послѣдній я. Что́-жъ дѣлать мнѣ, Арина?

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, нѣтъ выбора тебѣ;
Одинъ Борисъ лишь царствомъ править можетъ,
Лишь онъ одинъ. Оставь на немъ одномъ
Правленія всю тягость и отвѣтъ!

ѲЕДОРЪ.

Такъ, такъ, Арина! не вмѣшаюсь болѣ
Я ни во что́!

ГОДУНОВЪ — тихо къ Иринѣ.

Пути сошлися наши!

ИРИНА.

О, еслибъ имъ сойтись не довелось.

Звонъ трубъ. Входитъ Мстиславскій въ бронѣ и въ шлемѣ. Оружничій Годунова приноситъ ему вооруженіе.

МСТИСЛАВСКІЙ — къ Годунову.

Полки тебя, бояринъ, въ полѣ ждутъ!

ГОДУНОВЪ — вооружаясь.

Всѣ по мѣстамъ!

Бояре уходятъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Ты самъ ли встрѣтить хана
Насъ поведешь?

ГОДУНОВЪ.

Бояринъ князь Мстиславскій!
Я мужъ совѣта, ты же мужъ войны!
Отнынѣ будь верховнымъ воеводой—

За честь Руси, какъ вождь, веди насъ въ бой—
Я-жъ слѣдую какъ ратникъ за тобой!

Уходитъ со Мстиславскимъ. Народъ бѣжитъ за ними. На сценѣ остаются только Θедоръ, Ирина и нищіе.

ΘЕДОРЪ.

Бездѣтны мы съ тобой, Арина, стали!
Моей виной лишились брата мы!
Князей варяжскихъ царствующей вѣтви
Послѣдній я потомокъ. Родъ мой вмѣстѣ
Со мной умретъ. Когда бы князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій живъ былъ, я-бъ ему
Мой завѣщалъ престолъ; теперь же онъ
Богъ-вѣсть кому достанется! Моею,
Моей виной случилось все! А я—
Хотѣлъ добра, Арина! Я хотѣлъ
Всѣхъ согласить, все сгладить—Боже, Боже!
За что меня поставилъ Ты царемъ!

КОНЕЦЪ.

III.

Царь Борисъ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

[1870].

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Борисъ Θедоровичъ Годуновъ.

Царица Марія Григорьевна, его жена, дочь Малюты Скуратова.

Царевичъ Θедоръ } ихъ дѣти.
Царевна Ксенія

Царица Ирина Θедоровна, во иночествѣ Александра, сестра царя Бориса, вдова царя Θедора Іоанновича.

Царица Марія Θедоровна Нагая, во иночествѣ Марθа, вдова Іоанна Грознаго.

Христіанъ, герцогъ датскій, женихъ царевны Ксеніи.

Голькъ } его совѣтники.
Браге

Семенъ Годуновъ, ближній бояринъ.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Петръ Θедоровичъ Басмановъ, бояринъ и воевода.

Θедоръ Никитичъ Романовъ
Александръ Никитичъ Романовъ
Князь Репнинъ
Князь Черкасскій } бояре.
Князь Сицкій
Князь Голицынъ
Салтыковъ

Андрей Петровичъ Лупъ-Клешнинъ, во схимѣ братъ Левкій.

Василиса Волохова, боярыня.

Аθанасій Власьевъ, думный дьякъ.

Воейковъ, воевода Тарскій.

Дементьевна, барская барыня.

Ричардъ Ли, посолъ англійскій.

Миранда, папскій нунцій.

Баронъ Логау, посолъ австрійскій.
Левъ Сапѣга, посолъ литовскій.
Эрикъ Генрихсонъ, посолъ шведскій.
Авраамій Люсъ, посолъ флорентійскій.
Гермерсъ, любскій бургомистръ, присланный отъ ганзейскихъ городовъ.
Архимандритъ Кириллъ, посолъ иверскій.
Лачинъ Бекъ, посолъ персидскій.
Челибей, посолъ турецкій.
Хлопко-Косолапъ, атаманъ разбойниковъ.
Рѣшето } его есаулы.
Наковальня }
Митька, разбойникъ.
Посадскій.
Мисаилъ Повадинъ } бѣглые монахи
Григорій Отрепьевъ }
1-й } часовые.
2-й }
1-й } сыщики.
2-й }
1-я }
2-я } бабы.
3-я }
4-я }
Врачъ.
Стрѣлецкій голова.
Спальникъ.
Стольникъ.
Клирошанка.
Приставъ.

Бояре, боярыни, стольники, рынды, стрѣльцы, посольская свита, монахи, бѣглые крестьяне, разбойники, нищіе, сыщики, слуги и народъ.

Дѣйствіе—въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Престольная палата.

Салтыковъ и Воейковъ.

САЛТЫКОВЪ.

Ты вò-время, бояринъ, съ доброй вѣстью
Вернулся изъ Сибири; угодилъ
Какъ разъ попасть въ тотъ день, какъ государь
Вѣнчается на царство!

ВОЕЙКОВЪ.

Богу слава!
Довольно онъ откладывалъ вѣнчанье
Со дня, какъ земской думою соборной
На царство былъ избранъ!

САЛТЫКОВЪ.

Да, да, въ шеломѣ,
А не въ вѣнцѣ, съ мечомъ замѣсто скиптра,
Онъ ждалъ татаръ. Но ханъ, имъ устрашенный,
Бѣжалъ назадъ! И то сказать: пятьсотъ
Насъ вышло тысячъ въ поле. Безъ удара

Казы-Гирей разсыпанъ—и ни капли
Не пролилося русской крови!

ВОЕЙКОВЪ.

Слава
Царю Борису!

САЛТЫКОВЪ.

Слава и хвала!
Подумаешь: какъ царь Иванъ Васильичъ
Оставилъ Русь Өеодору царю!
Война и моръ—въ предѣлахъ русскихъ ляхи—
Ханъ подъ Москвой—на брошенныхъ поляхъ
Ни колоса! А нынѣ, посмотри-ка!
Все благодать: амбары полны хлѣба—
Исправлены пути—въ приказахъ правда—
А къ рубежу попробуй подойти
Ляхъ или нѣмецъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Чтò и говорить!
Воскресла вся земля! Царю не даромъ
Отъ всѣхъ любовь. Такого ликованья,
Я чай, Москва отъ роду не видала!
Насилу я проѣхалъ чрезъ толпу!
На двадцать верстъ кругомъ запружены
Дороги всѣ; народъ со всѣхъ концовъ
Валитъ къ Москвѣ; всѣ улицы полны,
И всѣ дома, отъ гребней до завалинъ,
Стоятъ въ цвѣтахъ и въ зелени! Я думалъ:
Авось къ царю до выхода проѣду!
Куды! я чай, отъ валу до Кремля
Часа четыре пробирался. Тамъ
Услышалъ я: въ соборѣ царь Борисъ—
Вѣнчается!

САЛТЫКОВЪ.

Сейчасъ вернется въ теремъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Ты что-жъ не тамъ?

САЛТЫКОВЪ.

Пословъ примать наряженъ.

ВОЕЙКОВЪ.

Какихъ пословъ?

САЛТЫКОВЪ.

Да мало-ль ихъ! Отъ папы,
Отъ цесаря, отъ Англіи, отъ Свеи,
Отъ Персіи, отъ Польши, отъ Ганзы—
Не перечтешь!

ВОЕЙКОВЪ.

И всѣхъ ихъ приметъ царь?

САЛТЫКОВЪ.

Всѣхъ съ этого престола слушать будетъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Пора, пора возсѣсть ему на немъ!
Семь мѣсяцевъ вѣнчанія мы ждали!

САЛТЫКОВЪ.

А до того, чай, цѣлыхъ шесть недѣль
Пріять вѣнецъ его молили!

ВОЕЙКОВЪ.

Да.
Смиренію такому нѣтъ примѣра.

До насъ дошло, какъ вашимъ онъ мольньямъ
Внять не хотѣлъ!

САЛТЫКОВЪ.

И если бы владыка
Отъ церкви отлученіемъ ему
Не угрозилъ—быть можетъ, и доселѣ
Мы были-бъ безъ царя!

ВОЕЙКОВЪ.

А говорили:
Честолюбивъ!

САЛТЫКОВЪ.

Поди ты! Мало-ль что̀
О немъ толкуютъ! Говорили также:
Онъ Димитрія царевича извелъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Безбожники! безсовѣстные люди!
Когда-бъ извелъ Димитрія Борисъ,
Онъ сталъ ли бы отъ царства отрекаться!

САЛТЫКОВЪ.

Вѣстимо нѣтъ! Когда скончался Ѳедоръ,
Рыдали всѣ, но скорбь ничья сравниться
Со скорбію Бориса не могла.

ВОЕЙКОВЪ.

Я былъ уже въ походѣ; не сподобилъ
Меня Господь къ усопшаго рукѣ
Съ другими приложиться. Говорятъ,
Былъ чудно свѣтелъ ликъ его?

САЛТЫКОВЪ.

Тиха
Была его и благостна кончина.
Онъ никому не позабылъ сказать
Прощальное, привѣтливое слово;
Когда-жъ своей царицы скорбь увидѣлъ:
«Аринушка, сказалъ онъ, ты не плачь,
«Меня Господь проститъ, что государить
«Я не умѣлъ!» И руку взявъ ея,
Держалъ въ своей, и, кротко улыбаясь,
Такъ погрузился словно въ тихій сонъ—
И отошелъ. И на его лицѣ
Улыбка та послѣдняя осталась.

ВОЕЙКОВЪ.

Царь благодушный!

САЛТЫКОВЪ.

Послѣ похоронъ
Постриглася царица.

ВОЕЙКОВЪ.

И тогда же
Съ ней заперся правитель?

САЛТЫКОВЪ.

Въ тотъ же день,
Моленіямъ боярскимъ не внимая,
Онъ говорилъ: «Со смертію царя
«Постыли мнѣ волненіе и пышность,
«И блескъ и шумъ. Здѣсь, близъ моей сестры,
Останусь я; молиться съ ней хочу я,
«И здѣсь умру!»

Звонъ во всѣ кремлевскіе колокола.

ВОЕЙКОВЪ — подходя къ окну.

Идутъ, идутъ! Народъ
Волнуется! Вотъ ужъ несутъ хоругви!
А вотъ попы съ иконами, съ крестами!
Вотъ патріархъ! Вотъ стольники! Бояре!
Вотъ стряпчіе царевы! Вотъ онъ самъ!
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ, въ золотой одеждѣ,
Съ державою и скипетромъ въ рукахъ!
Какъ онъ идетъ! Всѣ пали на колѣни!
Между рядовъ безмолвныхъ онъ проходитъ
Ко Красному крыльцу—остановился,
Столпились всѣ—онъ говоритъ къ народу...

Молчаніе; потомъ взрывъ радостныхъ криковъ.

Цѣлуетъ крестъ—вотъ на крыльцо вступаетъ—
Какъ свѣтелъ онъ! Сіяніе какое
Въ его очахъ! Нѣтъ, самъ Иванъ Васильичъ
Въ величіи подобномъ не являлся—
Во истину то царь всея Руси!

Трубы и дворцовые колокола. Рынды входятъ и становятся у престола; потомъ бояре; потомъ стряпчіе съ царской стряпней; потомъ ближніе бояре; потомъ самъ царь Борисъ въ полномъ облаченіи, съ державой и скипетромъ. За нимъ царевичъ Ѳедоръ. Борисъ всходитъ на подножіе престола.

БОРИСЪ — стоя на подножіе.

Соизволеньемъ Божіимъ и волей
Соборной думы—не моимъ хотѣньемъ—
Я на престолъ царей и самодержцевъ
Всея Руси вступаю днесь. Всевышній
Да укрѣпитъ мой умъ и дастъ мнѣ силы
На трудный долгъ! Да просвѣтитъ меня,
Чтобы бразды, мнѣ Русскою землею
Врученныя, достойно я держалъ,
Чтобы царилъ я праведно и мудро,

На тишину Руси, какъ царь Өеодоръ,
На страхъ врагамъ, какъ грозный Іоаннъ!

Садится на престолъ. Царевичъ Өедоръ садится по его правую руку.

ВОЕЙКОВЪ—опускаясь на колѣни.

Великій царь! Господь тебя услышалъ:
Твои враги разбиты въ пухъ и прахъ,
Воейковъ я, твой Тарскій воевода,
Тебѣ привезшій радостную вѣсть,
Что ханъ Кучумъ, свирѣпый царь сибирскій,
На Русь возстать дерзнувшій мятежомъ,
Бѣжалъ отъ насъ въ кровопролитной битвѣ
И палъ отъ рукъ ногайскихъ мурзъ. Сибирь,
Твоей опять покорная державѣ,
Тебѣ на вѣкъ всецѣло бьетъ челомъ!

БОРИСЪ.

Благодаренье Господу! Да будетъ
Въ сей свѣтлый день намъ знаменіемъ добрымъ
Благая вѣсть! Встань, воевода Тарскій,
И цѣпь сію, въ знакъ милости великой,
Отъ насъ прими!

Снимаетъ съ себя цѣпь и надѣваетъ на Воейкова.

Мой сынъ, царевичъ Өедоръ,
Вамъ здравствуетъ со мной, бояре! Онъ
Лѣтами младъ, но ко святой Руси
Его любовь равна моей. Въ немъ буду
Готовить мнѣ достойнаго на царство
Преемника. Любить его, бояре,
Я васъ прошу!

Өедоръ кланяется.

БОЯРЕ.

Да здравствуетъ царевичъ!
Живетъ царевичъ!

САЛТЫКОВЪ.

Государь, послы
Ждутъ позволенья милости твоей
На царствiи здоровать!

БОРИСЪ.

Пусть войдутъ!

Трубный тушъ и литавры. Входитъ посолъ англiйскiй, предшествуемый двумя стольниками; за нимъ идетъ его свита и останавливается, не доходя трестола. Посолъ подходитъ къ престолу; стольники раздаются направо и налѣво. При входѣ слѣдующихъ пословъ соблюдаются тѣ же обряды.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ Елисаветы, Ричардъ Ли!

РИЧАРДЪ ЛИ.

Британнiи Великой королева
Царю Борису дружескiй поклонъ
Усердно шлетъ, его на русскомъ тронѣ
Привѣтствуя какъ друга своего,
Какъ кровнаго возлюбленнаго брата.
Великiй царь! Ей дорогъ несказанно
Съ тобой союзъ, и если бы избрать
Для сына ты межъ юными княжнами
Британнiи невѣсту захотѣлъ,
Твое свойство̀ вмѣнила-бъ королева
Себѣ въ любовь, и видѣла бы въ немъ
Залогъ союза нашихъ двухъ народовъ
И совершенье мысли Iоанна,
Который былъ ей другомъ... Графа Дарби
Младая дочь красою превышаетъ
Красавицъ всѣхъ, а кровь ея одна
Съ Елисаветы королевской кровью!

БОРИСЪ.

Благодарю сестру Елисавету,

Ея союзомъ болѣ дорожу,
Чѣмъ всѣхъ другихъ высокихъ государей,
Писавшихъ къ намъ о томъ же. Но мой сынъ
Ѳеодоръ младъ еще о бракѣ думать—
Мы подождемъ.

Ричардъ Ли отходитъ, предшествуемый стольниками. Трубы и литавры. Входитъ папскій нунцій.

САЛТЫКОВЪ.

Миранда, нунцій папы!

МИРАНДА.

Великій царь всея земли московской!
Святой отецъ Климентъ тебѣ свое
Апостольское шлетъ благословенье
И здравствуетъ на государствѣ! Въ знакъ
Особенной своей къ тебѣ любви,
Онъ утвердить твой титулъ предлагаетъ,
Какъ титулы богемскихъ королей
И польскихъ утвердилъ онъ. Если-жъ ты
Своей душой, миролюбиво-мудрой,
Столь вѣдомой намѣстнику Христа,
Какъ онъ, о, царь, скорбишь о раздѣленьи
Родныхъ церквей—онъ черезъ насъ готовъ
Войти съ твоимъ священствомъ въ соглашенье,
Да прекратится распря прежнихъ лѣтъ
И будетъ вновь единый пастырь стаду
Единому!

БОРИСЪ.

Святѣйшаго Климента
Благодарю. Мы чтимъ вѣнчанныхъ римскихъ
Епископовъ, и воздаемъ усердно
Имъ долгъ и честь. Но Господу Христу
Мы на землѣ намѣстника не знаемъ.
Нашъ царскій санъ, по волѣ Божьей, мы

Отъ русской всей земли пріяли—болѣ-жъ
Ни отъ кого не просимъ утвержденья.
Когда святой отецъ ревнуетъ къ вѣрѣ,
Да согласитъ владыкъ онъ христіанскихъ
Идти собща̀ на турскаго султана,
О вѣрѣ братій нашихъ свободить!
То сблизитъ насъ усердіемъ единымъ
Къ единому кресту. О соединеньи-жъ
Родныхъ церквей мы молимся всѣ дни,
Когда святую слышимъ литургію.

Миранда отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ австрійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Баронъ Лога́у, цесарскій посолъ!

ЛОГАУ.

Великій царь! Рудольфусъ, римскій цесарь,
Тебѣ на царствѣ братскій шлетъ поклонъ,
Моля тебя помочь ему войсками
И деньгами, чтобы могли султану
Мы дать отпоръ, безбожному Махмету,
Грозящему изъ Венгріи идти
На Австрію!

БОРИСЪ.

Не въ первый разъ султану
Австрійскимъ мы обязаны посольствомъ.
При Өедорѣ, покойномъ государѣ,
Мы учинили съ вами договоръ:
Отъ турокъ вамъ помочь казною нашей,
Съ тѣмъ, чтобы вы взвели Максимильяна,
Рудольфа брата, на литовскій тронъ.
Вы приняли исправно наши деньги,
Но, подъ рукой, съ Литвою сговорились—

И Жигимонта свейскаго признали,
Врага Руси, литовскимъ королемъ!

ЛОГАУ.

Великій царь, мы не были вольны!
Нашъ претендентъ, Максимильянъ, Замойскимъ
Въ Силезіи былъ полоненъ.

БОРИСЪ.

И вмѣсто,
Чтобы его оружьемъ свободить,
Съ Литвой скорѣй вы заключили миръ
И даромъ насъ поссорили съ султаномъ.

ЛОГАУ.

Не мы, о, царь! Султанъ твой давній врагъ
И на Москву онъ хана насылаетъ
Не въ первый разъ. Когда ты дашь ему
Насъ одолѣть, ты своего-жъ злодѣя
Усилишь, государь!

БОРИСЪ.

Походъ крестовый
Я на него Европѣ предлагаю.
Онъ врагъ намъ всѣмъ, не мой одинъ. Испаньи,
Сициліи и рыцарямъ Мальтійскимъ
Венеціи и Генуи онъ врагъ,
Досадчикъ всѣмъ державамъ христіанскимъ!
Пускай же всѣ подымутъ общій стягъ
На Турцію! Тогда не изъ послѣднихъ
Увидятъ насъ. Но до того мы будемъ
Лишь наши грани русскія беречь.
Мы не хотимъ для Австріи руками
Жаръ загребать. Казною, такъ и быть,

Мы учинимъ вамъ снова вспоможенье.
Войска-жъ свои пока побережемъ.

Логау отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ литовскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ литовскій, канцлеръ Левъ Сапѣга!

САПѢГА.

Великій царь! Твой братъ король на Польшѣ,
Король на Свеи, и великій князь
Земли литовской, Третій Жигимонтъ,
Прислалъ тебѣ со мною, Львомъ Сапѣгой,
Его короны канцлеромъ, поклонъ
И гратуляцію на царствѣ! Наше
Къ концу приходитъ скоро перемирье,
Но Жигимонтъ, и мы, паны, хотимъ
Уже забыть вражду съ Москвою. То
Король Батуръ съ царемъ Иваномъ пралисъ—
На души-жъ ихъ пускай тотъ ляжетъ споръ!
Ты-жъ новую вчинаешь династію,
И твоему величеству не нужно
Литигіумъ тотъ старый пильновать.
Коль Жигимонта свейскимъ королемъ
Признаешь ты, и титулъ обѣщаешь
Ему давать, который у него
Его-жъ правитель, Карлусъ, отымаетъ,
Эстонію-жъ землей признаешь польской—
То мы тебѣ Ливонію уступимъ
И грамату согласны подписать
На вѣчный миръ съ Москвою!

БОРИСЪ.

Панъ Сапѣга!
Ты шесть недѣль въ Москвѣ, кажися, ждалъ,

Пока тебѣ передъ собой явиться
Дозволилъ я. Ты времени довольно
Имѣлъ узнать войска и силы наши.
Сдается мнѣ, миръ будетъ Жигимонту
Нужнѣй, чѣмъ намъ. Ливонская земля
Съ Эстоніей есть вотчина Руси
Отъ Ярослава перваго, отъ сына
Владиміра Святого. Родъ мой новъ,
Но я съ державой русскою пріялъ
Права ея древнѣйшихъ государей.
Доколѣ живъ, не уступлю изъ нихъ
Ни одного. Я Жигимонта свейскимъ
Не признаю владыкой. Герцогъ Карлусъ
Владѣетъ Свеей. Титуловъ пустыхъ
Я не даю.

САПѢГА.

Тогда, великій царь,
Осталось мнѣ, всѣвъ на коня, до дому
Скакать безъ мира?

БОРИСЪ.

Добраго пути!

САПѢГА.

Но, царь великій, я-жъ не за войною—
За миромъ присланъ я!

БОРИСЪ.

Изъ уваженья
Ко брату Жигимонту, перемирье
Я вамъ продлю. Въ моей боярской думѣ
Ты можешь мой услышать уговоръ.

Сапѣга отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ шведскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ отъ Свеи, Эрикъ Гендрихсонъ!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Преславный царь! Правитель свейскій, Карлусъ,
Отъ всей души тебѣ на государствѣ
Свой шлетъ поклонъ и проситъ, чтобы въ спорѣ
Его чиновъ съ литовскимъ Жигимонтомъ,
Ты свейскую корону поддержалъ!

БОРИСЪ.

Его зовутъ на королевство?

ГЕНДРИХСОНЪ.

Царь—

БОРИСЪ.

Да, да, я знаю! Свейскіе чины
Уже ему корону предлагали!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Когда тебѣ земли желанье нашей
Ужъ вѣдомо—

БОРИСЪ.

Я знаю все.

ГЕНДРИХСОНЪ.

Но герцогъ
Чинамъ отвѣта не́ далъ, и короны
Еще не принялъ—

БОРИСЪ.

Онъ корону приметъ.
Къ престолу Карлусъ призванъ всей землей—
Онъ отказаться отъ него не можетъ.
Привѣтствую отнынѣ королемъ

Его я свейскимъ, Карлусомъ Девятымъ!
И если братъ нашъ Карлусъ съ нами хочетъ
Пребыть въ любви—пусть продолжаетъ онъ
Вести войну съ Литвою неуклонно,
Ливонію-жъ съ Эстоніей признáетъ
Землею русскою. Мы ему на томъ
Нашъ вѣчный миръ и дружбу обѣщаемъ!

Гендрихсонъ отходитъ. Трубы и литавры.
Входитъ посолъ флорентійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Аврамій Люсъ, Флоренціи посолъ!

ЛЮСЪ.

Тебѣ, царю Московскія державы,
Избранному любовью всей земли,
Шлетъ Фердинандъ, изъ рода Медицеевъ,
Привѣтствіе и дружескій поклонъ.
Былъ дѣдъ его любовію народной,
Равно какъ ты къ правленію призванъ—
Достоинства сроднили оба рода:
Какъ Козимо и какъ Лоренцо нашъ,
Ты другъ наукъ и вольнаго искусства.
То вѣдая, тебѣ великій вождь
Флоренціи услуги предлагаетъ
И радъ тебѣ художниковъ своихъ,
Ваятелей прислать и живописцевъ,
Литейщиковъ и зодчихъ, да цвѣтетъ
Твоя земля не только славой бранной,
Но и красой художества во вѣкъ!

БОРИСЪ.

Любезнаго я брата, Фердинанда,
Благодарю душевно; принимаю
Его любовь и добрую услугу

Признательно. Суровъ нашъ русскій край:
Намъ нѐ далъ Богъ, какъ вамъ, подъ вольнымъ небомъ
Красой искусства очи веселить;
Но что̀ надъ плотью высить человѣка,
Что̀ радуетъ его безсмертный духъ,
Отъ Бога то̀ ведетъ начало,
И вѣрю я, оно на пользу будетъ
И радость намъ!

ЛЮСТ.

Прими же, государь,
Въ знакъ непремѣнной дружбы Фердинанда,
Сей небольшой фіалъ. Изсѣченъ онъ
Изъ горнаго кристалла, и оправленъ
Искуснѣйшимъ изъ нашихъ мастеровъ:
Ему Челлини имя.

БОРИСЪ.

Будетъ мнѣ
Двояко дорогъ этотъ даръ! Повѣдай,
Великому Флоренціи вождю,
Что если есть въ землѣ моей русійской
Что̀-бъ ни было пригодное ему—
Оно его!

Люсъ отходитъ. Трубы и литавры. Входятъ ганзейскіе купцы: Гермерсъ и два ратсгерра и подходятъ вмѣстѣ къ престолу. За ними идутъ слуги съ дарами.

САЛТЫКОВЪ.

Любчанскій бургомистеръ,
Отъ всѣхъ имперскихъ вольныхъ городовъ!

ГЕРМЕРСЪ.

Земли русійской свѣтлый императоръ
И славный царь! Любчанскіе купцы,

От имени Ганзы высокохвальной,
На государстве здравствуют тебе!
Усердье наше ведомо Русіи:
Когда еще голландцы и французы,
И англичан пронырливый народ,
В твой славный край не знали и дороги,
Уже Ганза исправно, аккуратно
И дешево все лучшіе ему
Товары доставляла; и за то
Она была русійскими князьями
Избавлена от пошлин. Государь!
Вели-ж и ты, чтоб неприличных пошлин
Не брали с нас! А мы, в усердьи нашем,
Тебе дары посильные несем.
Из серебра литого вот фигуры:
Фортуна вот—в ней двадцать фунтов слишком—
А это вот богиня Венус—в ней
Есть тридцать фунтов—эта птица струс;
А вот павлин—вот лев—вот два еленя—
Вот два коня—петух и славный бог
Меркуріус—всего сто-десять фунтов
И двадцать-три золотника!

БОРИС.

Издавна
Нам другом был почтенный город Любск.
Благодарю Ганзу за поздравленье
И за дары. Имперских городов
Избавить мы от пошлины не можем.
Зане у нас купцы иных земель
Ее несут. Но в уваженье древней
С любчанами пріязни, мы велим
С них пошлин брать отныне половину,
Товары-ж их избавим от осмотра,

Съ тѣмъ, чтобъ они, по совѣсти, ихъ сами
Намъ объявили.

ГЕРМЕРСЪ И ПРОЧІЕ—махая шапками.

Виватъ царь Борисъ!

Купцы уходятъ. Трубы играютъ тушъ другого характера. Изъ другихъ дверей входитъ посолъ персидскій, передъ нимъ идетъ Семенъ Годуновъ, которому Салтыковъ уступаетъ мѣсто. За посломъ слуги его несутъ драгоцѣнный престолъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь! Отъ Шахъ-Аббаса
Къ тебѣ посолъ персидскій Лачинъ-Бекъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій, грозный и пресвѣтлый царь!
Твой другъ и братъ, Аббасъ, владыка перскій
Здороваетъ тебѣ на государствѣ
И братскій шлетъ поклонъ. Ты держишь Русь
Единою могучею рукою—
Простри, о, царь, съ любовію другую
На моего владыку и прими
Отъ Шахъ Аббаса, въ знакъ его пріязни,
Сей кованый изъ золота престолъ,
Въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ и въ алмазахъ.
Наслѣдье древнихъ шаховъ—изо всѣхъ
Цѣннѣйшее Аббасовыхъ сокровищъ!

БОРИСЪ.

Благодарю великаго Аббаса.
Его пріязнь тѣмъ болѣе цѣню,
Что слышалъ я, быть можетъ ложно, будто
Онъ хочетъ миръ съ султаномъ заключить,
Иверію-жъ, подвластную намъ землю,
И Александра, подданнаго намъ
Ея царя, тѣснитъ.

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій царь,
То клевета! Тебѣ сказалъ неправду
Царь Александръ. Онъ самъ дружитъ султану,
Какъ твоему, такъ нашему врагу!

БОРИСЪ.

Впустить сюда султанскаго посла!

Трубы и литавры. Входитъ посолъ турецкій и становится рядомъ съ персидскимъ. Слуги несутъ за нимъ дары.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Къ царю посолъ султанскій Челибей.

ЧЕЛИБЕЙ.

Всея Руси могучій повелитель!
Султанъ Махметъ, твой другъ и братъ, тебѣ
Черезъ меня на воцареньи шлетъ
Привѣтствіе и, въ знакъ своей пріязни,
Сѣдло и златомъ кованную сбрую
Въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ. Государь!
Султанъ Махметъ, добра тебѣ желая,
Предостеречь тебя велитъ, что твой
Невѣрный рабъ, царь Александръ, замыслилъ
Тебя предать, и къ перскому Аббасу
Въ подданство переходитъ!

БОРИСЪ.

Пусть войдетъ
Отъ Александра присланный посолъ!

Входитъ архимандритъ Кириллъ и падаетъ на колѣни передъ Борисомъ.

АРХ. КИРИЛЛЪ.

Великій, благовѣрный государь!
Царь Александръ, твой ревностный слуга,

Тебѣ на царствѣ кланяется земно.
Не попусти, о, царь всея Руси,
Ему въ конецъ погибнуть! Шахъ-Аббасъ
Безжалостно, безбожно разоряетъ
Иверію! Султанъ Махметъ Турецкій
Обрекъ ее пожарамъ и мечу!
Ограблены жилища наши—жены
Поруганы—семейства избіенны—
Монастыри въ развалинахъ—и церкви
Христовыя пылаютъ!

ЧЕЛИБЕЙ.

Славный царь,
Не вѣрь тому—не мы, а персы грабятъ
Иверію!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій государь
Не вѣрь послу сунитскаго султана!
На языкѣ сунитовъ—клевета,
Обманъ и ложь! Не разоряютъ персы
Иверію—они лишь турокъ гонятъ
Вонъ изъ нея и только лишь твоихъ
Измѣнниковъ караютъ!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

Боже правый—
Иверія моя!

ЧЕЛИБЕЙ—къ Лачинъ-Беку.

Шеитъ невѣрный!
Султанъ тебѣ покажетъ въ Испаганѣ,
Какъ гоните вы насъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Сунитскій песъ!
Въ Стамбулѣ мы съ тобою разочтемся!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

О, государь, отъ злобы ихъ обоихъ
Будь намъ защитой!

БОРИСЪ.

Слушайте! Кто-бъ ни былъ
Подвластной намъ Иверіи тѣснитель—
Шахъ, иль султанъ—клянусь, не попущу
Ничьей рукѣ касаться русскихъ граней!
Дьякъ Аѳанасій! Ты напишешь нынѣ-жъ
Бутурлину съ Плещеевымъ приказъ
Вести полки на Терекъ. Лачинъ-Бекъ!
Тебѣ былъ путь не малый къ намъ отъ моря
Хвалынскаго. Ты видѣлъ нашимъ войскомъ
Покрытый край отъ Волги до Москвы.
Пятьсотъ и слишкомъ тысячъ поднялося
На мой призывъ. Когда я захочу,
Я вдвое ихъ могу поставить въ полѣ.
Съ Аббасомъ радъ я въ дружбѣ пребывать,
Но долженъ ты въ моей боярской думѣ
Дать за него намъ клятвенный обѣтъ:
Отъ перскихъ войскъ Иверію очистить.
А ты, султана турскаго посолъ—
Неси ему дары его обратно!
Намъ вѣдомо, на насъ кѣмъ поднятъ, шелъ
Казы-Гирей, кичася силой ратной!
Но онъ бѣжалъ! Прошли тѣ времена,
Когда Руси шатаніе и бѣды
Врагамъ надъ ней готовили побѣды!
Она стоитъ спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьямъ щитомъ, а недругамъ грозою!

Челибей уходитъ. Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входятъ боярыни, въ большомъ нарядѣ, по двѣ въ рядъ. За ними царица Марья Григорьевна и царевна Ксенія. Всѣ кланяются имъ въ поясъ. Онѣ садятся по обѣ стороны престола.

БОРИСЪ.

Нашъ царскій долгъ оконченъ. Вотъ царица
Съ царевною пришли принять, бояре,
Здорованіе ваше!

БОЯРЕ.

Бьемъ челомъ
Царицѣ и царевнѣ! Имъ на царскомъ
Здороваемъ вѣнчаньи! Много лѣтъ
Вамъ, матушки вы наши!

ЦАРИЦА съ поклономъ.

Государи,
Благодаримъ за ваше пожеланье!
Прошу любить и жаловать меня
Съ царевною!

БОЯРЕ.

Господь благослови
Тебя, царевна наша! Божья пташка!
Весенній цвѣтикъ нашъ!

КСЕНІЯ — съ поклономъ.

Не заслужила
Великой вашей ласки я, бояре,
И не себѣ любовь примаю вашу,
Но батюшкѣ царю!

ГОЛОСА.

Касатка наша!
Кто за царя не радъ бы умереть?
Но любимъ мы тебя не за него—
За разумъ твой! За ласковый обычай!
За тишину! За ангельскія очи!
Господь съ тобою!

Шумъ за дверьми. Входитъ стрѣлецкій голова.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Великій государь!
Народа мы не можемъ удержать!
Врываются насильно, голосятъ:
«Хотимъ царю Борису поклониться,
«Царя Бориса видѣть!»

БОРИСЪ.

Настежь двери!
Между народомъ русскимъ и царемъ
Преграды нѣтъ!

Толпа народа вваливается въ палату.

НАРОДЪ.

Отецъ родной! Поволь
Намъ свѣтлыя твои повидѣть очи!

БОРИСЪ.

Друзья мои, входите! Дорогіе
Вы гости мнѣ! Зови, царевна Ксенья,
Зови мірянъ къ почестному столу!

КСЕНІЯ—кланяясь.

Пожалуйте, міряне! Просимъ всѣхъ
Къ намъ нà-хлѣбъ нà-соль!

НАРОДЪ.

Матушка-царевна!
Дай на тебя полюбоваться! Очи
Порадовать!

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА—у дверей.

Назадъ! не будетъ мѣста!
И нищіе полѣзли!

БОРИСЪ.

Всѣмъ сегодня
Свободный входъ! Кто нищимъ вступитъ въ теремъ,
Имущимъ тотъ воротится домой!

Входитъ новая толпа.

НИЩІЕ.

Царь праведный! Царь милостивый! Воздай тебѣ
Христосъ Богъ съ Богородицей! Святая Троица со
Варварой мученицей! Кузьма со Демьяномъ!

БОРИСЪ.

Входите, божьи люди!—Вы-жъ, бояре,
Ведите всѣхъ къ почестному столу!

Сходя съ престола.

Царица и царевна—ты, Өеодоръ—
Гостей моихъ идите угощать!
Вино и медъ чтобы лились рѣками!
Идите всѣ—я слѣдую за вами!

Толпа народа, провожаемая боярами, идетъ во внутренніе покои. Царевичъ Өедоръ, царица, Ксенія и боярыни слѣдуютъ за ними. Палата остается пуста.

БОРИСЪ.

Свершилося! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ я
Держу бразды русійскія державы!
Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
Со слѣпотой, со слабостью, съ упорствомъ—
И побѣдилъ! Кто можетъ осудить
Меня теперь, что не прямой дорогой
Я къ цѣли шелъ? Кто упрекнетъ меня,
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?
Кто, вспомня Русь царя Ивана, нынѣ

Проклятіе за то бы мнѣ изрекъ,
Что для ея защиты и спасенья
Не пожалѣлъ ребенка я отдать
Единаго? Мнѣ на-душу не разъ
Ложилось камнемъ темное то дѣло,
И думалъ я: Что̀ если не достигну,
Чего хочу! Что̀ если грѣхъ тотъ даромъ
Я совершилъ? Но нѣтъ! Судьба меня
Не выдала! Я съ совѣстію счеты
Сегодня свелъ—и не боюсь поставить
Моихъ заслугъ и винностей итогъ!
Могу теперь идти стезею чистой!
Прочь отъ меня притворство и обманъ!
Чрезъ пропасти и смрадныя болота
Къ престолу днесь меня приведшій мостъ
Ломаю я! Разорвана отнынѣ
Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
Кромѣшной тьмы—сіяетъ солнце снова—
И держитъ скиптръ для правды и добра
Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова!

Келья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Клирошанка вводитъ Бориса. За нимъ входитъ Семенъ Годуновъ.

БОРИСЪ—къ клирошанкѣ.

Ты говоришь: царица на молитвѣ?
Не смѣть ее тревожить. Въ этой кельѣ
Мы подождемъ.

Клирошанка уходитъ.

Давно ли здѣсь, въ печали,
Съ сестрою я бесѣдовалъ вдвоемъ!

Смотритъ въ окно.

Вотъ теремъ тотъ, гдѣ я хотѣлъ провесть
Остатокъ дней! Судьба не такъ рѣшила:
Замѣсто рясы, плечи багряницей
Мнѣ облекла. Чу! Радостные крики,
Сюда насъ провожавшіе, опять
Послышались! Ты съ Шуйскимъ объѣзжалъ
Сейчасъ Москву. Чтó молвятъ? Всѣ-ль довольны?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Кому-жъ не быть довольнымъ, государь!
На перекресткахъ медъ и брага льются.
Все войско ты осыпалъ серебромъ;
Нѣтъ изъ бояръ ни одного, кому бы
Ты не послалъ иль блюда золотого,
Иль цѣнной шубы съ своего плеча;
Всѣхъ должниковъ ты выкупилъ изъ тюремъ—
Кому-жъ не быть довольнымъ? Только, царь,
Не въ гнѣвъ тебѣ: ты безъ разбора началъ
Всѣхъ жаловать: ни на кого опалы
Не наложилъ; и даже самыхъ тѣхъ,
Которые при Ѳедорѣ хотѣли
Тебя сгубить, ты наградилъ сегодня.
Такъ, государь, нельзя. Обидно то
Покажется твоимъ усерднымъ слугамъ,
Что со врагами въ милости своей
Ты смѣшиваешь ихъ!

БОРИСЪ.

Враговъ ужъ болѣ
Нѣтъ у меня. Прошла пора борьбы,
И безъ различья нынѣ изливаться
Должна на всѣхъ царя Русіи милость,
Какъ солнца свѣтъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И волю языкамъ
Ты всѣмъ даешь. Романовы доселѣ
Мутятъ бояръ!

БОРИСЪ.

Чтò говорятъ они?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Да тó же, чтó и прежде говорили:
Не дѣльно-молъ, при Ѳедорѣ, крестьянъ
Ты прикрѣпилъ; боярамъ недочетъ-де
Въ работникахъ; пустуютъ-де ихъ земли
Отъ той поры, какъ некого къ себѣ
Имъ сманивать!

БОРИСЪ.

Я жалобу ту знаю.
Дворяне мыслятъ какъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Въ огонь и въ воду
Готовы эти за тебя; не мало
Поправились съ тѣхъ поръ, какъ Юрьевъ день
Ты отмѣнилъ. А тоже бить челомъ
Сбираются тебѣ, что въ лѣсъ отъ нихъ
Бѣгутъ крестьяне.

БОРИСЪ.

Сами виноваты;
Сверхъ моготы съ нихъ требуютъ они;
Крестьяне не рабы, не въ кабалу
Я отдалъ ихъ. На дняхъ указъ объявятъ:
Чтò за какой надѣлъ кому нести.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Владѣльцы, царь, роптать начнутъ.

БОРИСЪ.

Пусть ропщутъ,
Всѣмъ угодить не властенъ человѣкъ;
И если цѣлой выгода земли
Въ ущербъ пришлася сторонѣ единой,
Ту сторону не въ правѣ я беречь.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Начни же, царь, съ Романовыхъ. Строптивъ
Ихъ больно родъ, Ѳеодоръ вотъ Никитичъ
Ведетъ такія рѣчи...

БОРИСЪ.

Онъ въ отца;
Не можетъ мысли утаить. Тѣмъ лучше!
Я не боюсь того, кто говоритъ
Что̀ думаетъ. Охотно я прощаю
Ихъ рѣчи тѣмъ, чьи у меня въ рукахъ
Теперь дѣла. Уже не нужно мнѣ
И день и ночь, безъ отдыха, какъ прежде,
За каждымъ словомъ каждаго слѣдить;
Къ инымъ теперь могу я начинаньямъ
Мысль обратить. Иванъ Васильичъ Третій
Русь отъ орды татарской свободилъ
И государству сильному начало
Поставилъ вновь. Но въ двѣсти лѣтъ насъ иго
Татарское отъ прочихъ христіанъ
Отрѣзало. Разорванную цѣпь
Я съ Западомъ связать намѣренъ снова:
Для Ксеніи изъ многихъ жениховъ

Не даромъ мною датскій королевичъ
Уже избра́нъ. Съ державами Европы
Земля должна, попрежнему, стать рядомъ,
А въ будущемъ ихъ, съ помощію Божьей,
Опередить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Ты смотришь вдаль, и царственной высоко
Ты мыслію царишь, а между тѣмъ
Вокругъ тебя не все идетъ такъ гладко,
Какъ кажется. Романовыхъ за рѣчи
Ихъ дерзкія ты трогать не велишь;
Но есть другой, опасливый на рѣчи,
На видъ покорный, преданный слуга,
Который врядъ ли милости твоей
Усердствуетъ въ душѣ: Василій Шуйскій.

БОРИСЪ.

Не мнишь ли ты, усердію его
Я вѣру далъ? Онъ служитъ мнѣ исправно
Затѣмъ, что знаетъ выгоду свою;
Я-жъ въ немъ цѣню не преданность, а разумъ.
Не можетъ царь по сердцу избирать
Окольныхъ слугъ, и по любви къ себѣ
Ихъ жаловать. Оказывать онъ ласку
Обязанъ тѣмъ, кто всѣхъ разумнѣй волю
Его вершитъ, быть къ каждому привѣтливъ
И милостивъ, и слѣпо никому
Не довѣрять.

КЛИРОШАНКА—докладываетъ.

Бояринъ князь Василій
Иванычъ Шуйскій.

БОРИСЪ.

Милости прошу.

Шуйскій входитъ.

Съ объѣзда ты заѣхалъ, князь Василій?
Чтò новаго?

ШУЙСКІЙ.

Да чтò, царь-государь,
Не знаю какъ тебѣ и доложить;
На Балчугѣ двухъ смердовъ захватили,
Во кружечномъ дворѣ. Они тебя
Передъ толпой негодными словами
Осмѣлилися поносить.

БОРИСЪ.

За чтò?

ШУЙСКІЙ.

За Юрьевъ день.

БОРИСЪ.

Чтò сдѣлала толпа?

ШУЙСКІЙ.

Накинулась на нихъ; чуть-чуть на клочья
Не разнесла; стрѣльцы едва отбили.

БОРИСЪ.

Гдѣ-жъ эти люди?

ШУЙСКІЙ.

Вкинуты пока
Обои въ яму.

БОРИСЪ.

Выпустить обоихъ!
Растолковать имъ, что на время только
Прикрѣплены они, затѣмъ, что всюду
Шаталися крестьяне, и скудѣла
Чрезъ то земля. Когда же пріобыкнутъ
Сидѣть на мѣстѣ, снимется запретъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Помилуй, царь!

ШУЙСКІЙ.

Помилуй, государь!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Дозволь пытать ихъ, государь! Должно быть,
Подъучены они; другіе могутъ
Найтись еще!

БОРИСЪ.

Не трогать никого.
Хотѣли-бъ вы, чтобъ омрачилъ я день
Вѣнчанья моего? День этотъ долженъ
Началомъ быть поры для царства новой;
Свѣтить Руси какъ утро долженъ онъ
И возвѣщать ей времена иныя
И рядъ благихъ, безоблачныхъ годовъ!

ШУЙСКІЙ.

Царь-государь, дозволь по-правдѣ молвить,
По простотѣ: вѣдь страху-то ни въ комъ
Не будетъ такъ!

БОРИСЪ.

Надѣюся не будетъ.
Не страхомъ я—любовію хочу

Держать людей. Прослыть боится слабымъ
Лишь тотъ, кто слабъ; а я силёнъ довольно,
Чтобъ не бояться милостивымъ быть.
Вернитеся къ народу, повѣстите
Прощенье всѣмъ—не только кто словами
Меня язвилъ; но кто виновенъ дѣломъ
Передо мной—хотя-бъ онъ умышлялъ
На жизнь мою, или мое здоровье!

Семенъ Годуновъ и Шуйскій уходятъ. Дверь отворяется. Двѣ инокини становятся по обѣ ея стороны. За ними входитъ царица Ирина, во иночествѣ Александра.

ИРИНА.

Прости меня, великій государь,
Я не ждала тебя сегодня. Въ церкви
Въ день твоего вѣнчанья за тебя
Молилась я.

Инокини уходятъ.

БОРИСЪ.

Царица и сестра!
По твоему, ты знаешь, настоянью,
Не безъ борьбы душевной, я рѣшился
Исполнить волю земскую, и царскій
Пріять вѣнецъ. Но разъ его пріявъ,
Почуялъ я, помазанный отъ Бога,
Что отъ Него-жъ и сила мнѣ дана
Владыкой быть, и что восторгъ народа
Вокругъ себя не даромъ слышу я.
Надеждой сердце полнится мое,
Спокойное довѣріе и бодрость
Вошли въ него—и ими подѣлиться
Оно съ тобою хочетъ!

ИРИНА.

Миръ тебѣ!

БОРИСЪ.

Да, миренъ духъ мой. Въ бармы я облекся
На тишину земли, на счастье всѣмъ;
Мой свѣтелъ путь, и какъ ночной туманъ
Лежитъ за мной пережитое время.
Отрадно мнѣ сознанье это, но
Еще полнѣй была-бъ моя отрада,
Когда-бъ изъ устъ твоихъ услышалъ я,
Что дѣлишь ты ее со мною!

ИРИНА.

Братъ,
Я радуюсь, что всей земли желанье
Исполнилъ ты. Я никого не знаю,
Опричь тебя, кто могъ вѣнецъ бы царскій
Достойно несть.

БОРИСЪ.

Въ годину тяжкихъ смутъ,
Когда, въ борьбѣ отчаянной съ врагами,
Я не щадилъ ихъ, часто ты за то
Меня винила. Но передъ собой
Одной Руси всегда величье видя,
Я шелъ впередъ, и не страшился всѣ
Преграды опрокинуть. Предъ одной
Въ сомнѣніи остановился я...
Но мысль о царствѣ одержала верхъ
Надъ колебаніемъ моимъ... Преграда
Та рушилась... Не произнесено
До дня сего о томъ межъ насъ ни слова.
Но съ той поры какъ будто бездны зѣвъ
Насъ раздѣлилъ. Въ то время, можетъ быть,
Ты не могла судить иначе, но
Сегодня я передъ тобой, Ирина,

Очистился. Ты слышишь эти клики?
Въ величіи, невиданномъ понынѣ,
Ликуетъ Русь. Ея дивится силѣ
И другъ и врагъ. Сегодня я оправданъ
Любовію народной и успѣхомъ
Моихъ заботъ о царствѣ. Я хотѣлъ бы
Услышать оправданіе мое
И отъ тебя, Ирина!

ИРИНА.

Оправданья
Ты ожидаешь, братъ? Въ тотъ страшный день,
Когда твой грѣхъ я сердцемъ отгадала,
Къ тебѣ глубокой жалости оно
Исполнилось. Я поняла тогда,
Что, схваченный неудержимой страстью,
Изъ собственной природы ею ты
Исхищенъ былъ. Противникамъ такъ часто
Желѣзную являя непреклонность,
Круша ихъ силу разумомъ своимъ,
Ты былъ дотоль согласенъ самъ съ собой.
Но здѣсь, Борисъ, нежданный, новый, страшный
Въ тебѣ раздоръ свершился. Высоту
Твоей души я вѣдала: твои
Я поняла страданья. Не холодность—
Нѣтъ, лишь боязнь твоей коснуться раны
Меня вдали держала отъ тебя.
Когда-бъ ты мнѣ открылся—утѣшеньемъ,
Любовію тебѣ-бъ я отвѣчала,
Не поздними упреками. Но ты
Молчалъ тогда—теперь же хочешь мною
Оправданъ быть? Братъ, я за каждымъ днемъ
Твоимъ слѣжу, моля всечасно Бога,
Чтобъ каждый день твой искупленьемъ былъ
Великаго, ужаснаго грѣха,

Неправды той, черезъ нее же нынѣ
Ты сталъ царемъ!

БОРИСЪ.

Отвороти свой взоръ
Отъ прошлаго. Широкая рѣка,
Несущая отъ края и до края
Судовъ громады, менѣе-ль свѣтла
Тѣмъ, что ея источники, быть можетъ,
Въ болотахъ дальнихъ кроются? Ирина,
Гляди впередъ! Гляди на свѣтлый путь
Передо мной! Что̀ въ совѣсти моей
Схоронено, что̀ для другихъ незримо—
Не можетъ то̀ мнѣ помѣшать на славу
Руси царить!

ИРИНА.

Цари на славу ей!
Будь окруженъ любовью и почетомъ!
Будь праведенъ въ неправости своей—
Но не моги простить себѣ! Не лги
Передъ собой! Пусть будетъ только жизнь
Запятнана твоя—но духъ безсмертный
Пусть будетъ чистъ—не провинись предъ нимъ!
Не захоти отъ мысли отдохнуть,
Что искупать своимъ ты каждымъ мигомъ,
Дыханьемъ каждымъ, біеньемъ каждымъ сердца,
Свой долженъ грѣхъ! И если изнеможешь
Подъ бременемъ тяжелымъ—въ эту келью
Тогда приди.

БОРИСЪ.

Твой приговоръ жестокъ.
Безвиннымъ я себя не мню. Безвиненъ

Не можетъ быть, кто съ жизнію ведетъ
Всегда борьбу, кто хоть какую цѣль
Передъ собой поставилъ; хоть какое
Желаніе въ груди несетъ. Въ ущербъ
Другому лишь желанья своего
Достигнетъ онъ! То мѣсто, гдѣ я сталъ,
Оно мое затѣмъ лишь, что другого
Я вытѣснилъ! Направъ передъ другими
Всякъ, кто живетъ! Вся разница межъ насъ:
Кто для чего неправъ бываетъ. Если,
Чтобъ тьмы людей счастливыми содѣлать.
Я бо́льшую неправость совершилъ,
Чѣмъ тотъ, который блага никакого
Имъ не принесъ—кто-жъ, онъ, иль я, виновнѣй
Предъ Господомъ? Ирина, отъ тебя
Мое принять пришелъ я оправданье—
Я жду его—тебѣ до дна я душу
Мою открылъ—еще ли не оправданъ
Я предъ тобой?

ИРИНА.

Все ту же на тебѣ
Я вижу тѣнь. Куда бы ни пошелъ ты,
Вездѣ, всегда, зловѣщая она
Идетъ съ тобой. Не властны мы уйти
Отъ прошлаго, Борисъ!

БОРИСЪ.

Постричься долженъ,
Кто мыслитъ такъ! Отъ дѣла отказаться!
Отшельникомъ въ пустыню отойти!
То не мое призваніе. Мой грѣхъ
Я сознаю; но вѣдаю, что имъ лишь
Русь велика! Оплакивать его

Я не могу! Мнѣ некогда крушиться!
Не подъ ярмомъ раскаянья согбенъ,
Но полный силъ, съ подъятою главою,
Идти впередъ я долженъ, чтобъ Руси
Путь расчищать! Прости, сестра. Кто правъ—
Ты, или я—то времени теченье
Покажетъ намъ. Злодѣйство-ль совершилъ,
Иль заплатилъ Руси величью дань я—
Рѣшитъ земля въ годину испытанья!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Покой во дворцѣ.

Царевичъ Өедоръ, царевна Ксенія и герцогъ Христіанъ Датскій.

ӨЕДОРЪ.

Вотъ ужъ который день, братъ Христіанъ,
Мы сходимся съ тѣхъ поръ, какъ ты помолвленъ
Со Ксеніей, и каждый разъ тебя,
Мнѣ кажется, мы оба больше любимъ,
Могли-бъ тебя мы слушать безъ конца,
Но ты доселѣ о родинѣ намъ только
Разсказывалъ своей—

КСЕНІЯ.

Да, королевичъ.
Пора, чтобъ ты намъ о себѣ повѣдалъ.
Уже давно спросить тебя хочу я:
Какъ выросъ ты? И какъ доселѣ жилъ?
И какъ во Фландріи сражался?

ӨЕДОРЪ.

Все,
Все разскажи намъ, Христіанъ. Мы стали

Теперь съ тобой родные; вмѣстѣ намъ
Пришлося жить, такъ надо знать другъ друга!

КСЕНІЯ.

Начни сначала. Дѣтство намъ свое
Сперва скажи!

ХРИСТІАНЪ.

Не сложная то повѣсть,
Царевна, будетъ: мой отецъ, король,
Со мной простясь, услалъ меня, ребенкомъ,
Изъ города въ норвежскій дальній за̀мокъ,
И указалъ тамъ жить—зачѣмъ? не знаю.
Мрачны картины первыхъ лѣтъ моихъ:
Среди тумановъ сѣверной природы,
Подъ шумъ валовъ и сосенъ вѣковыхъ,
Прошли мои младенческіе годы.
Мнѣ помнятся раскаты непогоды,
Громады горъ, что̀ къ небу вознеслись,
Съ гранитныхъ скалъ струящіяся воды,
И крутизна, гдѣ за̀мокъ нашъ повисъ.
Ребенкомъ тамъ, въ мечтаньи одинокомъ,
Прибою моря часто я внималъ,
Или слѣдилъ за нимъ веселымъ окомъ,
Когда въ грозу катилъ за валомъ валъ
И, разбиваясь о крутыя стѣны,
Отпрядывалъ потокомъ бѣлой пѣны.
И съ раннихъ поръ сказанья старины,
Морскихъ бойцовъ походы и сраженья,
Отважные мнѣ навѣвали сны,
И вдаль меня манили приключенья.
Въ одинъ покой случайно я проникъ,
Висѣли латы тамъ подъ слоемъ пыли,
А на столѣ лежало много книгъ—

Норвежскія то лѣтописи были.
Я сталъ читать—и ими, какъ огнемъ,
Охваченъ былъ сильнѣе съ каждымъ днёмъ!
И ярче все являлись мнѣ видѣнья:
Богатыри, и схватки, и сраженья.
Такъ время шло. Четырнадцати лѣтъ
Я призванъ былъ въ столицу. Новый совѣтъ
Открылся мнѣ. Я съ радостію дѣтской
Предался жизни суетной и свѣтской—
Но не надолго. Праздности моей
Стыдиться сталъ я скоро. Прежнихъ дней
Воскресли сны и прежнія видѣнья:
Все тѣ же сѣчи, схватки и сраженья.
И думалъ я: настанетъ ли тотъ день,
Когда мечта, которую съ любовью
Я все ловлю, какъ вѣющую тѣнь,
Одѣнется и плотію, и кровью?
И онъ насталъ. Вскипѣлъ великій бой,
Священный бой за вѣру и свободу:
Испаніи владыка всталъ войной,
Грозя цѣпями вольному народу.
Во Фландрію тогда Европы всей
Стекалися единовѣрныхъ рати—
И изъ тюрьмы я вырвался моей
На выручку преслѣдуемыхъ братій.

ѲЕДОРЪ.

Да, Христіанъ, мы слышали про то,
Какъ ты съ Испанцемъ бился подъ Остендомъ.
Счастливъ же ты! Тебѣ ужъ двадцать лѣтъ!
Ты могъ уже свои извѣдать силы,
Ты самъ себя на дѣлѣ испыталъ—
А я!

ХРИСТІАНЪ.

Тебѣ, царевичъ, суждена
Блистательнѣе доля. Ты стоишь
Близъ своего отца, чтобъ у него
Державою учиться управлять,
Какъ тѣ князья, которые отвсюду
Съѣзжалися въ испанскій станъ, учиться
У Спинолы, у пармскаго вождя,
Какъ управлять осадою.

ѲЕДОРЪ.

Ты правъ,
Отца примѣръ передъ собою видѣть—
Тѣ счастье для меня, и лучшей доли
Я-бъ не желалъ, какъ только научиться
Ему въ великомъ дѣлѣ помогать.
Но не легко дается та наука,
А празднымъ быть несносно. Ты-жъ успѣлъ
Узнать войну, ты отражалъ осаду,
Ты слышалъ пушекъ громъ, пищалей трескъ,
Вокругъ тебя летали ядра—

ХРИСТІАНЪ.

Да,
И я узналъ, что мужество и сила
Должны теперь искусству уступать;
Что не они уже рѣшаютъ битвы,
Какъ въ славныя былыя времена,
И грустно мнѣ то стало. Но меня
Поддерживала мысль, что я служу
Святому дѣлу.

КСЕНІЯ.

И за это мнѣ
Ты, королевичъ...

ѲЕДОРЪ.

Сразу полюбился!
Такъ, Ксенья?

КСЕНІЯ.

Такъ. Но я бы знать хотѣла,
Его спросить хотѣла-бъ я: какъ *онъ*
Чужую могъ заочно полюбить?

ХРИСТІАНЪ.

Легко мнѣ дать отвѣтъ тебѣ, царевна:
Ты не была чужая для меня!
Царя Бориса чтитъ весь міръ. Далеко
О немъ молва въ Европѣ разнеслась;
Кому-жъ его вблизи случалось видѣть,
Обвороженный, возвращался тотъ
На родину; но прославлялъ онъ столь же
Величіе правителя Русіи,
Сколь совершенства дочери его.
Кто-бъ ни былъ то, посланникъ, или плѣнный,
Или купецъ ганзейскій—ни одинъ
Не забывалъ царевну Ксенью славить,
Ея красу и умъ превозносить,
И неземную, ангельскую кротость.
Разсказы тѣ въ мою запали душу,
А дальній твой, несхожій съ нашимъ, край,
Все, что́ молва о немъ къ намъ приносила:
Разливы рѣкъ, безбрежныя степи,
Снѣга и льды, обычай, столь отличный
Отъ нашего; державы христіанской
Азійскій блескъ, съ преданьями отцовъ
Намъ общими—все это, какъ нарочно,
Набросило волшебный нѣкій свѣтъ
На образъ твой. Ты мнѣ предстала тою,

Съ кѣмъ связанъ я таинственной судьбою...
Тебя добыть не мыслилъ я тогда,
Но образъ твой свѣтилъ мнѣ какъ звѣзда,
Приковывалъ мои невольно взоры—
И въ шумѣ битвъ, въ пылу кипящихъ силъ,
Я, рыцаря заслуживая шпоры,
Тебѣ, царевна, мысленно служилъ!

ѲЕДОРЪ.

Братъ Христіанъ, какъ странно и какъ ново
Мнѣ рѣчь твоя звучитъ! Не думалъ я,
Чтобъ можно было полюбить кого,
Не знаючи, иль не видавъ. Но правда
Мнѣ слышится въ твоихъ словахъ, и вмѣстѣ
Въ нихъ будто что-то чуется родное;
И хорошо съ тобой мнѣ, Христіанъ,
Такъ хорошо, какъ будто послѣ долгой
Разлуки я на родину вернулся.
И Ксенья вотъ задумалась, смотри!

КСЕНІЯ.

Задумалась я вправду. Новый міръ
Ты, королевичъ, мнѣ открылъ. У насъ
Не любятъ такъ. У насъ отцы дѣтей
Посватаютъ, не спрашивая ихъ,
И безъ любви другъ къ другу подъ вѣнецъ
Они идутъ. Я, признаюсь, всегда
Дивилася тому.

ѲЕДОРЪ.

Обычай этотъ
Къ намъ отъ татаръ привился, а до нихъ
Вольна была невѣста жениха
Сама избрать.

ХРИСТІАНЪ.

Гаральдъ норвежскій нашъ
Дочь Ярослава русскаго посваталъ.
Но не былъ онъ въ ту пору знаменитъ
И получилъ отказъ отъ Ярославны.
Тогда, въ печали, бросился онъ въ сѣчи,
Въ Сициліи рубился много лѣтъ
И въ Африкѣ, и наконецъ вернулся
Въ градъ Кіевъ онъ, побѣдами богатъ
И несказанной славою, и Эльса
Гаральда полюбила.

ѲЕДОРЪ.

Да, въ то время
Стекалось въ Кіевъ много жениховъ,
Другая Ярославна за Индрика
Французскаго пошла, а третья дочь
За короля венгерскаго Андрея.
Всѣмъ тремъ отецъ далъ волю выбирать.
Тогда у насъ свободнѣй, Христіанъ,
И лучше было. Втѣпоры у нѣмцевъ
Былъ мракъ еще, а въ Кіевѣ считалось
Ужъ сорокъ школъ. Татары все сгубили.

ХРИСТІАНЪ.

Отецъ твой то̀, царевичъ, воскреситъ.
Вознаградитъ потерянное время!

КСЕНІЯ.

Да. Христіанъ. Но, вѣрь мнѣ, ты не знаешь
Еще отца! Доселѣ видѣлъ ты
Его дѣла: но еслибъ видѣть могъ ты
Его любовь къ землѣ, его заботу,
Его печаль о томъ, чего свершить

Онъ не успѣлъ, его негодованье
На тѣхъ людей, которые-бъ хотѣли
Опять идти по старому—и вмѣстѣ
Терпѣнье къ нимъ и милость безъ конца—
Тогда бы ты узналъ его!

ХРИСТІАНЪ.

Хотя бы
Его не зналъ я вовсе—и тогда
Онъ за любовь великую твою
Мнѣ-бъ дорогъ сталъ!

КСЕНІЯ.

Не потому его
Люблю я, Христіанъ, что онъ отецъ мнѣ,
Нѣтъ, я за то люблю его, что онъ
Такъ мало мыслитъ о себѣ!

ѲЕДОРЪ.

То правда;
Лишь объ одной землѣ его забота:
Татарщину у насъ онъ вывесть хочетъ,
Въ родное хочетъ насъ вернуть русло,
Подумаешь: и сами вѣдь породой
Мы хвастаться не можемъ; отъ татаръ вѣдь
Начало мы ведемъ!

ХРИСТІАНЪ.

Но двѣсти лѣтъ
Вы русскіе. Татарской крови мало
Осталось въ васъ.

ѲЕДОРЪ.

Ни капли не осталось!
И врядъ ли бы нашелся на Руси,

Кто-бъ ненавидѣлъ болѣе татаръ,
Чѣмъ мы съ отцомъ.

ХРИСТІАНЪ.

Они наврядъ ли также
Царя Бориса любятъ съ той поры,
Какъ онъ разбилъ, при Ѳедорѣ, ихъ силу!

ѲЕДОРЪ.

Вѣдь вотъ теперь сидимъ мы здѣсь втроемъ
И говоримъ свободно, а въ народѣ
Вѣдь думаютъ, что Ксеньи и доселѣ
Ты не видалъ, что ты ее увидишь
Лишь подъ вѣнцомъ! А вмѣстѣ показаться
И думать вамъ нельзя—того обычай,
Вишь, не велитъ! Хотѣлось бы мнѣ знать,
Когда она не пряталась, пока
Невѣстой не была, зачѣмъ теперь
Ей прятаться?

КСЕНІЯ.

Нельзя, сказалъ отецъ,
Все разомъ передѣлать; глубоко
Пустилъ у насъ чужой обычай корни
И медленно выводится.

ѲЕДОРЪ.

Къ прискорбью!
И матушка вотъ слѣдуетъ ему.
Ей нелюбо, что видѣться дозволилъ
Вамъ двумъ отецъ. Она бы подъ замкомъ
Тебя держать хотѣла!

КСЕНІЯ.

Не вини
Ты нашу мать за это, королевичъ.

Не всякому дано такъ ясно видѣть,
Какъ батюшкѣ.

ѲЕДОРЪ.

Не то одно. Что́ грѣхъ
Ужъ намъ таить! Еще за то косится
На Христіана наша мать, что онъ
Не нашей вѣры.

КСЕНІЯ—къ Христіану.

Но вѣдь нашу вѣру,
Не правда-ль, примешь ты?

ХРИСТІАНЪ.

Не торопи
Меня, царевна. Въ этомъ Богъ волёнъ,
Учителей я вашихъ обѣщалъ
Съ благоговѣньемъ выслушать, но только
По убѣжденью откажусь отъ вѣры
Моихъ отцовъ.

КСЕНІЯ.

Тогда спокойна я.
Не можешь, королевичъ, не принять
Ты нашей вѣры. Безъ грѣха могу я
Тебя любить.

ѲЕДОРЪ.

А я ужъ и подавно!
Дадимъ же мы втроемъ обѣтъ другъ другу
Любить другъ друга, помогать другъ другу,
Не мыслить врозь и вмѣстѣ жить всегда!
Ты, Ксенія, согласна?

КСЕНІЯ.

Всей душой!

ѲЕДОРЪ.

Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

И сердцемъ и душою!

ѲЕДОРЪ.

Но втайнѣ пусть союзъ нашъ остается!
Тѣмъ крѣпче будетъ онъ. Подумай только,
Чего не сможемъ сдѣлать мы втроемъ!
Ты насъ учи всему, чѣмъ превосходна
Твоя земля, а мы со Ксеньей будемъ
Тебя знакомить съ Русью!

ХРИСТІАНЪ.

Дай мнѣ Богъ
Ей вмѣстѣ съ вами послужить!

ѲЕДОРЪ.

Втроемъ
Мы воскресимъ то время, о которомъ
Въ старинныхъ книгахъ ты читалъ, когда
Такъ близки были наши дѣды. Боже!
Продли отцу его надолго дни,
Чтобъ Русью стала снова Русь!

КСЕНІЯ.

Господь
Услышь тебя, Ѳеодоръ.

СТОЛЬНИКЪ—отворяя дверь.

Царь идетъ!

БОРИСЪ—входя.

Я перервалъ вашъ, дѣти, разговоръ.
Вы горячо о чемъ-то толковали.
Что̀, Христіанъ? Успѣлъ ты на Руси
Обжиться съ нами?

ѲЕДОРЪ.

Да, отецъ! Онъ русскій!
И русскій онъ обычай перенялъ:
Онъ на пути къ Москвѣ, себѣ въ забаву,
Смирялъ неѣзженныхъ коней!

БОРИСЪ.

Намъ Власьевъ
И Салтыковъ такъ донесли. Ты любишь
Искать вездѣ опасность, Христіанъ,
То укрощать коней, то по волнамъ
Ладьею править въ бурю?

ХРИСТІАНЪ.

Государь,
Я датчанинъ. Намъ, какъ и русскимъ, любо,
Когда не трубитъ бранная труба,
Извѣдывать умѣнье, или силу
Надъ чѣмъ пришлось.

БОРИСЪ.

Но Ксеніи моей
Твоя отвага даровая можетъ
Не пó-сердцу придтись.

ХРИСТІАНЪ.

Царевна Ксенья!
Скажи сама, по-правдѣ: жениха
Ты робкаго могла ли-бъ полюбить?

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, королевичъ.

БОРИСЪ.

Если бы у насъ
Была война, тогда бы, Христіанъ,
Ты удаль могъ свою намъ показать!

ХРИСТІАНЪ.

О, помяни-жъ ты это слово, царь!
И если кто войну тебѣ объявитъ,
Дай русскую вести мнѣ рать! Клянусь.
Я побѣдить враговъ твоихъ съумѣю,
Иль умереть, отецъ мой, за тебя!

ѲЕДОРЪ.

А мнѣ, отецъ, дозволь идти съ нимъ вмѣстѣ!
Обоимъ намъ дай кровью послужить
Родной землѣ!

БОРИСЪ.

Любезенъ мнѣ вашъ пылъ
И ваша доблесть, юноши, но Русь
Ограждена отъ войнъ теперь надолго.
Не чаемъ мы вторженія враговъ;
Сосѣднія наперерывъ державы
Намъ предлагаютъ дружбу и союзъ;
Совмѣстниковъ на царство мы не знаемъ;
Незыблемъ нашъ и твердъ стоитъ престолъ—
И мирными придется вамъ дѣлами
Довольнымъ быть.

СТОЛЬНИКЪ—входитъ.

Великій государь—
Бояринъ Годуновъ, Семенъ Никитичъ!

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

ѲЕДОРЪ.

Пойдемъ, братъ Христіанъ,
Пойдемъ, сестра. У батюшки дѣла!

Всѣ трое уходятъ. Входитъ Семенъ Годуновъ.

БОРИСЪ—смотритъ на него съ удивленіемъ.

Что́ сталося съ тобой? Чѣмъ такъ, Никитичъ,
Встревоженъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Есть чѣмъ тревожиться! Возникнулъ слухъ:
Царевичъ живъ!

БОРИСЪ.

Живъ—кто?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Царевичъ Дмитрій!

БОРИСЪ.

Съ ума ты, что-ль, сошелъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И самъ бы радъ
Такъ думать, царь; но съ разныхъ къ намъ сторонъ
Все та же вѣсть приходитъ: живъ Димитрій!

БОРИСЪ.

Кто слышалъ эту вѣсть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

На площадяхъ,
Въ корчмахъ, вездѣ, гдѣ только два иль три
Сойдутся человѣка, тотчасъ шепчутъ
Они о томъ промежъ себя.

БОРИСЪ.

И что-жъ
По-ихнему? Какъ тотъ царевичъ Дмитрій
Воскреснуть могъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Все та же басня, царь!

БОРИСЪ.

Какая басня? Говори!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ты помнишь—
Когда, падучимъ схваченный недугомъ,
Упалъ на ножъ и закололся онъ—
Ты помнишь...

БОРИСЪ.

Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нагіе оболгали
Тебя, что будто...

БОРИСЪ.

Помню басню ихъ.
Ну, что-жъ? Когда бъ и вправду такъ случилось,
Какъ могъ воскреснуть онъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Убійцы, молъ,
Ошиблися—зарѣзали другого.

БОРИСЪ—вставая.

Кто смѣетъ это говорить? Его
Весь Угличъ мертвымъ видѣлъ! Ошибиться
Не могъ никто! Клешнинъ и Шуйскій, оба
Его въ соборѣ видѣли! Нѣтъ, нѣтъ,
То слухъ пустой: разсѣется онъ скоро,
Какъ вѣтромъ дымъ. Но злостный на меня
Я вижу умыселъ. Опять въ томъ дѣлѣ
Меня винятъ. Забытую ту ложь
Изъ пыли кто-то выкопалъ, чтобъ ею
Ко мнѣ любовь Русіи подорвать!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Романовы Черкасскихъ угощали
Вчерашній день. За ужиномъ у нихъ
Шла рѣчь о томъ же. Слуги донесли.

БОРИСЪ.

Романовы? Которыхъ я щадилъ?
Они молву ту распускаютъ? Нѣтъ—
Нѣтъ, этого терпѣть нельзя!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Давно бы
Такъ, государь!

БОРИСЪ.

Не будемъ торопиться—
Ихъ чтитъ народъ—

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Лишь развяжи мнѣ руки!

БОРИСЪ—про себя.

Преступникомъ въ глазахъ народа царь
Не можетъ быть... Чистъ и безгрѣшенъ долженъ
Являться онъ, чтобы не только воля
Вершилася его безъ препинанья,
Но чтобъ въ сердцахъ послушныхъ какъ святыня
Она жила!

Къ Семену Годунову.

Съ Романовыми я
Повременю. Но если кто въ народѣ
Дерзнетъ о слухѣ томъ лишь заикнуться—
Въ тюрьму его! Ступай, развѣдай, какъ
И кѣмъ тотъ слухъ посѣянъ на Москвѣ?
До корня докопайся—и о всемъ
Мнѣ донеси!

Семенъ Годуновъ уходитъ.

БОРИСЪ—одинъ.

Нѣтъ, этого нельзя,
Нельзя терпѣть! Хоть я не царь Иванъ.
Но я не Ѳедоръ также. Противъ воли
Пришлось быть строгимъ. Человѣкъ не властенъ
Идти всегда избраннымъ имъ путемъ.
Не можемъ мы предвидѣть, что́ съ дороги
Отклонитъ насъ. Рѣшился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мнѣ невозможно ею—
Имъ гнѣвъ явить и кару я съумѣю!

Покой царицы Маріи Григорьевны.

Царица и дьякъ Власьевъ.

ЦАРИЦА.

Скажи мнѣ все; не бойся молвить правду,
Твои слова не выйдутъ изъ покоя
Изъ этого. Когда ты съ Салтыковымъ
Былъ въ датскую посыланъ землю сватомъ,
Что̀ ты узналъ о женихѣ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всѣ вѣсти
О немъ я, матушка царица, прямо,
Какъ слышалъ, такъ и отписалъ къ царю,
Не утаилъ ни слова.

ЦАРИЦА.

Не хитри
Со мной, голубчикъ. Ты, чай, болѣ знаешь,
Чѣмъ отписалъ. Зачѣмъ король покойный
Услалъ его ребенкомъ отъ себя?

ВЛАСЬЕВЪ.

Не вѣдаю, великая царица.

ЦАРИЦА.

Я вѣдаю. Король не почиталъ
Его за сына. Такъ ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Видитъ Богъ,
О томъ не знаю.

ЦАРИЦА.

Аѳанасій Власьичъ,
Тебѣ со мной ломаться не разсчетъ,
Ты думный дьякъ, да только вѣдь и мы
Не изъ простыхъ. Инымъ словечкомъ нашимъ
Тебѣ не слѣдъ бы брезгать. Въ гору можетъ
Оно поднять, да и съ горы содвинуть!
Ну, говори-жъ, да не утай, дружокъ:
Вѣдь до рожденья этого Хрестьяна
Въ совѣтѣ быть король ужъ пересталъ
Съ своею королевой?

ВЛАСЬЕВЪ.

Были толки.

ЦАРИЦА.

Ну, видишь ли!

ВЛАСЬЕВЪ.

Великая царица,
Гдѣ-жъ толковъ не бываетъ? Мало-ль что̀
Болтаетъ людъ! По смерти королевы,
Король вернулъ его къ себѣ; и жилъ же
Онъ при дворѣ съ своимъ со старшимъ братомъ,
Какъ королевскій сынъ!

ЦАРИЦА.

Не заурядъ ли?
И старшій братъ, теперешній король,
Кажись, не больно жаловалъ его.
Такъ, что ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всяко люди говорятъ;
Языкъ-то, благо, безъ костей. Не знаю

Какъ было прежде; нонѣ же они
Въ согласіи; король его зоветъ
Своимъ любезнымъ братомъ.

ЦАРИЦА.

А когда
Захочетъ царь, какъ онъ уже задумалъ,
Его эстонскимъ сдѣлать королемъ,
Тогда его какъ братецъ будетъ звать?
Дороже, чай, Эстонская земля
Ему родства покажется съ царемъ!
Найдутся и улики. Ксенья-жъ наша
Очутится за нѣкимъ басурманомъ
Безъ племени и роду!

ВЛАСЬЕВЪ.

Эхъ, царица!
Бояться волка—не ходить и въ лѣсъ!
Чтò толковать, когда царевна Ксенья
Помолвлена!

ЦАРИЦА.

Помолвка не вѣнецъ.
Когда бы ты, голубчикъ, согласился
Сказать царю, чтò мнѣ ты повѣстилъ...

ВЛАСЬЕВЪ.

Побойся Бога, матушка царица,
Я ничего не говорилъ тебѣ!

ЦАРИЦА.

Ну, ну, добро! Мы знаемъ то, чтò знаемъ;
Ступай, дружокъ, не бойся ничего!

Власьевъ уходитъ.

ЦАРИЦА—обращаясь къ двери.

Дементьевна!

ДЕМЕНТЬЕВНА—входя.

Здѣсь, матушка царица!

ЦАРИЦА.

Ну, что̀ ты тамъ про нихъ узнала?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Встали
Ранёхонько; на Воробьевы горы
Поѣхали; съ царевичемъ женихъ
Все ѣхалъ рядомъ; много говорили
Промежъ собой, смѣялись; потомъ
Скакались вмѣстѣ: обскакалъ женихъ
Царевича; но этотъ ничего,
Самъ будто радъ; души, вишь, въ нареченномъ
Не чаетъ зятѣ!

ЦАРИЦА.

Съ толку вовсе нѣмчинъ
Его ужъ сбилъ.

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Вернулися къ закускѣ;
Откушавши съ царевною втроемъ,
Въ покоѣ царскомъ вмѣстѣ оставались.
Какъ царь поволилъ!

ЦАРИЦА.

Новые порядки
Заводитъ царь. Онъ съ ними, что-ль, сидѣлъ?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Нѣтъ, матушка; спустя часокъ, изволилъ
Войти въ покой; пришелъ Семенъ Никитичъ,

Они-жъ ушли: царевичъ съ женихомъ,
Царевна во свѣтлицу.

ЦАРИЦА.

А часокъ
Таки-сидѣли вмѣстѣ? Ну, конечно,
Коль выдаютъ за нѣмчина ее,
Такъ и обычай надо ей нѣмецкій
Перенимать. Чтó слышала еще?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Боярыня вернулась Василиса
Изъ Кіева. Твои повидѣть очи
Ждетъ позволенья.

ЦАРИЦА.

Милости прошу,
Пускай войдетъ.

Дементьевна уходитъ. Входитъ Волохова и кланяется въ землю.

Здорово, Василиса!
Вернулась съ богомолья своего?
Ну, чтò, голубушка? Какъ можешь?

ВОЛОХОВА.

Терпитъ
Господь грѣхамъ, великая царица!

ЦАРИЦА.

Что-жъ? Видѣла Печерскую ты лавру?
Чай, хорошо?

ВОЛОХОВА.

Охъ, матушка царица,
Какъ хорошо! Охъ, охъ, какъ хорошо!

Просвирку вотъ тамъ вынула во здравье
Твое, царица; а вотъ эту вотъ
За упокой родителя твого,
Григорія Лукьяныча!

ЦАРИЦА.

Спасибо,
Голубушка. Ну, что̀ путемъ-дорогой
Узнала ты?

ВОЛОХОВА.

Чудесное настало,
Царица, время. Знаменье являетъ
Вездѣ Господь: всходили три луны
Намедни въ разъ; теленкомъ двухголовымъ
Корова отелилась; колокольни
Отъ вѣтра падаютъ. И все то̀ мнѣ
Печерскій нѣкій старецъ толковалъ:
Великія настанутъ перемѣны
И скоро-де совсѣмъ не будетъ можно
Узнать Руси!

ЦАРИЦА.

Да. И теперь ее,
Пожалуй, не узнаешь. Чай, слыхала?
Посватали царевну!

ВОЛОХОВА.

Какъ не слыхать!
Отъ радости, повѣришь ли, царица,
И ноги подкосились.

ЦАРИЦА.

Ну, немного
Тутъ радости.

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка?

ЦАРИЦА.

Да развѣ
Своихъ князей-то нé-было? Не то,
Въ Литвѣ князей довольно православныхъ!
Чай каждый радъ бы выѣхать къ царю,
Аксиньюшку посватать!

ВОЛОХОВА.

А еще бы!
Еще-бъ не радъ!

ЦАРИЦА.

Чѣмъ нѣмчина Богъ вѣсть
Отколь выписывать.

ВОЛОХОВА.

Ахъ, свѣтъ-царица!
Сказать ли правду! Какъ узнала я,
Что нѣмчинъ онъ, такъ и кольнуло въ сердце!
Ей Богу, право!

ЦАРИЦА.

Слушай, Василиса:
Вѣдь не спроста оно могло случиться!

ВОЛОХОВА.

А именно, что не спроста, царица!
Не съ вѣтру, матушка!

ЦАРИЦА.

Онъ, окаянный,
Приворожилъ царевну. И царя

Съ царевичемъ, должно быть, обошелъ.
Я Өедора не узнаю съ тѣхъ поръ,
Какъ на Москву женихъ пріѣхалъ. Смотритъ
Ему въ глаза и только!

ВОЛОХОВА.

Право дѣло,
Царица матушка! Вѣстимо такъ!
Признаться, я о томъ лишь услыхала,
И говорю: Владычица святая!
Тутъ приворотъ!

ЦАРИЦА.

А какъ по-твоему?
Помочь нельзя?

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка царица,
Какъ не помочь! Развѣдать только надо:
Въ чемъ сила-то его? Да эту силу
И сокрушить. Слѣдокъ его, царица,
Дай вынуть мнѣ и погадать на немъ.

ЦАРИЦА.

Ну, а потомъ?

ВОЛОХОВА.

Потомъ его и силу
Мы сокрушимъ. Есть корешокъ такой.

ЦАРИЦА.

Спасибо, мать. Прости-жъ теперь. Объ этомъ
Съ тобою послѣ потолкуемъ мы.

Волохова уходитъ.

ЦАРИЦА—одна.

Спесивъ ужъ больно сталъ со мной Борисъ
Ѳеодорычъ. Дочь вздумалъ, не спросясь
У матери, за басурмана выдать!
Нѣтъ, погоди! Еще поспоримъ вмѣстѣ!

Лѣсъ. Разбойничій станъ.

Атаманъ Хлопко-Косолапъ сидитъ на колодѣ. Передъ нимъ есаулъ Рѣшето. Другіе разбойники стоятъ или сидятъ отдѣльными кружками.

ХЛОПКО.

Хорошъ бы день, да некого бить. Кто сегодня на калужской за̀сѣкѣ?

РѢШЕТО.

Саранча съ десятью молодцами.

ХЛОПКО.

А у Краснаго столба?

РѢШЕТО.

Шестоперъ съ Поддубнымъ. Митька сидитъ около московской дороги.

ХЛОПКО.

Одинъ, что̀ ли?

РѢШЕТО.

Кого ему еще? Онъ и одинъ десятерыхъ сто́итъ!

Подходитъ есаулъ Наковальня.

НАКОВАЛЬНЯ.

Атаманъ! Обходчики еще пять человѣкъ крестьянъ привели; къ тебѣ просятся. Вотъ ужъ третья артель на этой недѣлѣ.

ХЛОПКО.

Экъ ихъ подваливаетъ! Кажиный день новые! Давай сюда.

Наковальня уходитъ.

ХЛОПКО — къ Рѣшету.

А повѣсили тѣхъ молодцовъ, что къ намъ воевода вчера подослалъ?

РѢШЕТО.

Чѣмъ свѣтъ обоихъ вздернули.

ХЛОПКО.

Ладно.

Наковальня возвращается съ пятью крестьянами. Они кланяются Хлопку въ поясъ.

ГОЛОСА.

Въ ноги! Въ ноги!

Крестьяне кланяются въ ноги.

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришли?

КРЕСТЬЯНЕ.

Къ твоей милости!

ХЛОПКО.

Чего просите?

ОДИНЪ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Защити, отецъ родной. Отъ вотчинниковъ своихъ утекли. Хотимъ служить тебѣ вольными людьми!

ХЛОПКО.

Что̀, солоно, чай, на привязи пришлось?

ДРУГОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не въ моготу, родимый. Работы ну-тебѣ, а уходить не смѣй. Напредъ того, бывало, не́любо тебѣ у кого—иди куда хошь! Который вотчинникъ будетъ пощедливѣй, къ тому и иди! А нонѣ, каковъ ни будь, гдѣ тебя указъ тотъ засталъ, тамъ и сиди; хошь волкомъ вой, а сиди.

ХЛОПКО.

Спасибо царю: о насъ постарался; нашего полку прибыло.

ВСѢ КРЕСТЬЯНЕ.

Защити, отецъ! прими къ себѣ!

ХЛОПКО.

Много васъ приходитъ; да такъ ужъ быть, приму. А уговоръ такой: что̀ прикажу—то, не разговаривая, дѣлать. А кто что̀ не такъ—одна расправа, петля на шею. Согласны?

КРЕСТЬЯНЕ.

Согласны, батюшка! Будемъ служить тебѣ!

ХЛОПКО.

Ну, ступайте въ курень!

Крестьяне уходятъ. Является посадскій.

ПОСАДСКІЙ.

Кто здѣсь Хлопко?

РАЗБОЙНИКИ.

Этотъ откуда выскочилъ?—Кто онъ такой? Съ неба свалился?—Да ты знаешь ли куда попалъ? Смотри, и шапки не ломаетъ!

ПОСАДСКІЙ.

Глухи вы, что ли? Гдѣ атаманъ вашъ?

ОДИНЪ РАЗБОЙНИКЪ.

Вишь, какой шустрый! Да ты развѣ о двухъ головахъ?

ПОСАДСКІЙ.

А вы, чай, съ придурью? Да я и безъ васъ найду его.

Осматривается и идетъ прямо на атамана.

Ты Хлопко-Косолапъ!

ХЛОПКО.

Косолапъ и есть. Не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ. Побываешь въ моихъ лапахъ—узнаешь меня!

ПОСАДСКІЙ.

Хаживали на медвѣдя, не въ диковину намъ.

Ропотъ.

А коли ты атаманъ, такъ чего смотришь? За полъ-версты отсель меня съ двумя товарищами остановилъ тюлень какой-то, здоровѣе тебя будетъ. Я ему толкую: мы къ тебѣ, а онъ, увалень, не говоря ни слова, сгребъ ихъ двухъ да и потащилъ.

РАЗБОЙНИКИ.

Ха, ха, ха! Да это они на Митьку наткнулись!

ПОСАДСКІЙ.

Я бы разбилъ ему черепъ, да съ тобой ссориться не хотѣлъ.

ХЛОПКО.

Эй, милый человѣкъ! Да ты, я вижу, безъ чиновъ!

ПОСАДСКІЙ.

Не въ моемъ обычаѣ.

ХЛОПКО.

А вотъ я тебя, душа моя, сперва на сукъ вздерну, а потомъ спрошу объ имени-прозвищѣ.

ПОСАДСКІЙ.

Ну, нѣтъ, шутишь. Раздумаешь вздернуть!

ХЛОПКО.

Да кто-жъ ты такой?

ПОСАДСКІЙ.

Сперва пошли свободить товарищей. а пока дай горло промочить.

Къ разбойникамъ.

Эй! вина!

Садится рядомъ съ Хлопкомъ.

Я къ тебѣ за дѣломъ, дядя; ты нуженъ мнѣ. Какъ потвоему, кто у насъ царь на Руси?

ХЛОПКО.

Да ты и вправду не шутишь ли со мной?

ПОСАДСКІЙ.

Я не шучу. А ты не отлынивай; говори: кто царь на Руси?

ХЛОПКО.

Какъ кто? Борисъ Ѳедорычъ!

ПОСАДСКІЙ.

Неправда! Не отгадалъ! Дмитрій Иванычъ!

ХЛОПКО.

Какой, шутъ, Дмитрій Иванычъ?

ПОСАДСКІЙ.

Да развѣ ихъ два? Вѣстимо какой! Сынъ царя Ивана! Тотъ, кого воръ Годуновъ хотѣлъ извести, да не извелъ! Тотъ, кто собираетъ рать удальцовъ на Москву вернуться, свой отцовскій столъ завоевать! Не вѣришь? Я отъ него къ тебѣ присланъ. Онъ жалѣетъ васъ, зоветъ тебя, со всѣми людьми, къ литовскому рубежу!

Разбойники столпляются вокругъ Посадскаго.

ГОВОРЪ.

Слышь, слышь! Царевичъ зоветъ! Не даромъ шла молва, что живъ царевичъ!

ХЛОПКО.

Молву-то мы знаемъ, да кто-жъ мнѣ порукой, что этотъ къ намъ не подосланъ?

ПОСАДСКІЙ.

Какой тебѣ поруки? Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, услышишь о Дмитріи. Чѣмъ тебѣ здѣсь отъ Борисовыхъ воеводъ отстрѣливаться, иди ко Брянску лѣсными путями, становись подъ царскій стягъ! Великій государь пожалуетъ тебя; у него съ тобой одинъ супостатъ—воръ Годуновъ!

ХЛОПКО.

А, чортъ возьми, пожалуй и правда!

Шумъ за сценой. Является Митька, таща за шиворотъ одной рукой Михаила Повадина, другой Григорія Отрепьева.

РАЗБОЙНИКИ.

Вотъ онъ и Митька! Ай-да Митька! Ай-да тюлень! Тащи, тащи! Не давай имъ упираться! Тащи ихъ сюда! посмотримъ что̀ они за люди!

МИТЬКА—подтащивъ обоихъ къ Хлопку.

Пущать, что ли?

ХЛОПКО.

Погоди пущать; допросимъ ихъ сперва. Кто вы такіе? Ты кто?

МИСАИЛЪ.

Смиренный инокъ Мисаилъ!

ХЛОПКО.

А ты?

ГРИГОРІЙ.

Смиренный инокъ Григорій!

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришли?

МИСАИЛЪ.

Не сами пришли, пресвѣтлый и многославный воевода! Влекомы есмы силою хищника сего!

ХЛОПКО.

Да въ лѣсъ-то мой какъ вы попали?

ГРИГОРІЙ.

Отъ немощи человѣческія плотскими боримые похоти, изъ монастыря пречестнаго Чуда, чтó на Москвѣ-рѣцѣ, бѣжахомъ!

МИСАИЛЪ.

А простыми словами: изъ-подъ начала ушли; яви намъ милость, повелитель, дай у себя пристанище!

ХЛОПКО.

Биться дубинами умѣете?

МИСАИЛЪ.

Не сподобилъ Господь.

ХЛОПКО.

А на кулакахъ деретесь?

ГРИГОРІЙ.

И сей не вразумлены мудрости.

ХЛОПКО.

Такъ на кой вы мнѣ прахъ?

МИСАИЛЪ.

Пріими насъ, славный витязь, душеспасенія ради!

ГРИГОРІЙ.

Насыти насъ, гладныхъ, паче же утоли жажду нашу сокомъ гроздія винограднаго, сирѣчь: вели пѣннику поднести!

ХЛОПКО.

Пѣннику вамъ поднесутъ; только у меня такой обычай: кого къ себѣ примаю, тотъ сперва долженъ свою удаль показать. Выходите оба съ Митькой на кулачки. Коли вдвоемъ побьете его, будетъ вамъ и пристанище.

Хохотъ между разбойниками.

МИТЬКА.

Пущать, что ли?

ХЛОПКО.

Пущай!

МИСАИЛЪ.

Умилосердись, повелитель!

ГРИГОРІЙ.

Не обреки, воевода, членовъ нашихъ сокрушенію!

ХЛОПКО.

Да развѣ онъ одинъ вамъ двоимъ не подъ-силу?

МИСАИЛЪ.

Свирѣпъ и страховиденъ!

ГРИГОРІЙ.

Дикообразенъ и скотоподобенъ!

ПОСАДСКІЙ—вставая.

Оставь ихъ, дядя Косолапъ! Гдѣ инокамъ смиреннымъ кулачиться? Вотъ я, пожалуй, выйду замѣсто ихъ!

ХЛОПКО.

Ты?

ПОСАДСКІЙ.

Ну, да, я.

ХЛОПКО.

На Митьку?

ПОСАДСКІЙ.

На Митьку, коли онъ Митька.

ХЛОПКО.

Одинъ?

ПОСАДСКІЙ.

А то какъ же еще?

ХЛОПКО.

Да ты знаешь ли Митьку? Вѣдь коли ты подосланъ, я успѣю повѣсить тебя, а коли ты вправду отъ царевича, такъ не слѣдъ тебѣ убиту быть.

ПОСАДСКІЙ.

За меня не бойся!

ХЛОПКО.

Ой-ли? Ну, какъ знаешь, посмотримъ. Становись, Митька!

МИТЬКА.

Чаво становиться-то?

ХЛОПКО.

Ну, собачій попъ, не разговаривай, становись!

ПОСАДСКІЙ.

Помѣряемся, тёзка! Побей меня.

МИТЬКА.

А что̀ ты мнѣ сдѣлалъ?

ПОСАДСКІЙ.

Такъ тебѣ надо что̀ сдѣлать сперва? Изволь!

(Сшибаетъ съ него шапку.

МИТЬКА.

Что́-жъ ты это?

ПОСАДСКІЙ.

Мало съ тебя?

Толкаетъ его въ бокъ.

МИТЬКА.

Не замай—тресну!

ПОСАДСКІЙ.

А я тебя!

МИТЬКА.

А ну, подойди!

Разбойники хохочутъ. Бой зачинается. Митька и посадскій, ставъ другъ противъ друга, ходятъ кругомъ, лѣвая рука на тычку, правая на маху. Мисаилъ и Григорій садятся на землю и смотрятъ.

ПОСАДСКІЙ.

Что-жъ не бьешь?

МИТЬКА.

А вотъ постой!

Хочетъ ударить посадскаго; тотъ увертывается и бьетъ его въ плечо.

МИСАИЛЪ.

Эхъ!

ГРИГОРІЙ.

Разъ!

Разбойники хохочутъ.

МИТЬКА.

Ты чаво вертишься?

ПОСАДСКІЙ.

Не буду, тёзка. Изловчись. я подожду.

МИТЬКА—размахнувшись.

Такъ нá-жъ тебѣ!

Бьетъ сплеча. Посадскій сторонится. Митька, сразмаху, падаетъ о-земь.

ПОСАДСКІЙ—притиснувъ его колѣномъ.

Убить, аль жива оставить?

РАЗБОЙНИКИ.

Ай-да, молодецъ! — Вотъ лихо было! — Невиданное дѣло! — Митьку осѣдлалъ!

ПОСАДСКІЙ—отпуская Митьку.

Кого люблю, того и бью. Вставай, тёзка, помиримся! Приходи въ Сѣверскую землю, подъ царскій стягъ! Царевичъ Дмитрій пожалуетъ тебя!

ХЛОПКО.

Такъ ты, что ли, вправду отъ царевича? Побожись!

ПОСАДСКІЙ.

Какъ Богъ святъ, самъ Дмитрій зоветъ васъ! Много-ль у тебя бѣглыхъ крестьянъ, дядя Косолапъ?

ХЛОПКО.

Довольно есть, да мнѣ все не вѣрится...

ПОСАДСКІЙ—къ толпѣ.

Православные! Когда сядетъ Дмитрій на свой отцовскій столъ, всѣмъ Юрьвъ день отдастъ, всѣ кабалы порѣшитъ, всѣмъ свобода по старому!

КРИКИ.

Воздай ему Господь! Помоги ему на престолъ!

ПОСАДСКІЙ.

Казну Борисову между васъ раздѣлитъ!

КРИКИ.

Живетъ Дмитрій Иванычъ!

ПОСАДСКІЙ.

А теперь, ребята, атаманъ велитъ про его царское здоровье до-пьяна напиться! Выставляйте чаны! Выкачивайте какія тамъ у васъ бочки! Дядя Косолапъ угощаетъ!

Общее смятеніе, шумъ и крики. Посадскій незамѣтно скрывается.

ХЛОПКО.

Эй ты, пострѣлъ! Да гдѣ-жъ это онъ?

ОДИНЪ РАЗБОЙНИКЪ.

Кто?

ХЛОПКО.

Какъ кто? Тотъ, чтó взбудоражилъ насъ!

РАЗБОЙНИКЪ.

Онъ сейчасъ тутъ стоялъ.

ХЛОПКО.

Куда-жъ онъ пропалъ? Насатанилъ да и провалился! Ей вы, отцы святые, кто это былъ?

МИСАИЛЪ.

Не вѣмъ.

ГРИГОРІЙ.

Не сказался ми.

ХЛОПКО.

Какъ, черти, не сказался? Вѣдь вы съ нимъ пришли, наплѣшники?

МИСАИЛЪ.

На исходищѣ путей стеклися, повелитель! Сладкорѣчіемъ мужа сего прельщенны есмы!

ГРИГОРІЙ.

Онъ же убѣди насъ купно съ нимъ предъ очеса предстати твоя, имени же своего не объяви!

ХЛОПКО.

Ну, диковина!

КРИКИ.

Эхма! Царевичъ въ Сѣверскую землю зоветъ! На Москву хочетъ вести!—Намъ Борисову казну отдаетъ!—Къ царевичу! Къ царевичу! Веди насъ, атаманъ!—Когда къ царевичу поведешь?

ХЛОПКО.

Ну, добро, добро, дьяволы! Завтра тронемся!

Шумъ и смятеніе.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Покой во дворцѣ.

Борисъ сидитъ передъ столомъ, покрытымъ бумагами.

БОРИСЪ.

Нелѣпая, безумная та вѣсть—
Не выдумка! Невѣдомый обманщикъ,
Подъ именемъ Димитрія, на насъ
Идетъ войной; литовскую онъ шляхту
Съ собой ведетъ, и воеводы наши
Передаются въ ужасѣ ему!
Кто этотъ воръ, неслыханный и дерзкій?
Селенія къ нему перебѣгаютъ—
Молвой Москва встревожена—его
Намъ презирать нельзя! Доколь не сможемъ
Назвать его по имени, онъ будетъ
Димитріемъ въ глазахъ толпы! Возможно-ль?
Меня бродяга измѣнить заставитъ
Исконное рѣшеніе мое!
Не благостью, но страхомъ уже на́чалъ
Я царствовать. Гдѣ-жъ свѣтъ тотъ лучезарный,
Въ которомъ мнѣ являлся мой престолъ.

Когда къ нему я темной шелъ стезею?
Гдѣ свѣтлый міръ, цѣною преступленья
Мной купленный? Вступить на путь кровавый
Я долженъ былъ, или признать, что даромъ
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чѣмъ это зло скорѣе
Я пресѣку, тѣмъ мнѣ скорѣе можно
Вернуться будетъ къ милости.

Входитъ Семенъ Годуновъ.

Ну, что̀?
Что̀ ты узналъ? Кто этотъ человѣкъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Самъ сатана, я думаю! Нигдѣ
Я до слѣдовъ его не могъ добраться.
Подъ стражу мы людей довольно взяли.
Пытали всѣхъ; но ни съ огня, ни съ дыба,
Намъ показаній не́-далъ ни одинъ.

БОРИСЪ.

Мы знать должны, кто̀ онъ! Во что́-бъ ни стало.
Его назвать--хотя пришлось бы имя
Намъ выдумать!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Найти такое можно.
Былъ въ Чудовѣ монахъ, Григорьемъ звали,
Стрѣлецкій сынъ, изъ Галича. Бѣжалъ
Недавно онъ, и, пьяный, похвалялся:
Царемъ-де буду на Москвѣ!

БОРИСЪ.

Зачѣмъ
Меня не извѣстили?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь!
То былъ пустой, безпутный побродяга,
Хвастунъ и враль; монахи всѣ ему
Въ глаза смѣялися.

БОРИСЪ.

Но, можетъ быть,
Тȏ онъ и есть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь, не онъ,
Тотъ воръ уменъ, мечомъ владѣть умѣетъ,
А этотъ только бражничалъ да лгалъ.

БОРИСЪ.

Какихъ онъ лѣтъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Лѣтъ двадцати, иль болѣ.

БОРИСЪ.

Куда бѣжалъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

На Стародубъ. Оттоль
Ушолъ въ Литву.

БОРИСЪ.

Какъ прозывался онъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Отрепьевымъ.

БОРИСЪ.

Онъ намъ пригоденъ. Имя
Того пока мы вора назовемъ.
Лишь то, что̀ намъ является въ туманѣ,
Смущаетъ насъ; что̀ осязать мы можемъ,
Или назвать—свою теряетъ силу.
Гонца въ Литву отправить къ королю:
Чтобы скорѣй свою унялъ онъ шляхту;
Что стыдно-де пособіе чинить
Негодному, безпутному бродягѣ;
Что Гришка-де Отрепьевъ, бѣглый инокъ,
Морочитъ ихъ; что если въ мирѣ быть
Со мной хотятъ—чтобъ выдали его!.
Развѣдчиковъ умножить. Знать я долженъ,
Что̀ говорятъ, что̀ думаютъ бояре,
Имъ на̀-руку пришлася эта вѣсть!
Романовымъ избраніе мое
Досель какъ ножъ; ближайшею роднею
Они себя Ѳеодору считаютъ;
А Шуйскіе мнѣ рады-бъ отомстить
За князь-Иванъ Петровича; всѣ-жъ вмѣстѣ
Мнѣ Юрьевъ день простить они не могутъ.
Что̀ слышно въ городѣ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

По вечерамъ
Къ Романовымъ съѣзжаются бояре
И шепчутъ много, но отъ слугъ они
Хоронятся. И чью-то чашу пили
Въ молчаніи.

БОРИСЪ.

Измѣнничье гнѣздо!
Я знаю чью! Награду обѣщать
Тому, кто мнѣ на нихъ найдетъ улику!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Улика будетъ.

БОРИСЪ.

Голодъ, между тѣмъ,
Досель еще свирѣпствуетъ. Напрасно
Народу я всѣ житницы открылъ,
Истощены мои запасы. Въ день,
Когда вѣнецъ я царскій мой пріялъ,
Я обѣщалъ: послѣднюю рубаху
Скорѣй отдать, чѣмъ допустить, чтобъ былъ
Кто-либо нищъ, иль бѣденъ. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну
И раздавать народу: царь-де помнитъ
Что̀ обѣщалъ. Когда казны не станетъ,
Онъ серебро и золото отдастъ,
Послѣднюю голоднымъ онъ одежду
Свою отдастъ—но чтобъ лихихъ людей
Не слушали; чтобы ловили всѣхъ,
Кто Дмитрія осмѣлится лишь имя
Произнести!

Входитъ царевичъ Ѳедоръ.

Мстиславскому сказать,
Чтобъ воеводство надъ войсками принялъ.
Украинскимъ ужъ болѣ воеводамъ
Не вѣрю я. Ступай, исполни все
Какъ я велѣлъ.

Семенъ Годуновъ уходитъ.

ѲЕДОРЪ.

Отецъ, такъ это правда?
Землѣ грозитъ опасность? Этотъ дерзкій,
Безумный самозванецъ въ самомъ дѣлѣ
Могъ обмануть украйны? Могъ рубежъ
Переступить? и на тебя войною
Теперь идетъ?

БОРИСЪ.

Не долго будетъ онъ,
Надѣюсь я, торжествовать. Улики
У насъ въ рукахъ.

ѲЕДОРЪ.

Но, между тѣмъ, у насъ
Онъ городà беретъ? Отецъ, пошли,
Пошли меня и брата Христіана
Къ твоимъ войскамъ! Вели, чтобъ подъ начало
Онъ взялъ меня!

БОРИСЪ.

Сынъ Ѳедоръ, еслибъ врагъ
Достойный шелъ на Русь, быть можетъ, я
Послалъ бы васъ; но съ этимъ темнымъ воромъ
Царевичу всея Руси сразиться
Не есть хвала. Кто плахѣ обреченъ—
Не царскими тотъ имется руками.

ѲЕДОРЪ.

Не княжескими также. Ты однако
Мстиславскаго на этого врага
Сейчасъ послалъ. Его ты, стало быть,
Ничтожнымъ не считаешь. Ты велишь
Хватать всѣхъ тѣхъ, кто произноситъ имя
Покойнаго царевича—отецъ,
Намъ правосудье вѣдомо твое—
Ты могъ ли бы тó сдѣлать, еслибъ ты
Опасности не чаялъ? Мы со Ксеньей
Объ этомъ долго толковали; горько
Казалося и непонятно намъ,
Что ты, отецъ, который столько разъ
Намъ говорилъ: «я лишь дѣла караю,

Но ни во чью не вмѣшиваюсь мысль» —
Что началъ ты доискиваться мыслей,
Что ты за мысль, за слово посылаешь
Людей на казнь! Но мы рѣшили такъ:
Насилуешь свое, отецъ, ты сердце
Затѣмъ, что Русь въ опасности. И если
Оно такъ есть—и если въ самомъ дѣлѣ
Опасность ей грозитъ—кому-жъ, отецъ,
Встрѣчать ее, кому, коли не мнѣ?

БОРИСЪ.

Кипитъ въ насъ быстро молодости кровь;
Хотѣлъ бы ты, во что-бъ ни стало, доблесть
Свою скорѣе показать; но разумъ
Иного требуетъ. Ты призванъ, сынъ,
Русійскимъ царствомъ править. Намъ не даромъ
Величіе дается. Отказаться
Отъ многаго должны мы. Обо мнѣ
Со Ксеніей вы вмѣстѣ толковали—
Въ одномъ вы не ошиблись: неохотно
Ко строгости я прибѣгаю. Сердце
Меня склоняетъ милостивымъ быть.
Но если злая мнѣ необходимость
Велитъ карать—я жалость подавляю
И не боюсь прослыть жестокимъ.

ѲЕДОРЪ.

Видишь!
Ты говоришь: необходимость—стало,
Опасность есть!

БОРИСЪ.

Она явиться можетъ—
И чтобъ ее предупредить, я долженъ
Теперь быть строгъ. Когда придетъ пора,

Я къ милости вернусь. Гдѣ Ксенья? Мы
Не видѣлись сегодня. Пусть она
Ко мнѣ придетъ.

Өедоръ уходитъ.

Мнѣ кажется, когда
Ея услышу голосъ, легче будетъ
Мнѣ на душѣ. Царенья моего
Безоблачна взошла заря. Какую
Она, всходя, мнѣ славу обѣщала!
Ее не можетъ призракъ помрачить!
Съ минувшимъ я покончилъ. Чтò свершилось,
То кануло въ ничто! Какое право
Имѣетъ прахъ? Земля меня вѣнчала,
А хочетъ тѣнь войти въ мои права!
Я съ именемъ, со звукомъ, спорить долженъ!

Өедоръ возвращается со Ксеніей.

Поди ко мнѣ, дитя мое, садись—
Но чтò съ тобой? Ты плакала?

КСЕНІЯ.

Отецъ —

БОРИСЪ.

Ты такъ глядишь, какъ будто ты какую
Утрату понесла?

КСЕНІЯ.

Да мой, отецъ,
Ты молвилъ правду—понесла утрату
Я страшную! Не я одна—мы всѣ—
Всѣ понесли ее! Тебя, отецъ мой,
Утратили мы всѣ—ты сталъ не тотъ!
Куда твоя дѣвалась благость? Ты ли,
Ты-ль это предо мной? Когда, бывало,
Народу ты показывался—радость

Во всѣхъ очахъ сіяла; на тебя
Съ любовію смотрѣли и съ довѣрьемъ—
Теперь же—о, какая перемѣна!
Теперь со страхомъ смотрятъ на тебя!
Взгляни вокругъ: вездѣ боязнь и трепетъ—
Ужъ были казни—о доносахъ шепчутъ,
Которые ты награждать велишь—
Москва дрожитъ—такъ было, говорятъ,
Во времена царя Ивана—

БОРИСЪ.

Ксенья—

КСЕНІЯ.

Ты сталъ жестокъ—

БОРИСЪ.

Опомнись, Ксенья. Ты
Меня довольно знаешь. Если я,
Котораго терпѣніе тебѣ
Такъ вѣдомо, рѣшаюся карать—
То, стало быть, я не могу иначе!
Ты то́ пойми.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, этого понять
Я не могу, нѣтъ, не могу, отецъ!
Зачѣмъ твой гнѣвъ? Чего боишься ты?
Тебя въ убійствѣ гнусномъ обвиняютъ?
Ты чистъ какъ день! Презрѣніемъ лишь долженъ
Ты отвѣчать на эту клевету!

БОРИСЪ.

Та́къ на нее доселѣ отвѣчалъ я.
Но, Ксенія, презрѣніе мое
Почли за страхъ. Ты слышала, какую

Они сплели объ этомъ дѣлѣ басню—
Невѣдомый воспользовался воръ
Молвою той, и нынѣ—

ХРИСТІАНЪ—отворяя дверь.

Государь,
Могу ли я?..

БОРИСЪ.

Войди.

ХРИСТІАНЪ.

Великій царь—
Дозволишь ли мнѣ молвить?

БОРИСЪ.

Говори.

ХРИСТІАНЪ.

Отецъ и царь! Увѣренъ ли ты въ томъ,
Что человѣкъ, который на тебя
Идетъ войной—не истинный Димитрій?

БОРИСЪ.

Въ умѣ-ль ты, королевичъ? Кто въ тебя
Вселилъ ту мысль?

ХРИСТІАНЪ.

Молва такая ходитъ—
За тайну мой совѣтникъ Голькъ сегодня
Мнѣ повѣстилъ, что слышалъ гдѣ-то онъ:
Не самъ царевичъ Дмитрій закололся,
Но былъ убитъ. Иные-жъ говорятъ,

Что не его убили, но другого,
Ошибкою. Одинъ противорѣчитъ
Другому слухъ. Кто знаетъ, государь,
Не скрыто-ль что̀ въ семъ дѣлѣ отъ тебя?
И всѣ-ль тебѣ подробности извѣстны
Димитріевой смерти? Можетъ быть,
Въ тѣ дни и вправду было покушенье
На жизнь его, и спасся онъ? Я тотчасъ
Подумалъ, царь, что̀ если въ самомъ дѣлѣ
Димитрій живъ—ты первый поспѣшишь
Его признать!

БОРИСЪ.

И ты не обманулся,
Когда-бъ нежданно истинный Димитрій
Явился намъ—я первый бы на встрѣчу
Ему пошелъ и передъ нимъ сложилъ бы
Я власть мою и царскій мой вѣнецъ,
Но Дмитрій мертвъ! Онъ прахъ! Сомнѣній нѣтъ!
И лишь одни враги Руси, одни
Измѣнники тотъ распускаютъ слухъ!
Забудь о немъ. Въ Димитріевой смерти
Увѣренъ я.

ѲЕДОРЪ.

Но такъ ли онъ погибъ,
Какъ донесли тебѣ, отецъ? Въ томъ слухѣ
Объ углицкомъ убійствѣ часто правда
Мнѣ чуялась. Со дня-жъ какъ мамку ту
Увидѣлъ я—

БОРИСЪ.

Гдѣ встрѣтился ты съ ней?

ѲЕДОРЪ.

У матушки.

БОРИСЪ.

Ей во дворцѣ не мѣсто:
За клевету Нагихъ ее втупóру
Я щедро наградилъ; съ нея довольно—
Ей здѣсь не мѣсто!

ѲЕДОРЪ.

Стало быть, и ты,
Отецъ, ее подозрѣваешь?

БОРИСЪ.

Нѣтъ!
Нѣтъ, никого подозрить не могу.
Доказано мнѣ вѣрно: закололся
Въ недугѣ онъ!

СТОЛЬНИКЪ—входя.

Великій государь,
Царица къ милости твоей идетъ!

БОРИСЪ.

Чтó надо ей? Мнѣ некогда!

СТОЛЬНИКЪ.

Она
Ужъ у дверей.

БОРИСЪ.

Оставьте, дѣти, насъ!

Ѳедоръ, Ксенія и Христіанъ уходятъ. Входятъ бояряни, а за ними царица.

ЦАРИЦА—съ поклономъ.

Не прогнѣвись, свѣтъ-государь Борисъ
Ѳеодорычъ, и на свою рабу
Не наложи опалы за докуку!

Къ бояринямъ.

А вы, голубушки, ступайте въ сѣни,
Пождите тамъ.

Боярыни уходятъ.

БОРИСЪ.

Какой тебя, царица,
Приводитъ спѣхъ?

ЦАРИЦА.

Охъ, свѣтъ мой, государь,
Мы всѣ спѣшимъ! Ты Ксеньюшку посватать
Вотъ поспѣшилъ, а королевичъ твой
Спѣшитъ провѣдать, какъ пропалъ царенокъ
Тамъ въ Угличѣ. И нѣмчины его
Промежъ себя толкуютъ: ужъ не вправду-ль
Зарѣзанъ былъ царенокъ? Какъ оно
По-твоему? По-моему, негоже;
Имъ толковать не слѣдъ.

БОРИСЪ.

Ихъ толкамъ я
Не властенъ помѣшать; всѣ-жъ рѣчи ихъ
Мнѣ вѣдомы.

ЦАРИЦА.

Всѣ-ль, свѣтъ мой? А вотъ мнѣ
Оно не такъ сдается. Не смекнулъ ли
Чего женихъ? Онъ эти дни съ чего-то
Сталъ пасмуренъ.

БОРИСЪ.

Не мнишь ли ты, онъ слухамъ
Повѣрилъ тѣмъ?

ЦАРИЦА.

Гдѣ мнить мнѣ, государь!
Ты лучше знаешь. Не хотѣлъ ты слушать,
Что̀ про его рожденіе тебѣ
Сказала я. Когда ты положилъ,
Чтобъ этотъ безотецкій сынъ дѣтей
Сбилъ съ разума—твоя святая воля!
Такъ, значитъ, быть должно!

БОРИСЪ.

Царица Марья—
Куда ты гнешь? Коли что̀ знаешь ты,
Скажи мнѣ прямо!

ЦАРИЦА.

Батюшки мои!
Что̀-жъ я скажу? Ты развѣ самъ не видишь?
Женихъ съ дѣтьми толкуетъ цѣлый день;
Тѣ слушаютъ; сомнѣніе на нихъ
Ужъ онъ навелъ. Пожди еще немного,
И скоро все они узнаютъ.

БОРИСЪ.

Марья!
Я запретилъ тебѣ напоминать
Объ этомъ мнѣ!

ЦАРИЦА.

Я, батюшка, молчу;
Четырнадцать вотъ скоро лѣтъ молчала.
Да не пришла-ль пора заговорить?
Не поздно-ль будетъ, если нѣмчинъ твой
Доищется улики на тебя?

БОРИСЪ.

Чего-жъ ты хочешь?

ЦАРИЦА.

Мнѣ-ль чего хотѣть,
Свѣтъ-государь! Свое я мѣсто знаю,
Мнѣ, безтолковой бабѣ, и негоже
Совѣтовать тебѣ. Ты дочь посваталъ
Безъ моего совѣта; безъ меня же
Ты самъ найдешь что̀ сдѣлать!

БОРИСЪ.

Въ Христіанѣ
Увѣренъ я.

ЦАРИЦА.

Увѣренъ, такъ и ладно.
По моему-жъ, по бабьему уму,
Не отъ народа ждать бѣды намъ надо,
Не отъ бояръ—не въ городѣ для насъ
Опасность есть, а въ теремѣ твоемъ.
Доколѣ въ немъ останется твой нѣмчинъ—
Спокойно спать не можемъ мы!

БОРИСЪ.

Довольно!
Молчи о томъ. Царю Руси нѣтъ дѣла,
Что дочери Скуратова Малюты
Не по-сердцу женихъ, избранный имъ,
Не твоему то племени понять,
Что̀ для Руси величія пригодно!

ЦАРИЦА.

Гдѣ, батюшка, намъ это понимать!
Родитель мой служилъ царю Ивану
По простотѣ. Усердіе его
Царь жаловалъ. А ты меня посваталъ.

Чтобы къ царю Ивану ближе стать.
Что-жъ? Удалось! Ты царскимъ свойкомъ,
Ты шуриномъ сталъ царскимъ, а потомъ
Правителемъ, а нынѣ государемъ.
Гдѣ-жъ дочери Скуратова Малюты
Указывать тебѣ! Передъ тобой
Поклонную я голову держать
Всегда должна. Прости же, государь,
Прости меня за глупую мою,
За бабью рѣчь. Впередъ, отецъ, не буду!

Уходитъ. Входитъ Семенъ Годуновъ.

БОРИСЪ.

Какія вѣсти? Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Черниговъ взятъ!

БОРИСЪ.

Не можетъ быть!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Измѣнники связали
Въ немъ воеводъ и къ вору привели.
Путивль, Валуйки, Бѣлгородъ, Воронежъ,
Ему сдались—Елецъ и Кромы также.
Одинъ лишь Сѣверскъ держится. Басмановъ
Засѣлъ въ немъ на̀-смерть. Лаской и угрозой
Старался воръ склонить его, но онъ
На увѣщанья отвѣчалъ ему
Картечію.

БОРИСЪ.

Я не ошибся въ немъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Я говорилъ тебѣ: не вѣрь боярамъ!
Вѣрь только тѣмъ, кто, какъ и мы съ тобой,
Не древней крови!

БОРИСЪ.

Чтó еще принесъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Мятежный духъ какъ будто обуялъ
Не только край, но самыя войска.
Что день, къ врагу они перебѣгаютъ,
Скудѣетъ рать—

БОРИСЪ.

О чемъ же воеводы
Тамъ думаютъ? Отъ страху-ль потеряли
Разсудокъ свой? Наказъ послать имъ строгій,
Чтобъ вѣшали измѣнниковъ! Чтобъ всѣхъ,
Кто лишь помыслитъ къ вору перейти,
Всѣхъ, безъ пощады, смертію казнили!
Не то—я самъ явлюся между нихъ!

СТОЛЬНИКЪ—входя.

Бояринъ князь Василь Иванычъ Шуйскій!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Съ чѣмъ старая лисица приплелась?

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

Шуйскій входитъ. Борисъ смотритъ на него пристально.

Ты слышалъ вѣсти?

ШУЙСКІЙ.

Слышалъ,
Царь-государь.

БОРИСЪ.

Что̀ скажешь ты на это?

ШУЙСКІЙ.

Не ладно, царь.

БОРИСЪ.

Не ладно—вижу я!
А кто виной? Бояре продаютъ—
Да, продаютъ меня!

ШУЙСКІЙ.

Суди ихъ Богъ!

БОРИСЪ.

Имъ Божьяго суда не миновать.
Но до того я въ скорыхъ числахъ буду
Ихъ самъ судить. Мстиславскаго межъ тѣмъ
Я къ рати шлю.

ШУЙСКІЙ.

Ему и книги въ руки.
Онъ старше всѣхъ. Головъ тамъ больно много.
Не прогнѣвись, великій государь,
За простоту, дозволь мнѣ слово молвить.

БОРИСЪ.

Скажи.

ШУЙСКІЙ.

Когда-бъ ты захотѣлъ туда
Поѣхать самъ—все снялъ бы какъ рукою.

БОРИСЪ.

А вамъ Москву оставить? Знаемъ это.
Нѣтъ, оставлять Москву царю не часъ.
Придумай лучше.

ШУЙСКІЙ.

А не то, еще
Вотъ что̀, пожалуй: вдовая царица,
Димитріева мать, теперь на Выксѣ
Пострижена сидитъ. Ее бы, царь,
Ты выписалъ. Пускай передъ народомъ
Свидѣтельствуетъ крестно, что Димитрій
Во гробѣ спитъ.

БОРИСЪ.

Послать за ней! Но долгъ
До Выксы путь. Возстановить покорность
Мы здѣсь должны. Примѣръ я надъ иными
Ужъ показалъ. Что? Утихаютъ толки?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь. Ужъ и не знаешь право,
Кого хватать, кого не трогать? Всѣ
Одно наладили. Куда ни сунься,
Все та же пѣсня: царь Борисъ хотѣлъ-де
Димитрія царевича известь,
Но Божіимъ онъ спасся нѣкимъ чудомъ
И будетъ скоро...

БОРИСЪ.

Рвать имъ языки!
Иль устрашить тѣмъ думаютъ меня,
Что много ихъ! Но еслибъ сотни тысячъ
Меня въ глаза убійцей называли —
Ихъ всѣхъ молчать и предо мной смириться

Заставлю я! Меня царемъ Иваномъ
Они зовутъ? Такъ я-жъ его не въ шутку
Напомню имъ! Меня винятъ упорно—
Такъ я-жъ упорно буду ихъ казнить!
Увидимъ, кто изъ насъ устанетъ прежде!

Домъ Ѳедора Никитича Романова.

Ѳедоръ Никитичъ, Александръ Никитичъ, князь Сицкій, князь Репнинъ и князь Черкасскій за столомъ.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ—наливая имъ вина.

Ну, гости дорогіе, передъ сномъ—
По чарочкѣ! Во здравье государя!

ЧЕРКАССКІЙ.

Котораго?

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, вотъ еще! Вѣстимо
Законнаго!

ЧЕРКАССКІЙ.

Не осуди, бояринъ,
Не разберешь. Разымчиво ужъ больно
Твое вино.

СИЦКІЙ.

Законному царю
Мы служимъ всѣ, да только не умѣемъ
По имени назвать.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А коли такъ—
И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумѣетъ. Нуте-жъ:
Во здравіе царя и государя
Всея Руси!

ЧЕРКАССКІЙ.

Храни его Господь!

РЕПНИНЪ.

Дай всякаго врага и супостата
Подъ нозѣ покорить!

СИЦКІЙ.

А ужъ не мало
Онъ покорилъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты о татарахъ, что ли?

РЕПНИНЪ.

Аль, можетъ, о татаринѣ?

СИЦКІЙ.

Нѣтъ, этотъ
Еще крѣпо́къ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Черниговъ, слышно, взятъ.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Еще по чарочкѣ!

ВСѢ.

Про государя!

Входитъ Шуйскій.

ШУЙСКІЙ.

Челомъ, бояре, вамъ! Чью пьете чару?

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Царя и государя, князь Василій
Ивановичъ. Нà, выпей!

ШУЙСКІЙ.

Охъ, Ѳеодоръ
Никитичъ, чай, указъ-то государевъ
Ты позабылъ? Не такъ, бояре, пьете:

Подымаетъ чару.

«Великому, избранному отъ Бога,
«Имъ чтимому и имъ превознесенну,
«И скифетры полночныя страны
«Самодержащему царю Борису,
«Съ царицею, съ царевичемъ его,
«И всѣми дома царскаго вѣтвями,
«Мы, сущіе въ палатѣ сей, воздвигли,
«Въ душевное спасенье и во здравье
«Тѣлесное, сію съ молитвой чашу.
«Чтобъ славилось отъ моря и до моря,
«И до концъ вселенныя, его
«Пресвѣтлое, царя Бориса, имя,
«На честь ему, а русскимъ славнымъ царствамъ
«На прибавленье; чтобы государи
«Послушливо ему служили всѣ,
«И всѣ бы трепетали посѣченья
«Его меча; на насъ же, на рабѣхъ
«Величества его, чтобъ безъ урыву
«Щедротъ лилися рѣки неоскудно
«Отъ милосердія его пучины
«И разума!»—Ухъ, утомился. Вотъ,
Бояре, какъ указано намъ пить.

Не пьетъ, а ставитъ чару на столъ.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ужъ больно кудревато; не запомнишь.

ШУЙСКІЙ.

Я выдолбилъ.

РЕПНИНЪ.

Не всѣ его меча,
Кажись, трепещутъ.

СИЦКІЙ.

Да и не на всѣхъ
Его щедроты льются.

ЧЕРКАССКІЙ.

Исчерпàлъ
Пучину милосердія.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ—къ Шуйскому.

Ты съ Верьху?

ШУЙСКІЙ.

Былъ на Верьху.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, чтò-жъ?

ШУЙСКІЙ.

Все слава Богу.
Рвать языки велѣлъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Чтò ты? Кому?

СИЦКІЙ.

Помилуй Богъ, кому?

ШУЙСКІЙ.

Да всѣмъ, кто скажетъ,
Что Дмитрія извелъ онъ, аль что Дмитрій
Не изведенъ, а живъ.

РЕПНИНЪ.

Такъ какъ же быть?

ЧЕРКАССКІЙ.

Что́-жъ надо говорить?

ШУЙСКІЙ.

А то, что̀ было
При Θедорѣ приказано: что Дмитрій
Въ недугѣ закололся.

РЕПНИНЪ.

Вотъ какъ! Видно,
Ужъ онъ чиниться пересталъ. Да развѣ
Онъ казнями кого переувѣритъ?

ШУЙСКІЙ.

Пускай казнитъ; мѣшать ему не надо.

СИЦКІЙ.

Какъ не смекнетъ онъ, что когда къ Москвѣ
Подступитъ *тотъ*, ему не сдобровать?

ШУЙСКІЙ.

На каждаго на мудреца довольно
Есть простоты. Когда-жъ мудрецъ считалъ,
Да все считалъ, да видитъ, что обчелся,
Тутъ и пошелъ плутать.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты, князь Василій
Ивановичъ, ты въ Угличъ былъ посыланъ

На розыскъ тотъ. Скажи, хоть разъ, по-правдѣ,
По совѣсти: убитъ, аль нѣтъ царевичъ?

ШУЙСКІЙ.

Убитаго ребенка видѣлъ я.

ЧЕРКАССКІЙ.

Да Дмитрія-ль?

ШУЙСКІЙ.

Сказали мнѣ, что Дмитрій.

ЧЕРКАССКІЙ.

Да самъ-то ты?

ШУЙСКІЙ.

А гдѣ-жъ его мнѣ знать?

ЧЕРКАССКІЙ.

Что̀-жъ мыслишь ты о томъ, который нынѣ
На насъ идетъ?

ШУЙСКІЙ.

А то же, что̀ и вы.
Языкъ намъ врагъ. И батюшка Борисъ
Ѳеодорычъ, должно быть, это знаетъ;
Насъ отъ врага онъ избавлять велитъ.

РЕПНИНЪ—къ Ѳедору Никитичу.

Хозяинъ ласковый, да такъ, пожалуй,
И до тебя онъ доберется?

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Трудно.
Что̀ скажетъ онъ? Романовы признали
Димитрія царемъ? Да вся Москва

Того лишь ждетъ, чтобъ мы его признали.
Аль что его убійцей мы зовемъ?
Да пусть о томъ лишь слухъ пройдетъ въ народѣ —
Его каменьями побьютъ!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мы
Пока молчимъ. Народъ же говоритъ:
Романовы поближе Годунова
Къ Ѳеодору царю стояли. Еслибъ
Романовъ сѣлъ на царство—Юрьевъ день
Намъ отдалъ бы!

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Романовымъ не нужно-бъ
Заискивать у мѐньшихъ у дворянъ;
Народъ боярство любитъ родовое
За то, что выгоды у нихъ однѣ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мелкихъ онъ не терпитъ. Нѣтъ, до насъ
Добраться трудно.

Входитъ Семенъ Годуновъ со стрѣльцами.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Бьемъ челомъ, бояре!
Вы, государи, Ѳедоръ съ Александромъ
Никитичи, по царскому указу
Подъ стражу взяты!

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Мы? Подъ стражу взяты?
За что?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

За то, что извести хотѣли
Царя и государя колдовствомъ.
Довелъ на васъ вашъ казначей Бортеневъ.
Коренья тѣ, что̀ вы ужъ припасли,
Онъ предъявилъ. У патріарха вамъ
Допросъ, немедля, учинятъ. Вы также,
Князья Черкасскій, Сицкій и Репнинъ,
Обвинены.

СИЦКІЙ.

Мы въ чемъ же?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Заодно
Съ Романовыми были. Васъ подъ стражу
Беру я съ ними.

Къ Шуйскому.

Князь Василь Иванычъ!
Тебѣ велитъ великій государь
Вести допросъ надъ ними.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Видитъ Богъ,
Насиліе и клевета!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Возможно-ль?
По одному извѣту казначея,
Котораго за кражу я прогналъ
Тому три дня?

ЧЕРКАССКІЙ.

Вотъ онъ тебѣ и платитъ!

СИЦКІЙ.

А царь ему, должно быть! Боже правый!
Да это вточь какъ при царѣ Иванѣ!

ШУЙСКІЙ.

Негоже такъ, бояре, говорить!
Царь милостивъ. А мнѣ Господь свидѣтель,
Я вашего не вѣдалъ воровства!
Помыслить смѣть на батюшку царя!
Ахъ, грѣхъ какой! Пойдемъ, Семенъ Никитичъ,
Пойдемъ къ владыкѣ, начинать допросъ.
Помилуй Богъ царя и государя!

Уводятъ бояръ, окруженныхъ стрѣльцами.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ — один.

«Убитъ, но живъ!» Свершилось предсказанье!
Загадка разъяснилася: мой врагъ
Всталъ на меня изъ гроба грозной тѣнью!
Я ждалъ невзгодъ; возможныя всѣ бѣды
Предусмотрѣлъ: войну, и моръ, и голодъ,
И мятежи —и всѣмъ имъ дать отпоръ
Я былъ готовъ. Но чтобъ воскресъ убитый—
Я ждать не могъ! Меня безъ обороны
Засталъ ударъ. Державнымъ кораблемъ
Въ моей спокойной управляя силѣ,
Я въ ясный день на бѣгъ его глядѣлъ.
Вдругъ грянулъ громъ. Съ налету взрыла буря
Морскую гладь—крутитъ и ломитъ древо,
И парусъ рветъ... Не время разбирать.

Чей небо грѣхъ крушеніемъ караетъ—
Долгъ кормчаго скорѣй спасти корабль!
Бѣда грозитъ—рубить я долженъ снасти!
Нѣтъ выбора—прошла пора медленій
И кротости! Кто врагъ царю Борису—
Тотъ царству врагъ! Пощады никому!
Казнь кличетъ казнь—власть требовала жертвъ—
И первыхъ кровь чтобъ не лилася даромъ,
Топоръ все вновь подъемлется къ ударамъ!

Входитъ Шуйскій.

ШУЙСКІЙ.

По твоему, великій государь,
Являюся указу.

БОРИСЪ.

Князь Василій,
Ты избранъ мной быть старшимъ у допроса
Романовыхъ. Мнѣ вѣрность показать
Даю тебѣ я случай.

ШУЙСКІЙ.

Заслужу,
Царь-государь, великое твое
Довѣріе!

БОРИСЪ.

Издавна злоба ихъ
Мнѣ вѣдома. Но за мое терпѣнье
Я ожидалъ раскаянья отъ нихъ;
Они-жъ бояръ съ собою на меня
Замыслили поднять, а мнѣ погибель
Готовили.

ШУЙСКІЙ.

Не даромъ отъ меня
Таилися они!

БОРИСЪ.

Твой розыскъ нынѣ
Явитъ: какъ мыслишь ты ко мнѣ.

ШУЙСКІЙ.

Помилуй,
Царь-государь! Ужъ на мое радѣнье,
Кажись, ты можешь положиться...

БОРИСЪ.

Прежде-жъ,
Чѣмъ Дмитріева мать, царица Мароа,
Свидѣтельствовать будетъ на Москвѣ,
Что сынъ ея до смерти закололся
И погребенъ, ты выѣдешь на площадь
И съ Лобнаго объявишь мѣста: самъ-де.
Своими-де очами видѣлъ ты
Трупъ Дмитрія—и крестнымъ цѣлованьемъ
То утвердишь. Межъ тѣмъ, я со владыкой
Велѣлъ вездѣ Отрепьеву гласить
Анаоему; въ церквахъ, въ монастыряхъ,
На перекресткахъ всѣхъ, его съ амвоновъ
Велѣлъ клясти! Быть можетъ, вразумится
Чрезъ то народъ.

ШУЙСКІЙ.

Наврядъ ли, государь.
Не въ гнѣвъ тебѣ, а диву я даюся.
Какъ мало страху на Москвѣ!

БОРИСЪ.

Досель?

ШУЙСКІЙ.

Ты кой-кого и пристрастилъ, пожалуй,
А все же—

БОРИСЪ.

Ну?

ШУЙСКІЙ.

Да что̀, царь-государь!
Хоть бы теперь: Романовыхъ подъ стражу
Ты взять велѣлъ. И по дѣломъ. Да развѣ
Они одни?

БОРИСЪ.

Другіе также взяты.

ШУЙСКІЙ.

Кто, государь? Черкасскій съ Репнинымъ?
Да Сицкій князь? Всего три человѣка!
А мало-ль ихъ? И думаютъ они:
Всѣхъ не забрать!

БОРИСЪ.

Такъ думаютъ у васъ?
Такъ вѣдайте-жъ: что́ сдѣлано досель—
Одно лишь вамъ остереженье было,
Острастка то лишь малая была—
Гнѣвъ впереди!

Уходитъ.

ШУЙСКІЙ—одинъ.

Святая простота!
Даетъ понять: «тебя насквозь я вижу,
Ты заодно съ другими!» А, межъ тѣмъ,
Что̀ ни скажу, за правду все примаетъ.
Боится насъ, а намъ грозитъ. Борисъ

Өеодорычъ, ты-ль это? Я тебя
Не узнаю. Куда дѣвалась ловкость
Твоя, отецъ? И нравомъ сталъ не тотъ,
Ей Богу! То ужъ черезчуръ опасливъ,
То вдругъ вспылишь и ломишь напрямикъ,
Ни дать, ни взять, какъ мой покойный дядя,
Котораго въ тюрьмѣ ты удавилъ.
Когда кто такъ становится неровенъ,
То знакъ плохой!

Уходитъ. Входитъ Христіанъ: за нимъ Голькъ и Браге.

ГОЛЬКЪ.

Высочество! Подумай:
Сомнѣній нѣтъ, исходъ въ семъ дѣлѣ ясенъ:
Царемъ Димитрій будетъ; а Борису
Погибели не миновать. Что̀ нужды,
Что ложный то Димитрій? Онъ побѣдно
Идетъ къ Москвѣ—и Русь его встрѣчаетъ!

БРАГЕ.

А въ преступленіи Бориса, принцъ,
Достаточно теперь ты убѣжденъ:
Намъ присланныя тайно показанья
Тѣхъ въ Данію бѣжавшихъ угличанъ,
Все, что̀ мы здѣсь узнали стороною,
Чего не могъ ты не замѣтить самъ—
А сверхъ всего, народный громкій голосъ
И казни тѣ жестокія—все, все
Его винитъ, ему уликой служитъ!

ГОЛЬКЪ.

До короля-жъ дошла молва, что царь
Эстонію, короны датской лену,
Не Даніи намѣренъ возвратить,
Но дать тебѣ. Король за это гнѣвенъ.

Спѣши его умилостивить, принцъ!
Ждать отъ Бориса нечего намъ болѣ—
Его звѣзда зашла!

БРАГЕ.

Земли русійской
Царевну ты, высочество, посваталъ,
Не дочь слуги, злодѣйствомъ на престолъ
Взошедшаго. Когда законный царь,
Иль тотъ, кого земля такимъ признала,
Съ него вѣнецъ срываетъ—обѣщаньемъ
Не связанъ ты. Отъ брака отказаться
Ты долженъ, принцъ!

ХРИСТІАНЪ.

Довольно! Все, что́ вы
О немъ сказали, самъ себѣ сказалъ я—
Но я не въ силахъ слушать васъ... моя
Кружится голова...

ГОЛЬКЪ.

Ты блѣденъ, принцъ—
Ты нездоровъ—

ХРИСТІАНЪ.

Да, да, я нездоровъ...
Вы совершенно правы—точно такъ—
Убійца онъ... мнѣ холодно сегодня...
Она не знаетъ ни о чемъ.

БРАГЕ.

Дозволь
Позвать врача, высочество!

ХРИСТІАНЪ.

Не надо.
Оно пройдетъ. Но отчего сегодня
Зеленое такое небо?

ГОЛЬКЪ.

Принцъ,
Ты вправду боленъ...

ХРИСТІАНЪ.

Вы сказать хотите,
Что брежу я? Нѣтъ, я здоровъ. Оставьте
Меня теперь—я дамъ отвѣтъ вамъ скоро.

Гелькъ и Браге уходятъ.

ХРИСТІАНЪ—одинъ.

Подъ этимъ кровомъ долѣ оставаться
Не долженъ я. Мнѣ дѣтскій крикъ предсмертный
Здѣсь слышится—я вижу пятна крови
На этихъ тканяхъ... я ее люблю!
Да, я люблю ее! Теперь межъ нами
Все кончено.

Входитъ Ксенія и останавливается въ дверяхъ.

КСЕНІЯ.

Одинъ ты, Христіанъ?
Съ кѣмъ говорилъ ты?

ХРИСТІАНЪ.

Ксенія, постой—
Не уходи—тебѣ сказать мнѣ надо—
Вѣдь ты еще не знаешь? Мы должны
Разстаться, Ксенья!

КСЕНІЯ.

Что съ тобой? Зачѣмъ
Разстаться намъ?

ХРИСТІАНЪ.

Да, да, зачѣмъ разстаться?
Кто хочетъ насъ съ тобою разлучить?
Ты не моя-ль? Кто говоритъ, чтобъ душу
Я разорвалъ? Нѣтъ, требовать того
Не можетъ честь!

КСЕНІЯ.

Опомнись, Христіанъ;
Твои слова безъ смысла. Что̀ случилось?

ХРИСТІАНЪ.

Бѣги со мной!

КСЕНІЯ.

Святая Матерь Божья?
Ужель я отгадала? Христіанъ—
Кто видѣлся съ тобой? Чьей клеветѣ
Ты на отца повѣрилъ?

ХРИСТІАНЪ.

Ксенья, Ксенья!
И жизнь, и душу я-бъ хотѣлъ отдать,
Чтобъ эту скорбь, чтобъ эту злую боль
Взять отъ тебя!

КСЕНІЯ.

И ты повѣрилъ? Ты?
Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

Нельзя остаться мнѣ—
Нельзя—ты видишь!

КСЕНІЯ.

Выброси скорѣй
Изъ сердца эту мысль! Она тебя,
Тебя чернитъ, а не отца! Какъ могъ ты
Повѣрить ей!

ХРИСТІАНЪ.

Не правда-ль? Ей повѣрить
Я самъ не могъ? Она вошла насильно!
Отъ лобныхъ мѣстъ кровавыми ручьями
Въ меня влилась!

КСЕНІЯ.

Да, онъ жестокъ во гнѣвѣ!
Я не хочу—я не могу его
Оправдывать! Но развѣ ты не видишь?
Негодованьемъ гнѣвъ его рожденъ
На клевету! Такимъ онъ не былъ прежде!
Ты зналъ его! Ужели ты забылъ
Какъ былъ высокъ, какъ милостивъ душою
Онъ былъ всегда. Какъ могъ—какъ могъ—какъ могъ
Повѣрить ты! О, Христіанъ, какую
Ты пропасть вырылъ между нами!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ!
Разъединить чужое преступленье
Насъ не должно! Душа моя съ твоею
Въ одно слилась! Когда-бъ земля подъ нами
Разсѣлася—когда бы это небо
Обрушилось на насъ—не врозь, а вмѣстѣ
Погибли-бъ мы!

КСЕНІЯ.

Ужъ мы разлучены!
Да, Христіанъ! Иль мнишь ты, не должна я
Мою любовь изъ сердца вырвать вонъ?
Когда отца кругомъ тѣснятъ враги,
Друзья-жъ бѣгутъ—ты также переходишь
Къ его врагамъ!

Входитъ царевичъ Ѳедоръ, ими не замѣчаемый.

Но еслибъ отъ него
И всѣ ушли—и еслибъ цѣлый міръ
Его винилъ—одна бы я сказала:
Неправда то! Одна бы я осталась
Съ моимъ отцомъ!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ у тебя отца!
Твоимъ отцомъ убійца быть не можетъ!
Ты сирота! Какъ я, ты сирота!
Бѣги со мной! Я не на счастье, Ксенья,
Тебя зову, не на престолъ! Быть можетъ,
Я осужденъ къ лишеньямъ и къ нуждѣ—
Быть можетъ, я скитаться буду—но
Гдѣ-бъ я ни сталъ, то мѣсто, гдѣ я стану,
Оно всегда достойно будетъ насъ!
А этотъ теремъ, Ксенья...

ѲЕДОРЪ—выступаетъ впередъ.

Королевичъ!

ХРИСТІАНЪ.

А, ты былъ здѣсь? Ты слышалъ все? Тѣмъ лучше!
Я не скрываюсь отъ тебя—ты долженъ
Меня понять!

ѲЕДОРЪ.

Тебя я понялъ. Ты
Царя Бориса оскорбилъ смертельно—
Ты наглый лжецъ!

ХРИСТІАНЪ.

Братъ Ѳедоръ—

ѲЕДОРЪ.

Гнусный ты,
Безстыдный лжецъ и клеветникъ!

ХРИСТІАНЪ.

Царевичъ!
Войди въ себя!

ѲЕДОРЪ.

Предатель! Переметчикъ!
Іуда ты!

ХРИСТІАНЪ.

Войди въ себя, царевичъ!
Опомнися! Когда ты оскорбленъ—
Не бранью мстить ты долженъ! На Руси
Такъ встарину не дѣлали!

ѲЕДОРЪ.

Ты правъ—
Спасибо, что напомнилъ—

Срываетъ со стѣны двѣ сабли и подаетъ одну Христіану.

Бейся на́-смерть!

КСЕНІЯ.

Побойтесь Бога! Что́ вы, что́ вы? Стойте!
Какъ? Братъ на брата!

ХРИСТІАНЪ—бросая саблю.

Нѣтъ, не стану биться!
Ты братъ ея!

КСЕНІЯ.

О, до чего дошли мы!
Давно ли мы втроемъ, въ покоѣ этомъ,
Такъ мирно говорили, такъ хотѣли
Служить Руси—а нынѣ!

ХРИСТІАНЪ.

Что̀ со мной?
Кругомъ меня все потемнѣло вдругъ—
Меня не держатъ ноги—

Садится.

ѲЕДОРЪ—бросая саблю.

Христіанъ,
Ты нездоровъ?

ХРИСТІАНЪ—озираясь.

Вы оба здѣсь? Со мною?
Какъ счастливъ я! Друзья, скажите, что̀
Случилося?

КСЕНІЯ.

Онъ боленъ!

ѲЕДОРЪ.

Слава Богу,
То былъ лишь бредъ! Сестра, останься съ нимъ,
Я за врачомъ пойду!

ХРИСТІАНЪ.

Не уходи—
Мнѣ хорошо. Но чтó-то надо мною

Какъ облако внезапно пронеслось—
Былъ шумъ въ ушахъ—такъ, говорятъ, бываетъ,
Когда дурману выпьешь... я припомнить
Стараюсь что-то... самъ не знаю что̀...
Ловлю, ловлю... и все теряю...

Вскакивая.

Вспомнилъ!
Бѣжимъ отсель!

Падаетъ въ кресло.

У пристани корабль
Норвежскій ждетъ—ужъ якорь подымаютъ—
Скорѣй на палубу, скорѣй!

КСЕНІЯ.

Онъ бредитъ!

ХРИСТІАНЪ.

Я говорю вамъ всѣмъ: неправда то!
Всѣхъ, кто дерзнетъ подумать, что царевна
Убійцы дочь, на бой я вызываю!
Прижмись ко мнѣ—не бойся, Ксенья, этихъ
Зеленыхъ волнъ!—Я слушать васъ усталъ—
Я знаю самъ—прибавьте парусовъ!
Какое дѣло намъ, что на Руси
Убійца царь! Вонъ берегъ, берегъ! Ксенья—
Мы спасены!

КСЕНІЯ.

Братъ, братъ, что̀ сталось съ нимъ?

ХРИСТІАНЪ.

Друзья мои, мнѣ кажется, я бредилъ?
Мнѣ очень дурно... Голова моя
Такъ кружится, а сердце то забьется,
То вдругъ замретъ...

КСЕНІЯ.

Ты боленъ, Христіанъ!
Встань, обоприся на̀-руку мою—

ѲЕДОРЪ.

Я поведу его!

ХРИСТІАНЪ.

Спасибо, братъ—
Спасибо, Ксенья—это все пройдетъ—
Какъ хорошо мнѣ между васъ обоихъ!

Уходитъ поддерживаемый Ѳедоромъ и Ксеніей.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Красная площадь съ Лобнымъ мѣстомъ.

Нѣсколько переодѣтыхъ сыщиковъ.

ГЛАВНЫЙ СЫЩИКЪ—наряженный дьячкомъ.

Сейчасъ народъ повалитъ изъ церквей!
Вмѣшайтеся въ толпу: глаза и уши
Насторожить! Сегодня панихида
Царевичу Димитрію идетъ,
Отрепьева-жъ клянутъ; такъ будутъ толки!

ВТОРОЙ СЫЩИКЪ—въ одеждѣ купца.

Какіе толки! Всякъ теперь боится
Промолвиться.

ПЕРВЫЙ.

А мы на что? Зачѣмъ
Двойную намъ награду обѣщалъ
Семенъ Никитичъ? Зачинайте смѣло,
Тотъ съ тѣмъ, тотъ съ этимъ разговоръ, прикиньтесь,
Что вы къ Москвѣ Отрепьевымъ тѣмъ тайно
Подосланы; когда-жъ кто проболтается—

Хвать за̀-воротъ его! А если будетъ
Кому изъ васъ нужна подмога—свистомъ
Подать маякъ! Ну, живо, разсыпайтесь!
Идетъ народъ!

Толпа выходитъ изъ церкви.

ОДИНЪ ПОСАДСКІЙ.

Великій грѣхъ служить
Живому человѣку панихиду!

ДРУГОЙ.

Тяжелый грѣхъ!

ТРЕТІЙ.

А кто же тотъ Отрепьевъ,
Кому они анаѳему гласили?

ПЕРВЫЙ.

Монахъ какой-то подвернулся.

ВТОРОЙ.

Что-жъ,
Какое дѣло до того монаха
Царевичу Димитрію?

ПЕРВЫЙ.

Молчи!
Насъ слушаютъ.

СЫЩИКЪ.

О чемъ вы, государи,
Ведете рѣчь?

ПЕРВЫЙ.

Да говоримъ: дай Богъ
Измѣнщика, Отрепьева того,
Что̀ Дмитріемъ осмѣлился назваться,
Поймать скорѣй!

СЫЩИКЪ — про себя.

Гмъ! Эти-то съ чутьемъ.

Подходитъ нѣсколько другихъ.

ОДИНЪ.

Вишь, изворотъ затѣяли какой!
Безбожники!

ДРУГОЙ.

Знать, плохо имъ пришлось,
Губителямъ!

ТРЕТІЙ.

Романовы въ тюрьму
Посажены.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Помилуй Богъ, за что̀?

ПЯТЫЙ.

Боятся ихъ за то, что много знаютъ!

Проходятъ.

ОДНА БАБА — догоняетъ другую.

Да постой, голубушка, куда-жъ ты спѣшишь?

ВТОРАЯ.

Въ соборъ, въ соборъ, матушка! Панафиду, вишь, служатъ, и большую анаѳему поютъ!

ПЕРВАЯ.

Да кто-жъ это скончался?

ВТОРАЯ.

Никакъ Гришка Отрепьевъ какой-то! Охъ, боюсь опоздать.

ТРЕТЬЯ БАБА—пристаетъ къ нимъ.

Не Гришка, не Гришка, матушка! царевича Димитріемъ зовутъ!

ПЕРВАЯ.

Такъ ему, стало, анаѳему служатъ? А панафида по комъ же?

ВТОРАЯ.

По Гришкѣ, должно быть!

ЧЕТВЕРТАЯ БАБА—догоняетъ ихъ.

Постойте, кормилицы, и я съ вами! По какому Гришкѣ царевичъ панафиду служитъ?

ВСѢ ЧЕТВЕРО ВМѢСТѢ.

Да пойми ты, мать — я въ толкъ не возьму. — Ахти, опоздаемъ! — Да побойтесь Бога — кто же скончался-то? — Пойдемъ, пойдемъ! Анаѳема скончался, Гришка — царевичъ служитъ панафиду!

Уходятъ.

СЫЩИКЪ—глядя имъ вслѣдъ.

Проваливай, бабье! отъ васъ ни шерсти,
Ни молока!

Подходятъ два мужика.

ПЕРВЫЙ—указывая на сыщика.

Ѳедюха! А Ѳедюха!
Смотри, у энтого какая сзади
Коса болтается? Чай изъ духовныхъ?

ВТОРОЙ.

Божественный, должно быть, человѣкъ.
Покажемъ листъ ему!

ПЕРВЫЙ.

Нештó, покажемъ!

Къ сыщику.

Отецъ родной, поволь тебя спросить:
Ты грамотный никакъ?

СЫЩИКЪ.

Господь сподобилъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ сдѣлай божескую милость: вотъ
Какой-то листъ нашли у подворотни,
Прочти его, родимый!

СЫЩИКЪ.

Предъяви!

Читаетъ.

«Мы Божіею милостію, Димитрій Ивановичъ,
«Царь и великій князь
«Всея Руси, ко всѣмъ русійскимъ людямъ:
«Господнимъ нѣкимъ превеликимъ чудомъ
«Сохранены и спасены»... Гмъ, гмъ!

Читаетъ про себя, потомъ громко.

«И первыхъ тѣхъ, которые на встрѣчу
«Со хлѣбомъ-солью къ намъ придутъ, тѣхъ первыхъ
«Пожалуемъ». Эй, люди, говорите:
Кто далъ вамъ листъ?

ПЕРВЫЙ.

Нашли подъ воротами,
Ей-Богу-ну!

ВТОРОЙ.

Подъ самой подворотней!

СЫЩИКЪ.

А кто подкинулъ?

ПЕРВЫЙ.

Видитъ Богъ, не знаемъ!

СЫЩИКЪ.

Не знаете?

Свиститъ. Нѣсколько сыщиковъ подбѣгаютъ.

Хватайте этихъ двухъ!
Въ застѣнокъ ихъ!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ родной, за что̀?

ВТОРОЙ.

За что̀, помилуй?

СЫЩИКЪ.

Вамъ въ застѣнкѣ скажутъ!

Мужиковъ уводятъ среди общаго ропота. Подходитъ купецъ въ разговорѣ со вторымъ сыщикомъ.

СЫЩИКЪ.

Да что́, почтенный, что́ за торгъ у насъ?
Себѣ въ накладъ вѣдь продаемъ сегодня.
А съ нѣмцовъ пошлинъ половину снялъ!
Какой тутъ торгъ!

КУПЕЦЪ.

Такъ, такъ, родимый; сами
Концовъ свести не можемъ. Разоренье
Пришло на насъ!

СЫЩИКЪ — таинственно.

Одна надежда нонѣ—

Царь Дмитрій Іоанновичъ. Не терпитъ
Ни нѣмцовъ онъ, ни англичанъ. Пусть только
Пожалуетъ!

КУПЕЦЪ.

А что̀?

СЫЩИКЪ.

Подметный листъ
Попался мнѣ: всѣхъ, говоритъ, купцовъ
Отъ пошлинъ свобожу!

КУПЕЦЪ.

Подай-то Богъ!

СЫЩИКЪ — хватаетъ его за воротъ.

Такъ вотъ ты какъ! Такъ ты стоишь за вора?
Эй, наши! Эй!

Сыщики бросаются на купца.

ПОСАДСКІЕ И НАРОДЪ.

Да что̀ вы! Бойтесь Бога!
За что̀ его?

1-й СЫЩИКЪ.

А вы чего вступились?
Хватай ихъ всѣхъ!

НАРОДЪ.

Нѣтъ всѣхъ-то не перехватаешь. Бей ихъ, ребята! Довольно намъ терпѣть отъ сыщиковъ!

Звонъ бубенъ. Пѣшіе бубенщики. Передъ ними приставъ.

ПРИСТАВЪ.

Раздайтесь! Мѣсто! Мѣсто!
Бояринъ князь Василь Иванычъ Шуйскій!

ШУЙСКІЙ—въ сопровожденіи двухъ дьяковъ.

Съ чего, міряне, подняли вы шумъ!
Грѣхъ вамъ мутиться!

НАРОДЪ.

Батюшка, Василій Ивановичъ! Вступись, отецъ родной! Твой родъ вѣдь всегда за насъ стоялъ, а нонѣ намъ отъ сыщиковъ житья нѣтъ! Вступись, батюшка!

ШУЙСКІЙ.

Опомнитесь, міряне. Царь Борисъ
Ѳеодорычъ такъ приказалъ. Онъ знаетъ
Кого хватать! А вы пройти мнѣ дайте
До Лобнаго до мѣста; по указу,
По царскому я рѣчь скажу.

Идетъ къ Лобному мѣсту.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Нѣтъ, этотъ
Не вступится!

ДРУГОЙ.

Да, не чета Иванъ
Петровичу!

ТРЕТІЙ.

Какую-жъ рѣчь онъ скажетъ?

ПЕРВЫЙ.

А вотъ послушаемъ.

ШУЙСКІЙ—съ Лобнаго мѣста.

Народъ московскій!
Вамъ всѣмъ: гостямъ, и всѣмъ торговымъ людямъ,
Всѣмъ воинскимъ, посадскимъ, и слободскимъ,
Митрополичьимъ всѣмъ, и монастырскимъ,
И вольнымъ и кабальнымъ всякимъ людямъ,
Я, князь Василь Иванычъ Шуйскій, бью
Напредъ челомъ!

Кланяется на всѣ стороны.

Вамъ вѣдомо, что нѣкій
Еретикъ злой, разстрига, чернокнижникъ
И явный воръ, Отрепьевъ Гришка, Бога
Не убоясь, діаволу въ угоду,
Дерзнулъ себя царевичемъ покойнымъ,
Димитріемъ Иванычемъ назвать...

Ропотъ.

И, съ помощью литовской рати, нынѣ
Идетъ къ Москвѣ, а съ нимъ не мало нашихъ...
Изъ Сѣверской земли...

ОДИНЪ.

Слышь, съ нимъ и наши!

ШУЙСКІЙ.

Измѣнниковъ. И хочетъ онъ, разстрига,
Великаго, почтеннаго отъ Бога
Царя Бориса Өедорыча свергнуть.
И церковь православную попрать,
И вовлекти въ латинскую насъ ересь.
Что̀ вѣдая, великій государь
Мнѣ повелѣлъ вамъ повѣстить сегодня
Все, что̀ своими видѣлъ я очами,
Когда, при Өедорѣ царѣ, посыланъ
Я въ Угличъ былъ. чтобъ розыскъ учинить:
Какъ тамъ царевичъ Дмитрій Іоанны́чъ
Упалъ на ножъ и закололся.

ДРУГОЙ.

Знаемъ!

ТРЕТІЙ.

Слыхали то!

ШУЙСКІЙ.

И по пріѣздѣ, мы,
Съ Андреемъ со Петровичемъ, въ соборъ
Отправились, съ Лупъ-Клешнинымъ, и тамъ
Увидѣли младенца бездыханна,
Предъ алтаремъ лежаща, и его
Пресѣчена была гортань.

ТРЕТІЙ—вполголоса.

Да кто же
Младенецъ былъ?

ШУЙСКІЙ.

Что Гришка же Отрепьевъ
Не Дмитрій есть, а нѣкій бѣглый воръ,
Отъ церкви отлученный и проклятый—
Въ томъ я клянусь, и крестъ на томъ цѣлую.
И не видать мнѣ царствія небесна,
И быть на страшномъ Божіемъ судѣ
Мнѣ прокляту, и въ огнь идти мнѣ вѣчный,
Когда солгалъ!

Цѣлуетъ свой тѣльный крестъ.

ПЕРВЫЙ.

Да въ чемъ же онъ клянется?

ВТОРОЙ.

Что Дмитрій не Отрепьевъ.

ТРЕТІЙ.

Безъ него
Мы знаемъ то!

ПЕРВЫЙ.

Постой, онъ говоритъ!

ШУЙСКІЙ.

И вѣдомый еретикъ тотъ и воръ
Великаго, почтеннаго отъ Бога,
И милосердаго царя Бориса
Кусательно язвитъ, а отъ себя
Вамъ милостей не мало обѣщаетъ;
И Юрьевъ день обратно вамъ сулитъ.
И вамъ велитъ великій государь
Тому разстригѣ вѣры не давать;
А кто повѣритъ, или кто посмѣетъ
Сказать, что онъ есть истинный Димитрій—
Великій царь тому, не медля, вырвать
Велитъ языкъ. Я все сказалъ—простите!

Кланяется и сходитъ съ Лобнаго мѣста.
Молчаніе въ народѣ.

ОДИНЪ.

Вотъ-те и рѣчь!

ДРУГОЙ.

Къ чему онъ велъ ее?

ТРЕТІЙ.

Знать, близко тотъ.

ПЕРВЫЙ.

И нашихъ съ нимъ довольно.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

И милости, слышь, обѣщаетъ намъ

ВТОРОЙ.

Да, Юрьевъ день, слышь, отдаетъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ что̀ же?

ПЕРВЫЙ.

А то, что, слышь, языкъ свой береги.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Побережемъ.

ПЯТЫЙ.

А не идти-ль туда?

ВТОРОЙ.

Куда туда?

ПЯТЫЙ.

На встрѣчу-то?

ТРЕТІЙ.

Ну, ну,
Чай, подождемъ.

ПЯТЫЙ.

Да долго-ль ждать?

ВТОРОЙ.

А здѣсь-то
Спужались, чай!

ТРЕТІЙ.

Да, есть съ чего спужаться;
Вѣдь тотъ-то прирожоный!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Подождемъ!

ВТОРОЙ.

Ну, подождемъ.

ПЕРВЫЙ.

И вправду подождемъ.

Народъ расходится, разговаривая вполголоса.

Покой во дворцѣ съ низкимъ сводомъ и рѣшетчатымъ окномъ.

Вдова царица Марія Нагая, во иночествѣ Марѳа, одна.

МАРѲА.

Четырнадцать минуло долгихъ лѣтъ
Со дня какъ ты, мой сынъ, мой ангелъ Божій,
Димитрій мой, упалъ, окровавленный,
И на моихъ рукахъ послѣдній вздохъ
Свой испустилъ, какъ голубь трепеща!
Четырнадцать я лѣтъ все плачу, плачу,
И выплакать горючихъ слезъ моихъ
Я не могу. Дитя мое, Димитрій!
Доколь дышу, все плакать, плакать буду
И клясть убійцу твоего! Онъ ждетъ,
Чтобъ крестнымъ цѣлованьемъ смерть твою

Я предъ народомъ русскимъ утвердила—
Но кто-бъ ни былъ невѣдомый твой мститель,
Идущій на Бориса—да хранитъ
Его Господь! Я ни единымъ словомъ
Не обличу его! Лгать буду я!
Моимъ его я сыномъ буду звать!
Кто-бъ ни былъ онъ—онъ врагъ тебѣ, убійца—
Онъ мнѣ союзникъ будетъ! Торжество
Небесныя ему пошлите силы,
Его полки ведите на Москву!
Иди, иди, каратель Годунова!
Сорви съ него украденный вѣнецъ!
Низринь его! Попри его ногами!
Чтобъ онъ, какъ звѣрь во прахѣ издыхая,
Тотъ вспомнилъ день, когда въ мое дитя
Онъ ножъ вонзилъ! Но слышатся шаги—
Идутъ! Меня забила дрожь—и холодъ
Проникнулъ въ мозгъ моихъ костей—то̀ онъ!
Убійца тутъ—онъ близко—Матерь Божья!
Дай мнѣ владѣть собой! Притворствомъ сердце
Исполни мнѣ—изгладь печаль съ лица—
Перероди меня—содѣлай схожей
Коварствомъ съ нимъ, чтобъ на моихъ чертахъ
Изобразить съумѣла бы я радость
О мнимомъ сынѣ, возвращенномъ мнѣ!

Входитъ Борисъ со свѣчей, которую ставитъ на столъ.

БОРИСЪ—съ поклономъ.

Царица Марья Өедоровна, бью
Тебѣ челомъ!

МАРӨА.

Пострижена царица
По твоему указу. Предъ тобой
Лишь инокиня Марөа.

БОРИСЪ.

Твой обѣтъ
Не умаляетъ званья твоего,
Я предъ тобой благоговѣю нынѣ,
Какъ нѣкогда благоговѣлъ, когда
Сидѣла ты съ царемъ Иваномъ рядомъ.

МАРѲА.

Благодарю.

БОРИСЪ.

Царица, до тебя
Ужъ вѣсть дошла—

МАРѲА.

Что сынъ мой отыскался?
Дошла, дошла! Благословенъ Господь!
Когда его увижу я?

БОРИСЪ.

Царица,
Въ умѣ ли ты? Твой сынъ, сама ты знаешь,
Четырнадцать ужъ лѣтъ тому, въ недугѣ
Упалъ на ножъ—

МАРѲА.

Зарѣзанъ былъ. Ты то̀ ли
Хотѣлъ сказать? Но я лишилась чувствъ,
Когда та вѣсть достигла до меня—
Его я мертвымъ не видала!

БОРИСЪ.

Но
Онъ мертвъ, царица—онъ убился—въ томъ
Сомнѣній нѣтъ—

МАРѲА.

Такъ мнила я сама...

БОРИСЪ.

Его весь Угличъ мертвымъ видѣлъ—

МАРѲА.

Я
Не видѣла его!

БОРИСЪ.

На панихидѣ
Ты у его молилась трупа—

МАРѲА.

Слезы
Мои глаза мрачили; я другого
За сына приняла. Теперь я знаю,
Димитрій живъ! Примѣты мнѣ его
Всѣ сказаны—онъ живъ, онъ живъ, мой Дмитрій.
Онъ живъ, мой сынъ!

БОРИСЪ.

Возможно-ль! Радость блещетъ
Въ твоихъ очахъ? Ужель ты вправду вѣришь,
Что живъ твой сынъ? Ужель мнѣ сомнѣваться?
Ужели былъ и Клешнинымъ, и Шуйскимъ
Обманутъ я?

Входитъ царица Марія Григорьевна.

ЦАРИЦА.

Не прогнѣвись, Борисъ
Ѳеодорычъ. Твой разговоръ съ царицей

Я слышала за дверью. Не втерпёжъ,
Свѣтъ-государь, мнѣ стало: поклониться
Царицѣ Мареѣ захотѣлось.

Кланяется.

Земно
Тебѣ я, матушка царица Мареа
Ѳеодоровна, кланяюся. Слышу:
Царевича ты мертвымъ не считаешь?
Такъ, стало, тотъ, кто въ Угличѣ убился,
Тебѣ не сынъ?

МАРѲА.

Не знаю, кто убился—
Димитрій живъ! Отъ вашихъ рукъ онъ Божьимъ
Невѣдомо былъ промысломъ спасенъ!
Хвала Творцу и Матери Пречистой,
Мой сынъ спасенъ!

БОРИСЪ.

Царица—если вѣришь
Ты истинно тому, чтó говоришь—
Повѣдай мнѣ: кто подмѣнилъ его?
Кѣмъ онъ и какъ изъ Углича похищенъ?
Гдѣ онъ досель скрывался? Чтобы вѣру
Тебѣ я далъ, я долженъ вѣдать все!

МАРѲА.

Какое дѣло мнѣ, ты вѣришь, нѣтъ ли?
Вѣрь, или нѣтъ—довольно: живъ мой сынъ—
Не удалось твое злодѣйство!

БОРИСЪ.

Нѣтъ!
Не можетъ быть! Неправда! Быть не можетъ.
Какъ спасся онъ?

МАРѲА.

Дрожишь ты наконецъ!

БОРИСЪ.

Какъ спасся онъ? Царица, берегися—
Тебя могу заставить я сказать
Всю правду мнѣ!

ЦАРИЦА.

Свѣтъ-государь Борисъ
Ѳеодорычъ, быть можетъ, обойдемся
Безъ пытки мы! Ты, матушка-царица,
Его убитымъ не видала?

МАРѲА.

Нѣтъ!

ЦАРИЦА.

А полно такъ ли, матушка? Подумай.

МАРѲА.

Могла-ль его убитымъ видѣть я,
Когда убитъ онъ нé-былъ?

ЦАРИЦА.

А посмотримъ.

Отворяя дверь.

Войди, голубка!

Входитъ Волохова.

ЦАРИЦА—*къ Марѳѣ.*

Знаешь ты ее?

МАРѲА.

Она! Она! Прочь, прочь ее возьмите!
Возьмите прочь!

ЦАРИЦА.

Что̀, матушка, съ тобой?
Что̀ взволновалася ты такъ? Зачѣмъ
Тебя приводитъ въ ужасъ Василиса?

МАРѲА.

Прочь! Прочь ее! Кровь на ея рукахъ!
Кровь Дмитрія! Будь проклята во-вѣки!
Будь проклята!

ЦАРИЦА — къ Волоховой.

Довольно, Василиса,
Ступай себѣ.

Волохова уходитъ.

Ну, батюшка Борисъ
Ѳеодорычъ? Увѣрился теперь,
Что нѣтъ въ живыхъ ея царёнка? То-то!
Ужъ ты за пытку-было! Ты уменъ,
А я простая баба, дочь Малюты,
Да знаю то, что пытки есть иныя
Чувствительнѣй и дыба и когтей.
Чего-жъ ты, свѣтъ, задумался? Забылъ ли
Зачѣмъ пришелъ?

Дергаетъ Марѳу за̀-руки.

Опомнися, царица!
Оправься, мать. Ну, государь?

БОРИСЪ.

Царица,
Ты выдала себя. Теперь мы знаемъ,
Не можешь ты за сына почитать
Обманщика, дерзнувшаго назваться
Димитріемъ. Какъ ни погибъ царевичъ —
Хотя-бъ о томъ мнѣ ложно донесли —
Но онъ погибъ. Твоя печаль, повѣрь,

Почтенна для меня, и тяжело
Мнѣ на-душу твое ложится горе.
Я-бъ много далъ, чтобъ прошлое вернуть —
Но прошлое не въ нашей власти. Мы
Должны теперь о настоящемъ думать.
Великую, царица, можешь ты
Бѣду отъ царства отвратить: лишь стоитъ
Передъ народомъ клятву дать тебѣ,
Что Дмитрій мертвъ и погребенъ. Согласна-ль
На это ты?

МАРѲА.

Я выдала себя —
Мой сынъ убитъ. Но какъ о томъ народу
Я повѣщу? Ты въ томъ ли мнѣ велишь
Крестъ цѣловать, что на моихъ глазахъ
Тобою купленная мамка сына
Убійцамъ въ руки предала?

БОРИСЪ.

Клянусь,
Я не приказывалъ того!

МАРѲА.

Мой сынъ
Тобой убитъ. Судьба другого сына
Послала мнѣ—его я принимаю!
Димитріемъ его зову! Приди,
Приди ко мнѣ, воскресшій мой Димитрій!
Приди убійцу свергнуть твоего!
Да, онъ придетъ! Онъ близко, близко—вижу
Побѣдные его ужъ блещутъ стяги —
Онъ подъ Москвой—предъ именемъ его
Отверзлися кремлевскія ворота —
Безъ бою онъ вступаетъ въ городъ свой —

Народный плескъ я слышу—льются слезы —
Димитрій царь! И къ конскому хвосту
Примкнутаго тебя, его убійцу,
Влекутъ на казнь!

ЦАРИЦА.

Пророчитъ гибель намъ
Твоя гортань?

Схватываетъ зажженную свѣчу и бросается съ нею на Мароу.

Такъ подавись же, сука!

БОРИСЪ — *удерживая ее, къ Марѳѣ.*

Отчаянью прощаю твоему.
Размыслишь ты, что месть твоя не можетъ
Царевича вернуть, но что въ твоей,
Царица, власти помѣшать потокамъ
Кровавымъ течь, и брату встать на брата.
Не мысли ты, что до Москвы безъ боя
Дойдетъ тотъ воръ! Нѣтъ, онъ лишь чужеземцевъ
Къ намъ приведетъ! Раздоръ лишь воспалитъ онъ!
Утраченный тебѣ твой дорогъ сынъ;
Но менѣе-ль тебѣ, царица, дорогъ
Покой земли? Молчаніемъ своимъ
Усобицѣ откроешь ты затворы;
Тьма бѣдъ, царица, по твоей винѣ,
Падетъ на Русь! За нихъ предъ Богомъ будешь
Ты отвѣчать. О томъ раздумать время
Даю тебѣ—прости! Свѣти мнѣ, Марья!

Уходитъ съ царицей.

МАРѲА — *одна.*

Ушли—жало жгучее уносятъ
Въ своихъ сердцахъ! Я ранила ихъ на-смерть.
Я, Дмитріева мать! Теперь ихъ дни

Отравлены! Безъ сна ихъ будутъ ночи!
Лишь отъ меня спасенія онъ ждалъ—
Я не спасу его! Пусть занесенный
Топоръ падетъ на голову ему!
Прости, мой сынъ, что именемъ твоимъ
Я буду звать безвѣстнаго бродягу,
Чтобъ отомстить злодѣю твоему.
На твой престолъ онъ долженъ сѣсть; вѣнецъ твой
Надѣнетъ онъ; въ твой теремъ онъ войдетъ;
Нарядится онъ въ золото и въ жемчугъ—
А ты, мой сынъ, мое дитя, межъ тѣмъ,
Въ сырой землѣ ждать будешь воскресенья,
Во гробикѣ! О, Господи! Послѣдній
Ребенокъ нищаго на Божьемъ солнцѣ
Волёнъ играть—ты-жъ, для вѣнца рожденный,
Лежишь во тьмѣ и въ холодѣ! Не время
Твои пресѣкло дни! Ты могъ бы жить!
Ты выросъ бы! На славу всей землѣ
Ты-бъ царствовалъ теперь! Но ты убитъ!
Убитъ мой сынъ! Убитъ, убитъ, мой Дмитрій!

Падаетъ нà-земь и рыдаетъ.

Покой во дворцѣ.

Борисъ сидитъ въ креслахъ. Передъ нимъ стоитъ врачъ.

БОРИСЪ.

Не легче королевичу?

ВРАЧЪ.

Увы,
Великій царь, припадки стали чаще!

БОРИСЪ.

Надежда есть?

ВРАЧЪ.

Не много, государь.

БОРИСЪ.

Но чѣмъ онъ такъ внезапно заболѣлъ?

ВРАЧЪ.

Невѣдомые признаки сбиваютъ
Насъ съ толку, царь.

БОРИСЪ.

Послушай. Жизнь его
Мнѣ собственной моей дороже жизни!
Сокровища не знаю я такого,
Котораго-бъ не отдалъ за него!
Скажи своимъ товарищамъ, скажи имъ —
И помни самъ—нѣтъ почестей такихъ,
Какими бы я щедро не осыпалъ
Спасителя его!

ВРАЧЪ.

Великій царь,
Не почести намъ знанья придадутъ.
По долгу мы служить тебѣ готовы;
Награда намъ не деньги, а успѣхъ.
Но случая подобнаго ни разу
Никто изъ насъ не встрѣтилъ.

БОРИСЪ.

Воротись
Къ нему скорѣй. Блюди его; науку
Всю истощи свою! Во что-бъ ни стало,

Спаси его! Скажи другимъ: предѣловъ
Не будетъ благодарности моей!
Ступай, ступай!

Врачъ уходитъ.

БОРИСЪ — одинъ.

Ужели насъ Господь
Еще накажетъ этою потерей!
Онъ то звено, которымъ вновь связалъ бы
Я древнюю расторгнутую цѣпь
Межъ западомъ и русскою державой!
Черезъ него ей возвратилъ бы море
Варяжское! Чтò Ярославъ стяжалъ,
Чтó подъ чужимъ мы игомъ потеряли—
Безъ боя то, безъ спора возвратилъ бы
Я вновь Руси! Со смертію его
Все рушится. А Ксенія моя!
Чѣмъ чистая душа ея виновна,
Что преступленье нѣкогда свершилъ
Ея отецъ! Ты, бѣдная! Легко
Жилось тебѣ, и по наслышкѣ только
Ты вѣдала о горестяхъ людскихъ.
Ужели ихъ на дѣлѣ испытать
Такъ рано ты осуждена? Ужели
Всѣ бѣды съединятся, чтобы разомъ
На насъ упасть? Здѣсь умираетъ зять,
А тамъ растетъ тотъ врагъ непостижимый—
Моя вина, которой утвердить
Навѣки я хотѣлъ работу жизни;
Она-жъ тяжелой рушится скалой
На зданіе мое!

Входитъ Семенъ Годуновъ со сверткомъ въ рукахъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій царь—

БОРИСЪ.

Какую новую бѣду еще
Ты мнѣ принесъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То не бѣда, а дерзость.
Великій государь; къ тебѣ писать
Осмѣлился тотъ воръ...

БОРИСЪ.

Подай сюда,
Видъ царской грамоты имѣетъ свертокъ,
И царская привѣшена печать...
Искусно все поддѣлано. Прочти!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ — читаетъ.

«Великій князь и царь всея Русія
«Димитрій Іоаннович, тебѣ,
«Борису Годунову! Отъ ножа
«Бывъ твоего избавлены чудесно,
«Идемъ возсѣсть на царскій нашъ престолъ
«И судъ держать великій надъ тобою.
«И казни злой тебѣ не миновать,
«Когда пріимемъ наши государства,
«Но если ты, свою познавши мерзость,
«До нашего прихода съ головы,
«Со скверныя со своея, самъ сложишь
«Нашъ воровски похищенный вѣнецъ,
«И въ схиму облечешься, и смиренно
«Въ монастырь оплакивать свой грѣхъ
«Затворишься — мы, въ жалости души,
«Тебя на казнь не обречемъ, но милость
«Тебѣ, Борису, царскую мы нашу
«Тогда явимъ. Путивль, осьмого марта».

Борисъ закрываетъ лицо руками.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Тебя кручинитъ этотъ дерзкій листъ?

БОРИСЪ.

Не оттого, что послѣ всѣхъ трудовъ
И напряженья цѣлой жизни, тяжко
Лишиться было-бъ мнѣ вѣнца! Всегда
Я былъ готовъ судьбы удары встрѣтить.
Но если онъ мнѣ *милость* предлагаетъ,
Разсчитывать онъ долженъ, что вся Русь
Отпасть готова отъ меня! И онъ,
Быть можетъ, правъ. Тѣ самые, кто слезно
Меня взойти молили на престолъ,
Они-жъ теперь, безъ нуды и безъ боя,
Ему предать меня спѣшатъ! И здѣсь,
Здѣсь, на Москвѣ, покорные наружно,
Въ душѣ врагу усердствуютъ они!
А что́ я сдѣлалъ для земли, что́ я
Для государства сдѣлалъ—то забыто!
Мнѣ это горько.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь, что̀ можетъ
Тотъ наглый воръ?

БОРИСЪ.

Такимъ его считалъ я,
Такимъ считать велитъ его разсудокъ—
Но послѣ всѣхъ невзгодъ моихъ, невольно
Сомнѣнія рождаются во мнѣ.
Свидѣтеля мнѣ надо, кто бы видѣлъ
Димитрія умершимъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Но царица
Созналася...

БОРИСЪ.

Сознаніе ея
Могло испугомъ вынуждено быть.
Я вѣдаю, что было покушенье,
Но знать хочу: была ли смерть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Его
Василій Шуйскій мертвымъ видѣлъ.

БОРИСЪ.

Шуйскій!
Могу ли вѣрить я ему?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Тогда
Вели призвать Андрея Клешнина.
Онъ схиму принялъ, Богу отдался,
Онъ не солжетъ.

БОРИСЪ.

Послать за нимъ! Но тайно
Пусть онъ придетъ. И говорить ни съ кѣмъ
Чтобы не смѣлъ!

СТОЛЬНИКЪ—отворяетъ дверь.

Великій государь,
Врачи тебѣ прислали повѣстить:
Отходитъ королевичъ!

БОРИСЪ.

Боже правый!

Уходитъ съ Годуновымъ. Царевичъ Федоръ отворяетъ дверь, осматривается и говоритъ за кулисы.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ никого—войди, сестра!

КСЕНІЯ—входя.

Какъ мнѣ
Наединѣ съ тобою быть хотѣлось!
Чтò ты узналъ о немъ?

ѲЕДОРЪ.

Не допустили
Меня къ нему; но я у двери слушалъ:
Тебя зоветъ съ собою громко онъ
Въ Норвегію, и то же обвиненье
Твердитъ о нашемъ объ отцѣ!

КСЕНІЯ.

Ужасный,
Ужасный бредъ!

ѲЕДОРЪ.

Бредъ, говоришь ты?

КСЕНІЯ.

Какъ?
Ты думаешь онъ вправду вѣритъ?

ѲЕДОРЪ.

Ксенья—
Когда-бъ одно лишь это могъ я думать?

КСЕНІЯ.

Но чтó-жъ еще?

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ знать
Ты не должна! Не спрашивай меня!

КСЕНІЯ — взявъ его за руку.

Братъ, слышишь?

ѲЕДОРЪ.

Чтò?

КСЕНІЯ.

На половинѣ той
Забѣгали!..

ѲЕДОРЪ.

Отецъ идетъ сюда—

КСЕНІЯ.

Мнѣ страшно, Ѳедоръ!

БОРИСЪ — входя.

Ксенія моя—

КСЕНІЯ.

Отецъ, чтò тамъ случилось?

БОРИСЪ.

Будь тверда—
Крѣпися, Ксенья!

ѲЕДОРЪ — къ Борису.

Пощади ее!

КСЕНІЯ.

Да, я тверда! Я все могу услышать—
Надежды нѣтъ? Нѣтъ никакой? Скажи!

БОРИСЪ.

Все кончено!

Ксенія шатается и падаетъ.

БОРИСЪ—поддерживая ее.

Господь съ тобою, Ксенья!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Престольная палата.

Ночь. Луна играетъ на стѣнахъ и на полу.

Двое часовыхъ.

ПЕРВЫЙ.

Что̀, долго ли до смѣны?

ВТОРОЙ.

Чай, усталъ?

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, жутко какъ-то.

ВТОРОЙ.

Да и мнѣ, признаться,
Не по̀-сердцу въ палатѣ этой. Все
Какъ будто ходитъ кто-то. Поглядишь—
Нѣтъ никого!

ПЕРВЫЙ.

Ну, Богъ съ тобой! Не къ ночи
Объ этомъ рѣчь.

ВТОРОЙ.

Часокъ еще, пожалуй,
Стоять придется.

ПЕРВЫЙ.

То-то. А, ей-Богу,
Двойную смѣну на дворѣ бы лучше
Я простоялъ!

ВТОРОЙ.

Вишь, самъ заводишь рѣчь!

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, чуръ меня! О чемъ-нибудь другомъ
Заговоримъ. Замѣтилъ ты сегодня,
Какъ пасмуренъ былъ царь?

ВТОРОЙ.

И впрямь, онъ былъ
Еще мрачнѣе, чѣмъ эти дни.

ПЕРВЫЙ.

Кручина...

ВТОРОЙ.

Да, есть о чемъ. А, говорятъ, Басмановъ
Того разбилъ недавно вора.

ПЕРВЫЙ.

Чтò же
Все мраченъ царь? Не вѣритъ, что ли?

ВТОРОЙ.

Ликъ-то
Какъ страшенъ сталъ!

ПЕРВЫЙ.

Глядитъ и не глядитъ—

ВТОРОЙ.

Я-бъ не хотѣлъ теперь его увидѣть!

ПЕРВЫЙ.

Избави Богъ!

ВТОРОЙ.

Постой—ты слышалъ?

ПЕРВЫЙ.

Что?

ВТОРОЙ.

Дверь скрипнула!..

ПЕРВЫЙ.

Ну, ври себѣ!

ВТОРОЙ.

Шаги!..

ПЕРВЫЙ.

И впрямь шаги...

ВТОРОЙ.

То изъ покоевъ царскихъ
Сюда идутъ... все ближе...

ПЕРВЫЙ—съ испугомъ.

Кто идетъ?

ВТОРОЙ.

Молчи, молчи! Онъ самъ!

Борисъ, въ рубахѣ, поверхъ которой накинутъ опашень, входитъ, ихъ не замѣчая.

БОРИСЪ—про себя.

«Убитъ, но живъ!»
Меня съ одра все тотъ же призракъ гонитъ.
Даны часы покоя всякой твари;
Растеніе, и то покой находитъ,
Въ росѣ купая пыльные листы!
Такъ быть нельзя. Чтобы вести борьбу,
Я разумомъ владѣть свободнымъ долженъ.
Мнѣ нуженъ сонъ. Не можетъ безъ наклада
Никто вращать въ себѣ, и день и ночь,
Все ту же мысль. И жерновъ изотрется,
Кружась безъ отдыха... «Убитъ, но живъ!»
Я совершилъ безъ пользы преступленье!
Проклятья даромъ на себя навлекъ!
Когда судьбой такъ былъ обманутъ я—
Когда онъ—живъ, зачѣмъ же я, какъ Каинъ,
Брожу теперь? Безвинностью моей
Я заплатилъ за эту смерть—душою
Ее купилъ! Я требую, чтобъ торгъ
Исполненъ былъ! Я честно отдалъ плату—
Такъ пусть же мой противникъ вправду сгинетъ,
Иль пусть опять безвиненъ буду я!

Осматривается.

Куда зашелъ я? Это тотъ престолъ,
Гдѣ, въ день вѣнчанья моего, я въ блескѣ
Невиданномъ дотолѣ возсѣдалъ!
Онъ мой еще! Съ помазанной главы
Тѣнь не сорветъ вѣнца!

Подходитъ и отступаетъ въ ужасѣ.

Престолъ мой занятъ!

Приходитъ въ себя.

Нѣтъ, это тамъ играетъ лунный лучъ!..
Безумный бредъ! Все та же мысль! Рожденье
Безсонницы! Но нѣтъ—я точно вижу—
Вновь что-то тамъ колеблется какъ дымъ—
Сгущается—и образомъ стать хочетъ!
Ты—ты! Я знаю, чѣмъ ты хочешь стать—
Сгинь! Пропади!

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ.

Святая сила съ нами!

ВТОРОЙ.

Помилуй Богъ насъ!

БОРИСЪ.

Кто здѣсь говоритъ?

Увидѣвъ часовыхъ.

Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь? Какъ смѣли вы
Подслушивать?

ВТОРОЙ.

Великій государь—
Наряжены мы теремъ караулить!..

БОРИСЪ.

Вы на часахъ? Такъ гдѣ же ваши очи?
Смотри туда! Чтó на престолѣ тамъ?

ВТОРОЙ.

Царь-государь... я ничего не вижу!..

БОРИСЪ.

Такъ подойди-жъ и бердышемъ своимъ
Ударь въ престолъ! Чего дрожишь? Иди—
Ударь въ престолъ!

Часовой подходитъ къ престолу.

Стой! Воротись—не надо!
Я надъ тобой смѣялся! Развѣ ты
Не видишь, трусъ, что это мѣсяцъ свѣтитъ
Такъ отъ окна? Тебѣ и нѐвѣсть что̀
Почудилось?.. Смотрите же вы оба:
О томъ, что̀ здѣсь вы слышали сейчасъ,
Иль видѣли—молчать подъ смертной казнью!
Вы знаете меня!

Вздрогнувъ.

Кто тамъ?

Входитъ Семенъ Годуновъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То я,
Великій государь! Тебя ищу я...

БОРИСЪ.

Кто право далъ тебѣ за мной слѣдить?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ—тихо.

Андрей Клешнинъ, по твоему велѣнью,
Къ тебѣ пришелъ.

БОРИСЪ—къ часовымъ.

Ступайте оба прочь!

Часовые уходятъ.

БОРИСЪ.

Никто не видѣлъ Клешнина?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Никто,
По тайному крыльцу его я въ теремъ
Самъ проводилъ.

БОРИСЪ.

Впусти его!

Семенъ Годуновъ уходитъ.

Подъ схимой
Онъ отъ мірскихъ укрылся треволненій,
А я, какъ грозный нѣкогда Иванъ,
Безъ отдыха метусь. Какъ онъ, средь ночи
Жду схимника, чтобы сомнѣнье мнѣ
Онъ разрѣшилъ. И какъ при немъ, такъ нынѣ
При мнѣ грозитъ Русіи распаденье!
Ужель судьба минувшіе тѣ дни
Надъ нею повторяетъ? Иль въ двадцать
Протекшихъ лѣтъ не двинулся я съ мѣста?
И что̀ я прожилъ, былъ пустой лишь сонъ?
Сдается мнѣ, я шелъ, все шелъ впередъ,
И мнилъ пройти великое пространство,
Но только кругъ огромный очертилъ,
И, утомлёнъ, на то-жъ вернулся мѣсто,
Откуда шелъ. Лишь имена смѣнились,
Преграда та-жъ осталась предо мной—
Противникъ живъ—вѣнецъ мой лишь насмѣшка,
А истина—злодѣйство есть мое—
И за него проклятья!

Входитъ Клешнинъ въ схимѣ и въ веригахъ.

БОРИСЪ.

Это ты?

КЛЕШНИНЪ.

Я са̀мъ. Зачѣмъ меня ты потревожилъ?
Спокойно не далъ умереть? Въ чемъ дѣло?

БОРИСЪ.

Давно съ тобою не видались мы.

КЛЕШНИНЪ.

И лучше бы намъ вовсе не видаться.

БОРИСЪ.

Ты нуженъ мнѣ.

КЛЕШНИНЪ.

Еще? Кого зарѣзать
Задумалъ ты?

БОРИСЪ.

Твоя не впору дерзость,
Ее терпѣть я не хочу!

КЛЕШНИНЪ.

А я
Хочу быть дерзокъ. Или, мнишь ты, послѣ
Того, что̀ я видаю по ночамъ,
Ты страшенъ мнѣ?

БОРИСЪ.

Оставь обычай свой.
Дай мнѣ отвѣтъ по-правдѣ: въ Угличъ ты
На розыскъ тотъ посыланъ съ Шуйскимъ былъ,
Дай мнѣ отвѣтъ—и царствіемъ небеснымъ
Мнѣ поклянись: убитъ, иль нѣтъ Димитрій?

КЛЕШНИНЪ.

Убитъ ли онъ? Дивлюся я тебѣ,
Или мою не разглядѣлъ ты схиму?
Такъ посмотри же на мое лицо!
Зачѣмъ бы я постился столько лѣтъ?
Зачѣмъ бы я носилъ вериги эти?
Зачѣмъ живой зарылся-бъ въ землю я,
Когда-бъ убитъ онъ не былъ?

БОРИСЪ.

Ты его
Самъ видѣлъ мертвымъ?

КЛЕШНИНЪ.

Будь спокоенъ. Мы
Его убійцъ названье не украли —
Оно, по праву, наше: на гортани
Зіяетъ рана въ цѣлую ладонь!

БОРИСЪ.

И не было подмѣна?

КЛЕШНИНЪ.

Нѣтъ. Когда бы
Его черты забыть я могъ—мнѣ ихъ
Мои бы сны напомнили...

БОРИСЪ.

Кто-жъ тотъ
Кто называетъ Дмитріемъ себя?

КЛЕШНИНЪ.

Почемъ мнѣ знать! Духъ, можетъ быть, иль хуже;
Но говорить съ тобой объ этомъ ночью
Я не хочу. Объ эту пору чутокъ
Бываетъ тотъ!

БОРИСЪ.

Андрей—

КЛЕШНИНЪ.

Забудь Андрея!
Четырнадцать ужъ лѣтъ въ болотѣ черти
Играютъ имъ. Братъ Левкій предъ тобой.

БОРИСЪ.

Постригся ты, но схима не смирила
Твой злобный духъ. Не кротостію рѣчь
Твоя звучитъ...

КЛЕШНИНЪ.

Не въ кротости спасенье.
Ты мягко стлалъ, но не помогъ себѣ
Медовой рѣчью въ горькую годину.
Не помогли и казни. Надъ тобой
Проклятье Божье. Мерзость ты свою
Познай, какъ я! прими такую-жъ схиму;
Сложи вѣнецъ, молися и постись;
Заприся въ кельѣ—

БОРИСЪ.

Русскою землею
Блюсти ее, на царство я избранъ!
Въ невзгоды часъ съ престола моего
Я не сойду какъ скоморохъ съ подмостокъ!
Съ мечомъ въ рукахъ, не съ четками я встрѣчу
Врага земли!

КЛЕШНИНЪ.

Земля тебя клянетъ!
А врагъ у насъ съ тобой одинъ: оружью
Онъ твоему смѣется! Съ нимъ сразиться
Ты можешь только, павши ницъ во прахъ
Передъ крестомъ!

БОРИСЪ.

Когда придетъ мой часъ,
Я принесу за грѣхъ мой покаянье.
Теперь грозу я долженъ встрѣтить. Если
Тебѣ еще что̀ вѣдомо въ семъ дѣлѣ,
Скажи мнѣ все!

КЛЕШНИНЪ.

Я все тебѣ сказалъ.
Убійца ты. Волхвы тебѣ когда-то
Семь лѣтъ царенья предсказали. Близокъ
Твой смертный часъ. Прости—я ухожу.
Отъ инока, отъ Левкія прими
Благословенье днесь.

БОРИСЪ.

Передъ твоей
Священною склоняюся я схимой—
Не предъ тобой, монахъ!

КЛЕШНИНЪ.

Лобзай же руку,
Благословляющую тя!

БОРИСЪ.

Твою?

КЛЕШНИНЪ.

Она въ крови? Такъ что-жъ? Ты развѣ чище?
Сложи вѣнецъ!

БОРИСЪ.

Съ судьбой бороться буду
Я до конца!

КЛЕШНИНЪ.

Такъ умирай какъ песъ!

Уходитъ.

Утро. Покой передъ царской опочивальней.

Спальникъ слушаетъ у дверей. Входитъ Семенъ Годуновъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Что́ государь? Каковъ онъ?

СПАЛЬНИКЪ.

До разсвѣта
Въ постелю не ложился. Все ходилъ,
Попрежнему, и самъ съ собою все
Какъ будто разговаривалъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Басмановъ
Сей ночью прибылъ; о своей побѣдѣ
Царю отчетъ привезъ онъ. Царь его
Не принималъ?

СПАЛЬНИКЪ.

Нѣтъ. Грамоту къ себѣ
Потребовалъ; прочтя, перекрестился,
Ему-жъ велѣлъ быть къ лобному столу.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И легъ въ постель?

СПАЛЬНИКЪ.

Легъ, только не надолго;
Чрезъ краткій часъ всталъ снова, и велѣлъ
Царевича позвать; а намъ далъ строгій
Запретъ за два покоя никого
Къ нимъ не пускать.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Они доселѣ вмѣстѣ?

СПАЛЬНИКЪ.

Досель... но вотъ, кажись, идутъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Уйдемъ!

Оба уходятъ. Борисъ входитъ въ разговорѣ съ царевичемъ Ѳедоромъ.

БОРИСЪ.

Мы трудныя съ тобою времена
Проходимъ, сынъ. Предвидѣть мы не можемъ,
Какой борьба пріиметъ оборотъ
Съ врагомъ Руси. Мои слабѣютъ силы;
Престолъ мой новъ; опасна смерть моя
Для нашего теперь была бы рода;
Предупредить волненья мы должны.
Я положилъ: торжественною клятвой
Связать бояръ въ ихъ вѣрности тебѣ.
Сегодня, сынъ, тебя вѣнчать на царство
Я положилъ!

ѲЕДОРЪ.

Отецъ, помилуй! Какъ?
Въ тотъ самый день, когда ты честь воздать
Басманову за славную побѣду
Готовишься!

БОРИСЪ.

Измѣнчива судьба,
Мы на лету ея всечасно ласку
Ловить должны. Усердье къ вамъ людей

Съ ней за-одно. Сегодня прежнимъ блескомъ
Мой свѣтитъ скиптръ. Въ Бориса счастье снова
Повѣрили. Сегодня уклониться
Отъ царской воли никому не можетъ
И въ мысль войти. Но знаемъ ли мы чтó
Насъ завтра ждетъ? Я на обѣдѣ царскомъ
Отъ всѣхъ бояръ хочу тебѣ присяги
Потребовать.

ѲЕДОРЪ.

Прошу тебя, отецъ,
Уволь меня!

БОРИСЪ.

Пріять вѣнецъ русійскій
Назначенъ ты въ тотъ самый день, когда
На царство я взведенъ былъ земской думой.
Себѣ и роду своему престолъ
Упрочить ты обязанъ.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, отецъ!
Я не могу—уволь меня!

БОРИСЪ.

Сынъ Ѳедоръ—
Чтó значитъ это?

ѲЕДОРЪ.

Не гнѣвись, отецъ—
Вѣнчаться не могу я! На престолъ--
Я не имѣю права!

БОРИСЪ.

Какъ?

ѲЕДОРЪ.

Отецъ,
Прости меня! Ты борешься упорно—
Я-жъ не увѣренъ, что противникъ твой—
Не истинный Димитрій!

БОРИСЪ.

Не увѣренъ?
Ты, Ѳедоръ—ты?

ѲЕДОРЪ.

Я углицкое дѣло
Читалъ, отецъ, и Шуйскаго тотъ розыскъ.
Безсовѣстно допросъ былъ учиненъ!
Отыскивать не такъ бы долженъ правду
Кто-бъ искренно хотѣлъ ее узнать!

БОРИСЪ.

Но правда та мнѣ вѣдома!

ѲЕДОРЪ.

Ты могъ
Обманутъ быть!

БОРИСЪ.

Нѣтъ, не былъ я обманутъ!

ѲЕДОРЪ.

Отъ Шуйскаго лишь углицкое дѣло
Ты то узналъ!

БОРИСЪ.

Я прежде зналъ его!

ѲЕДОРЪ.

Ты?

БОРИСЪ.

Я!

ѲЕДОРЪ.

Отецъ! Какъ могъ его ты знать?

БОРИСЪ.

Когда тебѣ улики дамъ я въ руки,
Что Дмитрій мертвъ—

ѲЕДОРЪ.

Какъ? У тебя иныя
Улики есть, чѣмъ тѣ, что сôбралъ Шуйскій?

БОРИСЪ.

Иныя—да!

ѲЕДОРЪ.

И ты доселѣ ихъ
Не предъявилъ?

БОРИСЪ.

Я ихъ не предъявлю!
Мнѣ нà-слово повѣрить долженъ ты!
Димитрій мертвъ!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, прежде не повѣрю,
Чѣмъ самъ увижу тѣ улики!

БОРИСЪ.

Ты—
Ихъ требуешь? Ты хочешь ихъ, сынъ Өедоръ?
Такъ знай же все!

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! Молчи!
Повѣрилъ я! Не говори ни слова—
Повѣрилъ я!

Молчаніе.

БОРИСЪ.

Не долго мнѣ осталось
На свѣтѣ жить. Земли мнѣ русской слава,
Свидѣтель Богъ, была дороже власти.
Но, вижу я, на мнѣ благословенья
Быть не могло.

ӨЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Оно не можетъ
Быть на тебѣ?

БОРИСЪ.

Ты чистъ и бѣлъ. Тебя
Отъ прикасанья зла предохранить
Мнѣ удалось. Господь твою державу
Благословитъ.

ӨЕДОРЪ.

О, еслибъ не пришлось мнѣ
Ее принять!

БОРИСЪ.

Неизлечимъ недугъ
Душевный мой. Онъ разрушаетъ тѣло—

И быстро я, усильямъ вопреки,
Иду къ концу. Въ страданьи человѣкъ
Бываетъ слабъ. Мнѣ вѣдать тяжело,
Что всѣ меня клянутъ... Услышать слово
Привѣтное я былъ бы радъ...

Молчаніе.

ѲЕДОРЪ.

Прости!

Уходитъ.

Столовая палата.

Великолѣпно убранные столы въ нѣсколько рядовъ. За ними, въ ожиданіи, сидятъ бояре. На правой сторонѣ просценіума царскій столъ, съ пятью приборами. Нѣсколько лицъ разговариваютъ на просценіумѣ.

САЛТЫКОВЪ.

Намъ не везетъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Побѣду надъ собою
Мы празднуемъ!

САЛТЫКОВЪ.

Неволей торжествуемъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Да полно такъ ли плохо? Вѣдь виной
Въ побѣдѣ этой лишь одинъ Басмановъ;
Не будь его, Димитрій смялъ бы насъ!

САЛТЫКОВЪ.

Онъ насъ и смялъ. Ужъ наши отступали,
Какъ врагъ того Басманова принесъ.

Окрысился, упёрся—а къ нему
Какъ разъ на помощь нѣмцы подоспѣли.

ГОЛИЦЫНЪ.

Проклятые!

САЛТЫКОВЪ.

Какое горе имъ!
Борису присягали, за Бориса
Кладутъ животъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Басмановъ за него же!

САЛТЫКОВЪ.

А то, небось, за насъ? Собака знаетъ,
Чей ѣла кормъ!

ШУЙСКІЙ—подходитъ.

О чемъ, бояре, вы?

САЛТЫКОВЪ.

Да все о томъ же, князь Василь Иванычъ,
О радости великой.

ШУЙСКІЙ.

Какъ бы только
Не горевать пришлося намъ! Мнѣ пишутъ:
Онъ вновь собрать успѣлъ свои дружины,
Къ нему идетъ подмога отъ Литвы,
А Роща-Долгорукій, со Змѣевымъ,
Передались ему; Мосальскій также,
И Татевъ то-жъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ты шутишь, князь?

ШУЙСКІЙ.

Ей-Богу.

САЛТЫКОВЪ.

Царь вѣдаетъ?

ШУЙСКІЙ.

Зачѣмъ его тревожить?
Пожалуй, пиръ сегодняшній та вѣсть
Испортила-бъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ну, слава Богу! Лишь бы
Басманова царь не послалъ опять!

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ! Нельзя намъ на Москвѣ
Быть безъ него!

САЛТЫКОВЪ.

Признайся, князь Василій,
Вѣдь это *ты* царя-то надоумилъ
Басманова призвать?

ШУЙСКІЙ—смѣясь.

А кто-жъ еще?
Вѣдь онъ себѣ награду заслужилъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Хитёръ же ты!

ШУЙСКІЙ.

Ну, гдѣ ужъ намъ хитрить!

САЛТЫКОВЪ.

А вотъ и онъ!

Входитъ Басмановъ, всѣ раздаются.

ШУЙСКІЙ—идетъ ему на встрѣчу.

Челомъ, бояринъ Петръ
Ѳеодорычъ, тебѣ отъ всей отъ думы!
Утѣшилъ насъ, ей-Богу-ну! А то,
И батюшкѣ царю кручинно стало;
Какъ съ воромъ-молъ не справиться-то съ тѣмъ
Съ разстригою!

БАСМАНОВЪ.

Наврядъ ли онъ разстрига.

ШУЙСКІЙ.

Разстрига, нѣтъ ли—тотъ же воръ. Теперь,
Чай, не начнетъ!

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, князь Василь Иванычъ,
Боюсь, начнетъ. Хоть онъ и воръ, а удаль
Намъ показалъ свою. И любо видѣть
Какъ рубится! Въ бѣдѣ не унываетъ:
Когда его войска погнали мы,
Послѣдній онъ, и шагъ за шагомъ только,
Намъ уступилъ. Такъ, говорятъ, косматый,
Осиленный ловцами, покидаетъ
Добычу левъ!

ШУЙСКІЙ—смѣясь.

Да ты, никакъ, бояринъ,
Не въ шутку хвалишь вора!

БАСМАНОВЪ.

Не таюсь,
Мнѣ пò-сердцу и вражая отвага!

ШУЙСКІЙ.

А за твою тебѣ сегодня царь
Воздастъ почетъ!

БАСМАНОВЪ.

Храни его Господь!
Но лучше бы меня теперь у войска
Оставилъ онъ. Не надо-бъ дать врагу
Опомниться.

ШУЙСКІЙ.

И безъ тебя, бояринъ,
Его добьютъ. Ты-жъ для совѣта намъ
Здѣсь надобенъ.

САЛТЫКОВЪ.

Не даромъ государь
Пожаловалъ тебя въ бояре. Будешь
Насъ разуму учить!

ГОЛИЦЫНЪ.

Намъ будешь въ думѣ
Указывать!

БАСМАНОВЪ.

Боюся, не съумѣю
Вамъ быть подъ стать.

ГОЛИЦЫНЪ.

Мы славимся породой,
А ты умомъ!

БАСМАНОВЪ.

Кто чѣмъ богатъ!

Входитъ Семенъ Годуновъ. Всѣ ему кланяются. За нимъ два стольника несутъ богатую шубу.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ—къ Басманову.

Бояринъ
Петръ Ѳедорычъ! Великій государь,
До своего до царскаго прихода,
Мнѣ приказалъ привѣтствовать тебя,
И эту шубу, съ своего плеча,
Прислалъ тебѣ въ подарокъ!

ВСѢ—кланяясь Басманову.

Съ царской лаской!

Стольники надѣваютъ на него шубу.

БАСМАНОВЪ.

Не заслужилъ я милости великой!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То́ лишь починъ. Угодно государю
Тебѣ такія почести воздать,
Какихъ еще онъ никому доселѣ
Не воздавалъ!

ШУЙСКІЙ.

Мое взыграло сердце!
Кому-жъ и честь, когда не воеводѣ,
Что́ отъ врага лютѣйшаго въ конецъ
Избавилъ насъ!

Къ Семену Годунову.

Но успокой, родимый,
Скажи, Семенъ Никитичъ, правда-ль: ночью
Недужалъ царь?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, миловалъ Господь,
Одна была усталость.

ШУЙСКІЙ.

Богу слава!
И то сказать: ни день, ни ночь покоя
Нѣтъ милости его. Зато теперь
Онъ отъ хлопотъ ужъ можетъ отдохнуть!

Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входитъ Борисъ, въ царскомъ облаченіи; за нимъ царевичъ Өедоръ, царица и Ксенія.

САЛТЫКОВЪ—къ Голицыну.

Какъ блѣденъ онъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Мертвецъ!

БОРИСЪ—къ Басманову.

Бояринъ Петръ
Өеодорычъ!

Басмановъ опускается на колѣни, Борисъ его подымаетъ.

БОРИСЪ.

За доблесть за твою,
За славную за службу и за кровь—
Прими отъ насъ великій нашъ поклонъ
И отъ земли русійской челобитье!

Беретъ у стольника золотое блюдо, насыпанное червонцами, и подаетъ Басманову.

БАСМАНОВЪ—принимая блюдо.

Великій царь! За малую ты службу
Чрезъ мѣру мнѣ сегодня воздаешь!

Дозволь мнѣ, царь, вернуться къ войску. Тамъ,
Быть можетъ, мнѣ твою удастся милость
И вправду заслужить?

Передастъ блюдо стольнику.

БОРИСЪ.

Пожди еще.
Тяжелое принудило насъ время
Быть строгими. Москва всѣ эти дни
Опалъ довольно видѣла и казней.
Она должна увидѣть на тебѣ,
Какъ вѣрныхъ слугъ, за правду ихъ, умѣетъ
Царь награждать. Садись со мною рядомъ.

Садится за столъ. По правую его руку царица, Θедоръ и Ксенія; по лѣвую Басмановъ. Бояре размѣщаются за другими столами. Слуги разносятъ блюда.

ОДИНЪ БОЯРИНЪ—*за крайнимъ столомъ налѣво.*

Мнѣ на царевну Ксенью жаль смотрѣть:
Вошла въ палату, на ногахъ едва
Держалася.

ДРУГОЙ.

По женихѣ тоскуетъ,
Чай, не легко сидѣть въ алмазахъ ей
Да въ жемчугѣ, когда на сердцѣ смерть!

ПЕРВЫЙ.

Царевичъ также нéвеселъ.

ДРУГОЙ.

А царь-то!

БОРИСЪ—къ Басманову.

Не въ радостный ты часъ къ намъ прибылъ, Петръ,
Семейное меня постигло горе;
Затѣмъ порой задумчивъ я кажусь;
Но славная твоя побѣда насъ
Оправила.

БАСМАНОВЪ.

Великій государь,
Дай Богъ тебѣ веселья и здоровья
И всѣхъ враговъ подъ ноги покорить!

САЛТЫКОВЪ—за другимъ столомъ налѣво.

Мы похоронный точно пиръ справляемъ.
Смотри, какъ онъ веселымъ хочетъ быть,
А самъ не свой!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ему недугъ, быть можетъ,
Не въ моготу.

САЛТЫКОВЪ.

Кабы да тотъ недугъ
Намъ впрокъ пошелъ! Царевны Ксеньи жаль.

ГОЛИЦЫНЪ.

Да, жаль ее.

САЛТЫКОВЪ.

Чтó съ братомъ и съ сестрой
Мы сдѣлаемъ, когда на царство тотъ
Пожалуетъ?

БОРИСЪ.

Царевна Ксенья, встань
И дорогому гостю поднеси
Заздравную стопу!

КСЕНІЯ—обходитъ столъ и подноситъ стопу Басманову, съ поклономъ

Уважь, бояринъ!

БАСМАНОВЪ—принимаетъ стопу.

Во здравіе царя и государя!

ВСѢ.

Во здравіе царя и государя!

БОРИСЪ—вставая.

Во здравіе боярина Петра
Басманова! Пусть долго онъ живетъ,
На образецъ другимъ, землѣ на славу,
Врагамъ на страхъ!

ВСѢ.

Во здравіе его
И много лѣтъ!

БОРИСЪ.

Да славится во вѣки
Святая Русь и да погибнутъ всѣ
Ея враги!

ВСѢ.

Анаѳема врагамъ!

БОРИСЪ—садясь.

Семь лѣтъ прошло, что я земли русійской
Пріялъ вѣнецъ. Господня благодать

Была надъ ней—доколь, подобно язвѣ
Египетской, тотъ не явился врагъ,
Надъ нимъ же мы побѣду торжествуемъ.
Часъ не далекъ, когда, проклятый Богомъ,
Онъ на землѣ достойную себѣ
Пріиметъ мзду. Господь дѣла караетъ
Неправыя; въ сердцахъ читаетъ Онъ,
И судъ Его, какъ громовая туча,
Всегда виситъ надъ головою тѣхъ,
Чтò злое въ сердцѣ держатъ умышленье.
Бояре всѣ! Чтó заслужили-бъ тѣ,
Чтò, сидя здѣсь за царскою трапезой,
Въ душѣ своей усердствовали-бъ тайно
Разбитому Басмановымъ врагу?

ГОЛОСА.

Помилуй, царь!

БОРИСЪ.

Моей бы ждали смерти,
Чтобъ перейти къ тому лихому вору,
Наслѣдника-жъ хотѣли-бъ моего
Ему предать?

ГОЛОСА—съ разныхъ сторонъ.

Царь-государь, помилуй!
Возможно ли!—И въ мысль тò не вмѣстится!—
Нѣтъ между насъ предателей!

БОРИСЪ.

Пусть встанетъ,
Кто вѣренъ мнѣ!

ВСѢ—вставая.

Мы всѣ тебѣ вѣрны!

ГОЛИЦЫНЪ—къ Салтыкову.

Что̀, всталъ, небось?

САЛТЫКОВЪ.

А ты-то?

ГОЛИЦЫНЪ.

Поневолѣ
Подымешься. Не выдать же себя!

БОРИСЪ.

Клянитесь мнѣ, что будете служить
Ѳеодору по вѣрѣ и по правдѣ!

ВСѢ.

Клянемся, царь!

БОРИСЪ.

Что будете его
Оберегать до смерти и до крови,
Когда меня не станетъ!

ВСѢ.

Всѣ клянемся!

БОРИСЪ.

Клянитесь мнѣ, что если между васъ
Кто-либо держитъ злобу на меня,
Онъ злобы той на сына не захочетъ
Перенести!

ВСѢ.

Во всемъ тебѣ клянемся!

ШУЙСКІЙ.

Ужъ положися на своихъ рабовъ,
Царь-батюшка!

БОРИСЪ.

Въ соборѣ вашу клятву
Вы цѣлованьемъ крестнымъ утвердите.
Мы въ животѣ и смерти не вольны—
Я Ѳедора хочу еще при жизни
Моей вѣнчать. Отъ младости онъ мной
Наставленъ былъ въ наукѣ государской.
Господь ему превыше лѣтъ его
Далъ свѣтлый умъ, и съ духомъ твердымъ кротость
Въ немъ сочеталъ—-и правоты любовь,
Нетронутую мудрствованьемъ ложнымъ,
Въ него вложилъ.—Его царенье будетъ
На радость вамъ, на славу всей землѣ!
Чего я сдѣлать не успѣлъ для царства—
То́ онъ свершитъ—

Выступаетъ впередъ.

И за него теперь
Заздравный сей я кубокъ подымаю!

ВСѢ.

Да здравствуетъ царевичъ! Много лѣтъ
Царевичу Ѳеодору!

ОДИНЪ БОЯРИНЪ—указывая на Бориса.

Что́ съ нимъ?

ДРУГОЙ.

Шатается!

БОРИСЪ.

Басмановъ—

БАСМАНОВЪ—подхватывая его.

Государь!

Смятеніе между боярами.

КСЕНІЯ.

Отецъ! Отецъ!

БОРИСЪ.

Мнѣ дурно—

ѲЕДОРЪ.

За врачомъ
Бѣжать скорѣй!

БОРИСЪ.

Не надо... смертный часъ
Мой настаетъ...

Его сажаютъ въ кресла.

ЦАРИЦА.

Ахъ, Господи! Не просто
Случился грѣхъ! Знать, тутъ была отрава!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Отравленъ царь!

БОРИСЪ.

Нѣтъ—не было отравы!
Иль, мните вы, безсильна скорбь одна
Разрушить плоть?

ѲЕДОРЪ.

О, велика твоя
Предъ Богомъ скорбь!

БОРИСЪ.

Сынъ Өедоръ—Ксенья—дѣти!
Храни васъ Богъ! Князь Шуйскій—подойди!
Другъ друга мы довольно знаемъ. Помни:
Въ мой смертный часъ я Господа молю:
Какъ ты мнѣ клятву соблюдешь, пусть такъ
И Онъ тебя помилуетъ!—Басмановъ—
Спѣши къ войскамъ! Тебѣ я завѣщаю
Престолъ спасти! О, Господи, тяжелъ,
Тяжелъ Твой гнѣвъ! Грѣхи мои Ты не далъ
Мнѣ заслужить!

ӨЕДОРЪ.

Клянусь тебѣ, отецъ,
Не забывать, что искупить я долженъ
Ихъ жизнью всей!

БОРИСЪ—къ боярамъ.

Блюдите вашу клятву!
Вамъ ясенъ долгъ—Господь караетъ ложь—
Отъ зла лишь зло родится—все едино:
Себѣ-ль мы имъ служить хотимъ, иль царству—
Оно ни намъ, ни царству впрокъ пойдетъ!

ЦАРИЦА—кланяясь въ ноги.

Свѣтъ-государь! Прости меня въ чемъ я
Грѣшна передъ тобой!

БОРИСЪ.

Мой меркнетъ взоръ—

КСЕНІЯ.

О, Господи! Будь милостивъ къ нему!

БОРИСЪ.

Простите всѣ! Я отхожу—сынъ Ѳедоръ—

Встаетъ.

Дай руку мнѣ! Бояре!—вотъ вашъ царь!

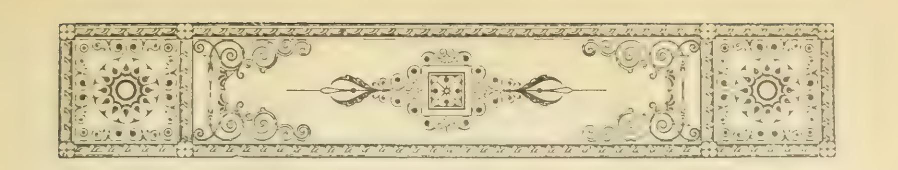
Падаетъ въ кресла. Занавѣсъ опускается.

КОНЕЦЪ.

ПРОЕКТЪ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДІИ

ЦАРЬ

ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ.

Предисловіе.

Хотя въ настоящую минуту мнѣ еще неизвѣстно, будетъ ли дана эта драма, но я нахожу нелишнимъ изложить мои объясненія теперь же, въ надеждѣ, что нѣкоторыя изъ нихъ окажутся небезполезными для драматическихъ артистовъ вообще, и что во всякомъ случаѣ они могутъ пригодиться на частномъ театрѣ.

«Царь Ѳедоръ» есть особая, замкнутая въ себѣ драма, но вмѣстѣ съ тѣмъ она служитъ продолженіемъ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» и составляетъ слѣдующее за ней звено. Многое въ немъ связано съ предшествующимъ и потому, разбирая «Царя Ѳедора», мнѣ придется иногда оглядываться на «Смерть Іоанна».

Въ проектѣ о постановкѣ послѣдней пьесы я, въ самомъ концѣ, очень осторожно упомянулъ о необходимости всѣмъ исполнителямъ знать свои роли наизусть. Опытъ показалъ, что не только напоминаніе не было лишнимъ, но что я невольно на немъ настаивалъ.

Въ виду этого факта я считаю весьма важнымъ поставить теперь въ самой главѣ настоящей статьи энергическое заявленіе о томъ, что первое условіе порядочнаго исполненія есть знаніе ролей *совершенно буквально*.

У каждаго автора какъ выборъ выраженій, такъ и порядокъ размѣщенія словъ составляютъ его особенность и физіономію. Измѣнять этотъ порядокъ—значитъ отнимать у него его физіономію, давать его рѣчи чуждый ей колоритъ. Если такое обращеніе не допускается въ прозѣ, то въ стихахъ оно двояко непозволительно, ибо посягаетъ не только на колоритъ автора, но и на слухъ публики. Не все равно сказать:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

или:

Охъ, шапка Мономаха, ты тяжела!

Въ первомъ случаѣ это пятистопный ямбъ, во второмъ вовсе не стихъ.

Какое же впечатлѣніе сдѣлаетъ на публику актеръ, который, не довольствуясь перестановкой словъ, вмѣсто:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

скажетъ:

Охъ, какъ меня давитъ Рюрикова фуражка!

А искаженія, довольно близко подходящія къ этому примѣру, можно, къ сожалѣнію, слышать иногда на нашей сценѣ.

Итакъ, если трагедія «Царь Ѳедоръ» будетъ дана, то прежде всего *надобно ее выучить наизусть.*

Приступаю къ ея разбору.

Основная идея.

Двѣ партіи въ государствѣ борются за власть: представитель старины—князь Шуйскій и представитель реформы—Борисъ Годуновъ. Обѣ партіи стараются завладѣть слабонравнымъ царемъ Ѳедоромъ, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Ѳедоръ, вмѣсто того, чтобы дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, или же подчинить себѣ ту и другую, колеблется между обѣими, и черезъ свою нерѣшительность дѣлается причиной: 1) возстанія Шуйскаго и его насильственной смерти; 2) убіенія своего наслѣдника, царевича Димитрія, и пресѣченія своего

рода. Изъ такого чистаго источника, какова любящая душа Ѳедора, истекаетъ страшное событіе, разразившееся надъ Россіей долгимъ рядомъ бѣдствій и золъ.

Трагическая вина Іоанна была попраніе имъ всѣхъ человѣческихъ правъ въ пользу государственной власти; трагическая вина Ѳедора — это исполненіе власти при совершенномъ нравственномъ безсиліи.

Архитектура трагедіи.

Построеніе «Царя Ѳедора» — не знаю, къ выгодѣ или ко вреду его — есть совершенно исключительное и не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, ни въ какой другой драмѣ. Борьба происходитъ не между главнымъ героемъ и его оппонентами (Spiel und Gegenspiel), какъ во всѣхъ драмахъ, но между двумя вторыми героями; главный же герой, на которомъ эта борьба вертится, какъ на своей оси, вовсе въ ней не участвуетъ; онъ, напротивъ, всѣми силами старается прекратить ее, но самымъ своимъ вмѣшательствомъ рѣшаетъ ея трагическій исходъ.

Въ отношеніи Шуйскаго и Годунова Ѳедоръ играетъ роль древней греческой судьбы, толкающей своихъ героевъ все впередъ къ неизбѣжной катастрофѣ, съ тою разницей, что Ѳедоръ — не отвлеченная идея, но живое лицо, имѣющее само свою судьбу, которая истекаетъ изъ его характера и дѣйствій. Такимъ образомъ, трагедія является какъ бы сплетенною изъ двухъ отдѣльныхъ драмъ, изъ коихъ одна имѣетъ предметомъ фактическую борьбу Шуйскаго съ Годуновымъ, другая—моральную борьбу Ѳедора съ окружающимъ его міромъ и съ самимъ собою.

Если представить себѣ всю трагедію въ формѣ треугольника, то основаніемъ его будетъ состязаніе двухъ партій, а вершиною — весь душевный микрокосмъ Ѳедора, съ которымъ

событія борьбы связаны какъ линіи, идущія отъ основанія треугольника къ его вершинѣ, или наоборотъ. Изъ этого естественно выходитъ, что одна сторона трагедіи выдержана болѣе въ духѣ романской школы, а другая — болѣе въ духѣ германской [1]).

Колоритъ трагедіи.

Царь Иванъ умеръ. Гроза, свирѣпствовавшая надъ русской землей, утихла; небо прояснилось, вся природа оживаетъ. Оживаютъ и тѣ могучія силы, которыя сдерживала желѣзная рука царя Ивана, какъ шлюзы сдерживаютъ напирающую воду. Въ государствѣ являются политическія партіи, дѣйствующія смѣло и открыто. Всѣ сословія принимаютъ участіе въ ихъ борьбѣ; жизнь со всѣми ея сторонами, свѣтлыми и темными, снова заявляетъ свои права.

Въ «Смерти Іоанна» господствующимъ колоритомъ было давленіе власти на всю землю; въ настоящей трагедіи господствующій колоритъ есть пробужденіе земли къ жизни и сопряженное съ нимъ движеніе. Оно должно сразу почувствоваться въ первой сценѣ перваго акта, которая служитъ драмѣ изложеніемъ. Свѣтлый колоритъ проходитъ черезъ всю трагедію, до четвертаго акта; всѣ лица держатъ себя свободнѣе, чѣмъ въ «Смерти Іоанна», темпъ общей игры идетъ живѣе.

---

[1]) Особенность романской школы состоитъ въ преимущественной отдѣлкѣ *интриги*, тогда какъ германская преимущественно занимается анализомъ и развитіемъ *характеровъ*. Названіе свое получили онѣ отъ предпочтенія двухъ западныхъ народностей, каждой одному изъ двухъ направленій, которыя лежатъ въ самомъ существѣ драмы и исключаютъ обыкновенно одно другое. Прошу прощенія у поборниковъ *русскихъ началъ искусства*, но кромѣ этихъ двухъ направленій я не знаю другого, равно какъ въ противоположность часто упоминаемой *европейской* драмѣ не знаю драмы ни *азіатской*, ни *африканской*.

Отвергать же въ русскомъ драматическомъ искусствѣ европейскую технику — все равно, что отвергать въ русской живописи европейскую перспективу.

Характеры.

Царь Θедоръ.

Не отступая отъ указаній исторіи, но пополняя ея пробѣлы, я позволилъ себѣ изобразить Θедора не просто слабодушнымъ, кроткимъ постникомъ, но человѣкомъ, надѣленнымъ отъ природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остротѣ ума и совершенномъ отсутствіи воли. Природная неспособность его къ дѣламъ еще умножена гнетомъ его отца и постояннымъ страхомъ, въ которомъ онъ находился до 27 лѣтъ, эпохи смерти царя Ивана.

Доброта Θедора выходитъ изъ обыкновенныхъ границъ. Она такъ велика, что можетъ иногда достичь высоты, гдѣ чувство и умъ, составляющіе на низшихъ степеняхъ отдѣльныя свойства, сходятся вмѣстѣ и смѣшиваются въ нераздѣльномъ сознаніи правды. Поэтому Θедоръ, несмотря на свою умственную ограниченность, способенъ иногда имѣть взгляды, не уступающіе мудростью государственнымъ взглядамъ Годунова. Такъ, въ сценѣ доклада о боярахъ, бѣжавшихъ въ Литву, оба приходятъ къ одному и тому же заключенію: Годуновъ умомъ, а Θедоръ—сердцемъ.

Но эта способность замѣнять умъ чувствомъ не всегда присуща Θедору. Она въ обыкновенныхъ случаяхъ затемняется нѣкоторыми недостатками, неразлучными съ слабостью характера. Онъ, напримѣръ, не любитъ сознаваться, что онъ слабъ, ни передъ другими, ни передъ самимъ собой, и это часто приводитъ его къ неумѣстному, хотя скоро проходящему упрямству. Ему хочется иногда показать, что онъ самостоятеленъ, и ничѣмъ нельзя такъ польстить ему, какъ упрекнувъ его въ непреклонности или суровости.

Онъ большой хлопотунъ во всемъ, что̀ не касается государственныхъ дѣлъ; никто, по его мнѣнію, не знаетъ такъ, какъ онъ, человѣческое сердце; для него примирить враждующихъ—есть не только долгъ, но и наслажденіе. Набожность его про-

исходитъ отъ природнаго расположенія; но она перешла въ постничество вслѣдствіе ранняго протеста противъ разврата и жестокости его отца; впослѣдствіи постничество стало ему привычкой, но онъ нисколько не сдѣлался педантомъ: онъ не смотритъ на мірское веселіе какъ на грѣхъ; онъ любитъ медвѣжью травлю и не видитъ въ представленіяхъ скомороховъ служенія сатанѣ. Какъ всѣ люди робкіе, онъ чувствуетъ большое уваженіе къ смѣлости: геройскій характеръ князя Шуйскаго и удальство купца Красильникова затрогиваютъ въ немъ тѣ же сочувственныя струны.

Великодушіе Ѳедора не имѣетъ предѣловъ. Личныхъ обидъ для него не существуетъ, но всякая обида, нанесенная другому, способна вывести его изъ обычной кротости, а если обида касается кого-нибудь особенно имъ любимаго, то негодованіе лишаетъ его всякаго равновѣсія: онъ кричитъ и шумитъ, ничего не видя, кромѣ совершенной несправедливости. Попавъ въ такую колею, онъ спѣшитъ воспользоваться своимъ настроеніемъ; и зная, что оно недолго продолжится, онъ наскоро предписываетъ строгія мѣры, справедливыя по его убѣжденію, но несогласныя съ его характеромъ.

Когда Ѳедоръ взошелъ на престолъ, онъ не обманывался насчетъ своей неспособности и передалъ Годунову полное управленіе царствомъ, съ намѣреніемъ самъ ни во что не вмѣшиваться. Въ разсчетъ Годунова не входило взять на первыхъ порахъ всю отвѣтственность на себя. Онъ нашелъ полезнымъ прикрыться авторитетомъ Ѳедора, сохранилъ ему весь наружный видъ неограниченнаго владыки, докладывалъ ему обо всемъ, испрашивалъ на все его рѣшеній, и Ѳедоръ мало-помалу, при содѣйствіи неизбѣжныхъ придворныхъ льстецовъ, увѣрился, что онъ не такъ неспособенъ, какъ полагалъ. На этомъ періодѣ застаетъ его трагедія. Лѣнь и природное отвращеніе продолжаютъ удалять его отъ дѣлъ; но онъ уже привыкъ думать, что Годуновъ дѣйствуетъ по его инструкціямъ. Только въ важныхъ кризисахъ жизни, когда воля Годунова прямо противорѣчитъ благости Ѳедора, какъ, напримѣръ, когда

Годуновъ грозитъ его оставить, если онъ не выдастъ ему Шуйскаго, самообольщеніе Ѳедора исчезаетъ: онъ убѣждается въ независимой силѣ Годунова, и, не умѣя бороться съ нимъ въ качествѣ царя, даетъ ему отпоръ какъ человѣкъ и христіанинъ. На этой почвѣ онъ стоитъ всегда неизмѣрно выше и Годунова, и самого Шуйскаго, и всѣхъ его окружающихъ. Ошибка Ѳедора состоитъ въ томъ, что онъ не постоянно держится своего призванія быть человѣкомъ, а пытается иногда играть роль царя, которая не указана ему природой. Этой роли онъ не выдерживаетъ, но отъ нея не отказывается: не можетъ обойтись безъ руководителя, но ему не подчиняется. Такое ложное положеніе рождаетъ безпрестанное противорѣчіе между его природой и обязанностями его сана. Въ этомъ его и трагическая, и комическая стороны.

Роль Ѳедора очень многосложна и проходитъ черезъ самыя разнообразныя состоянія души—отъ добродушной веселости, когда онъ шутитъ съ Ириной, до изступленія, когда онъ узнаетъ о смерти Шуйскаго. Изъ всѣхъ лицъ, какъ первой трагедіи, такъ и этой, лицо Ѳедора, по моему мнѣнію, самое трудное. Оно требуетъ большого изученія и большой тонкости уже потому, что въ немъ трагическій элементъ и оттѣнокъ комизма переливаются одинъ въ другой, какъ радужные цвѣта на раковинѣ. Съ этимъ комизмомъ сценическій художникъ долженъ обращаться чрезвычайно осторожно и никакъ не доводить его до яркости. Это не что иное, какъ фольга, слегка окрашивающая чистую душу Ѳедора, прозрачную какъ горный кристаллъ. Прибавлять послѣ этого, что въ его роль не слѣдуетъ вмѣшивать карикатурности—я считаю излишнимъ. Одно предположеніе такой возможности было бы для исполнителя оскорбленіемъ, ибо заключало бы въ себѣ самое низкое мнѣніе о его пониманіи искусства.

Первое появленіе Ѳедора, въ короткой сценѣ съ стремяннымъ, съ Ириной и съ Годуновымъ, есть вступительный аккордъ въ его характеръ и должно быть именно такъ понято исполнителемъ. Ребяческій гнѣвъ на вздыбившагося коня, за-

блужденіе насчетъ своей физической силы, добродушное поддразниваніе Ирины, скорбь о раздѣленіи царства на партіи, жадно схваченный намекъ Годунова, что онъ не прочь отъ мира съ Шуйскимъ, увѣренность въ знаніи человѣческаго сердца и равнодушіе къ дѣламъ—все это, проникнутое добротой и хлопотливостью, заключаетъ въ себѣ зародыши полнаго характера, которые должны быть сразу и гармонически переданы.

Когда въ слѣдующемъ актѣ Ѳедоръ является примирителемъ Годунова съ Шуйскимъ, зритель долженъ быть уже настолько знакомъ съ Ѳедоромъ, чтобы его интересовало узнать, какъ этакая личность возьмется за такое дѣло? Въ приготовленіяхъ Ѳедора, въ наставленіяхъ его Годунову, Иринѣ, духовнымъ лицамъ и боярамъ видна виртуозность человѣка, который чувствуетъ себя въ своемъ элементѣ, которому пріятно взяться за трудное дѣло, гдѣ онъ, по своему мнѣнію, мастеръ. Но по мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты Ѳедоромъ овладѣваетъ робость, и когда онъ начинаетъ увѣщавать Шуйскаго, застѣнчивость его такъ велика, что онъ не находитъ словъ и передаетъ рѣчь Годунову. Во все продолженіе спора обоихъ противниковъ Ѳедоръ слѣдитъ за ними съ бьющимся сердцемъ. На лицѣ его написаны напряженіе и безпокойство до той минуты, когда противники берутся за руки. Тутъ радость его проявляется взрывомъ, какъ то бываетъ у добрыхъ дѣтей, получившихъ наконецъ чего они давно желали, но на что̀ не смѣли надѣяться. Дѣтская сторона Ѳедора должна особенно быть видна въ его разговорѣ съ выборными. Я не опасаюсь того рода смѣха, который возбудятъ въ публикѣ перебивки старика Курюкова, разсказъ Ѳедора о медвѣдѣ или его совѣты Шаховскому, какъ биться на кулачкахъ. Это будетъ смѣхъ добрый, не умаляющій нисколько уваженія къ высокимъ достоинствамъ Ѳедора; и когда онъ уйдетъ отъ выборныхъ, затыкая уши, то, при хорошей игрѣ, публика успѣетъ достаточно полюбить его, чтобы надъ нимъ не смѣяться, а развѣ только улыбнуться неловкому положенію, въ которое онъ себя поставилъ. Есть большая разница между тѣмъ что̀ смѣшно (drôle), и тѣмъ, что достойно осмѣянія (ridicule).

Первое совмѣстно съ любовью и уваженіемъ, второе исключаетъ эти чувства. На русскомъ языкѣ оба понятія выражаются тѣмъ же словомъ, но они отъ этого не менѣе различны. Ребенку часто подобаетъ эпитетъ: drôle, но ему не можетъ подобать эпитетъ: ridicule. Θедоръ же въ этой сценѣ долженъ быть изображенъ ребенкомъ въ самомъ хорошемъ значеніи слова. Впослѣдствіи онъ покажетъ, что можетъ быть и чѣмъ-нибудь инымъ; но если бы, несмотря на свою благость, онъ кому-нибудь представился не довольно достойнымъ, то мы попросили бы подождать до третьяго акта. Вообще въ искусствѣ бояться выставлять недостатки любимыхъ нами лицъ — не значитъ оказывать имъ услугу. Оно, съ одной стороны, предполагаетъ мало довѣрія къ ихъ качествамъ, съ другой — приводитъ къ созданію безукоризненныхъ и безличныхъ существъ, въ которыя никто не вѣритъ. Здѣсь кстати замѣтить, въ отвѣтъ на нѣкоторыя опасенія объ униженіи царскаго достоинства въ лицѣ Θедора, что значеніе каждой пьесы опредѣляется общимъ ея впечатлѣніемъ, а не отдѣльными частями, тѣмъ менѣе отдѣльными фразами или словами. Общее впечатлѣніе Θедора не должно быть иное, какъ сочувственное; а сочувствія нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ правдоподобія, которое исчезнетъ, когда отнять у Θедора его слабыя стороны. Если роль будетъ сыграна хорошо, то отвлеченная идея царскаго достоинства не пострадаетъ отъ того, что публика увидитъ на сценѣ подтвержденіе факта, извѣстнаго ей изъ исторіи, то-есть, что послѣдній государь изъ династіи Рюриковичей былъ слабъ и ограниченъ. Царское достоинство можетъ развѣ пострадать отъ плохой игры, и то не въ одной роли Θедора, но и въ роли всякаго вѣнценосца, хотя бы онъ былъ Августъ.

Итакъ, отъ драматическаго артиста зависитъ передать Θедора — какъ онъ понятъ авторомъ, то-есть исполненнымъ высокихъ душевныхъ достоинствъ, далеко превышающихъ его недостатки.

Послѣ сцены доклада, характеръ Θедора является съ новой

стороны. Желая выписать царевича Димитрія изъ Углича, онъ бунтуется противъ Годунова, не соглашающагося на эту мѣру, и старается сбросить его иго. Эта попытка ему не удается потому, что онъ противоставитъ Годунову свою самую слабую сторону — свое качество неограниченнаго царя. Зато въ слѣдующей сценѣ, гдѣ Годуновъ требуетъ выдачи Шуйскаго, Ѳедоръ остается побѣдителемъ, потому что, вмѣсто царской власти, опирается на свою самую сильную сторону — на качество человѣка и христіанина. Онъ уже не спрашиваетъ съ сердцемъ:

Я царь, или не царь?

но откровенно и кротко говоритъ:

Какой я царь! Меня во всѣхъ дѣлахъ
И съ толку сбить, и обмануть не трудно!

Эти двѣ сцены нарочно сопоставлены вмѣстѣ, чтобы первая усиливала вторую своимъ съ ней контрастомъ, и чтобы Ѳедоръ, внезапно сознающійся въ неспособности быть царемъ, выросъ во мнѣніи зрителя какъ человѣкъ.

Переходъ Ѳедора отъ несостоятельнаго царя къ человѣку сильному однимъ человѣческимъ чувствомъ, его исканіе и обрѣтеніе убѣжища отъ собственной слабости въ христіанскомъ смиреніи должны быть ярко и выпукло выставлены. Когда, по удаленіи Годунова, Ѳедоръ бросается на шею Иринѣ, зритель долженъ видѣть, какого усилія стоилъ ему разрывъ съ правителемъ и какъ дорого онъ ему обошелся. Лицо Ѳедора измѣнилось какъ послѣ болѣзни, но оно преображено сознаніемъ, что онъ поступилъ по совѣсти; оно выражаетъ теперь его полное согласіе съ самимъ собой, и когда онъ, сломанный физически своей моральной побѣдой, опирается на руку Ирины, — его прежніе недостатки, его ограниченность, его комизмъ должны представиться зрителю въ иномъ значеніи, и онъ долженъ понять, что они были нужны дабы Ѳедоръ явился великъ не какими-нибудь блестящими качествами, но именно христіанскимъ смиреніемъ, лишеннымъ всякаго блеска.

Если бы Өедоръ могъ удержаться на этой высотѣ, онъ бы заслуживалъ быть причисленнымъ къ лику святыхъ, но человѣческая слабость беретъ свое. Въ четвертомъ актѣ онъ, сидя за кипою бумагъ, которыхъ не можетъ понять, сожалѣетъ о своей ссорѣ съ Годуновымъ и готовъ сдѣлать ему уступки. Клешнинъ приноситъ ему ультиматумъ правителя, но Годуновъ требуетъ слишкомъ много, Өедоръ не соглашается и попрежнему не вѣритъ измѣнѣ Шуйскихъ. Слѣдуетъ очная ставка Клешнина съ Шуйскимъ. Непроницательность Өедора, смѣшанная съ великодушіемъ и упрямствомъ, высказывается здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-либо. Когда онъ, добиваясь отъ Шуйскаго оправдательнаго отвѣта, тѣмъ самымъ вынуждаетъ у него признаніе въ измѣнѣ, этотъ неожиданный оборотъ приводитъ его въ такой испугъ, что не Шуйскій, а онъ кажется попавшимъ въ западню. Чтобы выручить Шуйскаго, Өедоръ не находитъ лучшаго средства, какъ увѣрять, что Шуйскій по его приказанію объявилъ царемъ Димитрія. Комизмъ этой уловки не долженъ мѣшать зрителю быть тронутымъ великодушіемъ Өедора и согласиться съ Шуйскимъ, когда онъ говоритъ:

Нѣтъ, онъ святой!
Богъ не велитъ подняться на него.

Задача исполнителя въ этомъ трудномъ мѣстѣ—заставить публику улыбаться сквозь слезы.

Если она удастся, то публика пойметъ, въ какомъ раздраженіи находятся нервы Өедора, когда онъ узнаетъ изъ бумаги, поданной ему Шаховскимъ, что тотъ самый Шуйскій, котораго онъ только-что спасъ, за котораго поссорился съ Годуновымъ—хотѣлъ развести его съ женой, такъ нѣжно и горячо имъ любимой.

Возстаніе Шуйскаго, какъ обида личная, не возбудило въ Өедорѣ ни малѣйшаго гнѣва. Онъ не принялъ это возстаніе ни какъ государственное преступленіе, ни какъ обиду; оно представилось ему только съ точки зрѣнія опасности, которой подвергался глубоко чтимый имъ воевода, тотъ, кому

земля обязана спасеньемъ. Но когда Шуйскій затронулъ его Ирину, Θедоръ сперва плачетъ, потомъ выходитъ изъ себя. Онъ не соображаетъ хронологическаго отношенія измѣны, имъ только-что прощенной, съ челобитней о разводѣ, не поданной Шуйскимъ; не соображаетъ, что челобитня предшествовала измѣнѣ, а измѣна исключаетъ челобитню; поступокъ Шуйскаго представляется ему какъ черная неблагодарность, и, ничего не разбирая, ничего не видя, кромѣ оскорбленія своей Ирины, онъ яростно кричитъ:

Въ тюрьму! Въ тюрьму!

и прихлопываетъ печатью заготовленный Клешнинымъ приказъ.

Не смѣю утверждать, что поспѣшность Θедора происходитъ отъ одного негодованія, и что къ ней не примѣшивается облегчительнаго чувства, что онъ можетъ теперь, не грѣша противъ совѣсти, исполнить требованіе правителя и съ нимъ помириться. Во всякомъ случаѣ, Θедоръ уже смотритъ на возстаніе иначе, чѣмъ за нѣсколько минутъ, ибо чувство его къ Шуйскому измѣнилось, а въ природѣ человѣческой — окрашивать чужіе поступки нашимъ личнымъ расположеніемъ къ ихъ совершителямъ.

Въ пятомъ актѣ нѣтъ вовсе комизма: заключительный аккордъ долженъ быть чисто трагическій. Обращеніе Θедора къ усопшему родителю, послѣ панихиды, есть послѣднее его усиліе выдержать неподобающую ему роль. Его изступленіе при вѣсти о смерти Шуйскаго, его возгласъ:

Палачей!

не должны возбуждать улыбки. Это слово хотя не имѣетъ въ устахъ Θедора того значенія, какое имѣло бы въ устахъ его отца — должно быть произнесено съ неожиданной, потрясающей энергіей. Это высшій пароксизмъ страданія, до котораго доходитъ Θедоръ, такъ что силы его уже истощены, когда онъ узнаетъ о смерти Димитрія, и эта вторая вѣсть дѣйствуетъ на него уже подавляющимъ образомъ. Подозрѣніе на Годунова, мелькнувшее въ немъ по поводу Шуйскаго, еще разъ промелькиваетъ, какъ молнія, относительно Димитрія:

Ты, кажется, сказалъ:
Онъ удавился? Митя-жъ закололся?
Арина—а? Что если—

Послѣднюю строку Ѳедоръ произноситъ съ испугомъ, чтобы зритель понялъ, какая ужасная мысль его поразила. Годуновъ устраняетъ ее предложеніемъ послать въ Угличъ Василія Шуйскаго, племянника удавленнаго князя; Ѳедоръ бросается ему на шею, прося прощенія, что мысленно оскорбилъ его—и совершенно теряется. Онъ хочетъ дать наставленія Василію Шуйскому, но рыданія заглушаютъ его слова. Теперь онъ сознаетъ, что по его винѣ погибли Шуйскій и Димитрій, а царство осталось безъ преемника, и въ первый разъ постигаетъ, до какой степени было несостоятельно его притязаніе государить. Почва царственности проваливается подъ нимъ окончательно, онъ окончательно отказывается отъ всякой попытки на ней удержаться. Отнынѣ онъ уже ни во что не вмѣшивается, онъ умеръ для міра, онъ весь принадлежитъ Богу.

Это отреченіе отъ жизни, этотъ разрывъ съ прошедшимъ должны быть символически ознаменованы обстановкой Ѳедора въ послѣдней сценѣ трагедіи. Всѣ окружавшія его лица удалились. Осталась одна Ирина, да толпа нищихъ, да, пожалуй, два-три стольника съ царской стряпней, чтобы не слишкомъ отступать отъ этикета. Въ этомъ скромномъ окруженіи Ѳедоръ произноситъ свой заключительный монологъ, а нищая братія въ то же время затягиваетъ вполголоса псаломъ, и на его «покаянномъ» напѣвѣ слова Ѳодора вырѣзываются какъ старинная живопись на золотомъ полѣ.

Мы видѣли изъ предшествующаго обзора, что въ характерѣ Ѳедора есть какъ бы два человѣка, изъ коихъ одинъ слабъ, ограниченъ, иногда даже смѣшонъ; другой же, напротивъ, великъ своимъ смиреніемъ, почтененъ своей нравственной высотой. Но эти два человѣка рѣдко являются отдѣльно; они большею частію слиты въ одну цѣльную личность, и во-

площеніе этой *цѣльности* составляетъ главную задачу драматическаго исполнителя.

Наружность Өедора уже описана въ постановкѣ «*Смерти Іоанна*». Онъ былъ малъ, дряблъ, склоненъ къ водяной болѣзни и почти безбородъ. Цвѣтъ лица его блѣдно-желтоватый (sallow complexion, по выраженію Флетчера), ноги слабы, поступь неровна, носъ соколиный, губы улыбающіяся. Это, очевидно, не *мой* Өедоръ. *Моему* Өедору можно отъ его исторической наружности сохранить только малый ростъ, отсутствіе бороды, неровность поступи и улыбающіяся черты лица. Портретъ Өедора надъ его гробницей, въ Архангельскомъ соборѣ, воспроизведенный Солнцевымъ въ «*Русскихъ древностяхъ*», не имѣетъ никакого значенія, ибо это не портретъ, а просто человѣческое лицо безо всякой физіономіи, въ родѣ тѣхъ, какія рисуютъ дѣти. Воззрѣніе на эти черты профессора Снегирева для меня непонятно.

Въ трагедіи я придалъ Өедору болѣе живости, чѣмъ у него было на дѣлѣ, но она проявляется только въ его хлопотливости, когда онъ хочетъ что-нибудь *устроить*; обыкновенно же онъ скорѣе лѣнивъ и вялъ; но какъ у меня онъ почти всегда занятъ желаніемъ кого-нибудь помирить или оправдать, или спасти, то онъ почти безпрерывно хлопочетъ. Пріемы его робки, видъ застѣнчивъ, голосъ и взглядъ чрезвычайно кротки, при большомъ желаніи казаться твердымъ и рѣшительнымъ.

Черезъ всю роль Өедора проходитъ одна черта, дающая ему особенный колоритъ: это его любовь къ Иринѣ. Она ему и другъ, и опора, и утѣшительница въ скорбяхъ. Мысль о ней не покидаетъ его ни на мигъ и примѣшивается ко всѣмъ его душевнымъ движеніямъ. Все, что съ нимъ случается, онъ относитъ къ ней; горе ли съ нимъ приключится или обрадуется онъ чему, онъ тотчасъ бѣжитъ къ Иринѣ и дѣлится съ ней своимъ впечатлѣніемъ. Также, если онъ что-нибудь затѣетъ, Ирина непремѣнно должна ему помогать.

Особенно же онъ разсчитываетъ на поддержку Ирины,

когда Годуновъ требуетъ отъ него чего-нибудь противнаго его благодушiю. Но бываетъ, что онъ и не соглашается съ Ириной, особенно въ мелочахъ, потому что ему хочется показать, что онъ все-таки царь и господинъ въ своемъ домѣ. Иногда онъ любитъ и подразнить Ирину, но это дѣлается очень добродушно и только съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же выказать къ ней еще бóльшую нѣжность.

Для передачи Ѳедора требуется не только тонкiй умъ, но и сердечное пониманiе. Если же исполнитель, сверхъ того, еще и полюбитъ его, сживется съ нимъ и войдетъ къ нему въ душу, то въ его роли можетъ оказаться много оттѣнковъ, не тронутыхъ въ этомъ обзорѣ, и много эффектовъ, мною не предвидѣнныхъ. Изъ всѣхъ нашихъ артистовъ я никого такъ не желалъ бы видѣть въ роли Ѳедора, какъ Сергѣя Васильевича Шумскаго.

Годуновъ.

Въ проектѣ о постановкѣ моей первой трагедiи я описалъ подробно его характеръ, и потому ограничусь здѣсь только тѣми особенностями, которыя принадлежатъ ему какъ правителю царства.

Получивъ верховную власть, Годуновъ, вѣрный своимъ правиламъ, остается наружно на второмъ планѣ. Онъ всегда держитъ себя съ Ѳедоромъ чрезвычайно почтительно; съ Ириной же, при свидѣтеляхъ, даже преувеличиваетъ свое благоговѣнiе, ибо хочетъ подавать примѣръ другимъ, и, возвышая свою сестру въ общемъ мнѣнiи, самъ дѣлается сильнѣе. Мы видимъ изъ исторiи, что онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы окружить Ирину царскою пышностью и упрочить ей любовь народа. Онъ умножилъ число ея боярынь, далъ ей цѣлый полкъ личныхъ тѣлохранителей, и въ торжественные дни, особенно въ день ея рожденiя, издавалъ грамоты о прощенiи виновныхъ однимъ ея именемъ, не упоминая о Ѳе-

дорѣ. Въ сношеніяхъ съ иностранными державами онъ выставляетъ Ирину какъ участницу въ управленіи царствомъ, такъ что Елисавета англійская почла нужнымъ писать лично къ Иринѣ, чтобы этою любезностью расположить ее къ себѣ въ дѣлѣ объ уменьшеніи пошлинъ съ англійскихъ купцовъ. Дѣйствуя на тщеславіе бояръ, Годуновъ завелъ званые царскіе обѣды, на которые иногда самъ не былъ приглашаемъ, но кто въ такой день обѣдалъ у царя, тотъ завидовалъ гостямъ Годунова. Въ думѣ онъ сидѣлъ не на первомъ, а на четвертомъ мѣстѣ.

Эта сдержанность, умѣренность и наружное смиреніе видны во всѣхъ его пріемахъ, но теперь сознаніе власти просвѣчиваетъ въ нихъ болѣе, чѣмъ въ «*Смерти Іоанна*». Годуновъ при случаѣ умѣетъ быть гордымъ—даже съ Ѳедоромъ.

Когда Шуйскій приноситъ на него жалобу, а Ѳедоръ его спрашиваетъ:

То правда-ль, шуринъ?

онъ отвѣчаетъ: «Правда!» съ такимъ видомъ, изъ котораго ясна его увѣренность, что не Ѳедоръ, а онъ—настоящій господинъ царства.

То же чувство сквозитъ въ его обращеніи къ Иринѣ:

Не дѣльно ты, сестра,
Вмѣшалася во что не разумѣешь!

равно какъ и въ его замѣчаніи на удостовѣреніе Ѳедора Шуйскому, что Димитрій будетъ перевезенъ въ Москву:

А я на то отвѣтилъ государю,
Что въ Угличѣ остаться долженъ онъ.

Но Годуновъ обнаруживаетъ сознаніе своей власти только въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно же онъ скрываетъ его подъ видомъ полной зависимости отъ Ѳедора:

Твоему желанію
Повиноваться долгъ мой, государь.

говоритъ онъ въ сценѣ примиренія такъ скромно, какъ будто оно не имъ самимъ возбуждено, а принято изъ покорности къ Ѳедору. Въ продолженіе своего спора съ Шуйскимъ онъ дер-

житъ себя чрезвычайно достойно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень скромно, и умѣренность его составляетъ контрастъ съ кипучею гордостью Шуйскаго.

Когда онъ объявляетъ Ѳедору о необходимости взять Шуйскаго подъ стражу, въ его невозмутимомъ спокойствіи слышится непреклонность. Онъ знаетъ, чего хочетъ, и не останавливается передъ послѣдствіями. Неожиданный отказъ Ѳедора поражаетъ его удивленіемъ, ибо онъ не привыкъ ошибаться въ людяхъ, и думалъ доселѣ, что знаетъ Ѳедора насквозь. Но здѣсь случилось, чтò случается иногда съ людьми, привыкшими играть другими какъ пѣшками: они въ своихъ смѣтахъ слишкомъ дешево ставятъ нравственное чувство человѣка—и разсчетъ ихъ бываетъ невѣренъ.

Монологъ Годунова въ четвертомъ актѣ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ отрѣшеніи, долженъ быть произнесенъ съ непривычнымъ ему волненіемъ. Зритель долженъ видѣть, что въ немъ, какъ и въ Шуйскомъ, произошелъ переворотъ, рѣшающій направленіе всей его жизни.

Сцена съ Клешнинымъ, гдѣ рѣчь идетъ о Волоховой, очень трудна. Годуновъ не велитъ убить Димитрія. Онъ, напротивъ, три раза сряду говоритъ Клешнину: «*Скажи ей, чтобъ она царевича блюла!*» и несмотря на то, Клешнинъ долженъ понять, что Димитрій осужденъ на-смерть. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ исполнителю предоставляется обширное поле для его художественныхъ соображеній. Троекратное: *чтобы она блюла царевича*—должно каждый разъ быть сказано иначе. Мысль Годунова, противорѣчащая его словамъ, сначала едва сквозитъ; потомъ она какъ будто самого его пугаетъ, и онъ готовъ отъ нея отказаться; въ третій же разъ, послѣ словъ:

Убитъ, но живъ!—

эта мысль является установившеюся, и наставленіе блюсти царевича должно звучать какъ смертный ему приговоръ.

Отказъ Годунова увидѣть Волохову также долженъ быть сказанъ знаменательно: Годуновъ, съ одной стороны, отклю-

няетъ отвѣтственность на случай нескромности Волоховой; съ другой—чувствуетъ невольное содроганіе вступить въ личные переговоры съ своимъ гнуснымъ орудіемъ. Всѣ эти подробности должны быть въ дѣйствіи такъ отчеканены, чтобы онѣ подготовили зрителя къ тому чувству чего-то недобраго, которое, при хорошей игрѣ, исполнитъ его въ слѣдующей сценѣ Клешнина съ Волоховой.

Послѣ разговора съ Клешнинымъ, Годуновъ является въ началѣ пятаго акта, сперва въ сценѣ съ Василіемъ Шуйскимъ, потомъ въ сценѣ съ Ириной. Первая сцена не важна въ отношеніи характеристики Годунова: цѣль ея только подготовить отправку Василія Шуйскаго на углицкое слѣдствіе; но вторая имѣетъ особенную важность. Она, по положенію своему въ экономіи драмы, принадлежитъ къ разряду замедляющихъ. ибо драматическое движеніе быстро спѣшитъ къ концу, а ему бросаютъ на встрѣчу препятствіе, чтобы, опрокинувъ его, оно тѣмъ неудержимѣе ринулось въ катастрофу. По содержанію своему эта сцена синтетическая, ибо она въ своемъ фокусѣ собираетъ весь характеръ Годунова, опредѣляетъ значеніе Ѳеодора и заставляетъ зрителя оглянуться на пройденную имъ дорогу. Сверхъ того, въ ней полнѣе опредѣляется характеръ Ирины. По формѣ эта сцена лирическая, и въ этомъ качествѣ должна быть играна съ нѣкоторымъ паѳосомъ. Ирина проситъ Годунова пощадить Шуйскаго; онъ ей отказываетъ—вотъ и все внѣшнее содержаніе. Но въ немъ, съ обѣихъ сторонъ, много психическихъ движеній, а непреклонность Годунова является теперь въ строгой формѣ государственной необходимости. Какъ ни жестоки его мѣры, зритель долженъ видѣть, что онѣ внушены ему не однимъ честолюбіемъ, но и болѣе благородною цѣлью — благомъ всей земли, и если не проститъ ему приговора Димитрія, то понять, что Димитрій есть дѣйствительно препятствіе къ достиженію этой цѣли. Свой монологъ:

Высокая гора

Былъ царь Иванъ...

Годуновъ произноситъ внятно, не спѣша, какъ бы погруженный въ самого себя. Когда онъ доходитъ до мѣста:

Семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, кладя за камнемъ камень...

голосъ его одушевляется, и въ немъ слышатся гнѣвъ и скорбь, а послѣднія слова:

Имъ мѣста нѣтъ, быть мѣста не должно!

онъ выговариваетъ съ рѣшительностью, не допускающей возраженія. Но Ирина не считаетъ себя побѣжденной. Она истощаетъ всѣ доводы въ пользу Шуйскаго. Годуновъ ихъ всѣ опровергаетъ, и, переходя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, требуетъ отъ Ирины, чтобы она сама помогла ему погубить Шуйскихъ. Ирина отвергаетъ это требованіе, и братъ и сестра расходятся какъ достойные противники, знающіе другъ друга и не теряющіе лишнихъ словъ, а зритель остается въ недоумѣніи, кому изъ двухъ будетъ принадлежать побѣда.

Эта сцена должна усилить ожиданіе развязки, и на нее нельзя не обратить главнаго вниманія.

Въ концѣ пятаго акта Годуновъ, въ числѣ прочихъ бояръ, выходитъ съ Ѳедоромъ изъ собора.

Когда Ѳедоръ, узнавъ объ умерщвленіи Шуйскаго, обращается къ Годунову со словами:

Ты вѣдалъ это?

а Годуновъ отвѣчаетъ:

Видитъ Богъ—не вѣдалъ!

въ его отвѣтѣ есть и правда, и ложь; онъ дѣйствительно не зналъ, что Шуйскій удавленъ, но, приставивъ къ нему его смертельнаго врага, Туренина, онъ имѣлъ поводъ ожидать, что дѣло именно такъ кончится.

При извѣстіи о смерти Димитрія Годуновъ не можетъ казаться равнодушенъ. Его волненіе видно сквозь наружное спокойствіе; но онъ скоро оправляется и съ невозмущеннымъ видомъ предлагаетъ послать на слѣдствіе Василія Шуйскаго.

Слова свои, обращенныя вполголоса къ Иринѣ:

Пути сошлися наши!

онъ произноситъ съ сдержаннымъ торжествомъ, и ставъ подъ начало Мстиславскаго (фактъ историческій), покидаетъ сцену съ эффектомъ, но безъ напыщенности, оставляя зрителю искупающее впечатлѣніе человѣка, которому участь земли дороже всего, и который умѣетъ не только повелѣвать, но и подчиняться другому, когда благо государства того требуетъ.

Темпъ его роли въ концѣ пятаго акта идетъ очень быстро, какъ и всѣхъ прочихъ ролей, ибо дѣйствіе напираетъ на катастрофу, нѣтъ болѣе мѣста для анализа, и событія изображены *подъ титлами, или* en racourci.

Подобно какъ въ «*Смерти Іоанна*», такъ и въ этой драмѣ судьба Годунова ею не оканчивается, но, пронизывая насквозь обѣ трагедіи, теряется въ будущемъ.

Насчетъ его наружности и пріемовъ отсылаю исполнителя къ «Постановкѣ *Смерти Іоанна*».

Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій.

Этотъ врагъ, соперникъ и жертва Годунова, представляетъ разительную съ нимъ противоположность. Отличительныя качества его—прямота, благородство, и великодушіе; отличительные недостатки—гордость, стремительность и односторонность. Къ этому присоединяется нѣкоторая мягкость сердца, не чуждая сильному характеру, но всегда вредная для достиженія политическихъ цѣлей.

Зѣло онъ мягкосердъ.

говоритъ про него благовѣщенскій протопопъ.

Младенецъ сущій!

говоритъ его племянникъ, Василій Шуйскій.

Скоръ больно князь Иванъ!

говоритъ Дмитрій Шуйскій.

Трудно кривить душой!

говоритъ онъ самъ про себя.

Понятно, что такой человѣкъ не могъ выдержать борьбу съ Годуновымъ, который не былъ ни одностороненъ, ни мягкосердъ, ни стремителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ни разборчивъ въ средствахъ, и которому ничего не стоило кривить душой для достиженія своихъ цѣлей. Но на сторонѣ Шуйскаго, какъ главы партіи, были такія преимущества, которыхъ недоставало Годунову. Воинская слава князя Ивана Петровича гремѣла не только по всей Россіи, но въ цѣломъ образованномъ мірѣ, читавшемъ еще недавно, на всѣхъ европейскихъ языкахъ, описанія знаменитой осады Пскова и восторженныя хвалы его защитнику. Его великодушный, доблестный нравъ, съ оттѣнкомъ западнаго рыцарства, былъ вѣдомъ друзьямъ и недругамъ. Вызовъ его Замойскому на единоборство, на который намекаетъ Шаховской въ первой сценѣ трагедіи, есть фактъ историческій. Гейденштейнъ и русская хроника разсказываютъ, что во время псковского обложенія Шуйскій получилъ изъ литовскаго стана письмо отъ одного нѣмца, Моллера, изъявлявшаго желаніе перейти на нашу сторону. При этомъ Моллеръ послалъ Шуйскому тяжелый ящикъ съ просьбой вынуть изъ него казну и блюсти до его прибытія. Изъ предосторожности Шуйскій поручилъ искусному мастеру открыть ящикъ, и въ немъ оказалось 24 заряженные ствола со взведенными курками, которые произвели бы взрывъ, еслибъ ящикъ былъ открытъ неумѣючи.

Приписывая это варварство, быть можетъ ошибочно, Замойскому, Шуйскій послалъ ему письменный укоръ, что онъ поступилъ нечестно, и предложилъ ему, вмѣсто того, помѣряться съ нимъ на сабляхъ лицомъ къ лицу. Одна эта черта освѣщаетъ всего Шуйскаго со стороны его благородства и будущей несостоятельности, какъ руководителя заговора. Воевода, имѣв-

шій подъ своею отвѣтственностью многія тысячи людей и согласившійся играть жизнью въ личномъ дѣлѣ, изъ одного чувства прямоты—есть тотъ самый человѣкъ, который впослѣдствіи, на очной ставкѣ съ Клешнинымъ, предпочтетъ погубить свою голову, чѣмъ отвѣтить неправду на вопросъ царя, сдѣланный ему именемъ его чести. И Өедоръ, съ вѣрнымъ чутьемъ высокой души, узнающей другую высокую душу, не ошибается въ Шуйскомъ, когда не требуетъ отъ него ни клятвы, ни цѣлованія иконы, а говоритъ:

Скажи по чести мнѣ, по чести только,
И слова твоего съ меня довольно!

Вообще причина любви Өедора къ Шуйскому—это испытанная прямота и благородство послѣдняго: они — два родственные характера. Имѣй Өедоръ силу и умъ, онъ былъ бы похожъ на Шуйскаго.

Какъ въ роли Өедора, такъ и въ роли Шуйскаго главныя основанія изложены во вступительной сценѣ. Изъ первыхъ словъ Шуйскаго мы узнаемъ его ненависть къ Годунову и упорную привязанность къ старинѣ; изъ возраженія Василію Шуйскому—его честность съ самимъ собой; изъ отвѣта Головину — его доселѣ непоколебимую вѣрность Өедору; а изъ заключительнаго монолога — его отвращеніе отъ кривыхъ путей. Сверхъ того, въ этой сценѣ разсѣяно, въ разговорахъ разныхъ лицъ, много рефлексовъ, объясняющихъ другія стороны Шуйскаго, такъ что при помощи этихъ данныхъ исполнителю будетъ не трудно воплотить его личность и сдѣлать ее для зрителя несомнительною.

Въ сценѣ примиренія прежде всего бросается въ глаза гордость Шуйскаго. Слова:

Государь,
Мнѣ въ думѣ дѣлать нечего, и т. д.

должны быть сказаны даже съ нѣкоторою суровостью. Она продолжаетъ являться и во всѣхъ возраженіяхъ его Годунову,

и въ первомъ отвѣтѣ царицѣ. Только послѣ монолога Ирины, когда она, кланяясь ему, говоритъ:

Моимъ большимъ поклономъ
Прошу тебя забудь свою вражду!

—ледяной панцырь, которымъ Шуйскій обложилъ свое сердце, растаиваетъ; и въ голосѣ его слышится дрожаніе, когда онъ отвѣчаетъ:

Царица-матушка, ты на меня
Повѣяла какъ будто тихимъ лѣтомъ!

Этотъ переходъ отъ суровости къ умиленію, это преклоненіе мужественнаго характера передъ женскою благостью — лучше всего обрисовываютъ Шуйскаго, и драматическій артистъ сдѣлаетъ хорошо, если обратитъ большое вниманіе на это мѣсто.

Со словами Шуйскаго:

Вотъ моя рука!

которыя онъ выговариваетъ съ откровенною рѣшимостью, все враждебное исчезаетъ изъ его сердца и съ его лица. Онъ искренно помирился съ Годуновымъ, искренно вѣритъ его обѣщаніямъ, и съ полнымъ чистосердечіемъ произноситъ свою клятву. Къ выборнымъ, дерзающимъ сомнѣваться, что правитель сдержитъ свое слово, Иванъ Петровичъ обращается съ гнѣвнымъ упрекомъ, въ то самое время, какъ Годуновъ шепчетъ Клешнину:

Замѣть ихъ имена
И запиши!

Здѣсь особенно виденъ контрастъ между характерами Годунова и Шуйскаго. Оба исполнителя должны на репетиціяхъ усвоить себѣ: первый—благозвучную убѣдительность голоса и невозмутимое спокойствіе пріемовъ; другой—сначала гордую суровость, потомъ стремительную довѣрчивость въ своихъ новыхъ отношеніяхъ къ примиренному врагу.

Въ третьемъ актѣ, при вѣсти о вѣроломствѣ Годунова, Шуйскій сперва не можетъ ей повѣрить, потомъ вскипаетъ негодованіемъ. Когда же братья его хлопотливо предлагаютъ каждый свою мѣру, онъ молчитъ, сдвинувъ брови, погруженный самъ

въ себя, и вдругъ, какъ будто опомнившись и удивляясь, что они такъ долго ищутъ исхода, восклицаетъ:

Вы словно всѣ въ бреду!

и рѣшается идти къ царю, увѣренный, что прямой путь—самый лучшій. Его слова:

И можемъ нынѣ мы,
Хвала Творцу, не погрѣшая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!

должны звучать увѣренностью въ успѣхѣ, а слѣдующія затѣмъ:

Наружу ложь! И сгинетъ Годуновъ!
Лишь солнце тамъ, въ востокѣ засіяетъ—

торжествомъ побѣды, какъ звуки бранной трубы.

Младенецъ!—замѣчаетъ, пожимая плечами, Василій Шуйскій, когда дядя его удалился. И въ самомъ дѣлѣ, князь Иванъ Петровичъ въ этомъ случаѣ такой же младенецъ, какъ и самъ Өедоръ, такой же, какъ и всякій чистый человѣкъ, не вѣрящій, что наглая неправда можетъ взять верхъ надъ очевидной правдой.

Опытъ доказываетъ, что онъ слишкомъ много разсчитывалъ на Өедора. Эта слабая опора подъ нимъ подламывается и когда онъ уходитъ съ негодующими словами:

Прости, великій царь!

зритель долженъ видѣть и слышать, что въ немъ произошелъ одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые измѣняютъ всю жизнь человѣка.

Свои распоряженія насчетъ возстанія онъ дѣлаетъ стремительно и отдаетъ свои приказанія отрывисто, съ лихорадочною рѣшимостью. Ему не легко отказаться отъ долголѣтней вѣрности царю, отъ тѣхъ началъ законности, во имя которыхъ онъ жилъ доселѣ; но онъ думаетъ, что того требуетъ благо земли, а оскорбленная гордость ему поддакиваетъ. Но если бы Өедоръ еще одумался и смѣнилъ Годунова, Шуйскій отказался бы отъ возстанія. Поэтому, когда Өедоръ за нимъ посылаетъ, онъ

повинуется, предполагая, что Өедоръ хочетъ дать ему удовлетвореніе.

Вмѣсто того происходитъ сцена очной ставки, и Шуйскій, изъ чувства чести, выдаетъ себя головой. Здѣсь, быть можетъ, не безполезно сдѣлать возраженіе на ошибочное мнѣніе, что чувство чести въ XVI вѣкѣ было исключительно принадлежностью Запада. Къ прискорбію, мы не можемъ скрыть отъ себя, что въ московскій періодъ нашей исторіи, особенно въ цареніе Ивана Грознаго, чувство это, въ смыслѣ охраненія собственнаго достоинства, значительно пострадало, или уродливо исказилось, и что если мы обязаны московскому періоду нашимъ внѣшнимъ величіемъ, то, купивъ его внутреннимъ своимъ униженіемъ, мы дорого за него заплатили. Но въ смыслѣ долга, признаваемаго человѣкомъ надъ самимъ собой и обрекающаго его, въ случаѣ нарушенія, собственному презрѣнію, чувство чести, слава Богу, у насъ уцѣлѣло.

Древняя юридическая формула: *да будетъ мнѣ стыдно!* была отмѣнена и забыта, но духъ ея не вовсе исчезъ изъ народнаго сознанія. Чему приписать иначе столько случаевъ именно въ цареніе Грознаго, гдѣ его жертвы предпочитали смерть *студному дѣлу?* Чему приписать поступокъ князя Репнина, умершаго, чтобы не плясать передъ царемъ? или поступокъ нашихъ пушкарей подъ Венденомъ, лишившихъ себя жизни, чтобы не быть взятыми въ плѣнъ? Или (если не ограничиваться одними мужскими примѣрами) поступокъ боярынь княгини Старицкой, жены князя Владиміра Андреевича, избравшихъ казнь и мученія, чтобы не принять царскихъ милостей? Солгать же изъ желанія спасти свою жизнь, безъ сомнѣнія, считалось не менѣе постыднымъ, чѣмъ отдаться живымъ непріятелю.

Связь съ Византіей и татарское владычество не дали намъ возвесть идею чести въ систему, какъ то совершилось на Западѣ, но святость слова осталась для насъ столько же обязательною, какъ она была для древнихъ грековъ и римлянъ. Довольно потеряли мы нашего достоинства въ тяжелый москов-

скій періодъ, довольно приняли униженій всякаго рода, чтобы не было нужно отымать у нашихъ лучшихъ людей того времени еще и возможности *религіи честнаго слова*, потому только, что это чувство есть также западное [1]).

Какъ ни извѣстна Шуйскому благость Өедора, но послѣ своего признанья онъ не ожидалъ того оборота, который Өедоръ даетъ его дѣлу. Послѣднее усиліе Шуйскаго выдержать свой характеръ выражается въ словахъ:

Не вздумай, государь.
Меня простить! Я на тебя бы снова
Тогда пошелъ.

Слова эти онъ выговариваетъ гордо и сурово, какъ бы для того, чтобы отнять у Өедора всякую возможность его помиловать. Но съ Өедоромъ сладить не легко, когда онъ взялъ себѣ въ голову спасти утопающаго. Онъ, какъ неустрашимый пловецъ, бросается за нимъ въ воду, хватаетъ его за руку, хватаетъ за волосы, хватаетъ за чтò попало и противъ воли тащитъ на берегъ. Суровость Шуйскаго разбивается въ дребезги объ это безпредѣльное великодушіе. Онъ побѣжденъ имъ теперь, какъ прежде былъ побѣжденъ благостью Ирины, слезы брызнули изъ его глазъ, и со словами:

Нѣтъ, онъ святой!
Богъ не велитъ подняться на него!

онъ упалъ бы на колѣни передъ Өедоромъ, если бы тотъ не вытолкалъ его изъ покоя, говоря:

Ступай, ступай! Раздѣлай чтò ты сдѣлалъ!

[1]) Это равняется отверженію въ русской драмѣ общихъ законовъ искусства, потому что эти законы признаны всею Европой. Странная боязнь быть европейцами! Странное исканіе русской народности въ сходствѣ съ туранцами и русской оригинальности въ клеймахъ татарскаго ига! Славянское племя принадлежитъ къ семьѣ индо-европейской. Татарщина у насъ есть элементъ наносный, случайный, привившійся къ намъ насильственно. Нечего имъ гордиться и имъ щеголять! И нечего *становиться спиной къ Европѣ*, какъ предлагаютъ нѣкоторые псевдо-руссы. Такая позиція доказывала бы только необразованность и отсутствіе историческаго смысла.

Послѣ этой сцены мы видимъ Шуйскаго въ послѣдній разъ, въ кандалахъ, подъ стражею, ведомаго въ тюрьму его заклятымъ врагомъ, Туренинымъ, назначеннымъ ему въ пристава. Онъ принялъ свой приговоръ какъ заслуженное наказаніе, и въ его осанкѣ, въ его голосѣ должны чувствоваться раскаяніе, участіе къ народу, достоинство и преданность судьбѣ. Совѣсть уже не позволяетъ ему идти противъ Ѳедора, но онъ не можетъ пристать къ Годунову; ему остаются только—тюрьма или смерть. Его слова къ народу суть его послѣднія въ трагедіи; исполнитель произнесетъ ихъ какъ можно проще, но съ большимъ чувствомъ, такъ, чтобы они сдѣлали впечатлѣніе на зрителя.

Разобравъ роль Шуйскаго, мы приходимъ къ заключенію, что это человѣкъ гордый и сильный, способный даже къ мѣрамъ суровымъ, сознательно совершающій несправедливости, когда онѣ, по его убѣжденію, предписаны общей пользой, но слабый противъ движеній своего сердца. Такіе люди могутъ пріобрѣсти восторженную любовь своихъ согражданъ, но они не созданы осуществлять перевороты въ исторіи. На это нужны не Шуйскіе, а Годуновы.

Лѣтописи не сохранили намъ наружности Ивана Петровича, но въ трагедіи она должна быть представительна. Мы можемъ вообразить его человѣкомъ высокаго роста, лѣтъ шестидесяти, съ просѣдью. Осанка его благородна, голосъ рѣзокъ, поступь тверда, пріемы съ равными повелительны, съ низшими—благосклонны.

Съ купцомъ, со смердомъ ласковъ,
А съ нами гордъ!

говоритъ про него Клешнинъ, и этотъ оттѣнокъ не долженъ пропасть въ исполненіи.

Ирина.

Какъ ангелъ-хранитель Θедора, какъ понуждающее, сдерживающее и уравновѣшивающее начало во всѣхъ его душевныхъ проявленіяхъ, стоитъ возлѣ него царица Ирина.

Это одна изъ свѣтлыхъ личностей нашей исторіи. Русскіе и иностранцы удивлялись ея уму и восхищались ея красотой. Ее сравнивали съ Анастасіей, первой женой Ивана Грознаго, той, кому Россія обязана краткими годами его славы. Послѣ смерти Θедора она была единодушно признана его преемницей, и хотя тогда же постриглась подъ именемъ Александры, но таково было къ ней уваженіе земли, что боярская дума нашла нужнымъ издавать грамоты не иначе, какъ отъ имени *царицы Александры*, до самаго избранія Годунова.

Рѣдкое сочетаніе ума, твердости и кроткой женственности составляютъ въ трагедіи ея основныя черты. Никакое мелкое чувство ей недоступно. У нея всѣ великія качества Годунова безъ его темныхъ сторонъ. Все ея честолюбіе обращено на Θедора. Ей больно, что онъ такъ слабъ: ей хотѣлось бы пробудить въ немъ волю: она не только не выставляетъ наружу свое вліяніе на него, но тщательно его скрываетъ, стараясь всегда оставаться въ тѣни, а его выказывать въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Она бережно обращается съ его слабостями; знаетъ его желаніе казаться самостоятельнымъ и никогда ему не перечитъ. Любовь ея къ Θедору есть любовь материнская; она исполняетъ его капризы, поддается его поддразниванью, занимаетъ его, нянчится съ нимъ, но не пропускаетъ случая напоминать ему, что онъ царь, что онъ имѣетъ право и обязанности повелѣвать, гдѣ того требуетъ его совѣсть. Нѣтъ сомнѣнія, что Годуновъ преимущественно ей обязанъ своей силой; но она поддерживаетъ брата не изъ родственнаго чувства, а по убѣжденію, что онъ единственный человѣкъ, способный править царствомъ. Тѣмъ не менѣе, ее оскорбляетъ слишкомъ полное подчиненіе ему Θедора. Ей

хотѣлось бы, чтобы онъ не только казался, но дѣйствительно былъ господиномъ въ своемъ домѣ. Она наперекоръ брату напоминаетъ Өедору, что выписать Дмитрія изъ Углича— есть дѣло не государственное, но семейное, въ которомъ онъ долженъ быть судьею. Съ ея высокимъ умомъ, съ ея благородствомъ сердца, она не могла не оцѣнить Ивана Петровича Шуйскаго, и хотя не раздѣляетъ его политическихъ мнѣній, но понимаетъ его оппозицію и находитъ, что братъ ея долженъ бы склонить Шуйскаго на свою сторону, а не стараться его погубить. Она, какъ и Өедоръ, хотѣла бы согласить все разнородное, примирить все враждующее, но когда это невозможно, она, не колеблясь, становится на ту сторону, гдѣ, по ея убѣжденію, правда.

Хотя роль Ирины не ярко проходитъ черезъ трагедію, но она освѣщаетъ ее всю своимъ индивидуальнымъ свѣтомъ, ибо всѣ нити событій сходятся въ Өедорѣ, а Өедоръ неразрывно связанъ съ Ириной.

Въ Иринѣ характеръ не выказывается сразу, какъ въ Өедорѣ и въ Шуйскомъ. Она въ своей первой сценѣ видна только со стороны своей кротости, заботливости о Өедорѣ и готовности попасть въ тонъ его шутливаго настроенія. Это сцена интимная, гдѣ Ирина не царица, а добрая, любящая жена.

Въ слѣдующемъ актѣ качество это отступаетъ на второй планъ и даетъ мѣсто, въ сценѣ примиренія, другому качеству: оффиціальной представительности. Здѣсь Ирина не иначе относится къ Өедору, какъ къ государю. Къ Шуйскому она обращается какъ царица, и даже даетъ ему, хотя косвенно и осторожно, почувствовать разстояніе, ихъ раздѣляющее. Тѣмъ сильнѣе она дѣйствуетъ на Шуйскаго, когда, напомнивъ ему, что онъ слуга и подданный, она кланяется ему въ поясъ и проситъ его забыть свою вражду къ Годунову. Этотъ поклонъ и предшествующій ему монологъ Ирины должны быть проникнуты такимъ чувствомъ и достоинствомъ, чтобы всѣмъ стало понятно, что Шуйскому невозможно противостоять имъ.

Въ концѣ третьяго акта Иринѣ предстоитъ довольно трудная нѣмая игра, съ того мѣста, гдѣ Годуновъ отрекается отъ правленія, до того, гдѣ Θедоръ, давъ ему уйти, бросается къ ней на шею. Всѣ страданія Θедора—его изнеможеніе, борьба съ самимъ собой и наконецъ побѣда надъ собственною слабостью отражаются на лицѣ Ирины участіемъ, боязнью, состраданіемъ и радостью. Нѣжность ея къ Θедору, когда она обнимаетъ его, со словами:

Нѣтъ, Θедоръ, нѣтъ, ты сдѣлалъ такъ, какъ должно,

имѣетъ характеръ сердечнаго порыва и производитъ тѣмъ полнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ сдержаннѣе будетъ передъ этимъ исполнительница.

Въ четвертомъ актѣ, въ сценѣ очной ставки, Ирина съ перваго появленія Шуйскаго догадалась, что въ немъ таится враждебный замыселъ. Она слѣдитъ съ безпокойствомъ за его выраженіемъ, и когда Θедоръ требуетъ отъ него отвѣта, она съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа, чтобы спасти Шуйскаго и вмѣстѣ обязать его въ вѣрности, проситъ Θедора не спрашивать его о прошедшемъ, но только взять съ него слово за будущее. Во всей этой сценѣ, а равно и въ слѣдующей, гдѣ Θедоръ, узнавъ о челобитнѣ Шуйскихъ, посылаетъ ихъ въ тюрьму, Ирина своимъ благоразуміемъ, спокойствіемъ и присутствіемъ духа представляетъ контрастъ съ хлопотливостью и растерянностью Θедора.

Въ пятомъ актѣ Ирина является вмѣстѣ съ княжной Мстиславской. Чувство ревности, которое такъ легко западаетъ въ сердце даже великодушной женщины, не коснулось Ирины.

Въ ласковомъ обращеніи съ своей невольной соперницей она не выказываетъ преувеличенья, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ другая, побѣдившая свою ревность. Съ заботливой добротой и съ женскою солидарностью она поправляетъ разстроенныя поднизи Мстиславской и не думаетъ показать этимъ великодушіе: ея участіе и солидарность разумѣются для нея сами собою. Колѣнопреклоненіе Ирины передъ Θедоромъ, ея просьба

за Шуйскаго—все должно быть просто и естественно, безъ малѣйшей торжественности. Вѣсть о смерти Шуйскаго, а потомъ о смерти Димитрія поражаетъ ее сильно, но не лишаетъ присутствія духа, а, утѣшая Өедора, она не упускаетъ изъ вида участи государства. Ея соболѣзнованіе проникнуто несказанною горестью, а ея отвѣтъ Годунову, торжествующему, что ихъ пути сошлись,—тяжелымъ сознаніемъ, что дѣйствительно оба страшныя событія ихъ сблизили. Ея восклицаніе:

О, еслибъ имъ сойтись не довелось!

которымъ оканчивается ея роль, есть болѣзненный крикъ, вырвавшійся изъ самой глубины ея сердца.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ портретовъ Ирины. Одежда ея всегда богата, а въ торжественныхъ случаяхъ—великолѣпна. Архіепископъ эласонскій, Арсеній, бывшій въ 1588 году въ Москвѣ, вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Іеремією, видѣлъ ее въ длинной мантіи, поверхъ бархатной одежды, осыпанной жемчугомъ. На груди у нея была цѣпь изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, на головѣ корона съ двѣнадцатью жемчужными зубцами. Одежда ея боярынь была бѣлая какъ снѣгъ. Англичанинъ Горсей также говоритъ, что Ирина въ день вѣнчанія Өедора сидѣла на престолѣ у открытаго окна, въ коронѣ, вся въ жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. Въ трагедіи она перемѣняетъ одежду нѣсколько разъ, смотря по обстановкѣ, въ которой находится.

Самое задушевное желаніе Ирины было имѣть дѣтей, и въ своемъ свиданіи съ константинопольскимъ патріархомъ она такъ трогательно просила его молить о томъ Бога, что патріархъ заплакалъ. Но Богъ не услышалъ ихъ молитвъ, и единственный ребенокъ Ирины, дѣвочка, названная Өеодосіею, умерла вскорѣ послѣ рожденія.

Во всей наружности Ирины разлито скромное достоинство. Взглядъ ея уменъ, улыбка добра и привѣтлива; каждое ея движеніе плавно, голосъ ея тихъ и благозвученъ, скорѣе контральто, чѣмъ сопрано. Атмосфера спокойствія ее окружаетъ; при

ней каждый невольно становится на свое мѣсто, и ему отъ этого дѣлается легко: ея присутствіе вызываетъ въ каждомъ его лучшія стороны, при ней дѣлаешься добрѣе; при ней дышется свободнѣе; отъ нея, по выраженію Шуйскаго, вѣетъ тихимъ лѣтомъ.

Князь Василій Шуйскій.

Объ этомъ хитромъ, но не глубокомъ человѣкѣ я говорилъ подробно въ моемъ первомъ «Проектѣ», такъ что немного придется здѣсь прибавить. Онъ представленъ у меня изобрѣтателемъ и зачинщикомъ сложной козни противъ Годунова. Мастеръ въ такого рода дѣлахъ, онъ чрезвычайно остороженъ и не суется въ опасность, не упрочивъ себѣ возможности отступленія. Онъ не прочь и свергнуть Ѳедора, чтобы посадить на царство Димитрія; но находитъ, что это дѣло недостаточно подготовлено, и говоритъ Головину:

Такъ, зря нельзя!

По этой причинѣ, а не изъ вѣрности Ѳедору, онъ и дядю отговариваетъ отъ возстанія. Держать же въ своихъ рукахъ нити замысловатой интриги, имѣющей за собою вѣроятіе успѣха, ему очень пріятно. Ему улыбается мысль, что духовенство и граждане, подписавъ челобитню о разводѣ, попались въ западню и должны, хотя или нехотя, идти вмѣстѣ съ Шуйскими. Онъ высказываетъ большую виртуозность въ уговариваньи Мстиславскаго отказать Шаховскому и сдѣлать изъ сестры своей царицу.

Когда его приводятъ, арестованнаго, къ Годунову, онъ не показываетъ смущенія, но говоритъ очень спокойно, что затѣялъ челобитню ему же въ услугу. При этомъ онъ нисколько не ожидаетъ, что Годуновъ ему повѣритъ, но употребляетъ этотъ изворотъ только для благовидности, чтобы перейти на

сторону Годунова не въ качествѣ переметчика, но давнишняго его приверженца. И Годуновъ, знающій его насквозь, не тратитъ съ нимъ лишнихъ словъ, но принимаетъ его увѣреніе въ преданности и вѣритъ ей теперь, потому что она въ интересахъ Шуйскаго. Нѣкоторые критики замѣтили мнѣ, что Василій Шуйскій, сдѣлавшись такъ легко орудіемъ Годунова, играетъ невыгодную для себя роль—я не могу съ ними не согласиться.

Нельзя дать драматическому артисту лучшаго совѣта, какъ играть Шуйскаго такъ, какъ играетъ его г. Зубровъ въ «*Дмитріи Самозванцѣ*» Чаева и въ моей «*Смерти Іоанна*».

Головинъ.

Этотъ также интриганъ, и въ томъ же самомъ дѣлѣ, но съ особеннымъ, индивидуальнымъ оттѣнкомъ. Онъ заносчивѣе Шуйскаго. Ставя свою цѣль выше, онъ болѣе рискуетъ и, надѣясь на свою находчивость, не подготовляетъ себѣ задней двери на случай неудачи. Въ немъ болѣе дерзости, чѣмъ хитрости.

Лупъ-Клешнинъ.

Этотъ заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Это типъ мошенника преимущественно русскій; по крайней мѣрѣ его рѣдко встрѣчаешь между иностранцами. Можно бы назвать его мошенникомъ сугубымъ, или мошенникомъ съ перехватомъ. Каждую свою плутню онъ совершаетъ не просто, а посредствомъ другой, предварительной плутни. Такъ, напримѣръ, когда льститъ, онъ не просто льститъ, но посредствомъ грубости, заключающей въ себѣ похвалу, и на людей не особенно тонкихъ такая лесть дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе ея оболочка. Образчикомъ тому служитъ его упрекъ Ѳедору, что онъ «пошелъ весь въ батюшку». Насъ рѣдко

оскорбляетъ обвиненіе въ порокахъ, которыхъ мы рѣшительно чужды, тѣмъ менѣе—обвиненіе въ излишней силѣ. А Өедору такой упрекъ—настоящая лафа. Какъ ему не согласиться, что онъ дѣйствительно суровъ и крутъ, когда его обвиняетъ въ томъ его дядька, старый, испытанный слуга, извѣстный своей простотой и откровенностью? Мало-по-малу этотъ пріемъ перешелъ Клешнину въ привычку, и онъ грубитъ даже безкорыстно. Для Годунова такой человѣкъ—находка. Когда ему нужно, чтобы что-нибудь было высказано, чего онъ самъ не хочетъ высказать, по принятому правилу сдержанности и скромности, то̀ высказываетъ Клешнинъ безъ обиняковъ, а Годунову остается только извинять его простоту. Клешнинъ же преданъ Годунову столько же изъ личныхъ выгодъ, сколько отъ скрытаго презрѣнія къ Өедору. Онъ не въ состояніи понять Өедоровой благости, и откровенно предпочитаетъ ему батюшку Ивана Васильича, который ни съ кѣмъ долго толковать не изволилъ. Клешнинъ—человѣкъ очень рѣшительный, ничѣмъ не стѣсняющійся, безъ совѣсти и предразсудковъ, не бѣлоручка и большой циникъ. Онъ изъ числа тѣхъ людей, которые говорятъ: «Мы люди простые, люди русскіе! Рукъ не моемъ, ковшей не полощемъ! То все про большихъ господъ, про бояръ, да про нѣмцевъ, а нашъ братъ по простотѣ: морду зоветъ рыломъ, а пощечину—оплеухой!» И за этой простотой, за этою грубостью таится цѣлый механизмъ ковнодѣйства. Впрочемъ, Клешнинъ мало кого обманываетъ: онъ для этого недовольно изворотливъ; да оно ему и ненужно; съ него довольно, чтобы его боялись, какъ Годуновскаго человѣка, и сторонились отъ него, какъ отъ быка.

Въ его роли два важныя мѣста: вербованіе Василисы Волоховой и очная ставка съ княземъ Иванъ-Петровичемъ. Оба мѣста сами по себѣ понятны и не требуютъ поясненій.

Предложеніе его ѣхать въ Угличъ, на слѣдствіе, исполнитель долженъ сказать обдумавши его хорошенько; оно

знаменательно для всей трагедіи и намекаетъ на историческій фактъ.

Наружность Клешнина грубая, циническая, а взглядъ его волчій. Онъ впослѣдствіи убоялся огня адова, пошелъ въ монахи и посхимился подъ именемъ отца Левкія.

Князь Туренинъ.

Это роль не трудная, заключающаяся только въ непримиримой враждѣ къ князю Ивану Шуйскому, которая должна быть выставлена какъ можно ярче. Такъ какъ между его первымъ и вторымъ появленіемъ есть большой промежутокъ, то наружность его должна быть очень замѣтна, дабы, когда онъ ведетъ Ивана Шуйскаго въ тюрьму, зритель тотчасъ его припомнилъ и узналъ, что именно Туренинъ, а не кто другой, кому теперь поручается участь Шуйскаго. Выраженіе Туренина—мрачное и мстительное.

Василиса Волохова.

Роль очень эффектная и не совсѣмъ легкая, если не брать ее съ одной внѣшней стороны. Изъ разныхъ ея проявленій зритель долженъ еще до сцены съ Клешнинымъ составить себѣ полное понятіе о характерѣ Волоховой, такъ чтобы ея готовность совершить преступленіе его не удивила. Клешнинъ опредѣляетъ ее вѣрно, говоря про нее:

На всѣ пригодна руки:
Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
Усердна къ Богу, съ чортомъ не въ разладѣ.

Единственный двигатель всѣхъ дѣйствій Волоховой — это деньги. Изъ-за нихъ она пускается на всевозможныя ремесла и, какъ Протей, принимаетъ всевозможные виды. У нея, какъ

у Клешнина, нѣтъ ничего святого, но она съ большою готовностью подлаживается подъ всѣ вкусы. Цинизмъ ея не менѣе безстыденъ, чѣмъ цинизмъ Клешнина, но онъ гораздо наивнѣе, ибо она судитъ обо всѣхъ по себѣ и высказываетъ часто самыя рискованныя убѣжденія, полагая, что кто не дуракъ, у того и быть иныхъ не можетъ. Въ молодости она была баба веселая, нестрогая къ добрымъ молодцамъ, когда къ ней обращались не съ пустыми руками; теперь же она принимаетъ большое участіе въ сердечныхъ дѣлахъ другихъ: кого посватаетъ, кому и такъ доставитъ свиданіе. Ея мнѣніе о людяхъ самое низкое: она полагаетъ, что нѣтъ человѣка, который за деньги не сдѣлалъ бы всего на свѣтѣ, не отравилъ бы отца и матери; но это, по ея словамъ, отъ немощи человѣческой и быть иначе не можетъ; стало, тутъ нѣтъ ничего и дурного, а глупъ тотъ, кто ближняго не бережется, а паче всего—собственныхъ дѣтей: на то и разумъ человѣку данъ.

Она большая богомолка, охотница прикладываться къ иконамъ, знаетъ всѣхъ московскихъ игуменій и игумновъ и вхожа въ лучшіе дома. Боярыни отъ нея души не чаютъ; она имъ и солитъ, и варитъ, и лѣтники кроитъ, и ферязи шьетъ, а боярышнямъ про суженыхъ гадаетъ; а боярамъ отъ разныхъ скорбей нашептываетъ; а всѣмъ вмѣстѣ переноситъ сплетни изъ дома въ домъ; однихъ поссоритъ, другихъ помиритъ, и съ обѣихъ сторонъ выпроситъ себѣ подарокъ. Самые сложные обряды она знаетъ наизусть, и нѣтъ свадьбы, и нѣтъ помолвки, и нѣтъ крестинъ, и нѣтъ именинъ, и нѣтъ похоронъ, гдѣ бы она не играла роли. За каждый свой совѣтъ, за каждую услугу она получаетъ — отъ кого ширинку, отъ кого пару соболей, отъ кого деньги, и все это прячется подъ замокъ, отъ котораго ключъ она носитъ на шеѣ, вмѣстѣ съ образками и ладанками. Она любитъ говорить про свою нищету и вдовье сиротство, но она не робкаго свойства; за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, и, при случаѣ, великая мастерица ругаться. Бываетъ, что иной

бояринъ, который нравомъ покруче, велитъ за какую-нибудь продѣлку согнать ее со двора; но она, вышмыгивая изъ воротъ, успѣетъ при всей дворнѣ насулить ему такую кучу разныхъ бѣдъ, что, узнавъ о томъ, бояринъ призадумается. А если вскорѣ захвораетъ въ домѣ ребенокъ или начнется пожаръ, то на представленія жены бояринъ скажетъ: «Ну, ну, добро, пошли этотъ кошель чортовой бабѣ, чтобъ она порчи у насъ не чинила!»

Типъ ея, съ неизбѣжными измѣненіями, сохранился до нашего времени, и потому наружность ея и пріемы не требуютъ описанія. Не думаю, чтобы кто-либо могъ передать Волохову лучше нашей заслуженной, необыкновенно умной и тонкой артистки—г-жи Линской.

Князь Шаховской и княжна Мстиславская.

Эти два лица играютъ хотя краткую, но необходимую роль въ трагедіи, по ихъ органической связи съ ея механизмомъ; безъ Мстиславской не было бы отказа Шаховскому; безъ Шаховского Ѳедоръ не послалъ бы Шуйскихъ въ тюрьму. Но оба лица какъ эпизодическія, особенно Мстиславская, едва очерчены и не даютъ времени исполнителямъ углубиться въ ихъ характеры. Мстиславская—красивая дѣвушка, привязанная къ своему дядѣ и воспитателю, Ивану Шуйскому, котораго она очень боится; жениха же своего, Шаховского, она любитъ и сильно съ нимъ кокетничаетъ.

Шаховской—красивый, удалой молодецъ, благородный, отважный, ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, но не легко связывающій двѣ идеи вмѣстѣ. Отличительная его черта—необдуманность, и критика, порицая его за этотъ недостатокъ, доказала свою проницательность, равно какъ и открытіемъ, что Иванъ Петровичъ Шуйскій неспособенъ быть главою политической партіи.

Митрополитъ Діонисій, архіепископъ Іовъ, архіепископъ Варлаамъ и прочія духовныя лица.

Хотя ни одному изъ нихъ не суждено явиться на сцену иначе, какъ *инкогнито*, но для полноты обзора не мѣшаетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Діонисій былъ человѣкъ достойный, всѣми уважаемый, заслужившій отъ современниковъ, своею ученостью и краснорѣчіемъ, прозваніе *мудраго грамматика*. Главной его заботой было расширеніе церковныхъ правъ. Онъ не поддавался Годунову, которому не разъ приходилось его задабривать, и грамота, врученная ему во второмъ актѣ, есть фактъ историческій. Когда начался процессъ Шуйскихъ, онъ и крутицкій архіепископъ Варлаамъ—оба энергически протестовали противъ ихъ осужденія, и оба были сведены съ престоловъ. Іовъ же, напротивъ, архіепископъ ростовскій, всегда держалъ сторону Годунова, и былъ возведенъ въ санъ патріарха всея Руси. Роль его въ дѣлѣ объ убіеніи царевича Димитрія—очень незавидная. Экономія трагедіи не допускала развитія святительскихъ характеровъ, но въ ней сохранены самостоятельность Діонисія и подобострастіе Іова. На сценѣ они могутъ показаться только въ условномъ видѣ *старцевъ*, равно какъ и благовѣщенскій протопопъ, и чудовскій архимандритъ. Духовника же Ѳедора можно и вовсе исключить.

Богданъ Курюковъ и прочіе купцы.

Роль перваго требуетъ нѣкотораго поясненія; другіе только способствуютъ колориту трагедіи. Курюковъ—человѣкъ минувшаго вѣка, когда еще значеніе удѣльныхъ князей было только побѣждено, а не вовсе уничтожено. Въ его время народъ принималъ еще участіе въ дѣлахъ земли, и сочувствіе его давало перевѣсъ той или другой сторонѣ. На него опирались полити-

ческія партіи съ успѣхомъ, не такъ, какъ попытался опереться Шуйскій, когда уже царь Иванъ истолокъ, какъ въ ступѣ, всѣ историческія отношенія, связывавшія народъ съ удѣльнымъ княжествомъ. Курюковъ еще помнитъ эти отношенія и держится ихъ свято. Другіе купцы привержены къ Шуйскимъ болѣе по тождественности ихъ интересовъ и по личному сочувствію; но для Курюкова Шуйскіе представляютъ знамя, которому онъ служитъ по преданію и за которое умираетъ. Это одна изъ тѣхъ богатырскихъ фигуръ до-Петровскаго времени, про которыя полякъ Пасекъ говоритъ, что когда онѣ стояли въ сомкнутомъ строю, съ бердышами въ рукахъ, то казалось, что идешь «на отцовъ родныхъ». Но въ трагедіи Курюковъ является уже какъ развалина былого, навсегда прошедшаго времени. Онъ сталъ слабъ и болтливъ, и часто заговаривается; только когда дѣло идетъ о Шуйскихъ, онъ находитъ свою прежнюю ясность и прежнюю энергію. Лицо его умно и добродушно, ростъ высокъ, вся фигура живописна.

Иванъ Красильниковъ и Голубь-сынъ—оба дюжіе молодцы, особенно второй. Ихъ ролей не слѣдуетъ давать тщедушнымъ статистамъ—иначе выйдетъ смѣшное противорѣчіе между ихъ наружностью и приписываемой имъ силой. Одно изъ назначеній обоихъ—это показать неизгладившіяся еще или возобновившіяся послѣ Іоанна отношенія взаимнаго довѣрія между народомъ и боярствомъ.

Князь Андрей, Дмитрій и Иванъ Шуйскіе; князь Мстиславскій и князь Хворостининъ.

Всѣ три Шуйскіе были обвинены въ измѣнѣ и сосланы въ заточеніе, гдѣ одновременно съ Иваномъ Петровичемъ удавлены, также Иванъ Ивановичъ и Андрей Ивановичъ. Послѣдній, настаивающій въ третьемъ актѣ на убіеніи Годунова, былъ признанъ главнымъ преступникомъ.

Желательно, чтобы у всѣхъ троихъ въ осанкѣ и пріемахъ была видна родственная черта гордой независимости, которою они, вмѣстѣ съ Иваномъ Петровичемъ, отличаются въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе бояре, ихъ сторонники.

О Хворостининѣ и Мстиславскомъ не могу сказать ничего, кромѣ того, что первый былъ извѣстенъ умомъ и воинскою доблестью, а второй, подобно своему отцу, постриженному Годуновымъ,—одною доблестью. У Мстиславскаго есть сцена, требующая большой живости въ исполненіи, именно сцена, гдѣ онъ даетъ отказъ Шаховскому.

Ѳедюкъ Старковъ.

Этотъ шпіонъ, слуга князя Ивана Петровича и его предатель, почти вовсе не говоритъ, но является въ трехъ важныхъ мѣстахъ трагедіи. Чтобы придать ему нѣкоторую оригинальность, я предлагаю представлять его сѣдымъ человѣкомъ, самаго почтеннаго вида, котораго одна наружность вселяетъ довѣріе. Онъ какъ будто ничего не видитъ и не знаетъ, кромѣ своей должности дворецкаго, но когда на него не смотрятъ, глаза его бѣгаютъ какъ мыши, а уши такъ и навастриваются. Если за эту роль возьмется умѣющій, она дастъ ему случай къ интересной нѣмой игрѣ.

Гусляръ.

Онъ долженъ быть молодъ, а не старъ, чтобы его наружность составляла контрастъ съ Курюковымъ. Пѣсня его о Шуйскомъ передѣлана изъ настоящей народной пѣсни, и бо̀льшая часть стиховъ сохранена. Очень важно подобрать подъ нихъ приличный напѣвъ, чтобы несвѣдующій въ археологіи исполнитель не вздумалъ угостить публику какимъ-

нибудь романсомъ. Худшей услуги онъ бы не могъ оказать народной сценѣ на Яузскомъ мосту.

Въ собраніи Стаховича онъ найдетъ характерные и подходящіе мотивы. Одежда гусляра бѣдна, но опрятна.

Нищіе.

Эти должны быть въ лохмотьяхъ, и чѣмъ они будутъ оборваннѣе, тѣмъ живописнѣе выйдетъ послѣдняя картина. Когда Годуновъ со Мстиславскимъ уходятъ со сцены, а бояре и народъ спѣшатъ за ними, нищіе затягиваютъ псаломъ, но такъ тихо, что онъ только слышится сквозь послѣдній монологъ Өедора, но его не заглушаетъ. Нѣкоторыя особенности одежды, а главное оригинальный народный напѣвъ—можно найти въ «*каликахъ перехожихъ*» г. Безсонова.

Декораціи.

Бо̀льшая часть декорацій «*Смерти Іоанна Грознаго*» годится и для «*Царя Өедора*»; но если онъ будетъ данъ, то надобно сдѣлать три новыя:

Первую, въ началѣ третьяго акта:

Садъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

На первомъ планѣ кусты смородины и большіе подсолнечники; въ сторонѣ заборъ съ калиткой; въ глубинѣ прудъ, съ отраженіемъ въ немъ звѣзднаго неба, и крыльцо княжескаго дома, по которому сходятъ дѣйствующія лица. Сначала ночь, потомъ занимающаяся заря.

Вторую, въ концѣ четвертаго акта:

Мостъ черезъ Яузу.

Онъ долженъ идти отъ зрителей въ глубину сцены, немного наискось, чтобы все на немъ происходящее было видно. За рѣкой уголъ укрѣпленія съ воротами, черезъ которыя выводятъ Шуйскихъ на мостъ. Вдали—рощи и монастыри.

Третью, въ концѣ пятаго акта:

Площадь передъ Архангельскимъ соборомъ.

Церковныя врата должны находиться на первомъ планѣ, справа или слѣва, ибо вся сцена происходитъ у самаго собора.

Общія замѣчанія.

При неустановившейся еще у насъ театральной критикѣ, при отсутствіи общепризнанной теоріи драматической игры, артисты наши бываютъ постоянно сбиваемы самыми разнородными взглядами не только на ихъ исполненіе, но и на основныя правила искусства.

Да будетъ же мнѣ позволено, не вдаваясь въ подробную теорію, которой здѣсь не мѣсто, заявить только о коренномъ законѣ, долженствующемъ руководить исполнителей всякой серьезной драмы. Законъ этотъ для нихъ тотъ же самый, какъ и для драматическаго поэта: онъ предписываетъ взаимное проникновеніе идеализма и реализма, или, простыми словами, соединеніе правды съ красотою.

Полная и голая правда есть предметъ науки, а не искусства. Искусство не должно *противорѣчить* правдѣ, но оно не принимаетъ ее въ себя *всю, какъ она есть.* Оно беретъ отъ каждаго явленія только его типическія черты и отбрасываетъ все несущественное. Этимъ живопись отличается отъ фото-

графія, поэзія отъ исторіи и, въ частности, драма отъ драматической хроники. Иллюзія, проводимая искусствомъ, не должна быть иллюзіей полнаго обмана. Удовольствіе, ощущаемое нами при видѣ художественнаго портрета, есть иное чувство, чѣмъ созерцаніе оригинала въ зеркалѣ. Напротивъ, оригиналъ часто бываетъ намъ непріятенъ, а воспроизведеніе насъ привлекаетъ. Причина тому, что живопись (когда она достойна этого имени) отбрасываетъ все, чтò въ оригиналѣ случайно, незнаменательно *индифферентно*, и сохраняетъ только его сущность. Она возводитъ единичное явленіе природы въ типъ или идею, другими словами, она его *идеализируетъ* и тѣмъ придаетъ ему красоту и значеніе. То же дѣлаетъ драматургъ съ историческимъ событіемъ; то же должны дѣлать съ нимъ и драматическіе исполнители, которыхъ обязанность—облекать въ плоть и кровь идею драматурга. Какъ его фигуры въ драмѣ не суть повторенія живыхъ личностей, но идеи этихъ личностей, очищенныя отъ всего, чтò не принадлежитъ къ ихъ сущности, такъ и драматическій артистъ долженъ въ исполненіи воздерживаться отъ всего, что не составляетъ сущность его роли, но тщательно отыскивать и воспроизводить всѣ эти типическія черты. Его игра должна быть согласна съ природой, но не быть ея повтореніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Юлію Кесарю случалось иногда кашлять и чихать, какъ и всѣмъ другимъ смертнымъ, и художникъ, который въ его роли вздумалъ бы кашлять и чихать, не отступилъ бы отъ природы, но онъ своимъ реализмомъ умалилъ бы идею Юлія Кесаря, ибо его сущность состояла не въ чиханьи, которое онъ раздѣлялъ и съ другими римлянами, но въ чертахъ, ему одному принадлежащихъ. Исполнитель серьезной роли не долженъ забывать, что при ограниченности драматической рамы каждое его движеніе, каждая его интонація имѣютъ значеніе; онъ не долженъ позволять себѣ ничего лишняго и не долженъ упускать ничего существеннаго: однимъ словомъ, онъ долженъ проникнуться *идеей*, имъ представляемой, и постоянно держаться на ея высотѣ,

имѣя въ виду *идеальную*, а не реальную правду. Я настаиваю на этомъ законѣ такъ положительно потому, что онъ найденъ не мной, а Аристотелемъ. Къ нему же пристали всѣ великіе критики нашего времени, въ томъ числѣ Лессингъ и Гёте, и въ этомъ смыслѣ онъ можетъ по справедливости назваться закономъ европейскимъ. Хотя многіе у насъ находятъ, что мы не обязаны подчиняться этимъ законамъ, «потому что мы не европейцы»,—подождемъ, чтобы Азія или Новая Голландія выслали намъ болѣе вѣрную эстетику, или же чтобы явились особенные русскіе законы искусства, которые еще не открыты, но скоро должны открыться: а до того за неимѣніемъ лучшаго будемъ держаться, какъ въ техникѣ драмы, такъ и въ ея исполненіи, законовъ европейскихъ, подъ опасеніемъ попасть въ безаконность.

Если бы кто нашелъ, что все сказанное мною разумѣется само собою, и что я, по французскому выраженію, взламываю незамкнутую дверь,—я тому отвѣчу, что совершенно съ нимъ согласенъ, но въ оправданіе себѣ укажу на распространившуюся доктрину о какихъ-то *русскихъ началахъ*, на которыхъ должны у насъ развиваться наука и искусство.

Есть русскіе нравы, русская физіогномія, русская исторія, русская археологія, есть даже русское искусство—но нѣтъ *русскихъ началъ искусства*, какъ нѣтъ русской таблицы умноженія. Нѣтъ, въ строгомъ смыслѣ, и *европейскихъ началъ*, а есть начала абсолютныя, общія, вѣчныя. Можно сомнѣваться въ вѣрности ихъ опредѣленія, но не ихъ существованія; можно спорить о ихъ сущности, но не о ихъ примѣнимости. И если бы даже которое-нибудь изъ этихъ началъ не было достаточно уяснено, то съ минуты своего уясненія оно станетъ обязательно для всѣхъ націй безъ исключенія. Которое же изъ нихъ признано годнымъ для одного народа, то годно для всѣхъ народовъ, ибо передъ законодательствомъ искусства нѣтъ привилегированныхъ классовъ.

Съ этими абсолютными началами не слѣдуетъ смѣшивать ни ту національную физіогномію, которую *невольно* выказы-

ваетъ каждый драматургъ и каждый исполнитель и которая, въ иныхъ случаяхъ, бываетъ недостаткомъ; ни тѣ національныя особенности, которыя принадлежатъ *по праву* всѣмъ драматическимъ лицамъ, смотря по ихъ народности, и съ которыми соображаться есть долгъ и обязанность. Мы требуемъ какъ отъ драматурга, такъ и отъ исполнителя, чтобы каждое лицо дѣйствовало въ нравахъ своей націи (русская ли она, или другая—все равно), и несоблюденіе этого правила заслуживаетъ порицанія; но иное—грѣшить противъ національности, иное—противъ законовъ искусства, и каждый изъ этихъ проступковъ подлежитъ особой подсудности. Спутывать *національные нравы* съ небывалыми *національными началами искусства*—значитъ вносить неясность въ понятія не только артистовъ и публики, но и самихъ писателей. Такъ называемая живая струя, «которая бьетъ изъ самобытнаго родника русскаго творчества», если она рождаетъ дѣйствительно художественныя произведенія, бьетъ, безъ сомнѣнія, изъ родника общаго всему художеству, какъ бы ни были національны ея краски. Если же она бьетъ изъ другого источника, то, при всей національности красокъ, никогда ничего не произведетъ истинно-художественнаго. Туманныя выраженія въ родѣ: «своеобычная форма историческаго развитія русскаго народа», или «родовыя черты бытового начала», или «условія родовыхъ отличій русской жизни» и такъ далѣе, которыя выдаются намъ за предтечей новыхъ, оригинальныхъ законовъ творчества, переводятся очень просто словами: *русскіе нравы, русская физіогномія.* Само собою разумѣется, что держаться этихъ условій на русской сценѣ есть долгъ какъ драматурга, такъ и исполнителя, но нѣтъ причины давать этому простому правилу какой-то глубокій таинственный смыслъ. Писатель, который заставилъ бы Дмитрія Донского пѣть серенаду подъ балкономъ своей возлюбленной, или актеръ, который въ роли Пожарскаго сталъ бы расшаркиваться, держа шапку подъ мышкой, оба провинились бы не передъ русскими началами искусства, а передъ русскими нравами и русской физіогноміей. И странно было бы говорить про нихъ,

что они нарушили «своеобычныя условія родовыхъ отличій», или приписывать ихъ нелѣпость тому, что еще не открыта какая-то «струя» или «своеобычная форма русской исторической драмы». Такого рода фразы затемняютъ самыя простыя понятія и уподобляются ученому, глубокомысленному отыскиванію рукавицъ, торчащихъ за поясомъ.

Итакъ, пусть не смущаются ими наши исполнители, но оставаясь русскими съ головы до ногъ, тѣмъ не менѣе свято соблюдаютъ общіе законы искусства, обязательные для всѣхъ націй, и не упускаютъ изъ вида главнаго изъ нихъ: *закона идеальной правды*, который есть краеугольный камень всякаго художества.

Въ заключеніе скажу, что какому бы искусству мы себя ни посвятили—оно никогда не дается намъ даромъ, и что если нѣтъ художника безъ вдохновенія, то одно вдохновеніе не составляетъ художника. Какія бы ни были природныя дарованія живописца, зодчаго, ваятеля, музыканта или поэта, если они не подвергнутъ себя *самой строгой дисциплинѣ*, они не возвысятся надъ посредственностью. Успѣхъ же, пріобрѣтаемый ими иногда на счетъ честнаго исполненія дѣла, есть стыдъ, а не торжество.

Первая степень дисциплины драматическаго артиста—это буквальное изученіе своей роли; вторая—присвоеніе себѣ передаваемаго характера въ малѣйшихъ подробностяхъ, съ отбрасываніемъ всего, что не составляетъ его сущность; третья—согласованіе своей роли съ прочими ролями пьесы, и держанія себя на подобающемъ градусѣ яркости, ни выше, ни ниже.

Это согласованіе ролей, которое называется у насъ непріятнымъ именемъ *ансамбль* и которое можно бы замѣнить словомъ *дружность*, есть преимущественно дѣло режиссера. Оно такъ важно, что безъ него никакое художественное исполненіе немыслимо. Живописецъ, ваятель, зодчій или поэтъ зависятъ каждый отъ себя самого; но драматическій артистъ, равно какъ и музыкантъ, участвующій въ симфоніи,

зависитъ каждый отъ своихъ товарищей, какъ и эти отъ него зависятъ. Малѣйшее между ними несогласіе производитъ диссонансъ, разладицу, фальшь, и отвѣтственность за это лежитъ на режиссерѣ, который есть капельмейстеръ труппы.

Мы удивляемся иногда, что между драматическими художниками, которыхъ общее согласіе единственно упрочиваетъ успѣхъ ихъ общаго дѣла, такъ трудно найти это согласіе, но причина тому въ самомъ существѣ ихъ искусства. Исполнитель живетъ только въ настоящемъ времени; въ немъ одномъ лежатъ его успѣхъ и торжество. Другіе художники, если они не признаны современниками, могутъ надѣяться на одобреніе потомства; исполнитель ожидаетъ его только отъ современниковъ. Отсюда его жажда рукоплесканій; отсюда его уступки вкусу публики, хотя бы этотъ вкусъ противорѣчилъ его артистическимъ убѣжденіямъ; отсюда его желаніе быть замѣченнымъ во что бы то ни стало, хотя бы въ ущербъ пьесѣ. Но дѣйствующій такъ ошибается. Правда окончательно беретъ верхъ надъ неправдой, и хоть у исполнителя короче срокъ, чѣмъ у другого художника, чтобы заставить публику его оцѣнить, но жизни его на это достаточно. Вспомнимъ покойнаго Щепкина, который, никогда не спускаясь до уровня толпы, тѣмъ самымъ заставлялъ толпу подыматься до его высоты. Художникъ, жертвующій своею совѣстью минутному торжеству, перестаетъ быть художникомъ, ибо онъ забываетъ, что уже одно служеніе искусству заключаетъ въ себѣ свою награду. Пусть лучше онъ останется непризнаннымъ, пусть лучше вся пьеса упадетъ и провалится, чѣмъ допустится посягательство на достоинство искусства! Въ этой области болѣе, чѣмъ во всякой другой, должно царить правило: «Вершися правда, хоть свѣтъ пропадай!» Fiat justitia, pereat mundus!

Красный-Рогъ, Черенигов. губ.
Сентябрь, 1868.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 20 12 02 017 1